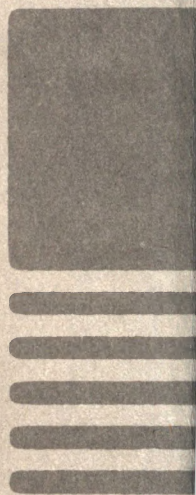
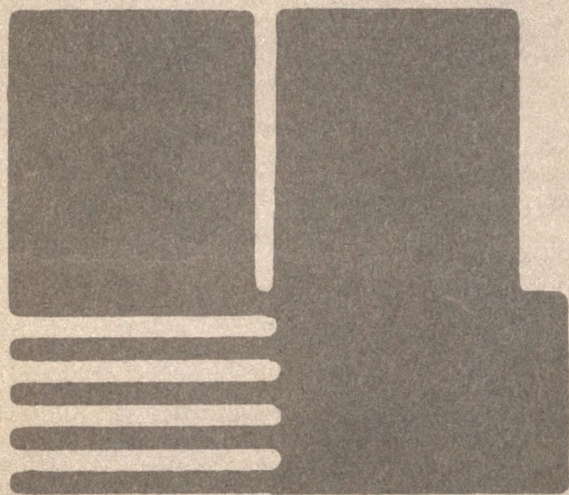
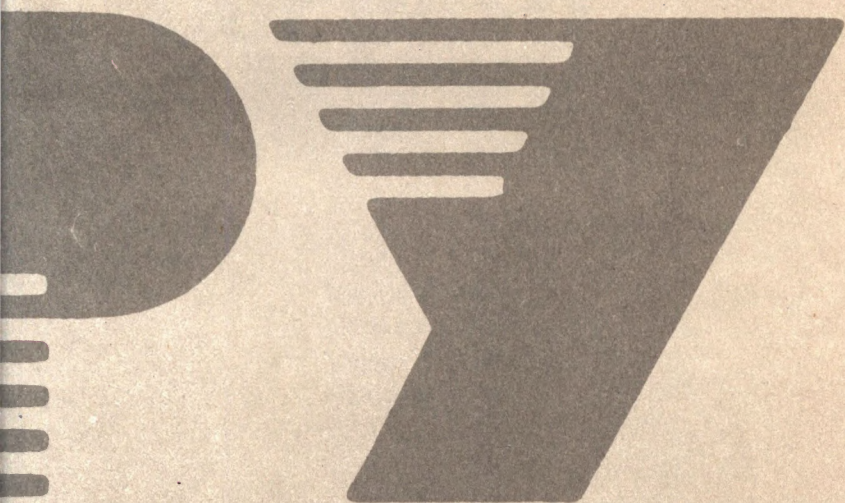
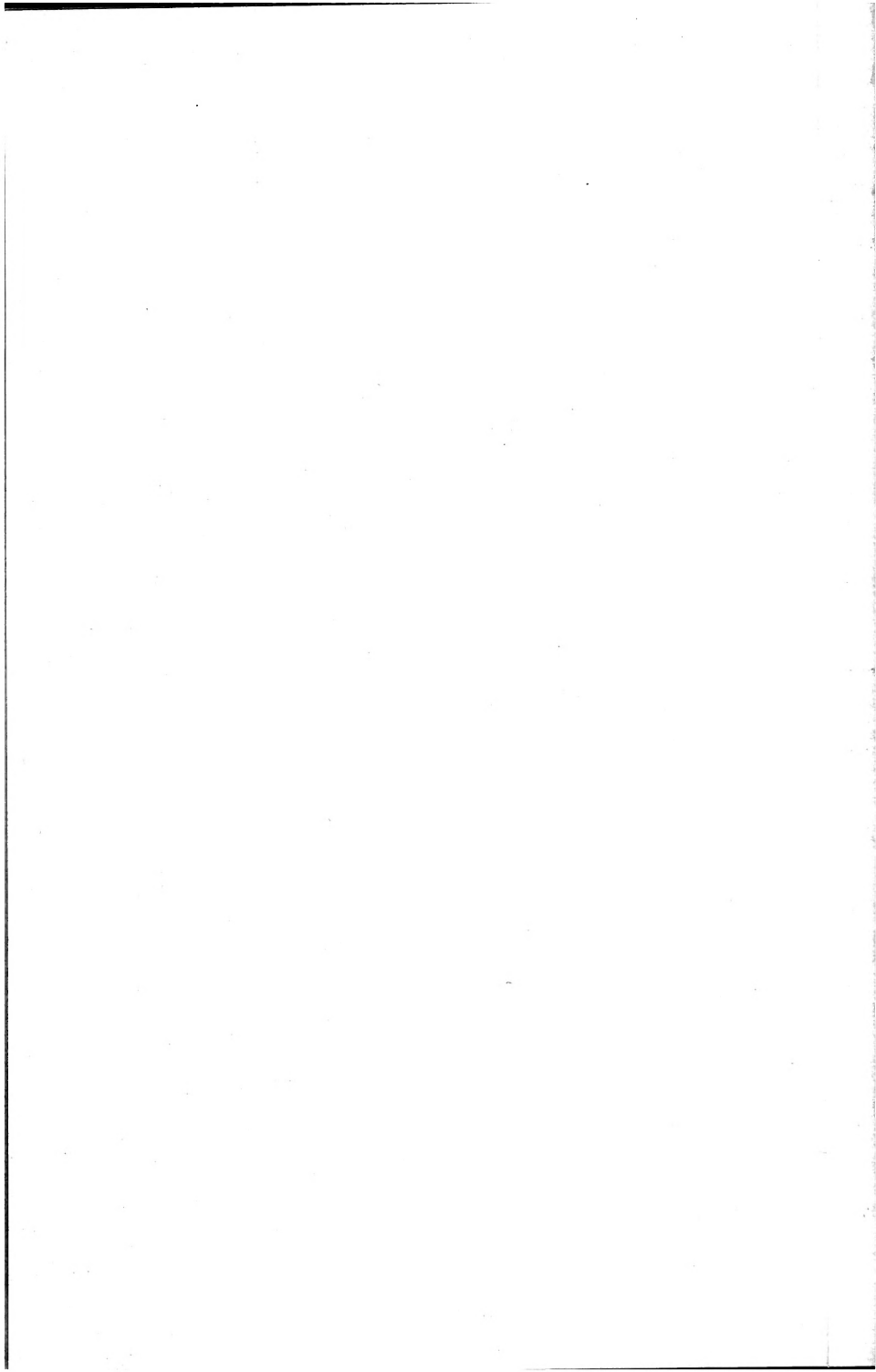

ф. Сергеев

**ЕСЛИ
СОРВАТЬ
МАСКУ...**

Ф. Сергеев

ЕСЛИ СОРВАТЬ МАСКУ...

Центральное
разведывательное
управление США
как оно есть

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

Сергеев Федор Михайлович.

С32 Если сорвать маску... Центральное разведывательное управление США как оно есть.— М.: Политиздат, 1983.— 320 с.

В книге журналиста-международника Ф. Сергеева разоблачается преступная деятельность ЦРУ США как одного из важных орудий экспансионистской политики американского империализма, его борьбы на международной арене против СССР, других социалистических государств и национально-освободительного движения. Автор показывает, как при прямом участии ЦРУ осуществлялись заговоры, провокации, террористические акции против Кубы, Чили, Гватемалы и ряда других стран.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

С $\frac{0804000000-139}{079(02)-83}$ КБ-7-42-83

66.4(7СПА)
32И

Заведующий редакцией А. В. Никольский

Редактор И. П. Башкирова

Мл. редактор Л. В. Сидашенко

Художник Б. Г. Попов

Художественный редактор Е. А. Андрусенко

Технический редактор Ю. А. Мухин

ИЕ № 4393

Подписано в печать с матриц 10.11.83. А00511. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8. Условн. кр.-отт. 17,22. Учетно-изд. л. 19,57. Тираж 200 000 (100 001—200 000) экз. Заказ 3939. Цена 1 р. 50 к. Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

В современной системе глобальной политической, экономической и идеологической экспансии американского империализма существенная роль отводится Центральному разведывательному управлению США. Деятельность ЦРУ, разумеется, скрыта за «семью печатями». Но нет ничего тайного, что рано или поздно не становится бы явным. Убедительным подтверждением тому могут служить приводимые в предлагаемой читателю книге документы, свидетельства, факты.

После окончания второй мировой войны в различных районах земного шара то и дело возникают очаги международной напряженности, вызванные вмешательством Соединенных Штатов Америки во внутренние дела других государств. Нередко они перерастают в вооруженные конфликты и локальные войны, тяжело отражающиеся на судьбах многих народов мира.

Данная работа ни в коей мере не претендует на всеохватывающую оценку содержания послевоенных экспансионистских происков американского империализма, осуществляемых с помощью Центрального разведывательного управления. Вместе с тем автор стремится, опираясь на научно документированные факты, дать читателю представление о наиболее типичных методах и направлениях использования органов разведки империалистическим государством, военно-промышленным комплексом и многонациональными корпорациями США в своих узкокорыстных классовых целях.

Созданное в 1947 г., в период, когда наиболее агрессивные круги империализма развязали «холодную войну» против Советского Союза и других социалистических государств, Центральное разведывательное управление стало неотъемлемой частью всей структуры государственного механизма США. Его деятельность с самого начала была нацелена пра-

вающей верхушкой страны на поддержку взятого ею курса, направленного против социализма, национально-освободительного движения, а также на борьбу за новый передел в свою пользу сфер экономического и политического влияния в других странах, на установление мирового господства. Вместе с тем сколько-нибудь обстоятельный анализ значения и места ЦРУ в системе американского империализма и в структуре государственного аппарата США невозможен без учета эволюции экспансионистской политики правящих кругов страны в условиях неуклонно углубляющегося в послевоенный период общего кризиса капитализма.

В книге на конкретных примерах прослеживается проводимая Соединенными Штатами при активном участии ЦРУ империалистическая политика экспансии и господства. Вот перечень лишь некоторых из этих деяний.

Военный заговор в Иране в 1953 г., организованный США, привел к устранению демократического правительства Мосаддыка, взявшего курс на освобождение страны от гнета иностранных монополий. В 1954 г. спланированный в Вашингтоне реакционный переворот потопил в крови антиимпериалистическое национально-освободительное движение в Гватемале. В 1961 г. Соединенные Штаты предприняли вооруженное вторжение на Кубу, намереваясь уничтожить первую в Западном полушарии социалистическую республику. В 1965 г. они развязали позорную многолетнюю войну против свободолюбивого вьетнамского народа. Тогда же была осуществлена вооруженная интервенция в Доминиканскую Республику с целью спасти марионеточный режим. В 1973 г. США сыграли зловещую роль в чилийских событиях: путем подготовленного с участием ЦРУ военного мятежа было насильственно свергнуто правительство Народного единства и установлена фашистская диктатура. В Анголе в 1975 г. контрреволюционные силы при поддержке ЦРУ спровоцировали гражданскую войну, чтобы свергнуть негодный США революционно-демократический строй. На рубеже 70—80-х годов Соединенные Штаты были изобличены в причастности к организации политических и экономических диверсий против Польской Народной Республики, имеющих целью вырвать ее из социалистического содружества. Уже несколько лет идет необъявленная война против революционных завоеваний никарагуанского народа. Нарастает вмешательство США во внутренние дела Сальвадора. Порождением агрессивной кэмп-дэвидской стратегии Вашингтона на Ближнем Востоке стало израильское вторжение 1982 г. в Ливан и т. д. Все это — звенья единой цепи в общей стратегии правящих

кругов США, направленной на осуществление гегемонистских планов американского империализма в мире, на противодействие росту сил социализма и развитию национально-освободительного движения, подавление всеми средствами борьбы народов за свое освобождение и социальный прогресс.

В результате второй мировой войны Соединенные Штаты Америки значительно расширили свои политические, экономические и военные возможности в рамках империалистической системы.

Усилились и внешнеполитические амбиции монополистического капитала США, его стремление к мировому господству. «Одержанная победа,— утверждал в 1945 г. президент Г. Трумэн, имея в виду итоги войны,— возложила на американский народ постоянную ответственность за руководство миром»¹. Бывший начальник генштаба армии США генерал Джордж Маршалл писал тогда же в докладе военному министру, что Соединенные Штаты располагают всей необходимой «мощью для обеспечения руководящей роли в будущем развитии человечества».

На пути имперских планов реакционных кругов США стал Советский Союз. Победа над фашистскими агрессорами, в достижении которой решающая роль принадлежала советскому народу, упрочила положение Советского государства, укрепила его международный авторитет и влияние на мировой арене. Возникли благоприятные условия для дальнейшего наступления революционных сил на позиции империализма. В Европе и Азии от капиталистической системы отпали несколько государств, где утвердился народно-демократический строй. Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мощную мировую систему.

Послевоенный период ознаменовался также и стремительным подъемом национально-освободительной борьбы, охватившей страны Азии, Африки и Латинской Америки и положившей начало распаду колониальной системы империализма. На месте прежних колоний и полукolonий образовались молодые суверенные государства.

Соединенные Штаты пытались и пытаются любой ценой остановить и повернуть вспять неблагоприятный для них закономерный исторический процесс, изменить в свою пользу сложившееся соотношение сил между социализмом и империализмом на мировой арене, а также укрепить пошатнувшееся американское лидерство в капиталистическом мире. Еще в апреле 1950 г. президент США Г. Трумэн одобрил разработанную Советом национальной безопасности секретную директиву № 68, в которой Советский Союз недвусмысленно

объявлен врагом номер один. Из этой посылки делается вывод о необходимости «обеспечить коренное изменение природы советской системы», посеять внутри этой системы «семена ее разрушения», «поощрять и поддерживать беспорядки и мятежи в избранных, стратегически важно расположенных странах — соседях Советского Союза»². Ради этого ведется борьба против СССР и других стран социализма во всех сферах: военной, экономической, дипломатической и идеологической. А в 1982 г. президент США Р. Рейган объявил «крестовый поход» против коммунизма.

Осуществление стратегии, направленной в конечном счете на ликвидацию социалистического строя и восстановление господства американских монополий там, где национальным демократическим силам удалось его подорвать, требовало существенных изменений в формах и методах достижения поставленных целей. На первый план выдвигаются методы «политики с позиции силы»: грубое давление, диктат, устрашение применением ядерного оружия, предоставление долларowych подачек покорным и отказ всем тем, кто сопротивляется гегемонистским намерениям монополий США.

В обоснование подобной политики американские правящие круги используют злонамеренный миф о «советской угрозе». Между тем факты неопровержимо свидетельствовали и свидетельствуют, что в действительности реальная, а не вымышленная военная угроза исходит от Соединенных Штатов Америки. Достаточно напомнить, что с конца 1945 г. разработка планов развязывания войны против Советского Союза с применением атомного оружия стала основой американской «доктрины сдерживания» социализма, которая, по сути дела, имела своей целью экспорт контрреволюции во всем мире.

На службу агрессивным планам завоевания мирового господства поставлен также целый арсенал более замаскированных, но не менее опасных средств. Среди них особое место занимает разведка. Как писал вскоре после второй мировой войны один из американских идеологов агрессии Дж. Петти, Соединенным Штатам нужна исключительно широкая разведывательная служба «для осуществления руководства миром на всех континентах и во всех общественных системах, всеми расами и религиями, в любых социальных, экономических и политических условиях»³. Такой службой и стало ЦРУ — орудие вмешательства американского империализма во внутренние дела суверенных стран, свержения законных правительств, устранения с политической арены и убийств неугодных США иностранных лидеров.

Своим острием деятельность ЦРУ направлена прежде всего против Советского Союза и стран социализма. Оно систематически собирает шпионскую информацию о военно-экономическом потенциале Советского Союза и государств Варшавского Договора, осуществляет провокационные действия, направленные на дестабилизацию положения в социалистических государствах, на подрыв их политической и экономической структуры, организацию идеологических диверсий.

По мере развития антиимпериалистического, национально-освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки усилилась подрывная деятельность ЦРУ против народов молодых освободившихся стран. Методы, применяемые им в этих странах, во многом схожи. Это — террор, убийства, разжигание межнациональной и религиозной розни, организация заговоров, переворотов, вторжений наемников, а также налаживание связей в дипломатических, военных и журналистских кругах; тайная поддержка действующих там проимпериалистических групп и организаций, подкуп средств массовой информации; шантаж, фабрикация и распространение материалов, порочащих прогрессивных деятелей и политических противников США, и дезориентация с этой целью общественного мнения; создание агентурной базы среди специалистов, работающих в рамках «программы сотрудничества», вербовка иностранных студентов в США с целью проникновения в будущем в местные правительственные учреждения.

Присущими ему методами тайной войны ЦРУ прокладывает дорогу американскому монополистическому капиталу, обеспечивает ему возможность грабить природные ресурсы развивающихся стран, получать баснословные барыши за счет эксплуатации их народов. Именно ради этого оно сколачивает, обучает и оснащает банды наемников, организует вооруженные вторжения, свержает неугодные правительства, убивает политических и государственных деятелей. Приверженность ЦРУ США к террористическим формам борьбы на международной арене стала в полном смысле этого слова его генетическим кодом. ЦРУ не жалеет усилий, добываясь подрыва равноправных отношений между освободившимися странами и социалистическими государствами, их разобщения.

«Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей, — указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — вот что особенно обнаженно проявляется в поли-

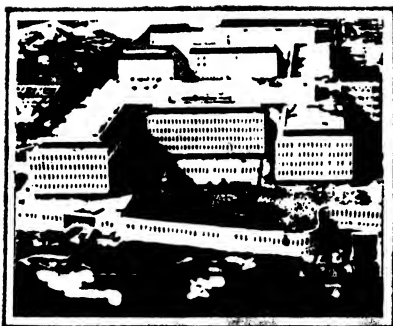
тике наиболее агрессивных кругов империализма. Демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов, они пытаются изобразить освободительную борьбу народных масс как проявление «терроризма». Они поистине задались целью достичь недостижимого — поставить барьер на пути прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов»⁴.

Отдавая себе ясный отчет в незаконности вмешательства ЦРУ в дела других народов, руководители исполнительной власти США, санкционирующие и направляющие эти действия, всячески стремятся обезопасить себя на случай провала тайных авантур. Существует целая система мер, призванных дезориентировать общественное мнение и позволяющих американской администрации отмежеваться от тайных операций разведки. В книге рассматриваются предпосылки создания ЦРУ, дается характеристика его функций, структуры и принципов взаимодействия с другими членами «разведывательного сообщества» — этого сложного комплекса органов американской разведки. Определяется роль ЦРУ в осуществлении экспансионистской политики американского империализма. Основное внимание уделяется разоблачению некоторых операций ЦРУ, связанных с вмешательством в дела других стран, особенно развивающихся. Качественно новую функцию современного разведывательного аппарата США представляют методы, к которым прибегает ЦРУ, помогая реализации экономической стратегии монополий. Проблема прямого кооперирования, координации деятельности ЦРУ и корпораций, национальных и многонациональных, пока еще не получила достаточного отражения в советской литературе. В известной мере это объясняется новизной явления: лишь в последние годы на ЦРУ было возложено составление аналитических обзоров экономики отдельных стран, конъюнктуры рынка, а также ближайших и более отдаленных перспектив их развития, что непосредственно связано с принятием стратегических решений на правительственном уровне.

Кроме монографий и статей советских ученых и публицистов⁵ в книге широко использованы документальные источники (материалы конгресса и доклады правительственных комиссий США), а также американская мемуарная литература, многочисленные исследования зарубежных историков, публикации западных журналистов.

Глава 1

**КТО ЕСТЬ КТО
В «РАЗВЕДЫ-
ВАТЕЛЬНОМ
СООБЩЕСТВЕ»**

**CIA
CIA
CIA
CIA
CIA**

Организация разведки США: послевоенные проекты

Резко обозначившийся к концу второй мировой войны поворот государственной политики США в сторону гегемонистских притязаний на руководство миром неизбежно выдвинул задачу соответствующей реорганизации разведывательного аппарата.

Этот процесс формирования новых и расширения традиционных разведывательных органов достиг в Соединенных Штатах в послевоенные годы такого размаха, что в американской печати даже появился и прочно утвердился термин «разведывательное сообщество».

Используя опыт, да и кадры, своих недавних противников *, правящие круги США в короткий срок развернули систему тотального шпионажа, превратили спецслужбы страны в тайное орудие осуществления своей экспансионистской империалистической политики. Этому предшествовали острые дебаты в правительстве и конгрессе о будущем разведки США.

Накануне второй мировой войны разведывательная система США состояла из множества независимых организаций; страдала от ведомственной раздробленности и отсутствия координации. Например, функции политической разведки выполняли госдепартамент, ФБР, военное и военно-морское министерства. В самом Вашингтоне, по признанию американских экспертов, «дюжина агентств считала разведку своей основной обязанностью».

«Разведывательные группы и организации, — писал в свое время адмирал Э. Захарияс, — вырастали в столице, как грибы после дождя; причем каждая стремилась установить собственные принципы работы вместо того, чтобы позаимствовать опыт у существующих разведывательных служб».

* В распоряжении американцев, в частности, оказались: начальник XII отдела фашистского генерального штаба (разведывательный отдел, изучавший армии стран Востока) генерал-майор Гелен; бригаденфюрер Шелленберг, глава VI управления главного имперского управления безопасности (РСХА), занимавшегося заграничной разведкой; группенфюрер Олендорф — руководитель III управления РСХА и другие.

Президент Франклин Рузвельт, стремившийся привести разведку США в соответствие с требованиями военного времени, решил создать орган централизованного сбора стратегической информации. В июне 1941 г. возник общегосударственный Комитет по координации информации. Но и эти меры президента, встретившие сопротивление влиятельных, и в частности военных, кругов, не устранили децентрализации и, как показали вскоре события в Перл-Харборе, не обеспечили разведке необходимой независимости от интересов различных противоборствующих группировок в правящих кругах страны.

Вступление Соединенных Штатов Америки в войну ускорило процесс реорганизации стратегической разведки. В июле 1942 г., вскоре после образования Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил, взявшего на себя руководство военной разведкой, Комитет по координации информации был упразднен. Вместо него создали два новых ведомства. Одному из них — Бюро военной информации (БВИ) — вменялась в обязанность организация в США и на территории союзных, нейтральных и враждебных государств пропаганды и контрпропаганды. Другому — Управлению стратегических служб (УСС) — шпионаж, операции и исследования, связанные с оценкой военного потенциала противника.

УСС как централизованная разведывательная служба было продуктом чрезвычайных обстоятельств, вызванных развитием второй мировой войны в непредвиденном для американских монополий направлении. После разгрома Франции недооценка правящими кругами США угрозы со стороны фашистской Германии уступила место страху перед ее экономической и военной мощью, перед могуществом нацистского третьего рейха, угрожавшего превратиться из орудия монополистического капитала, обращенного против СССР и революционного движения в Европе, в государство, стремящееся к покорению мира, в том числе и американского континента. Соединенные Штаты в срочном порядке стали укреплять безопасность и оборону собственной страны. Создавая и развивая разведку, самым ходом войны, естественно, нацеленную против фашистской Германии и милитаристской Японии, американские правящие круги вместе с тем ни на минуту не забывали о подрывной работе против Советского Союза, которого считали главным противником, хотя официально он и был союзником на поле брани. Поэтому еще в ходе войны в деятельности УСС стали отчетливо проявляться антисоветские тенденции.

В этих фактах находит подтверждение одна из наиболее важных тенденций в эволюции современной империалистической разведки — самые различные повороты политических событий не приводят к сколько-нибудь серьезному ослаблению антикоммунистической направленности ее деятельности. Для монополистической буржуазии главным врагом всегда остается социализм, а это неизбежно обуславливает непрерывную активизацию антисоветской деятельности ее агентуры.

Для всех акций УСС в годы войны были характерны две особенности, предопределившие его внутреннюю структуру: нацеленность на проникновение в мировое революционное движение и стремление к изоляции и ограничению роли Советского Союза в послевоенном мире. Не случайно поэтому УСС явилось предшественником разведывательной организации США современного типа, руководящие посты в которой заняли выходцы из того же УСС.

В ходе дебатов вокруг послевоенных проектов организации разведки американские политологи, выражая взгляды правящей верхушки, настойчиво доказывали необходимость ликвидации в короткий срок раздробленности и формирования единой централизованной разведывательной службы, принципы организации и методы деятельности которой соответствовали бы положению США как «величайшей державы мира». В разных вариациях они пытались теоретически обосновать эту новую для Соединенных Штатов концепцию и причины, побуждающие администрацию заняться кардинальной перестройкой разведки.

Одни брали в качестве основной посылки печальные для США последствия внезапного нападения Японии на Перл-Харбор¹ и сдержанно обосновывали конечную цель. Другие откровенно исходили из внешнеполитических устремлений США в послевоенном мире, хотя также ссылались на «опыт» Перл-Харбора. По существу итог один: Америке необходима всеобъемлющая, глобальная разведка. Все сходились в том, что предвоенный и военный опыт США свидетельствует о губительности разобщения органов разведки.

Трем разведывательным службам было известно о тайных приготовлениях Японии, угрожавших Соединенным Штатам. Но эти службы действовали разобщенно, и поэтому их осведомленность не приобрела концептированный характер, влияющий на принятие правительством определенного решения. Американские руководители еще за полгода до события в Перл-Харборе знали о критических отношениях с Японией, но положились на разведывательные службы.

Военные не были в курсе того, чем располагал госдепартамент, а дипломаты в свою очередь не имели доступа к разведывательным материалам армии и флота. Между сухопутными войсками и военно-морскими силами существовала только неофициальная и оказавшаяся чисто формальной договоренность об обмене информацией, касающейся их общих планов.

Если бы вся эта информация, рассуждали далее сторонники централизованной разведки, была сосредоточена в одних руках, если бы ее должным образом проанализировали, оценили и свели воедино, то это безусловно позволило бы заблаговременно предупредить американского президента о надвигающейся угрозе. В этом случае японцам было бы трудно, а может быть, и вообще не удалось реализовать свой коварный план.

Итак, информация о приближающемся кризисе не анализировалась должным образом и не доводилась в обобщенном виде до сведения руководителей американской администрации.

Любопытно в этом плане признание профессора Вандербильтского университета Гарри Рэнсома. «Из всей массы предостерегающих сигналов,— утверждал он,— из всех элементов информации, указывающих на то, что может случиться, руководители разведки и лидеры, принимавшие решения, отбирали такие виды на будущее, которые им больше нравились, или те, которые им хотелось бы иметь. Они не желали считаться с объективной реальностью, игнорируя признаки вероятных и возможных событий». Следовательно, речь шла не только о неосведомленности. Такие обобщения противоречили антисоветским настроениям и стремлениям весьма могущественных в США сил, выступавших против войны с фашистскими государствами. Они были заинтересованы в подталкивании японской агрессии в сторону советского Дальнего Востока. Ориентированная должным образом разведка также не всегда допускала мысль о возможности нападения Японии на США.

Весьма существенно, что точка зрения всех сторонников централизованной разведки отражала стремление американского монополистического капитала использовать создавшуюся после окончания второй мировой войны обстановку для дальнейшего укрепления своих позиций в различных районах мира. Все они связывали необходимость создания глобальной разведывательной службы с новым внешнеполитическим курсом США, стержнем которого стали ярый антикоммунизм и борьба за установление мирового господства. Ключ-

ческое значение для общей оценки роли разведки имел, по их мнению, тот факт, что Соединенные Штаты, являясь монопольным обладателем атомного оружия, могут диктовать свою волю другим народам и должны активно готовиться к применению силы там, где американский диктат встречает противодействие.

Практически реорганизация американской разведки началась 1 октября 1945 г., когда «изжившее себя» УСС было расформировано, а его функции согласно исполнительному приказу президента Трумэна переданы другим правительственным ведомствам. Те финансово-олигархические группы, которые считали реалистический курс Ф. Рузвельта, выступавшего за сохранение принципов сотрудничества с СССР, сложившихся в годы войны, «опасной болезнью», решили подвести черту под деятельностью УСС, однако речь не шла об упразднении этого учреждения совсем; предстояло, используя его опыт и кадры, сформировать на базе УСС организацию нового типа, застрахованную от какого бы то ни было «вредного влияния» союзнических настроений грозного военного времени. Деятельность новой организации намечалось целиком и полностью направить против СССР, а также стран, вырвавшихся из мировой капиталистической системы.

Жесткая политика в отношении Советского Союза стала проводиться фактически уже с весны 1945 г. Поэтому в процессе реорганизации американской разведки предполагалось прежде всего провести в ее недрах своеобразную «ревизию и чистку» в соответствии с новым внешнеполитическим курсом США. По настоянию представителей реакционных кругов в Соединенных Штатах в это время была развернута кампания против многих сотрудников УСС и ряда военных ведомств, перешедших после упразднения последних в 1945 г. на службу в государственные учреждения*.

* Например, из 4 тыс. человек, переведенных из УСС в госдепартамент, 3 тыс. стали объектом специальной проверки со стороны службы безопасности. В итоге в отношении 285 было признано целесообразным воздержаться от приема на работу, а 79 рекомендовалось уволить. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности занялась разбором персональных дел служащих госдепартамента, обвиненных в «сотрудничестве с русскими». Поскольку рекомендации службы безопасности не были своевременно реализованы, вопрос об очистке госдепартамента от «нежелательных элементов» стал предметом обсуждения в конгрессе. Член палаты представителей К. Мундт настаивал на немедленном отстранении всех, кто «признан неблагонадежным», и требовал обязать госдепартамент проводить «твердую политику в отношении лиц, находившихся в связи с коммунизмом».

Под видом «нежелательных элементов» и «сомнительных» из правительственного аппарата США удалялись не только последователи и сторонники прогрессивного внешнеполитического курса Рузвельта, сохранения и укрепления сотрудничества с СССР, но также те, кто, по мнению ФБР, был «опасно заражен» союзническими настроениями и контактами с коммунистами, участниками движения Сопротивления, развернувшегося в десятках стран, оккупированных гитлеровцами или японскими милитаристами.

Но не все шло так гладко, как хотелось бы агрессивным кругам США. Тем, кто определял новую политику и ратовал за необходимость проведения «жесткого курса» в отношении СССР, приходилось считаться с настроениями широких масс американского народа, убедившихся в трудные военные годы в полезности сотрудничества с Советской страной и одобрявших курс на развитие советско-американских отношений, а также выступавших против притязаний США на мировое господство и угрозы военной конфронтации с СССР. Прогрессивные силы США, видя опасные перемены во внешней политике страны, были охвачены тревогой, в частности, по поводу того, что создание системы «тотального шпионажа» и вмешательства во внутренние дела других государств в конце концов окажется несовместимым с элементарными принципами поддержания межгосударственных отношений, осложнит обстановку в мире и превратится в оружие американского интервенционизма.

Для обработки общественного мнения страны в действие была приведена огромная пропагандистская машина. Всячески возвеличивая подвиги американских разведчиков военных лет, она вместе с тем внушала мысль, что «хваленое УСС» как разведывательная организация в новой исторической обстановке уже не соответствует предъявляемым требованиям. Известное время были даже популярны нападки на УСС. Получило также распространение мнение, что в Вашингтоне, мол, была тенденция к приукрашиванию результатов деятельности этой организации, и потому ее успехи казались более важными, а провалы менее значительными. И хотя признавалось, что УСС сыграло свою роль в поражении держав фашистской оси, многие его операции на попроще тайной войны оценивались как малоэффективные, а некоторые просто как бездарные. В подтверждение ссылались на тот факт, что Америка значительный период войны зависела от англичан, так как получала от них большую часть необходимой секретной информации.

Во всем этом был определенный политический смысл:

привлечь к разведке максимум внимания и подготовить почву для задуманного поднятия роли преемника УСС. Ведь дело шло к тому, чтобы возвести подрывную деятельность разведки в ранг государственной политики. Никогда еще за всю историю Соединенных Штатов периодической печать, книжный рынок не были так наводнены материалами о разведке, как в то время. В дискуссию, направляемую из-за кулис могущественными сторонниками создания мощной централизованной разведки и призванную мобилизовать в нужном направлении общественное мнение страны, активно включились видные государственные деятели и крупные чиновники правительственного аппарата, ответственные за разработку и осуществление внешней политики США, журналисты, руководители разведывательных органов, практические работники разведки.

Президент Трумэн, государственный секретарь Джеймс Бирнс, многие сенаторы и конгрессмены, влиятельные газеты высказались в поддержку идеи создания объединенной разведки, которая была бы способна обслуживать область «высокой политики и генеральной стратегии США», все явственное обнажавшей свой империалистический характер и антисоветскую направленность. Необходимость «широкой службы шпионажа во всем мире» уже получила к этому времени всеобщее признание в высших эшелонах власти. Дискуссия шла главным образом вокруг того, какое ведомство должно стать центром координации и руководства различными правительственными органами разведки.

Генерал Донован, который еще в 1944 г. представил президенту Рузвельту обстоятельный доклад о будущем американской разведки — об учреждении единой национальной разведывательной службы, обосновывал необходимость создания на базе УСС новой организации, деятельность которой была бы направлена на то, чтобы максимально противодействовать росту влияния Советского Союза и его внешней политики, всемерно укреплять на мировой арене позиции Соединенных Штатов. Донован считал, что новая организация для сбора и координации информации и проведения тайных операций должна быть куда более крупномасштабной, чем УСС, выведена из-под контроля комитета начальников штабов и подчинена непосредственно президенту США, как единственному административному лицу, власть которого распространяется на армию, военно-морские и военно-воздушные силы и госдепартамент.

Другого мнения придерживался комитет начальников штабов, на рассмотрение которого был передан план Доно-

вана. Профессиональные военные считали проект Донована малоприемлемым. Он предусматривает слишком большую централизацию, говорилось в заключении военных, и практически неосуществим, поскольку каждое из ведомств (военные и гражданские) нуждается в специфической для него оперативной информации.

Словом, под предлогом того, что каждый вид вооруженных сил, имеющий свои особые информационные потребности и цели, заинтересован в собственной разведывательной службе, представители милитаристских кругов выступили против централизации разведки. В создании организации, единолично распоряжающейся в этой сфере деятельности, они усматривали угрозу диктата политической разведки и принижения роли разведки военной. Они опасались, как бы разведывательные службы вооруженных сил, которые приобрели внушительные размеры во время войны и которым отводилась важная роль в разработке планов втайне подготавливаемого внезапного атомного нападения на Советский Союз, не утратили своего положения и не растворились бы в централизованном агентстве. Военные ведомства боялись появления и таких разведывательных подразделений, которые частично находились бы под их юрисдикцией, но также имели бы право докладывать непосредственно централизованному агентству.

Другая не менее влиятельная в правительстве группа придерживалась той точки зрения, что координацию разведывательной деятельности «на уровне национальной стратегии и политики» и контроль за тайными операциями разведки лучше всего возложить на госдепартамент. Как утверждают, государственный секретарь Бирнс считал, что именно вверенный ему департамент должен осуществлять контроль над любым учреждением, занимающимся стратегической разведкой в национальном масштабе. Эта точка зрения на какое-то время возобладала. Сообщая о расформировании УСС и передаче его персонала, работавшего в области исследований и анализа, госдепартаменту, президент Трумэн писал Бирнсу: «Я хочу, чтобы именно Вы возглавили работу по созданию всеобъемлющей и скоординированной системы разведывательной деятельности за границей для всех правительственных ведомств, имеющих отношение к такого рода деятельности». Практически эта задача должна была быть решена путем образования межведомственной группы, возглавляемой госдепартаментом. В своей директиве Трумэн всячески подчеркивал важность сохранения и углубления профессионального опыта, накопленного разведкой США в годы войны.

Некоторое время спустя госдепартамент подготовил план создания такой разведывательной службы. По оценке экспертов, ранее США никогда не предполагали иметь что-либо подобное в мирное время. Американская буржуазная печать, как по команде, на все лады принялась расхваливать «новую систему разведки». Газета «Пасифик старс энд страйпс» писала, например: «В отличие от прошлого, когда военный и дипломатический шпионаж действовали независимо друг от друга, а иногда с противоположными задачами, принципиальной особенностью нового плана является координация их действий госдепартаментом. Новая разведывательная система должна будет знать об иностранных государствах все: от развития атомной энергетики до прогноза погоды».

Вскоре после создания расширенной разведывательной службы внутри госдепартамента Белый дом под сильным давлением военных кругов изменил свое решение о том, что деятельность разведки должна координироваться государственным секретарем. Важнейшее значение имел здесь довод, что тайными операциями за границей, которые уже в то время рассматривались как одно из основных средств достижения экспансионистских целей США, должен руководить не госдепартамент, а независимый централизованный орган.

В январе 1946 г. президент Трумэн издал исполнительный приказ об учреждении Центральной разведывательной группы из высокопоставленных представителей служб разведки госдепартамента, военного и военно-морского министерств, которой отводилась роль преемника УСС и которая явилась предшественницей современного ЦРУ. Она действовала под руководством исполнительного совета — Национальной разведывательной администрации в составе государственного секретаря, военного и военно-морского министров, а также личного представителя президента. Национальная разведывательная администрация была призвана выработать на правительственном уровне единую политику для ведомственных служб разведки и издавать общие директивы по их повседневной деятельности. По мнению правящих кругов США, такая форма организации в большей степени способствовала интеграции разведки и военной политики.

Что же касается Центральной разведывательной группы, то на нее, наряду с координацией действий органов ведомственной разведки, было возложено непосредственное выполнение отдельных разведывательных задач, которые, по заключению Национальной разведывательной администрации, надежнее всего могли быть осуществлены централизованным путем. Центральная разведывательная группа анализирова-

ла разведывательные данные и снабжала информацией президента и его кабинет, а также несла ответственность за проведение тайных операций. Материальные средства и персонал она получала от ведомств, главы которых образовали Национальную разведывательную администрацию.

Хотя создание Центральной разведывательной группы и Национальной разведывательной администрации расценивалось в правящих кругах США как определенный шаг вперед на пути создания объединенной службы разведки, продолжались весьма энергичные поиски новых форм организации разведывательного аппарата. Усиливавшийся уже в то время военно-промышленный комплекс открыто выражал недовольство работой Национальной разведывательной администрации и Центральной разведывательной группы. Мысля категориями мирового господства и диктата, военно-промышленный комплекс считал, что возможности этих организаций недостаточны для проведения крупномасштабных тайных операций.

Настроения недовольства реакционных империалистических кругов Вашингтона генерал Донован обобщил в следующих словах. «Год назад мы распустили УСС,— писал он в 1946 г.— В мирное время возникла необходимость заменить УСС другим центральным разведывательным органом, соответствующим нашему положению величайшей державы мира и имеющим в своем распоряжении всю информацию, относящуюся к американским позициям всюду и везде. Вместо этого на свет появилась наспех слепленная разведывательная служба, которая предаст забвению все принципы, выкованные в горниле войны». Дело в том, что каждый член Национальной разведывательной администрации, естественно, заботился прежде всего об интересах собственного ведомства. В результате, как считали ревностные поборники новой разведывательной системы, ставилась под удар сама идея концентрации сил и развертывания всеобъемлющей разведки. Центральный разведывательный орган, доказывали они, должен быть независимым от других правительственных ведомств — без этого невозможно проведение американской политики, основное содержание которой составляет борьба за «руководство миром».

Таковы условия, в которых в Соединенных Штатах зародилась и получила наиболее законченное оформление концепция «глобальной разведки». В соответствии с этой концепцией, принятой на вооружение администрацией Трумэна, закладывались основы современной разведывательной службы.

Как формировалось современное ЦРУ

Для правильного понимания дальнейшего развития системы американской «глобальной разведки» необходимо учитывать роль двух факторов, оказавших огромное влияние на ход всего процесса.

В марте 1947 г. появилось известное послание президента Трумэна о предоставлении помощи Греции и Турции («доктрина Трумэна»), в котором Соединенные Штаты фактически официально возвестили о начале «холодной войны» против СССР. Конкретная цель «помощи» состояла в том, чтобы предотвратить «сползание» этих стран «к коммунистической форме правления». В действительности смысл «доктрины Трумэна» был значительно шире. Она стала внешнеполитическим уставом США практически на весь период 40—50-х годов.

В послании утверждалось, будто социалистические страны «посредством актов прямой или косвенной агрессии подрывают основы международного мира и, следовательно, угрожают безопасности Соединенных Штатов». Сдерживание «экспансионистских» замыслов Советского Союза должно было стать, по мысли Трумэна, стержнем американской внешней политики, конкретная цель которой в отношении СССР — «добиться крушения или постепенного разрыхления Советской власти». Одновременно «доктрина Трумэна» ориентировала правительственные органы США и прежде всего разведку на поддержку наиболее реакционных репрессивных режимов в развивающихся странах, на спасение развивающихся колониальных империй.

Другим фактором, способствовавшим развитию американской «глобальной разведывательной системы», явилась реорганизация государственного аппарата США, которой добились вскоре после окончания второй мировой войны представители монополистического капитала для укрепления своего влияния на администрацию.

В июле 1947 г. конгресс принял Закон о национальной безопасности, предусматривавший коренную перестройку военных ведомств, создание единого министерства обороны*, Объединенного комитета начальников штабов, министерства ВВС. Тогда же был учрежден Совет национальной безопасности (СНБ) — высший совещательный орган при президенте. Он должен был «объединять многочисленные аспекты

* Министром обороны стал Джеймс Форрестол, бывший вице-президент «Диллон Рид энд компани», выразитель взглядов наиболее агрессивных и реакционных кругов.

национальной безопасности (внешнеполитические, военные, экономические, финансовые, психологические и внутренней безопасности), с тем чтобы политические рекомендации, предлагаемые президенту в окончательном виде, были всеобъемлющими и взаимоувязанными».

На СНБ легла в правительстве главная ответственность за оценку всей деятельности по проведению разведывательных операций за рубежом, контрразведывательных операций, а также соответствующей политики и программ, за общее руководство и направление этой работы.

Определяющую роль в работе СНБ играют сведения, предоставляемые разведкой. Каждое его заседание открывается кратким изложением директором ЦРУ последних разведанных по обсуждаемому вопросу. «Всякий раз, когда Совет национальной безопасности собирается рассматривать какие-то планы, скажем политику в отношении Юго-Восточной Азии,— писал Г. Трумэн,— он тут же предлагает ЦРУ дать оценку возможных последствий этой политики. Директор ЦРУ участвует в работе Совета и постоянно информирует его членов в связи с той или иной рассматриваемой им проблемой. Его оценки выражают мнение центральной разведки и учитывают точки зрения всех других органов, сообщающих свои рекомендации ЦРУ».

Принимая непосредственное участие в «формулировании и оценке целей и риска» в области внешней и военной политики, а также в решении межведомственных проблем, СНБ действует под покровом глубокой секретности — так повелось еще со времен президентства Трумэна. Рекомендации, разработанные СНБ и утвержденные президентом (принимающим решения единолично), обязательны для всех правительственных ведомств США.

В руководстве разведкой СНБ прибегает к помощи многочисленных создаваемых им комитетов. В частности, в 1956 г. была образована Специальная группа — межведомственный подкомитет СНБ,— на которую возлагались политическое руководство и санкционирование тайных операций «разведывательного сообщества», а также общий анализ такой деятельности в интересах США. При президенте Эйзенхауэре Специальная группа была переименована в «Группу 54—12», а затем, в 1964 г., в «Комитет 303». С 1970 г. она была известна как «Комитет 40» *. Название менялось с приходом новой

* В середине 70-х годов «Комитет 40», уже изрядно скомпрометировавший себя причастностью к получившим огласку преступным акциям ЦРУ, был превращен в Консультативную группу по вопросам проведения тайных операций.

администрации или когда о существовании этой сверхтайной организации становилось вдруг известно общественности.

Осуществляя контроль над программами тайных операций, «Комитет 40» рассматривал их цели, определял, смогут ли намечаемые пути и способы обеспечить достижение поставленных задач, оценивал степень вероятности успеха, а также решал вопрос о том, несут ли они «приемлемый характер» и соответствуют ли «национальным интересам». На его обязанности лежало также санкционирование выделения средств — от 10 тыс. долл. и более, — не подлежащих отчетности по обычным правительственным каналам и предназначенных для таких акций, которые могут повлечь за собой нежелательные для США политические последствия. Например, «Комитет 40» обсуждал и одобрил программы скрытых операций, предусматривавшие использование шпионских кораблей «Либерти» и «Пуэбло», а также разведывательного самолета ЕС-121.

В планах перестройки высших эшелонов власти разведке отводилось одно из важнейших мест: сама экспансионистская сущность внешней политики США, толкавшая ко все более широкому использованию правительством скрытых действий, определила именно такое ее место в государственном механизме. В докладе администрации США, положившем весной 1947 г. начало дебатам в конгрессе по поводу Закона о национальной безопасности, говорилось: «Характер современной войны требует, чтобы наша информационная служба знала все, что происходит в области международной дипломатии, в научно-исследовательских лабораториях, в промышленности, на испытательных станциях и в политической жизни всех государств во всем мире».

Основываясь на такой концепции роли разведки во внешнеполитической деятельности, американские правящие круги пошли еще дальше. Они решили создать разведывательную систему, которая бы не только обеспечивала информационную базу для принятия «комплексных национальных решений», но и являлась бы в руках администрации инструментом «глобальных действий». Американские лидеры пришли к заключению, писал журнал «Форин афферс», что Соединенные Штаты нуждаются в организации, «способной решать определенные политические задачи с помощью средств, которые находятся где-то между обычными средствами внешней политики и открытым применением вооруженной силы»². Именно такой организацией и стало ЦРУ, созданное в 1947 г. на основе упомянутого закона и подчиненное непосредственно президенту.

Закон о национальной безопасности наделил ЦРУ исключительными полномочиями. Во-первых, оно должно было консультировать СНБ по вопросам разведывательной деятельности. Во-вторых, давать рекомендации СНБ относительно координации разведывательных усилий всех причастных к этому правительственных организаций. В-третьих, оказывать помощь существующим разведывательным организациям, беря на себя такие дополнительные функции, которые, по мнению СНБ, могут более эффективно решаться централизованно. Наконец, осуществлять по указанию СНБ другие обязанности, относящиеся к разведывательной деятельности и затрагивающие «национальную безопасность» США.

Закон об учреждении ЦРУ включал ряд оговорок. В частности, ЦРУ не должно было обладать полицейскими функциями, правом вызова для дачи показаний и иметь отношение к обеспечению внутренней безопасности. Словом, оперативная деятельность ЦРУ внутри страны воспрещалась, но... лишь на бумаге. В действительности оно вскоре получило разрешение на ведение разведки и внутри страны. Пользуясь этим, ЦРУ прибегало к методам «тайного проникновения», создавало наряду с Федеральным бюро расследований (ФБР) и военной разведкой собственную осведомительную сеть среди участников различных прогрессивных политических движений *. Положение закона о выполнении ЦРУ «дополнительных функций и обязанностей», на которые время от времени будет указывать СНБ, было воспринято как основополагающее для проведения тайных акций.

Таким образом, с самого начала ЦРУ представлялось его создателям не только аппаратом сбора информации и координации разведывательных действий, но и орудием осуществления внешней политики путем проведения тайных операций в глобальном масштабе. Мало того, вмешательство во внутренние дела других стран стало в деятельности ЦРУ основным и быстро оттеснило на второй план задачи по сбору и оценке данных.

Роль ЦРУ быстро возрастала. Гласные законы не позволяют судить о всей широте прав, которые были предоставлены этому ведомству. Наряду с гласными законами существуют и секретные директивы СНБ. Они уточняют и дополняют функции ЦРУ. Аллен Даллес, один из создателей ЦРУ

* К 60-м годам деятельность ЦРУ внутри страны стала настолько обширной, что для руководства ею и координации в его составе была тайно создана специальная секция — отдел внутренних операций.

и его директор в течение почти десяти лет, откровенно заявлял: «...имеется и секретная сторона дела: закон разрешает Совету национальной безопасности (т. е. фактически президенту) возлагать на ЦРУ и такие полномочия, которые не предаются огласке». Известно, например, что летом 1948 г. СНБ специально издал секретное распоряжение, касавшееся тайных политических акций ЦРУ. И в этом не было ничего неожиданного: необходимость тайных акций диктовалась стратегией США, направленной, с одной стороны, на сохранение и расширение позиций монополистического капитала в различных регионах, а с другой — на противодействие росту мирового социализма, подъему национально-освободительного движения. В распоряжении подчеркивалось, что подобные акции должны проводиться так, чтобы правительство США в случае необходимости могло достаточно убедительно отрицать свою причастность к ним³.

Под тайными политическими акциями подразумевались в первую очередь «специальные операции», направленные на насаждение (нередко путем военных переворотов) угодных США реакционных режимов, пользовавшихся финансовой и иной поддержкой официального Вашингтона и монополий. Как показало время, эти операции представляли собой в одном случае борьбу за сохранение или реставрацию монархического или профашистского режима, в другом — захват власти военной хунтой, в третьем — реакционный переворот, осуществляемый под либерально-демократическими лозунгами. В любом случае вопрос о «специальных операциях» должен был решаться в зависимости от политической ситуации, которая сложилась в интересующей американские монополии стране и в соответствии с той оценкой, которую дает ЦРУ внутреннему положению в ней.

В 1949 г. конгресс в дополнение к Закону о национальной безопасности принял специальный декрет о ЦРУ. Этим актом США впервые в истории открыто возвели шпионаж и другие подрывные акции в ранг государственной политики и тем самым официально одобрили методы, предусматривающие вмешательство во внутренние дела других стран и нарушение их суверенитета. В ходе обсуждения нового закона в конгрессе тогдашний председатель военной комиссии сенатор М. Тайдингс заметил: «Американское правительство, по-видимому, единственное в мире, которое принимает законы, предусматривающие подобную деятельность».

Закон 1949 г. открыто поставил разведку над всеми демократическими институтами американского общества: он лишил постоянные комиссии сената и палаты представителей

права вмешиваться в вопросы организации и деятельности ЦРУ. Тем самым был открыт широкий простор для всевозможных превышений власти со стороны ЦРУ. Закон существенно дополнил полномочия его директора, дал ему полную свободу действий при найме и увольнении сотрудников — без соблюдения правил, обязательных для правительственных учреждений. ЦРУ могло также обходить федеральные законы и постановления, которые обязывали любое ведомство представлять в обычном порядке сведения о структуре, функциях, официальных названиях, именах, должностях, а также денежных окладах или численности персонала (Бюджетному бюро было разрешено не представлять конгрессу никаких докладов по этим вопросам). Стюарт Олсон в книге «Центр: люди и власть в политической жизни Вашингтона» писал: «Располагая неподотчетными фондами и правом нанимать на работу и увольнять без всякого контроля со стороны государственного аппарата, директор ЦРУ обладает такой свободой действий, какой нет ни у одного должностного лица в ранге члена кабинета».

ЦРУ разрешалось субсидировать программы колледжей, поддерживать и создавать различные фонды и фондовые организации, культурные общества, издательства, частные фирмы. Кроме того, директор ЦРУ мог «в обстоятельствах, носящих секретный, экстраординарный и чрезвычайный характер», по личному усмотрению без всякого контроля и объяснений расходовать любую сумму из выделяемых ЦРУ ассигнований. «Это,— как замечает Г. Рэнсом,— действительно чрезвычайные полномочия для главы исполнительного ведомства, насчитывающего тысячи сотрудников и ежегодно расходующего сотни миллионов долларов»⁴. ЦРУ могло заключать с частными университетами контракты на проведение «специальных исследований». Наконец, закон 1949 г. дал право ЦРУ по своему усмотрению разрешать въезд в США до 100 иностранцев в год без соблюдения необходимых формальностей, т. е. в обход существующих иммиграционных квот. (Это, как правило, перебежчики из других стран, въезд которых в США директор ЦРУ считает необходимым «для выполнения разведывательной миссии».)

Все это, естественно, способствовало увеличению степени независимости ЦРУ от законодательных органов США. И в этом не было ничего удивительного, создатели Центрального разведывательного управления хотели видеть в нем орудие прежде всего не законодательной, а исполнительной власти и потому сознательно стремились к освобождению его от наблюдения со стороны конгресса. Установленная законом

прямая подотчетность ЦРУ Совету национальной безопасности и президенту при действительно весьма ограниченной зависимости от конгресса делала ЦРУ удобным инструментом именно исполнительной власти для осуществления тайной внешней политики.

Одновременно с расширением аппарата разведки и невиданным увеличением расходов на его содержание шел процесс психологической обработки американской общественности и вовлечения все большего числа людей в сферу разведывательной деятельности. Обширная литература восхваляла «героев» «тайной войны», пропагандировала необходимость массового включения американцев в орбиту разведки. Профессор Ш. Кент, один из ведущих деятелей ЦРУ, писал тогда: «Чиновник дипломатической службы, не имея специальной подготовки для разведывательной работы, часто оказывается в силу занимаемого им поста ценным и полезным поставщиком разведывательных данных. Среди официальных лиц, привлекаемых к выполнению заданий ЦРУ, можно упомянуть и членов специальных комиссий, делегатов США на международных конференциях, членов конгресса, совершающих поездки. Надо иметь в виду тот значительный вклад в сбор разведывательных сведений, который вносят и эти люди, и такие невольные разведчики, как писатели, журналисты, ученые, бизнесмены, путешественники»⁵.

Выдвижение на первый план тайных политических акций нашло свое отражение и в организационном построении ЦРУ. Не рассматривая подробно этот вопрос в силу его специфического характера, отметим лишь, что, постоянно разрастаясь, структура ЦРУ в главных своих чертах все же сохраняла первоначальную основу: аппарат директора и пять функциональных управлений, из них четыре оперативных.

Вот как выглядела его структура в середине 70-х годов. Крупнейшее из оперативных подразделений ЦРУ — Управление тайных операций (известное в самом ЦРУ как «секретные службы») насчитывало в своем составе 15 отделов, в которых было занято 6 тыс. сотрудников. Почти половина этого персонала постоянно находилась за рубежом, выступая, как правило, под официальным прикрытием — главным образом в роли представителей дипломатической службы, а иногда и министерства обороны США. Примерно две трети сотрудников принимали участие в общей разведывательной работе — установление и поддержание контактов с нужными людьми, сбор информации. Остальные были непосредственно связаны с подготовкой и проведением тех или иных тайных операций: полувоенные действия; субсидирование политических пар-

тий, профсоюзов и других организаций, занимающих проамериканские позиции; акции, направленные на свержение или поддержку иностранных правительств в соответствии со стратегическими целями США.

Линии подчинения шли от главы «секретных служб» к начальникам региональных отделов, входящих в это управление, а от них к резидентам и руководителям баз и опорных пунктов ЦРУ. По утверждению бывшего посла США в Тегеране, в прошлом директора ЦРУ Ричарда Хелмса, резидентура в Иране насчитывала, например, 70 сотрудников. Кроме того, ЦРУ имело также ряд баз на территории страны. Резидентуры и базы ЦРУ в иностранных государствах — это основные центры руководства тайными операциями.

Управление постановки разведывательных задач и оценки добываемых сведений имело в своем составе подразделения фоторазведки (ФОТИНТ), разведки средствами связи (СИГИНТ) и агентурной разведки (ГУМИНТ). Эти подразделения должны были осуществлять руководство всей системой правительственных органов разведки и координировать ее действия каждый в своей области.

Управление национальных оценок, имевшее в своем составе 1500 специалистов различных областей, производило анализ всех поступающих к нему данных, добываемых другими подразделениями ЦРУ, несло ответственность за обеспечение руководства страны информацией, необходимой для выработки внешней политики. Непосредственно составлением разведывательных оценок в отношении тенденций развития тех или иных процессов на мировой арене, районов потенциальных кризисов и другими вопросами, представляющими интерес для администрации США, занималась входящая в состав управления группа специалистов национальной разведки. Она держала правительство в курсе главных событий, регулярно предоставляя его ведущим деятелям «меморандум оповещения». Разведывательные оценки до рассылки должны были утверждаться Национальным советом по вопросам разведывательной деятельности за рубежом, куда входили ведущие сотрудники всех правительственных органов разведки США. Не делается секрета из того, что наибольшим спросом представителей высшего эшелона власти пользуются ежегодные разведывательные оценки стратегического положения СССР и социалистического содружества в целом. Но, как правило, во всяком случае так обстояло дело до начала 80-х годов, всем другим видам «продукции» разведки руководители администрации США предпочитали ежедневные разведывательные сводки — «моментальные снимки». (После

иранских событий 1979 г. ЦРУ критиковали за то, что оно делало упор на текущие события в ущерб перспективному анализу и не сумело в достаточной мере учесть взаимовлияние политических и экономических факторов.)

В задачу четвертого, сравнительно «молодого» подразделения — Управления науки и техники — входила организация фундаментальных исследований и разработок в области создания новейших технических систем сбора информации, а также внедрение их в разведывательную структуру. Это управление стало самостоятельным подразделением ЦРУ несколько лет назад; к середине 70-х годов в нем было занято около 1300 человек. Оно сыграло основную роль в проектировании разведывательных самолетов У-2 и СР-71. Ему ставят в заслугу также и достижения в части использования в разведывательных целях искусственных спутников. В конце 50-х годов глава «секретных служб» генерал Ричард Биссел — к нему мы будем обращаться еще не один раз — поддерживал программу разработки первого спутника-фоторазведчика; созданная модель действовала до 1971 г. На протяжении последующих лет ЦРУ продолжало работы по совершенствованию технических систем шпионажа. Ныне использование спутников-шпионов рассматривается как один из наиболее эффективных методов сбора разведывательной информации. Управлению науки и техники принадлежит ведущая роль и в обеспечении разработки других технических средств разведки, в частности мощных радиолокационных станций, которыми ЦРУ стремится окружить Советский Союз и другие страны социалистического содружества, в создании «стационарных» спутников и всякого рода разведывательной аппаратуры.

Замыкает структуру ЦРУ административно-хозяйственное управление, в штате которого к середине 70-х годов насчитывалось свыше 5 тыс. человек. Преобладающая часть его бюджета расходовалась на обеспечение тайных политических операций «секретных служб»; к этому имеет отношение и большая часть его персонала. Управление ведет учет расходов ЦРУ на тайную деятельность, а кроме того, имеет свои представительства в Гонконге, Бейруте, Буэнос-Айресе и Женеве, где легок доступ к международным валютным рынкам. Оно обязано иметь постоянный запас ходовой валюты для планируемых тайных операций, связанных с вмешательством во внутренние дела других стран. Многие закупки делаются на черных рынках, где можно дешево приобрести иностранную валюту. Административно-хозяйственное управление осуществляет проверку на детекторе лжи всех со-

трудников ЦРУ и части агентов из числа иностранцев. Подготавливает «психологические портреты» лидеров иностранных государств и американских деятелей, ставших объектом особого оперативного интереса *.

Административно-хозяйственное управление обслуживает секретные точки связи между штаб-квартирой ЦРУ в Лэнгли и сотнями резидентур и баз, разбросанных по всему миру.

Управление тайных операций и административно-хозяйственное управление в совокупности образуют, как считают эксперты ЦРУ, «управление в управлении». «Эти два компонента — самая большая и наиболее опасная часть айсберга — остаются практически невидимыми»⁶, — пишут бывшие ответственные сотрудники ЦРУ В. Маркетти и Дж. Маркс. По своим функциям и задачам, методам работы и численности персонала они резко отличаются от остальных управлений, на долю которых приходится менее трети бюджета и персонала всего ЦРУ.

По американским оценкам, на протяжении последних 10—12 лет около двух третей сотрудников и большая часть фондов ЦРУ были ориентированы на цели, связанные с организацией тайных операций на международной арене.

Таким образом, из штатной численности ЦРУ, достигшей к середине 70-х годов около 16,5 тыс. человек, и из его бюджета, равнявшегося тогда 750 млн. долл. в год, 11 тыс. человек и примерно 600 млн. долл. использовались для обеспечения деятельности «секретных служб» и таких функций, как связь, материально-техническое снабжение, вербовка, обучение и вооружение наемников. Время показало, что все это имело самое непосредственное отношение к подготовке и осуществлению тайных операций, направленных на достижение внешнеполитических целей США. Лишь 20% персонала

* Так, в 1971 г. сотрудники управления получили приказ составить «психологический портрет» ученого-математика Даниэла Элсберга, который в знак протеста против вьетнамской войны предал огласке в печати многие секретные документы Пентагона. В Белом доме высказывались серьезные опасения, что вслед за этой утечкой информации последует другая — разглашение тайны о существовании Главного интегрированного оперативного плана, в составлении которого Элсберг принимал участие. В нем были указаны все военные объекты потенциальных противников США, намеченные в качестве целей ядерного нападения. На этом основании решено было дискредитировать Элсберга, с тем чтобы ни одно из его последующих заявлений уже не могло бы привлечь к себе внимание американской общественности. Сотрудники ЦРУ, занимавшиеся этой «операцией», которая получила даже кодовое обозначение, взломали кабинеты домашних врачей супругов Элсбергов в поисках доказательств «психической патологии» Элсберга.

ЦРУ (поглощавших менее 10% его бюджета) оказывалось занятым обработкой и анализом разведывательной информации⁷.

И нет оснований полагать, утверждали американские специалисты, что положение может измениться. Практически это означало, что ЦРУ и впредь будет служить целям борьбы американского империализма против социалистического содружества, орудием вмешательства США во внутренние дела других стран, особенно молодых развивающихся государств, с целью поддержки или насаждения там угодных Вашингтону реакционных режимов.

«Разведывательное сообщество». Взаимодействие с ЦРУ

Одна из отличительных черт современной разведки США — ее глобальный характер. В силу этого в разведывательную деятельность вовлечены самые различные звенья государственного аппарата. Вместе с тем обособились некоторые специализированные органы разведки. Так, с годами образовался довольно сложный по своей структуре комплекс разведывательных служб.

Наряду с ЦРУ в самом Вашингтоне и вокруг него расположены штаб-квартиры по меньшей мере еще девяти правительственных организаций, которые отвечают за сбор всевозможных разведывательных данных во всем мире и даже в космическом пространстве⁸. Это — Разведывательное управление министерства обороны, Агентство национальной безопасности, разведывательные управления армии, ВМС и ВВС, Управление аэрокосмической разведки, Бюро разведки и исследований госдепартамента, Разведывательный отдел Комиссии по атомной энергии (преобразованной затем в министерство энергетики) и Федеральное бюро расследований.

Все перечисленные организации составляют основу системы, именуемой с некоторых пор «разведывательным сообществом» страны. На вершине этой системы находится директор ЦРУ, непосредственно подчиненный президенту и СНБ. Как высшее правительственное должностное лицо по вопросам разведывательной деятельности США, он является в то же время и директором центральной разведки (так именуется глава всего «разведывательного сообщества»). В этом своем качестве директор ЦРУ осуществляет руководство Агентством национальной безопасности, учреждениями воен-

ной разведки и аэрокосмической разведки, использует оперативные ресурсы этих служб, контролирует их деятельность и состояние финансовых дел; обеспечивает проведение особых операций и участие в них наряду с ЦРУ других звеньев системы разведывательных органов США. Он наделен правом создавать комитеты, советы или другие консультативные группы для оказания ему помощи в выполнении обязанностей директора центральной разведки. Вот почему представление о ЦРУ не будет полным, если не рассматривать его во взаимодействии с другими членами «разведывательного сообщества».

Действуя скрыто с прямого разрешения правительства и почти всегда без ведома конгресса, «разведывательное сообщество» тратит ежегодно более 6 млрд. долл. и располагает штатом, численность которого превышает 150 тыс. человек. Оно стремится протянуть свои щупальца во все районы мира, где, как утверждают вашингтонские стратеги, «могут оказаться под угрозой жизненные интересы Соединенных Штатов».

Самым многочисленным и дорогостоящим звеном «разведывательного сообщества» являются органы военной разведки, которую не без оснований называют «тайной империей» Пентагона. И это не случайно. Усиление влияния военщины на политический курс страны является характерной особенностью современного этапа развития американского общества. Этот процесс сопровождается милитаризацией экономики и связан с непрерывно расширяющимся использованием военной машины для достижения внутриполитических целей и внешнеполитических планов империализма США.

Многие американские государственные деятели откровенно признают, что военное насилие является высшим принципом внешней политики США. «Мы создали общество, главным занятием которого является насилие. Самую серьезную угрозу нашей стране представляет вовсе не какая-то внешняя сила, а наш внутренний милитаризм», — подчеркивает бывший сенатор Уильям Фулбрайт. По подсчетам американского исследовательского института Брукинга, только за период с января 1946 г. по декабрь 1975 г. Соединенные Штаты более 200 раз прибегали к использованию вооруженных сил для достижения своих целей.

Именно благодаря политике «с позиции силы» уже в годы правления Эйзенхауэра военные начали играть видную роль в политической жизни страны. Многие генералы и адмиралы перешли на дипломатическую службу. Президенты, замечает С. Симпсон, «больше ценят советы военных, чем дипломатов».

Определяющей силой стал военно-промышленный комплекс. «Всесильный военно-промышленный комплекс, — пишет сенатор У. Проксмайр, — оказывает неопозволительное воздействие на экономическую жизнь страны, а также на выработку решений, относящихся к внешней политике Соединенных Штатов. Мнение представителей военно-промышленного комплекса становится решающим».

В послевоенные годы правительство США ввело в международную практику новый институт, не имевший ранее такого широкого распространения, — американские военные миссии в разных странах мира. Эти миссии, осуществляя в соответствии с их официальной ролью «программы военного сотрудничества», одновременно оказывают влияние на политическую и экономическую жизнь стран пребывания и всячески поддерживают в них реакционные силы. Согласно официальным данным, начиная со второй половины 60-х годов в Латинской Америке функционировали 43 военные миссии США, в которых насчитывалось 947 военнослужащих, преимущественно работников разведки, в том числе ЦРУ. Численность военно-воздушной миссии в Сальвадоре, например, была больше, чем весь личный состав ВВС этой страны.

«Нравится нам это или нет, но применение силы и готовность применить силу лежат в основе нашей внешней политики, и поэтому внешнеполитический курс США вырабатывают и осуществляют в значительной степени военные» — так сформулировал «теоретическую базу» влияния военщины на дела правительства профессор Дж. Макками. Эту же мысль проводит видный американский социолог Р. Миллс: «Фактически все мероприятия в области политики и экономики сейчас рассматриваются с точки зрения военных оценок реальной обстановки. Впервые в истории США в состав органов власти... входят и военные заправилы Вашингтона... В итоге высшие военные чины заняли в наше время прочное положение среди правящей элиты...»

Все это находит свое выражение и в расширении военно-разведывательного аппарата страны, который, как будет показано далее, теснейшим образом связан с агрессивной внешней политикой, действует совместно с ЦРУ или ставит свои оперативные возможности на службу его преступным замыслам.

Ведущая роль среди трех разведывательных служб видов вооруженных сил США принадлежит «Джи-2» — Разведывательному управлению штаба армии. Его возвышению способствовали широкие программы американской военной помощи иностранным государствам, режимы которых вели

ожесточенную борьбу с демократическими силами и национально-освободительным движением. Имело здесь значение и то, что при разработке стратегических планов США все чаще стали обращаться к информации, добываемой по каналам армейской разведки.

«Джи-2» входит в состав военного министерства и включает целый комплекс организаций, предназначенных для выполнения разведывательных и контрразведывательных функций. Оно занято преимущественно сбором, оценкой и представлением в высшие инстанции правительства и «разведывательного сообщества» данных о военном потенциале, дислокации и вооружении иностранных армий, прежде всего Советской Армии, о производстве атомного и ракетного оружия. Заметим попутно, что важную сторону деятельности «Джи-2» составляло и составляет «обеспечение безопасности в армии». Этим непосредственно занимается специальная служба контрразведки — Си-Ай-Си, своего рода двойник ФБР в сухопутных силах, входящая в состав армейской разведки. Она призвана следить за благонадежностью солдат и офицеров и быть в курсе «всех политических, мятежных или подрывных действий» на территории государств, где США держат войска.

В обязанность еще одного органа военной разведки — Оу-Эн-Ай — Разведывательного управления штаба военно-морских сил — вменены сбор, обработка и оценка данных об иностранных военных флотах, вооружении и системах оружия вероятного противника и перспективах их развития, о судостроении, морской авиации, береговых укреплениях, гаванях и портах.

Оу-Эн-Ай обеспечивает информацией тех, кто занимается разработкой планов использования ВМС в вооруженных конфликтах и осуществляет руководство проведением операций.

Самая молодая организация среди традиционных служб военной разведки США — Разведывательное управление штаба военно-воздушных сил («А-2»). До второй мировой войны авиационная разведка находилась в ведении «Джи-2» и была, по утверждению американских авторов, придатком сухопутных сил и «пасынком» во всем, что касалось ассигнований. Когда в 1947 г. военно-воздушные силы стали самостоятельным видом вооруженных сил США, значение «А-2» возросло и масштабы его деятельности расширились. Его теперь оценивают как высокопрофессиональную организацию, технически оснащенную лучше других служб военной разведки. Это, по мнению американских экспертов, объясняется характером современной техники и милитаристской доктриной

США, делающей главную ставку на применение в войне ракетно-ядерного оружия и стратегической бомбардировочной авиации — носителя этого оружия.

Главная задача «А-2» — сбор сведений о военно-воздушных силах, авиационной и космической технике вероятного противника, в первую очередь о производстве военных самолетов и ракет. Наибольшее внимание «А-2» уделяет сбору данных о ключевых военных, промышленных и административных центрах иностранных государств и выяснению их сравнительной уязвимости при воздушно-космическом нападении.

Из года в год растет активность «А-2» и в организации шпионажа с помощью электронных средств. Его радиолокационные станции слежения, с помощью которых ведется наблюдение за территорией иностранных государств, находятся во многих точках земного шара. Оно располагает несколькими десятками эскадрилий для ведения разведки техническими средствами.

Отраслевые службы разведки видов вооруженных сил непосредственно подчинены Разведывательному управлению министерства обороны (РУМО), учрежденному в августе 1961 г.

Начальник РУМО, хотя он получает задания от комитета начальников штабов, подчинен только министру обороны и Национальному совету по вопросам разведывательной деятельности за рубежом, также возглавляемому директором ЦРУ.

РУМО готовит разведывательные оценки для Пентагона. Наравне с другими членами «разведывательного сообщества» оно разрабатывает и направляет Национальному совету по вопросам разведывательной деятельности за рубежом свои сводки, а также участвует в выработке под руководством директора ЦРУ «национальной разведывательной оценки».

Хотя РУМО поставлено над военными разведывательными службами, последние сохранили самостоятельность в областях, которые имеют для них непосредственный интерес. Это не относится к сбору информации с помощью военных атташе; деятельность последних направляется и координируется ныне РУМО.

Американские военные, военно-морские и военно-воздушные атташе при дипломатических представительствах США и военные миссии вместе с их официальным персоналом составляют основу современного легального зарубежного аппарата военной разведки. До 1962 г. армия, ВМС и ВВС имели одного или нескольких представителей в посольствах США,

причем каждый атташе действовал самостоятельно и отчитывался лишь перед разведывательным управлением своего министерства, которое и финансировало его деятельность. После создания РУМО вся эта информация стала концентрироваться в его аппарате — отделе военных атташе.

В июле 1965 г. было принято решение создать единую систему атташе министерства обороны, которая отчитывалась бы непосредственно перед РУМО.

Теперь в составе посольства США в любой стране — таких стран насчитывается более 100 — есть атташе министерства обороны. Он, как правило, является старшим среди военных атташе. В его обязанность входит обеспечение их тесного взаимодействия с учетом интересов каждого вида вооруженных сил. Атташе министерства обороны уполномочен делать представления министру обороны, комитету начальников штабов и РУМО. За штабами родов войск сохраняется право давать атташе поручения в рамках их компетенции.

Согласно утверждению бывшего заместителя начальника РУМО адмирала Д. Шоурса, сотрудники службы военных атташе занимаются в основном визуальной разведкой и сбором сведений, для получения которых они используют личные связи и контакты в стране пребывания. В этих целях широко практикуются поездки по стране и посещение официальных приемов. Там, где возможности передвижения военных атташе ограничены, они пытаются проникнуть в интересующие их районы под видом лиц, сопровождающих гостей из США. Сбор разведывательной информации составляет главную задачу и военных миссий США за рубежом.

Они стремятся заполучить самую разнообразную разведывательную информацию, прежде всего о странах социалистического содружества, о Советском Союзе. Такого рода информация интересует американских стратегов главным образом как исходный материал для военно-стратегического планирования, на основе этих данных разрабатываются агрессивные планы, направленные против СССР и союзных с ним государств.

Для сбора и добывания такого рода сведений используют все имеющиеся в арсенале разведывательных служб США методы и средства. Это и технические средства — радиотехническая, радиолокационная, телевизионная, инфракрасная и другая аппаратура, устанавливаемая на самолетах, искусственных спутниках Земли, морских судах, а также на стационарных наземных станциях и постах. Это и агентурная разведка, т. е. засылка специально подготовленных агентов в тыл противника. Это, наконец, изучение открытых источников

информации и использование других видов легальной разведки.

Но сказанным не исчерпывается назначение «тайной империи» Пентагона. Являясь составной частью государственной машины, она используется для предотвращения «внутренних потрясений». Причем на военную разведку возлагается подавление выступлений инакомыслящих и слежка за ними не только на территории США (военная разведка делает это в тесном взаимодействии с ФБР), но и в других странах, особенно в малых, где сильны позиции американских монополий.

К системе военной разведки США примыкает еще один важный член «разведывательного сообщества» — Агентство национальной безопасности (АНБ). Оно специализируется главным образом на разведке с помощью средств связи, а также на криптоанализе, т. е. раскрытии шифров иностранных государств.

АНБ было создано в 1952 г. на базе упраздненного Управления безопасности вооруженных сил США, занимавшегося дешифровкой информации. В своем исполнительном приказе президент объяснял необходимость образования АНБ стремлением дать возможность разведывательным органам, не имеющим отношения к министерству обороны, пользоваться информацией агентства и услугами его специалистов. Согласно данным последнего времени, эта сверхсекретная организация фактически не подчиняется военным. Она не попала под начало комитета начальников штабов, как другие придатки Пентагона, и находится под непосредственным контролем директора ЦРУ, министра обороны, СНБ и самого президента.

В АНБ много специалистов в области математики и средств связи; в качестве консультантов привлекаются крупные ученые, работающие в самых различных сферах. Агентство готовит собственных специалистов и широко прибегает к вербовке в университетской среде: каждый год оно берет на работу несколько сот перспективных выпускников колледжей. Оно стремится также сманить побольше «умов» из частного сектора промышленности.

Агентство имеет свои отделения и за рубежом: «АНБ-Дальний Восток» в Японии и «АНБ-Европа» в ФРГ.

Основу АНБ составляют три главных управления. Оперативное управление, которому подчинена сеть станций радио и радио-технической разведки во всех районах мира, ведущих перехват работы средств связи и прочих демаскирующих электронных излучений.

Управление выработки информации («ПРОД»). Его на-

значение — дешифровка текстов. Управление несет также ответственность за функционирование электронных систем — станций радиоперехвата, радиолокационных станций, разведывательных кораблей и самолетов, спутников и подводных лодок. «ПРОД», — пишет Г. Рэнсом, — является оружием АНБ, имеющим широкий диапазон действия, разместившим американскую разведывательную технику на всем земном шаре и регистрирующим все, какие только возможно, электронные сигналы, так как они могут иметь потенциальное значение для разведки. К этой деятельности привлечены тысячи военнослужащих, которые находятся под контролем АНБ».

Управление по безопасности связи («КОМСЕК») обеспечивает надежную работу военных и дипломатических каналов связи США. Кроме того, управление снабжает министерства и ведомства США шифровальными машинами и следит за их исправностью.

И третье управление — Управление научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Все сотрудники агентства перед приемом на службу проходят тщательную проверку. Несколько учреждений, и прежде всего ФБР, изучают кандидатов, обращая особое внимание на их благонадежность. Каждый должен пройти через детектор лжи, а если будет принят в число служащих АНБ, подвергается этому испытанию периодически — в течение всего срока работы. АНБ — один из немногих государственных органов, которому разрешено иметь собственную службу безопасности, не подчиненную ФБР. Палата представителей конгресса специально приняла 9 мая 1963 г. закон, который давал министру обороны право увольнять любого работника агентства без объяснения причин и без права на обжалование увольнения в случае, если возникли сомнения в его благонадежности.

Окруженное глубокой тайной, АНБ считается одним из наиболее законспирированных членов «разведывательного сообщества». Поэтому с первых дней его создания власти делают все для того, чтобы ни одна деталь, относящаяся к его деятельности, не стала достоянием гласности. Агентство стремится проникать в секретную корреспонденцию (особенно военного и дипломатического характера) других государств и оберегать тайну корреспонденции своей страны.

Одна из старейших специализированных секретных служб США — разведка госдепартамента. Это ведомство всегда было связано с разведывательной деятельностью за границей, поскольку его руководители, считавшие, что тайная деятель-

ность и внешняя политика неразделимы, во все времена рассматривали разведку как свою прямую обязанность.

Сразу же после войны появилась необходимость приспособить разведку госдепартамента к быстро меняющейся обстановке в мире. Тогда-то и было создано теперешнее Бюро разведки и исследований, основы которого заложил Джордж Маршалл, бывший государственным секретарем США в 1947—1949 гг. В одном из документов, составленном при его участии, говорилось:

«Основным элементом работы госдепартамента должно стать проведение наступательной, активной разведки, не ограниченной в средствах. Это позволит США достичь своих внешнеполитических целей и исключить возможность провалов»⁹.

Директор Бюро разведки и исследований по служебному рангу приравнен к помощнику государственного секретаря. Бюро должно собирать, анализировать и распространять политическую, экономическую и социологическую информацию в интересах всего «разведывательного сообщества», и прежде всего ЦРУ, а также удовлетворять потребности в такой информации самого госдепартамента.

Главным источником первичных разведывательных данных для бюро служат дипломатические представительства США в других странах: от 40 до 60% «сырого материала» для анализа поступает именно из докладов и донесений американских посольств и миссий за границей (их насчитывается более 300). Сбор такого рода данных возложен прежде всего на политические и экономические отделы посольств. Кроме того, в штате посла имеются специальные атташе (в области сельского хозяйства, торговли, финансов, труда, науки и т. п.), ответственные за сбор и представление информации каждый в своей области.

Директор Бюро разведки на основе этой информации с ведома ЦРУ обеспечивает Белый дом и государственного секретаря разведывательными оценками, а также разрабатывает и осуществляет скоординированные программы исследований в интересах госдепартамента и других ведомств. В этих целях бюро начиная с 60-х годов широко практикует привлечение (по контрактам) специалистов и научных сотрудников исследовательских организаций. Известно, например, что при помощи таких специалистов изучались многие проблемы, в частности такие, как «Политические партии стран Латинской Америки», «Профсоюзные организации стран Африки» и др. С учетом рекомендаций, содержащихся в этих исследованиях, ЦРУ определяет характер своих практических действий, на-

правленных на поддержку партий, придерживающихся проамериканской ориентации, на нейтрализацию влияния левых сил и их лидеров, на подкуп отдельных профсоюзных боссов и т. д.

Директор Бюро разведки представляет госдепартамент в Национальном совете по вопросам разведывательной деятельности за рубежом, а также в других межведомственных комитетах и группах, имеющих отношение к разведывательной деятельности, и, следовательно, таким образом, отражает точку зрения госдепартамента при оценке политических, социальных и экономических фактов, собранных сообществом в целом. Непосредственное содействие ему оказывает группа специальных исследований, которая проводит аналитическую и исследовательскую работу в политической области, вырабатывает рекомендации по секретным внешнеполитическим вопросам; она же контролирует некоторые виды тайных операций типа акций «плаща и кинжала».

Особо важными разведывательными документами, обычно направляемыми узкому кругу высокопоставленных должностных лиц, ведает оперативный секретариат при заместителе директора Бюро по координации, тесно сотрудничающий с ЦРУ. Это подразделение само решает, «кому надо и кому не надо знать» ту или иную «деликатную» информацию.

К выпуску информационной «продукции» в Бюро разведки имеют отношение семь исследовательских отделов. Шесть из них организованы по обычному региональному принципу — отделы по Западной Европе, Африке, Латинской Америке, СССР и Восточной Европе, Ближнему Востоку и Южной Азии, Дальнему Востоку. Седьмой отдел называется «функциональным»: он занимается, например, такими специальными экономическими вопросами, как транспорт, продовольственные и людские ресурсы мира, а также составлением географических карт.

В Бюро разведки имеется также отдел текущей разведывательной информации, в котором непрерывно ведется изучение и оценка военно-стратегической обстановки в мире на базе огромной массы сведений, поступающих от «разведывательного сообщества», и оперативный центр, созданный в начале 60-х годов. Задача «оперцентра» — извещать высших руководителей госдепартамента о возникновении «критических ситуаций и предупреждать о назревающих кризисах», представляющих угрозу «жизненным интересам» США.

Пытаясь оправдать столь широкий и пристальный, поистине глобальный интерес Соединенных Штатов ко всем районам мира, заместитель директора Бюро разведки и исследо-

ваний госдепартамента Дж. Денни весьма откровенно заявил в палате представителей: «Для определения внешнеполитического курса правительство США должно располагать данными о положении дел не только в странах потенциального противника, но и в дружественных странах»¹⁰.

В штате бюро около 700 человек¹¹. Однако, как подчеркивает Г. Рэнсом, «в госдепартаменте почти каждый сотрудник в той или иной степени выполняет разведывательные функции».

Согласно данным американской печати, Бюро разведки и исследований в отличие от других разведывательных служб США не имеет специальных кадров на местах и в вопросе сбора информации зависит от сотрудников дипломатической службы и от различных правительственных организаций. Однако это не умаляет его роли в решении оперативных задач, стоящих перед «разведывательным сообществом». Более того, можно с полным основанием утверждать, что оно имеет самое непосредственное отношение к планированию и осуществлению тайных операций, предпринимаемых ЦРУ и другими членами «разведывательного сообщества». Например, прежде чем ЦРУ могло приступить к организации государственного переворота в Иране в 1953 г., бюро по указанию СНБ тщательно исследовало состояние иранской экономики. Изучались, например, возможные последствия сокращения притока иностранных капиталовложений в страну. В другом случае — в связи с организацией шпионских полетов над Советским Союзом самолетов У-2 — на разведку госдепартамента была возложена деликатная, как ее характеризуют американские авторы, задача склонить правительство Турции дать разрешение использовать ее территорию в качестве базы. «В подобных делах Бюро разведки и исследований, — пишет по этому поводу Р. Хилсман, — было как бы связующим звеном между «разведывательным сообществом», с одной стороны, и управлениями региональной политики госдепартамента — с другой».

Разведка госдепартамента активно участвовала в трагических чилийских событиях. Теперь уже не секрет, что разработанный ЦРУ план организации военного переворота в Чили сначала изучался в Бюро разведки и исследований, а уж потом рассматривался в высших разведывательных инстанциях. Известно содержание трех документов, представленных руководителями бюро. В первом, датированном 31 августа 1970 г., речь шла о рекомендациях ЦРУ на случай, если предстоящие президентские выборы в Чили «закончатся ничьей». Обсуждалось несколько проектов, предусматривав-

ших выделение на их осуществление от 350 тыс. до 900 тыс. долл. Руководители Бюро разведки со всей категоричностью высказывались за самую широкую финансовую поддержку противников кандидата в президенты от коалиции Народного единства С. Альенде, если это гарантирует его поражение. Второй документ, датированный 4 сентября 1970 г., касался предложения ЦРУ о подкупе членов чилийского конгресса, который в соответствии с конституцией должен был ратифицировать результаты избирательной кампании и, таким образом, в конечном счете выбрать президента.

Любое сомнение в законности подобной акции принималось руководителями Бюро разведки в штыки. В ответ они заявляли, что «в мире реальной политики, где предпринимаются подобные операции, эмоциям нет места». Основываясь на этом заключении разведки госдепартамента, высшие разведывательные инстанции США рекомендовали израсходовать 350 тыс. долл. на подкуп членов чилийского конгресса. В третьем документе, датированном 25 июля 1973 г., ЦРУ предлагало тайно финансировать политические партии, выступающие против С. Альенде. И это предложение нашло полную поддержку в Бюро разведки и исследований.

О взаимодействии ЦРУ с госдепартаментом как ведомством, входящим в состав «разведывательного сообщества», можно судить и по такому немаловажному факту. Как сообщала в свое время газета «Вашингтон пост», около 1500 американских разведчиков «без шума» зачислены в госдепартамент, где они занимаются разведывательной деятельностью под прикрытием дипломатических должностей. Оперативные работники ЦРУ, утверждалось в этом сообщении, заняли в госдепартаменте ряд ключевых постов.

В 1946 г. американский конгресс принял Закон об организации Комиссии по атомной энергии (КАЭ), которая начала функционировать в январе 1947 г. Совместно с Пентагоном она проводила научные исследования, опыты, испытания и занималась производственной деятельностью, связанной с разработкой ядерного оружия.

Стремясь обеспечить США приоритет в создании и накоплении новых видов оружия, американская администрация одновременно с учреждением КАЭ образовала при ней специальный отдел разведки *. Этот отдел ведал сбором откры-

* В 1975 г. на базе КАЭ было создано два самостоятельных учреждения: Управление энергетических исследований и разработок и Комиссия по контролю за ядерной энергией. В 1978 г. при образовании министерства энергетики туда вошло и Управление энергетических исследований и разработок вместе с отделом разведки.

тыми способами сведений о ядерном потенциале иностранных государств, и прежде всего Советского Союза.

При участии разведывательного отдела осуществляется непрерывный контроль за атмосферой Земли, цель которого — обнаружить радиоактивные частицы после ядерных испытаний.

Обработанная разведывательная информация направляется в СНБ, ЦРУ, военные ведомства и различные звенья «разведывательного сообщества». Специфические обязанности отдела разведки состоят в том, чтобы держать руководство министерства энергетики в курсе вопросов, затрагивающих политику в области атомной энергии.

Одним из важных членов «разведывательного сообщества» является Федеральное бюро расследований (ФБР), хотя его роль в добывании сведений об иностранных государствах и ограничена. Сейчас ФБР направляет своих представителей в столицы ряда стран мира, но функционирует преимущественно как орган контрразведки, обеспечивающий внутреннюю безопасность США. Получаемая им время от времени информация, ценная с точки зрения разведки, направляется ЦРУ и другим членам «разведывательного сообщества» через межведомственные органы, где ФБР имеет своих представителей.

Постоянные реорганизации управления разведкой, как и перестановки в самом «разведывательном сообществе», продолжались и в последующие годы. В рассматриваемый период это было больше пробой сил.

Так создавался мощный и безотказный инструмент для крупномасштабных тайных операций в защиту интересов американских монополий в любом районе земного шара. Бесцеремонно вмешиваясь во внутренние дела других государств, поддерживая всюду реакционные режимы, плетя заговоры, оно тем самым проводит в жизнь экспансионистские планы монополистического капитала, преследующего цель утвердить свое господство во всем мире.

В последующих главах рассматриваются некоторые из таких операций, осуществленных американским империалистическим руками ЦРУ и при участии других спецслужб США.

Глава 2

**В УГОДУ
АМЕРИКАНСКИМ
НЕФТЯНЫМ
МОНОПОЛИЯМ.
Иран. Август 1953 г.**

**CIA
CIA
CIA
CIA
CIA**

Анатомия заговора

Нанесение в 1953 г. удара по национально-демократическому движению в Иране, свержение премьер-министра Мосаддыка и восстановление шахской власти явилось первой крупной и в своем роде пробной операцией ЦРУ. Эту операцию вместе с тем можно рассматривать как типичный во многом образец действий этой организации по устранению неугодных Вашингтону правительств. В ходе ее осуществления ЦРУ, Пентагон и госдепартамент, опираясь на местные реакционные силы, прибегли к использованию широкого арсенала средств и методов тайной войны, получивших дальнейшее развитие в последующие годы.

Спланированная и разработанная в недрах ЦРУ, одобренная и утвержденная Вашингтоном, она была направлена прежде всего на защиту интересов американского монополистического капитала в сфере международных нефтяных компаний. Установление антишахского режима в Иране, национализировавшего нефтяные богатства страны, проводившего курс на демократизацию общества и освобождение от иностранной зависимости, закрывало доступ иностранному капиталу к колоссальным природным богатствам Ирана. В переломные моменты были заинтересованы и милитаристские круги США, рассчитывавшие в результате восстановления реакционного монархического строя в Иране усилить свое влияние на ход событий в этой стране, превратить ее в мощную военную базу, нацеленную на Советский Союз.

Непосредственным организатором и руководителем этой операции стал тогдашний директор ЦРУ Аллен Даллес. Стремясь наиболее полно приспособить аппарат разведки к экспансионистским целям американского империализма, Аллен Даллес был всецело поглощен предстоящей опасной пробой сил ЦРУ в этом стратегически важном для Соединенных Штатов регионе. Дополнительный свет на то, в силу каких причин ЦРУ так рьяно взялось за подготовку государственного переворота в Иране, проливает такой любопытный факт. Аллен Даллес своей прошлой частной юридической практикой был тесно связан с американским филиалом германского банкирского дома Шредеров, а следовательно, и с Англо-иранской нефтяной компанией (АИНК), в делах которой

банкирский дом издавна участвовал. Один из директоров шредеровской банковской империи, Франк Тиаркс (с ним Аллен Даллес в свое время поддерживал деловые отношения), являлся членом директората АИНК, а нью-йоркская юридическая контора «Салливэн энд Кромвелл», в которой братья Даллесы были партнерами, долгое время вела дела этой компании. Словом, национализация нефтяной промышленности в Иране, помимо всего прочего, затрагивала непосредственно и личные коммерческие интересы Даллесов.

Практически переворот готовил главный резидент ЦРУ на Ближнем и Среднем Востоке 37-летний Кермит (Ким) Рузвельт, внук Теодора Рузвельта, президента США в 1901—1909 гг. Ким Рузвельт родился в Буэнос-Айресе. Перед второй мировой войной окончил Гарвардский университет, некоторое время преподавал в нем историю, а затем перешел в Калифорнийский технологический институт. В годы войны он служил в разведке — сначала в Управлении стратегических служб, а после войны — в ЦРУ как специалист по Ближнему и Среднему Востоку.

Получив задание непосредственно от директора ЦРУ изучить на месте обстановку, связаться с нужными людьми и продумать вопрос, как и в какой момент ввести в действие силы, оппозиционные Мосаддыку, Ким Рузвельт отправился в Иран инкогнито. Он и прежде частенько наведывался в Тегеран, некоторые там знали его в лицо, а кое-кто был осведомлен и о его принадлежности к разведке. Чтобы не привлекать к себе внимания агентов местной службы безопасности, Ким Рузвельт то и дело менял адреса своей штаб-квартиры, действовал с соблюдением всех необходимых предосторожностей и строжайшей конспирации. В здании дипломатического представительства США он не появлялся: посольство сносилось с ним и оказывало ему содействие тайно. Пятеро американцев, сотрудников ЦРУ, состоявших в штате посольства, и семеро иранцев, среди которых было два высших чиновника иранской разведки, помогали Киму Рузвельту. Связь с ними он поддерживал через посредников, стараясь по возможности избегать личных контактов. Прикрытием для него служил магазинчик, который он с помощью подставных лиц открыл в Тегеране.

На основе информации, собранной Кимом Рузвельтом из агентурных и других источников, тегеранская резидентура ЦРУ разработала и представила в центр подробный план устранения Мосаддыка. Администрация Эйзенхауэра в соответствии с рекомендациями Аллена Даллеса полностью одобрила предложенный план. Среди антиимпериалистически наст-

роенного населения страны трудно было найти силы для свержения Мосаддыка, и ЦРУ опиралось на реакционную верхушку военщины и верные шаху воинские части, при которых находились американские советники и инструкторы.

Государственный секретарь США Джон Ф. Даллес направил посольству США в Тегеране специальную директиву. Он потребовал всемерной активизации сил, которые могли быть использованы против Мосаддыка. Руководство посольства призвано было оказывать представителю ЦРУ Киму Рузвельту всяческое содействие, но делать это скрытно, чтобы в случае каких-либо осложнений отвести обвинения в причастности США к осуществлению акции, которая означала прямое вмешательство американцев во внутренние дела Ирана.

По предложению братьев Даллесов в Тегеран был послан с особой миссией генерал Норман Шварцкопф, один из опытных разведчиков, слывший большим знатоком Ирана. В прошлом начальник полиции штата Нью-Джерси, Шварцкопф с 1943 по 1948 г. в качестве главного советника, входившего в военную миссию США, руководил реорганизацией иранской жандармерии, нацеливая ее на слежку за политическими партиями и группами, потенциально опасными для господствующего режима *. В те годы Шварцкопф сблизился с военными деятелями Ирана, в частности с генералом Захе-ди **. Поэтому внешне визит американского генерала мог выглядеть как поездка к старым друзьям.

* Известно, что в сентябре 1947 г., после поездки Шварцкопфа в Иранский Азербайджан, там начались массовые репрессии. К концу 1947 г. аресту подверглось уже около 20 тыс. азербайджанцев — участников демократического движения; все они были отправлены вместе с семьями в концлагеря в районе Хорремабада. Были усилены карательные, военно-политические операции против борцов за свободу и независимость в Тегеране и других районах Ирана.

** Захе-ди в годы войны был связан с гитлеровской агентурой; позже арестовывался за профашистскую деятельность. В послевоенные годы он тесно сотрудничал с американскими советниками при иранской жандармерии, оказался замешан в заговоре реакционной военщины, предпринявшей 28 февраля 1953 г. попытку убить Мосаддыка. Был арестован, но вскоре освобожден. Его сын Ардешир, получивший образование в США, в 1950—1953 гг. являлся специальным помощником руководителя американской администрации в Тегеране по осуществлению «4-го пункта программы Трумэна», преследовавшей цели усиления империалистической экспансии США в отношении слаборазвитых стран. В 70-е годы он был послом Ирана в Вашингтоне, оставаясь одним из наиболее приближенных советников шаха, сторонником жесткой линии подавления демократического движения в стране. Захе-ди выступал в качестве посредника между шахом и американскими должностными лицами,

В первых числах августа 1953 г. после путешествия по Ливану, Сирии и Пакистану, занявшего несколько дней, генерал объявился в столице Ирана. Местные газеты в рубрике «светская хроника» поместили инспирированное американским пресс-атташе сообщение о том, что Шварцкопф провел утро в обществе отставного генерала Захеда, затем встретился с другими старыми коллегами по иранской армии, жандармерии и полиции. Подлинный смысл этой «светской хроники» стал ясен некоторое время спустя.

Но прежде о некоторых деталях непосредственного участия в операции ЦРУ самого Аллена Даллеса. Анализ американских публикаций последующих лет указывает на то, что Даллес, для которого риск, казалось, был делом привычным, свойственным его натуре, проявлял заметное беспокойство за исход тегеранской акции. Это было начало его карьеры в высших эшелонах власти: он чувствовал себя не совсем уверенно. Апломб придет к нему несколько позже, под влиянием «первых заметных успехов» ЦРУ. Но пока Даллес был еще способен трезво соизмерить политические цели и реальные возможности их достижения и потому, естественно, нервничал. Он не мог не отдавать себе отчета в том, что на карту поставлен престиж США как великой державы, репутация ЦРУ, набиравшего силу и выходявшего на международную арену, а также и его политическое будущее как руководителя разведки.

Поэтому не случайным было появление Аллена Даллеса в начале августа 1953 г. в Швейцарии. 10 августа американская пресса известила, что Даллес намерен провести свой отпуск с женой в Швейцарских Альпах. На первый взгляд в этом не было ничего странного. Но затем одно за другим последовали удивительные совпадения. Оказывается, и посол США в Тегеране Лой Гендерсон, несмотря на острейшую политическую обстановку в Иране, считал возможным в этот критический момент отдохнуть в Швейцарии. Совершили путешествие в Швейцарские Альпы в это время и некоторые влиятельные лица из правящей иранской верхушки, покинувшие страну после 28 февраля 1953 г. в связи с провалом заговора против Мосаддыка и обосновавшиеся в Риме.

В ходе конфиденциальных встреч с сестрой шаха принцессой Ашраф и послом Гендерсоном Аллен Даллес, как стало известно позднее, окончательно уточнил план проведения операции. Была установлена дата военного переворота, распределены обязанности между его главными исполнителями и определены инструкции для тегеранского представительства.

ва ЦРУ — центра, откуда координировались, направлялись и контролировались действия различных группировок иранской реакции.

Роль непосредственного руководителя военного переворота отводилась генералу Захе́ди. За несколько дней до переворота начальник группы военных советников США в Иране генерал Макклор установил тайный контакт с генералом Захе́ди, а также генералами Шахба́хти, Ахме́ди и другими, которым было поручено через надежных офицеров иранских вооруженных сил склонить те́геранский гарнизон к выступлению против Мосадды́ка.

К этому времени генерал Шварцко́фф, взявший на себя обработку военной верхушки, «в техническом отношении безукоризненно подготовил путч». Американская администрация не скупилась на деньги и оружие. Только одно ведомство Аллена Даллеса выделило на подкуп офицеров армии и государственных чиновников и развертывание пропаганды против Мосадды́ка 19 млн. долл.¹ Для Шварцко́ффа в банке был открыт неограниченный кредит. Пройдет время, и ЦРУ в совершенстве освоит практику подкупа для деятельности, направленной на дискредитацию и свержение иностранных правительств, которые США считают неудобными. Метод крупных платежей наличными прочно займет свое место в арсенале средств американской разведки. Но уже и тогда ЦРУ широко пользовалось этим методом. Пустив в ход деньги, американский генерал Шварцко́фф энергично вербовал противников Мосадды́ка. Тем временем генерал Захе́ди, покинув Те́геран, при помощи американцев приводил в готовность войсковые части, привлеченные им на свою сторону, сколачивал вооруженные банды из крайне реакционных политических и уголовных элементов.

Классовые интересы Мосадды́ка, выразителя чаяний национальной буржуазии и крупных поместных землевладельцев, не позволили ему в борьбе за независимость Ирана против открытого и узаконенного грабежа страны иностранным капиталом пойти на союз с массовым демократическим движением иранского народа. При Мосадды́ке продолжало действовать заключенное в октябре 1950 г. американо-иранское соглашение о распространении на Иран действия «4-го пункта программы Трумэ́на», предусматривавшего оказание ему «помощи». На основе этого соглашения США направили в Иран специальную миссию, численность которой к июню 1952 г. превысила 120 человек. Она имела свои отделения в Тебри́зе, Реше́, Мешхе́де, Керманша́хе, Исфаха́не, Ши́разе, Ахва́зе, Керма́не и других городах. Миссия превратилась в

гнездо американской разведки, став важным орудием политической и идеологической экспансии США в Иране; кадровые разведчики и многочисленная агентура ЦРУ проникли во все поры государственного аппарата страны, ее армию, жандармерию и полицию.

Правительство Мосаддыка не приняло радикальных мер в отношении враждебных действий внутренней реакции и империалистической агентуры, готовившихся к организованному выступлению. Премьер-министр и радикально настроенная общественность Ирана в этот критический для судьбы страны момент недооценили всей опасности назревавших событий. Их больше занимал вопрос, как не допустить углубления демократического, рабочего и крестьянского движения. Неудивительно, что в такой обстановке, благоприятной для консолидации реакционных сил и перехода их к более активным действиям, Шварцкопфу и Захеде не составило большого труда склонить к путчу шахскую гвардию, командование некоторых воинских подразделений, танковых частей, не говоря уже о полиции и жандармерии. Тем временем Ким Рузвельт, вовлекая в участие в заговоре все больший круг людей, ускорял наступление развязки.

17 августа 1953 г. в Тегеран возвратился американский посол Лой Гендерсон. Он немедленно посетил премьер-министра Мосаддыка и, заявив, что правительство США будет всячески препятствовать его пребыванию у власти, настаивал на том, чтобы тот немедленно ушел в отставку.

У власти генерал Захеде. Последствия переворота

Кульминационный момент наступил 19 августа 1953 г. Отсутствие единого фронта всех национальных антиимпериалистических сил не позволило своевременно пресечь происки стремительно множившихся враждебных элементов. Только в последний момент Мосаддык решил действовать и приказал ввести в Тегеран войска, сохранявшие верность правительству. Тем временем большая группа тайных агентов Кима Рузвельта под видом бродячих артистов устроила марш к центру Тегерана. Доступ в столицу, судя по всему, был не столь уж сложен. Процессия медленно двигалась по улицам мимо базаров и мечетей,

обрастая все новыми участниками и многочисленными зрителями, среди которых было немало лиц, панятых американцами: каждому участнику беспорядков выдавалось денежное вознаграждение. Агентура ЦРУ, разжигавшая антиправительственные настроения в Тегеране и запугивавшая тех, кто сотрудничал с Мосаддыком, действовала все более нагло и безнаказанно. По условному сигналу процессия в один миг превратилась в огромную разъяренную толпу, требовавшую свержения правительства и казни Мосаддыка. По заранее подготовленному сценарию к демонстрации присоединились армейские части, поддерживавшие шаха. Беспорядки усиливались, охватив весь город. В Иране всегда центром формирования общественных настроений выступали базар и мечеть. Именно здесь, в местах массового скопления народа, открыто выражавшего свои мысли и чувства, стихийно складывались оценки происходящих в стране событий. Именно эти оценки и становились для большинства иранцев главным ориентиром при выработке своего отношения, своей собственной позиции. И без того напряженная обстановка накалилась до предела. В столицу на американских грузовиках и танках вошли части генерала Захеда. Проинструктированные сотрудниками ЦРУ представители реакционной военной захватили местную радиостанцию.

Ожесточенные схватки между сторонниками Мосаддыка и прошахскими силами продолжались более девяти часов. Военная миссия США в Тегеране заблаговременно снабдила противников Мосаддыка американской боевой техникой, в результате чего в ходе уличных боев преимущество оказалось на их стороне. В конечном итоге все решила армия, оказавшаяся в решающий момент в руках реакционных генералов и офицеров.

19 августа 1953 г. правительство Мосаддыка было свергнуто.

Генерал Захеда, главный представитель реакционной военищины, направляемой американскими империалистами, захватил власть и сформировал новый кабинет, который США рассматривали как инструмент для утверждения господствующего положения американских монополий в Иране и нефтяной промышленности всего Ближнего Востока, разумеется, в ущерб интересам прежде всего их английского конкурента. Переворот сопровождался лишением иранцев всех их тогдашних завоеваний в области политической и экономической самостоятельности, разгромом прогрессивных организаций и газет, массовыми арестами и жестокими расправами с демократическими деятелями. Мосаддыка и некоторых его

министров отправили в тюрьму *. В стране была установлена военная диктатура. Так была проложена дорога для возвращения в страну шаха, покинувшего ее на короткий период, и водворения его на трон.

Вскоре стало очевидно, что переворот организован иностранной разведкой, хотя ЦРУ и старалось придать ему характер «народной революции». Эта лживая версия, пущенная в ход ведомством Аллена Даллеса с целью снять с администрации США ответственность за бесцеремонное вмешательство во внутренние дела Ирана, не помогла. Даже американская пресса назвала иранские события дворцовым переворотом с щедрыми подачками и искусной пропагандой. «Никто не сомневается, что правительство Мосаддыка было свергнуто в первую очередь армией, а не массами народа», — писал американский обозреватель Ричард Фрай.

Администрация Эйзенхауэра прямо не признавала роль, которую в этих событиях сыграла разведка США. Но уже в конце осени 1954 г. появилась серия статей Ричарда и Глэдис Харкнесс под общим названием «Тайные дела ЦРУ», написанных с одобрения Аллена Даллеса и представлявших собой нечто вроде официального отчета о государственном перевороте в Иране, который авторы в целях рекламы преподносили чуть ли не как «триумф ЦРУ». Тайна вмешательства США во внутренние дела Ирана была, таким образом, частично раскрыта. По прошествии нескольких лет стали известны новые подробности, особенно после смещения в конце 1961 г. Даллеса с поста директора ЦРУ.

О причастности ЦРУ к государственному перевороту в Иране Аллен Даллес говорил в своем выступлении по телевидению в 1962 г., а затем подтвердил это в книге «Искусство разведки», вышедшей в США в 1963 г. Надежным «антикоммунистическим» элементом в этой стране, точнее говоря, сторонникам шаха «была оказана поддержка извне», скромно признал Даллес. Спустя 14 лет после событий 1953 г. «Нью-Йорк таймс» поведала своим читателям: «Агенты Центрального разведывательного управления США сыграли решающую роль в свержении Мосаддыка». А в 1976 г. факт вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела Ирана

* Мохаммед Мосаддык и его ближайшие соратники были преданы суду военного трибунала. Но этот суд не решился вынести смертный приговор Мосаддыку: останавливала огромная популярность, которой он пользовался в Иране как человек, выступавший в защиту национальных интересов страны. Его осудили на три года. По истечении срока заключения он был отправлен под надзор властей в свое имение Ахмедабад (под Тегераном). Умер в 1967 г.

подтвердила уже специальная сенатская комиссия американского конгресса. «В 1953—1954 гг. ЦРУ,— говорилось в докладе этой комиссии,— были осуществлены две наиболее дерзкие операции — свержение правительства Мохаммеда Мосаддыка в Иране и переворот, направленный против президента Хакобо Арбенса Гусмана в Гватемале. Обе операции были проведены быстро и фактически без кровопролития; осуществление их позволило отстранить от власти двух считавшихся прокоммунистически настроенными лидерами и заменить их деятелями, придерживающимися западной ориентации»².

Американское влияние в Иране быстро росло. США расширяли военную и экономическую помощь шахскому режиму. Уже 2 сентября 1953 г. администрация Эйзенхауэра, отказавшая в займе правительству Мосаддыка, предоставила новому правительству Захеда экономическую помощь в размере 23 млн. долл., а три дня спустя добавила к этой сумме «безвозмездную финансовую помощь» в размере 45 млн. долл.³ Кроме того, американцы передали генералу Захеда еще около 1,5 млн. долл. для выплаты вознаграждения личному составу частей иранской армии, жандармерии и полиции, отличившихся 19 августа 1953 г.⁴

Нефтяная подоплека переворота

К началу 50-х годов Иран был крупнейшей нефтедобывающей страной на Ближнем и Среднем Востоке: по добыче нефти он занимал четвертое место в мире. Однако в результате засилья иностранного капитала плодами колоссальных природных богатств пользовались иностранные монополии, главным образом Англо-иранская нефтяная компания (АИНК)*, которая сыграла важную роль в послевоенной истории Ирана. Поэтому есть смысл в общих чертах остановиться на истории ее деятельности.

В 1911 г. министром английского военно-морского флота назначили Уинстона Черчилля. Среди преобразований, осуществленных им накануне первой мировой войны, был перевод военно-морского флота с угля на нефть, что должно было обеспечить ему большую быстроходность и маневренность. Возник вопрос: где взять новое топливо? Уголь был в избытке в самой Англии, нефть же добывалась в Иране, где уже действовала Англо-персидская нефтяная компания. С мо-

* До 1935 г. она называлась Англо-персидская нефтяная компания.

мента своего возникновения она пользовалась особым покровительством английского правительства. Ее деятельность полностью определялась интересами британской империалистической политики, важным фактором которой становилась нефть.

Британский представитель в Индии Перси Кокс способствовал заключению соглашения компании с местными шейхами о доставке нефти к порту Абадан, откуда ее транспортировали танкерами. Нефтепровод протяженностью 200 км — первая крупная нефтяная артерия Среднего Востока — протянулся через горы к морю. Здесь был построен нефтеочистительный завод, что позволило компании сосредоточить в своих руках добычу, переработку и транспортировку нефти.

АИНК, ссылаясь на растущую угрозу конкуренции со стороны американской фирмы «Шелл», усиленно добивалась от правительства финансовой поддержки. В июле 1913 г. Черчилль внес на рассмотрение парламента предложение о приобретении АИНК. «Мы, — заявил он, — должны стать владельцами или получить возможность контролировать источники, которые пусть даже частично обеспечивают нас необходимой нам нефтью». Вскоре адмиралтейство согласилось купить за 2 млн. ф. ст. 51% акций компании, т. е. стало владельцем контрольного пакета акций.

Огромные финансовые доходы от иранской нефти потекли в английские сейфы. К началу 20-х годов АИНК прочно заняла место среди ведущих нефтяных монополий мира и превратилась в «интегрированную нефтяную компанию», располагавшую своим танкерным флотом.

Первая мировая война наглядно продемонстрировала зависимость западных стран от снабжения их нефтью, которая нужна была самолетам, машинам, танкам. «Нефть, — говорил известный политический и государственный деятель Франции Жорж Клемансо, — так же необходима, как кровь». Начался новый этап империалистической борьбы за нефть.

Англия и Франция всеми способами пытались захватить новые источники нефти на Ближнем Востоке, эквивалентные американскому Техасу. При этом они были полны решимости не допустить на Ближний Восток американские нефтяные компании, которые также рвались к иностранным источникам нефти. Английское правительство, сознавая зависимость страны от импорта нефти, укрепляло связи с нефтяными компаниями, в первую очередь с АИНК. Главы компаний начинали играть важную роль в формировании внешней политики.

В 1925 г. престол в Иране захватил Реза-хан, сын офицера, мелкого помещика из Мазендерана. Начав службу рядовым в персидских отборных кавалерийских отрядах, он за короткий срок достиг высокого чина — стал командиром кавалерийской дивизии. Таким взлетом своей карьеры Реза-хан был обязан влиятельному английскому генералу Эдмунду Айронсайду. Ставя Реза-хана во главе персидской кавалерийской дивизии, англичане рассчитывали на его содействие в «приручении» тогдашнего иранского монарха Ахмед-шаха и в удушении разраставшегося национально-освободительного движения, угрожавшего экономическим и политическим позициям Англии. И они не ошиблись: Реза-хан изо всех сил старался оправдать оказанное ему доверие. В феврале 1921 г. предводительствуемые им кавалерийские части внезапно ворвались в Тегеран и в угоду англичанам принудили насмерть перепуганного Ахмед-шаха сместить стоявшее у власти правительство. За оказанную услугу Реза-хан получил портфель военного министра: этот пост он занимал с 1921 по 1923 г., жестоко подавляя демократическое движение в стране. В октябре 1923 г. при поддержке англичан он был назначен главой правительства. 12 декабря 1925 г., после низложения Каджарской династии, Реза-хан провозгласил себя шахом Ирана, приняв во время коронации имя Пехлеви*. Это был грозный монарх, установивший в стране жестокую диктатуру. В годы его правления в стране беспощадно преследовались демократические партии, организации и пресса.

И все же в стране росло недовольство, вызванное грабежом национальных богатств английскими монополиями. Дело дошло до того, что в 1932 г. был даже временно расторгнут договор с АИНК. Заметим, что к этому времени, начиная с 1909 г. — момента основания АИНК, ее чистая прибыль составила 171 млн. ф. ст. Иранское же правительство получило лишь 11 млн. ф. ст., т. е. 6% вместо предусмотренных соглашением 16%. Однако Реза-шах, несмотря на это, всей своей дальнейшей политикой способствовал укреплению позиций АИНК. Через несколько месяцев правительство заключило с ней новое соглашение. По договору 1933 г. колониальные интересы Англии почти не были ущемлены. Он предусматривал лишь небольшое увеличение отчислений в иранскую каз-

* Пехлеви — это название языка древних иранцев, на базе которого возник современный персидский язык. Принимая это имя, Реза-хан как бы подчеркивал, что в отличие от тюркской династии Каджаров он, как истинный иранец, имеет «законные права» на престол. Династическое имя Пехлеви, разумеется, не имело никакого отношения к родословной Реза-хана.

пу и ограничение территории, на которой могла действовать компания. Но в обмен на эти небольшие уступки английские колонизаторы добились продления срока деятельности АИНК до 1993 г.

Накануне второй мировой войны в Иране попытались обосноваться и монополии других империалистических держав, в частности фашистской Германии, воспользовавшейся политическими симпатиями Реза-шаха к третьему рейху. О повышенном интересе Гитлера к этой стране, имевшей важное экономическое и стратегическое значение, свидетельствует уже тот факт, что в 1940/41 финансовом году удельный вес Германии во внешнеторговом обороте Ирана достиг 45,5%.

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии содействовал мощному подъему национально-освободительной борьбы в Иране. Опираясь на поддержку США и Великобритании, шахский режим подавил развернувшееся в стране в первые послевоенные годы антиимпериалистическое движение.

Вместо Реза-хана англичане посадили на трон его сына Мохаммеда Реза Пехлеви. Новый монарх был также весьма благожелателен к АИНК. В первые пять лет после окончания войны объем производства нефти в Иране почти удвоился. Компания все более процветала и приносила огромные доходы как Англии, так и правящей верхушке самого Ирана. Обладая на юге страны концессией на владение огромной площадью около 250 тыс. кв. км, она эксплуатировала более 300 нефтяных скважин, владела крупным нефтеперерабатывающим заводом в Абадане. На ее предприятиях в Иране было занято более 100 тыс. человек. Компания имела свои аэродромы, радиостанции, железную дорогу, порты, морской и воздушный транспорт и даже собственную полицию. В 1950 г. ей принадлежало 59 дочерних предприятий за пределами Ирана.

За 40 лет своего существования АИНК вывезла из этой страны около 300 млн. т нефти и почти 5 млрд. долл. прибыли. Прибыль, полученная ею за один только 1950 год, почти в 10 раз превосходила капиталовложения в иранскую промышленность в том же году. Компания была экономической цитаделью британского империализма на Ближнем Востоке — важном стратегическом узле, находящемся на стыке трех континентов, главном нефтеносном бассейне мира*.

* По оценкам на 1955 г., на Ближнем Востоке находилось от 65 до 75% известных мировых запасов нефти⁵.

АИНК бесцеремонно вмешивалась во внутренние дела страны, когда чувствовала угрозу своим интересам*.

Демократические силы страны в трудных условиях продолжали борьбу против внутренней реакции и английских империалистов. Развернувшееся в Иране в 1948 г. движение против хищнического господства АИНК в 1950 — начале 1951 г. усилилось. В широких народных массах, испытавших на себе все тяготы империалистического гнета, в среде иранской национальной буржуазии, а также связанной с нею части помещиков назревали недовольство и стремление к экономической самостоятельности Ирана. Проходили массовые народные демонстрации под лозунгами аннулирования навязанного Ирану англо-иранского договора 1933 г., национализации предприятий АИНК и ликвидации всех других концессий иностранных монополий, предоставления свободы демократическим организациям и прессе. В меджлисе также нарастали антианглийские настроения, нагнетанию которых способствовали, в частности, и высказывания американского посла Генри Крейди — он вселял в иранцев надежду (совершенно ложную, как показало время) на то, что американцы поддержат их в борьбе против англичан.

Пытаясь сбить накал антибританских настроений, АИНК в 1949 г. предложила форму «дополнительного соглашения», которое на некоторое время ставило Иран в несколько лучшие условия по сравнению с другими странами Ближнего Востока. Однако меджлис, не желая отступать от своих позиций, отказался обсуждать его. Движение за национализацию нефтяной промышленности возглавил Национальный фронт, созданный в 1949 г. в результате объединения нескольких политических групп, выражавших интересы национальной буржуазии — активной силы этого движения. Лидером его был известный в Иране политический деятель доктор Мохамед Мосаддык.

Мосаддык родился в 1881 г. в семье богатого землевладельца, образование получил в Европе. В 1914 г. в Нейштадтском университете ему была присуждена степень доктора юридических наук. По возвращении в Иран в 1915 г. Мосад-

* В одном из официальных документов Ирана говорилось, что «Англо-иранская нефтяная компания ради добавочных незаконных прибылей, не колеблясь, вмешивалась в политическую жизнь страны. Документы, обнаруженные в бюро информации этой компании, неопровержимо доказывают, что оно было центром шпионажа и с помощью подкупа, финансового и политического давления, оказываемого компанией, в течение полувека пользовалось содействием тех иранских граждан, которые согласились в ущерб интересам собственной страны оказывать ей услуги»⁶.

дык избирается депутатом меджлиса. Вскоре он был назначен министром финансов, а также избран председателем меджлиса. Мосаддык выступал против подписания англо-иранского соглашения в 1919 г. и усиления влияния АИНК. В 1922 г. Мосаддык становится генерал-губернатором Иранского Азербайджана, а затем — министром иностранных дел. В 1934 г. был арестован и отбывал тюремное заключение. В 1941 г. его выслали в Ахмедабад. После амнистии политзаключенным он был освобожден. В 1944 г. Мосаддыка снова избирают депутатом меджлиса. По-разному относясь к демократическим идеям и патриотической деятельности Мосаддыка, западные авторы едины в оценке его как крупного государственного деятеля, «умного политика, увлеченного идеями национализма». Со времен неудачной попытки национализации нефти в Мексике в 1938 г. он был одним из первых лидеров, рискнувших вступить в конфронтацию с нефтяными компаниями.

В июне 1950 г. меджлис поручил Мосаддыку возглавить специальную комиссию по вопросам иранской политики в области нефти, которая пришла к выводу, что соглашение с АИНК не отвечает интересам Ирана. В феврале 1951 г. Мосаддык выдвинул требование национализировать нефтяную промышленность.

События развивались быстро. Премьер-министр генерал Размара выступил с официальным заявлением, что Иран юридически не может отказаться от выполнения обязательств, связанных с концессией. Четыре дня спустя по дороге в мечеть он был убит. Жертвой каких сил стал премьер-министр, так и осталось загадкой. Несмотря на дипломатическое, финансовое и военное давление Англии, меджлис, вынужденный считаться с растущим антиимпериалистическим движением, избирает Мосаддыка новым премьер-министром и принимает 15 марта 1951 г. закон о национализации нефтяной промышленности. Этот закон, в котором провозглашалось, что «на все доходы с нефти и нефтепродуктов иранский народ имеет неоспоримое право», приобретал огромное значение для внутреннего социально-экономического развития страны.

29 апреля 1951 г. шах поручил 70-летнему Мосаддыку сформировать новое правительство. Основными пунктами провозглашенной новым правительством программы были осуществление закона о национализации нефтяной концессии и создание национальной нефтяной компании, которая взяла бы в свои руки управление нефтепромыслами и нефтеперегонными заводами.

Таким образом, критическая ситуация в Иране завершилась открытым вызовом британскому империализму. Английское правительство внезапно оказалось перед сложной проблемой: должно ли оно использовать вооруженные силы для защиты своих инвестиций? Положение, как подчеркивали западные авторы, было особенно затруднительным для лейбористского правительства, которое незадолго перед этим само национализировало некоторые крупные отрасли промышленности в Англии. Оно столкнулось с кризисом, будучи не подготовленным к нему: получаемая им информация из Ирана была крайне ограниченной и в значительной степени зависела от АИНК. Министр иностранных дел Г. Моррисон был настроен воинственно. Занимавший когда-то пацифистские позиции, он затем стал «ястребом» и выражал крайнее возмущение иранской «неблагодарностью». Его воинственность подогревали президент АИНК У. Фрейзер, а также министр обороны Э. Шинуэлл и многие генералы и адмиралы. Были, однако, и исключения. Лорд Маунтбеттен*, например, заявлял, что интервенция могла бы иметь пагубные последствия для английского присутствия в Азии в целом. Против интервенции высказались и многие ответственные чиновники министерства иностранных дел, считая, что разработка нефтяных месторождений без участия иранцев в окружении враждебно настроенного населения практически невозможна. Их мнение разделяли и некоторые другие представители правительственных кругов Англии.

Кабинет министров находился в замешательстве от противоречивых советов военных. Был послан крейсер «Мавритиус» для патрулирования побережья Ирана и подготовлен отряд парашютистов.

27 сентября состоялось решающее заседание кабинета министров. Этим утром Моррисон вернулся из Вашингтона, где президент Трумэн, не раскрывая перед ним далеко идущие собственные планы американского империализма, дал понять, что США не поддержат применение силы в Иране. Продолжая стоять на воинственных позициях, Моррисон начал излагать условия интервенции, но его быстро остановил премьер-министр Эттли, занимавшийся Ираном в отсутствие Моррисона. Он заявил, что вопрос о применении силы полностью исключен; никто из членов кабинета ему не возразил. Правительство Великобритании и АИНК стали проводить более осторожную политику.

* Лунс Маунтбеттен — английский военный и государственный деятель. В 1952—1954 гг. — командующий Средиземноморским флотом.

Вслед за угрозой применить военную силу, экономическим нажимом и жалобой в международный суд английское правительство обратилось в Совет Безопасности, стремясь протащить через этот орган ООН решение о создании «международной» (на деле англо-американской) компании для эксплуатации нефти. СССР, Индия и Югославия выступили в Совете Безопасности в поддержку Ирана.

Тем временем новые попытки оказать давление на правительство Мосаддыка ни к чему не привели. Оно взяло под свой контроль нефтеочистительный завод в Абадане, экспорт нефти был приостановлен. В октябре 1951 г. последняя группа оставшихся в Иране английских служащих на крейсере «Мавритиус» покинула Иран. Однако У. Фрейзер продолжал считать, что рано или поздно Иран вынужден будет пойти на переговоры, так как он теперь был лишен возможности продавать свою нефть.

Еще в самом начале кризиса АИНК заручилась поддержкой других шести крупнейших нефтяных монополий в том, что они не будут покупать «горячую нефть» в случае ее национализации. 15 мая 1951 г. госдепартамент объявил, что США «ввиду односторонних действий Ирана против английской компании намерены прекратить какие бы то ни было операции своих компаний в этой стране». Кроме того, АИНК вскоре получила помощь и от английских властей в осуществлении бойкота иранской нефти. Панамский танкер «Роз-Мари», направлявшийся с грузом нефти из Абадана, подвергся преследованию самолетов британских ВВС, в результате чего был вынужден войти в Аденский залив, где его груз был конфискован.

Бойкот иранской нефти стал возможным потому, что в тот период не ощущалось ее дефицита. АИНК приступила к расширению добычи нефти в других странах, особенно в Кувейте. Иран оказался таким образом отрезанным на какое-то время от мирового рынка нефти.

Тем не менее национализация нефтяной промышленности серьезно подрывала позиции иностранного капитала в Иране. Кроме того, она могла послужить заразительным примером и для других стран Ближнего и Среднего Востока — объектов колониального грабежа. Такая перспектива не устраивала империалистические круги Запада, в том числе и США, укрепивших в годы второй мировой войны свои позиции в Иране.

Американские интересы на Ближнем Востоке

Взаимоотношения западных нефтяных монополий на Ближнем Востоке, характеризовавшиеся острыми внутренними противоречиями, всегда были чрезвычайно запутанными. Каждая из империалистических держав, в особенности США и Англия, добивались максимальной выгоды для «своих» нефтяных магнатов. Американские империалисты решили воспользоваться англо-иранским конфликтом, чтобы усилить собственные позиции в этом районе. «Государственный департамент, — писал Антони Иден, — настаивал на создании всеамериканской комиссии, которая выкупила бы акции Англо-иранской нефтяной компании»⁷. Намерение потеснить Англию, вышедшую из второй мировой войны ослабленной, чтобы самим завладеть иранской нефтью и занять командные высоты в экономике Ирана, составляло одну из задач «большой стратегии» монополий США, стремившихся распространить сферу своего влияния на все районы мира.

Не последнюю роль играли здесь, как уже говорилось, и агрессивные планы превращения Ирана в плацдарм для вооруженных сил НАТО, нацеленных против Советского Союза. Военные руководители США, вырабатывая линию американской политики в этом регионе на послевоенный период, указывали на то, что «близость важных советских промышленных объектов достаточно выразительно объясняет, почему США необходимо удержать Восточное Средиземноморье и весь район Среднего Востока». С другой стороны, они считали, что «нефтяные запасы Ирана, Ирака и Ближнего Востока имеют огромное значение и могут быть жизненно важными» на случай войны. Из этого делался вывод, что в стратегических интересах следует удержать «вооруженные силы Советского Союза как можно дальше от нефтяных запасов Ирана, Ирака, Ближнего и Среднего Востока»⁸.

В этих условиях США совместно с Великобританией решили оказать нажим на Иран, чтобы принудить правительство Мосаддыка отказаться от национализации. Но это был лишь отправной пункт далеко идущих планов американских монополий, которые в течение 30 лет вели упорную борьбу с англичанами за ближневосточную нефть. Расчет делался на то, что угроза национализации предприятий АИНК побудит Великобританию к большей уступчивости и заставит ее допустить монополии США к иранской нефти.

Предпринятый англо-американскими империалистами бойкот иранской нефти, а также приостановка ее добычи и прекращение отчислений от доходов с нефти, финансовый шантаж — все это хотя и привело к ухудшению экономического положения Ирана и поставило страну перед серьезными трудностями, но не дало желаемого результата. Правительство Мосаддыка отвергло требования США и Великобритании. Были подписаны временные торговые соглашения, в том числе и о поставке нефти, с СССР, Чехословакией и Венгрией. (Правда, после того как США пригрозили Ирану прекращением экономической помощи, Мосаддык вынужден был отказаться от реализации этих соглашений.) Вместе с тем в начале 1952 г. иранское правительство отклонило предложение Вашингтона присоединиться к сколачиваемому США антисоветскому блоку на Среднем Востоке.

Финансовое и экономическое давление, дипломатические акции, различного рода политические провокации и попытки сместить Мосаддыка, предпринятые английским и американским империализмом, окончились провалом. В октябре 1952 г. в ответ на эти враждебные действия правительство Мосаддыка разорвало дипломатические отношения с Великобританией; все ее официальные представители были высланы из Ирана. В этой ситуации империалистические круги, тесно связанные с ними внутренняя реакция и проамерикански настроенная верхушка иранской армии взяли курс на государственный переворот. Ему предшествовала развернутая правительственными органами США пропагандистская кампания, лейтмотивом которой был явно шантажистский тезис: если антишахский режим Мосаддыка сохранится, Советский Союз «захватит власть в свои руки». Президент Эйзенхауэр, который был «одержим страхом перед коммунистическим Ираном», согласился на устранение «неуступчивого» Мосаддыка. «Любое иранское правительство, кроме коммунистического, было бы лучше для нас, чем нынешнее правительство. Мы сочли невозможным иметь дело с Мосаддыком», — заявил Джон Фостер Даллес членам палаты представителей конгресса США. Комментируя это заявление государственного секретаря, «Нью-Йорк пост» писала: «Правительство Мосаддыка падет до конца этого года... Мосаддык, вероятно, будет свергнут армией... имеющей особенно тесные связи с Соединенными Штатами, которые снабжают ее современным вооружением и обучают личный состав».

Разведке госдепартамента было поручено тщательно проанализировать состояние иранской экономики. Взвешивались, в частности, возможные последствия сокращения по-

ступлений иностранных капиталовложений. Политические выводы такого исследования, писал тогдашний руководитель дипломатической разведки США Р. Хилсман, оказались уничтожающе ясными. По этому прогнозу иранское правительство могло устоять даже в условиях экономического бойкота. Медлить, сочили в Вашингтоне, было нельзя. Премьер-министра Мосаддыка, осмелившегося добиваться национализации нефтяных ресурсов своей страны, решено было насильно устранить. Тотчас же была приведена в действие американская разведывательная машина.

Кому был на пользу реакционный переворот

Устранение правительства Мосаддыка и ликвидация англо-иранского конфликта, тянувшегося с 1951 г., способствовали усилению политических и экономических позиций США в Иране. После переворота англичанам не удалось полностью вернуть себе прежние позиции в обладании иранской нефтью, американцы стали партнерами англичан. С потерей монопольной концессии Великобритания утрачивала свое преимущественное положение как в самом Иране, так и на всем Ближнем и Среднем Востоке.

Характерно свидетельство на этот счет лондонского еженедельника «Экономист». Журнал указывал, что с концессиями в Иране Лондон потеряет больше, чем источник нефти или возможность инвестиций. «Это,— писал журнал,— явится серьезным ударом по торговым и экономическим позициям Англии... Утрата концессии в Иране будет означать потерю крупнейшего и единственного чисто английского нефтяного предприятия, и это резко ослабит Англию. Источник нефти может быть возмещен в течение одного года, но потеря предприятия такого важнейшего стратегического значения будет ощущаться в течение длительного времени».

В середине октября 1953 г. для переговоров об иранской нефти в Тегеран прибыл Герберт Гувер-младший, тогдашний специальный советник государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса. Правительство генерала Захеда с готовностью выполнило требования американской администрации: с планами национализации было покончено, а в декабре 1953 г. восстановлены дипломатические отношения с Англией. 10 апреля 1954 г. было заключено соглашение об

образовании Международного консорциума для разработки иранских нефтяных месторождений. В соответствии с этим соглашением бывшая Англо-иранская нефтяная компания, переименованная несколько месяцев спустя в «Бритиш петролеум компани», получила 40% акций. Столько же досталось так называемой «большой пятерке» американских монополий («Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Стандард ойл оф Калифорния», «Тексас ойл компани», «Сокони вакуум ойл компани» и «Галф ойл корпорейшн»), 14% — англо-голландскому нефтяному тресту «Ройял датч-Шелл» и 6% — французской «Компани франсез де петроль».

Соглашение обязывало Иран «возместить ущерб», нанесенный Англо-иранской нефтяной компании в связи с национализацией ее предприятий. Тем самым Иран был подвергнут своеобразному наказанию за то, что попытался самостоятельно распоряжаться национальными нефтяными богатствами. В августе 1954 г., еще до подписания соглашения, американский журнал «Бизнес уик» оценивал его как небывалую победу нефтяных компаний и с удовлетворением отмечал, что от грандиозной мечты Мосаддыка выступить самостоятельно на мировом рынке нефти ровным счетом ничего не осталось.

Итоги политики вмешательства США в дела Ирана американская пресса оценивала так: свержение Мосаддыка «будет служить наглядным уроком другим слаборазвитым странам с богатыми ресурсами. Они убедились, как дорого пришлось заплатить Ирану за фанатический национализм»⁹. Под «фанатическим национализмом» американская пропаганда подразумевала и подразумевает всякое стремление к укреплению национальной экономической независимости, не говоря уже о политической.

Государственный переворот в Тегеране принес нефтяным монополиям США огромные экономические выгоды. Они захватили главенствующие позиции в нефтяной промышленности Ирана и всего Ближнего Востока. Их доля в добыче ближневосточной нефти увеличилась с 44% в 1950 г. до 58,2% в 1955 г., тогда как доля английских компаний сократилась соответственно с 52 до 34,2%¹⁰. Доля «Бритиш петролеум компани» в добыче ближневосточной нефти понизилась за эти годы с 48 до 27%.

Нефтяные магнаты, в свою очередь, не забыли «заслуги» Кермита Рузвельта. Уйдя из разведки, он поступил на службу в «Галф ойл корпорейшн», а в 1960 г. получил пост вице-президента этой корпорации. Признанием его заслуг в организации переворота явилось прозвище

«мистер Иран» — так именуют его в американской печати до сих пор.

В результате военного переворота, приведшего к свержению конституционного правительства, организованного ЦРУ, Соединенные Штаты получили возможность влиять на выработку внутреннего и внешнего политического курса Ирана с учетом американских стратегических интересов в этом регионе мира. Свержение правительства Мосаддыка привело к усилению экономической, политической и военной зависимости Ирана от США, способствовало втягиванию страны в антисоветские военные союзы. В 1955 г. Иран присоединился к агрессивному военному Багдадскому пакту (с 1959 г. — СЕНТО), действовавшему вопреки национальным интересам стран Ближнего и Среднего Востока.

В декабре 1955 г. был принят закон о привлечении в Иран иностранного капитала, который получил значительные льготы и гарантии. В связи с этим усилился приток в страну иностранных инвестиций. Три года спустя там действовало свыше 1000 иностранных компаний и фирм (из них около половины американских и английских), которые захватили важные позиции в иранской экономике и выкачивали огромные прибыли: к 1959 г. они составили уже около 1 млрд. долл. В январе 1958 г. Тегеран посетил государственный секретарь США Джон Фостер Даллес. Вскоре, в марте 1959 г., было подписано двустороннее военное соглашение между США и Ираном.

Стремясь к дальнейшему укреплению своих позиций в Иране, который империалистические державы всегда рассматривали как базу борьбы против национально-демократических движений на Ближнем и Среднем Востоке, США значительно расширили институт американских советников, контролирующих армию, разведку, жандармерию, полицию, государственный аппарат, а также экономику. Общее число их по всей стране уже в первые годы после переворота составляло несколько тысяч человек. Все это указывает на то, что уже тогда закладывались основы будущего зловещего американо-иранского сотрудничества, особенно в военной области, которого достигли США при шахе. Пентагон и ЦРУ осуществляли политику широкого предоставления Ирану новейшего американского вооружения и все большего подчинения иранской экономики интересам военно-промышленного комплекса США. За время с 1950 по 1977 г. США передала Ирану оружия и военной техники на 20 млрд. долл.

Интересам укрепления позиций империалистических сил в стране способствовала и внутренняя политика правитель-

ства шаха. Всячески раздувая не без помощи своих американских друзей миф о якобы существующей для Ирана внешней опасности, шах за счет иранских трудящихся из года в год усиливал темпы милитаризации страны. Вновь оказавшись в 1953 г. на троне, он принялся всеми силами укреплять свою власть. Для этого, с одной стороны, щедро раздавались чины и денежные подачки тем, кто остался верен ему и содействовал его возвращению, а с другой — с неслыханной жестокостью учинялась расправа над деятелями оппозиции. Основным орудием в утверждении власти монархии и организации массовых расправ с иранским народом стала тайная политическая полиция — САВАК, учрежденная шахом в 1957 г. с помощью непосредственных «консультаций» ЦРУ и его советников, специально направленных в Тегеран. Получив задание шаха во что бы то ни стало истребить всех инакомыслящих, шефы иранской охранки не имели времени и не видели необходимости в том, чтобы разбираться в политических оттенках оппозиции. Они делили всех иранских граждан на два лагеря: сторонников шаха и его противников. САВАК бросила в тюрьмы и подвергла зверским пыткам многие тысячи людей, подозревавшихся в принадлежности к оппозиции шахской власти. Особенно изощренным истязаниям подвергались члены Народной партии (Туде), вынужденной уйти в глубокое подполье. 360 тыс. политических заключенных — лучших сынов иранского народа — были казнены или погибли под пытками в казематах САВАК — таков итог развязанного режимом шаха массового террора. Завершив к середине 60-х годов проведение массовых карательных операций, связанных с расправой над политической оппозицией внутри страны, САВАК, преследуя те же цели подавления противников шаха, перенесла огонь на иранскую эмиграцию, а в Иране сосредоточила главные силы на преследовании передовой интеллигенции, студенчества и революционеров-подпольщиков. Однако политика жесточайшего террора стала причиной нового титанического взрыва, всколыхнувшего все слои населения страны и приведшего к свержению ненавистного шахского режима и провозглашению (в 1979 г.) Исламской Республики Иран.

Эта победа, встреченная с надеждой и горячим одобрением большинства иранцев, вызвала озлобление и ярость Вашингтона и ЦРУ, привела в движение внутренние реакционные силы, все еще не сложившие оружие и рассчитывающие в сговоре с международными монополиями взять реванш.

Время, несомненно, обнажит все тайные пружины закулисных маневров США в Иране в 1978—1980 гг., как оно обнажило и беспощадно разоблачило происки американского империализма, приведшие в 1953 г. к свержению тогдашнего премьер-министра Ирана Мосаддыка, возглавлявшего национально-демократическое движение в стране, происки, из-за которых иранский народ еще целых 25 лет оставался закованным в кандалы реакционного шахского режима.

Глава 3

**ОПЕРАЦИЯ
«ЮНАЙТЕД ФРУТ».**

**Гватемала. Июнь
1954 г.**

**CIA
CIA
CIA
CIA
CIA**

Под гнетом «бананового спрута»

Всего лишь год спустя после свержения демократического правительства Мосаддыка в Иране правящие круги США опять же руками ЦРУ, отстаивая интересы американских монополий, организовали государственный переворот в Гватемале. Этот переворот явился началом длинной цепи тайных операций спецслужб США на латиноамериканском континенте, имевших своей целью удерживать государства данного региона в сфере политического и экономического влияния США, в корне пресечь любые попытки ослабить их зависимость от американского монополистического капитала.

Страны латиноамериканского континента всегда занимали особое место во внешнеполитической стратегии США. Американский империализм приступил к «освоению», а точнее — к расхищению их природных богатств гораздо раньше, чем в каком-либо другом районе мира. Рассматривая государства Южной и Центральной Америки в качестве своего сырьевого придатка и выгодного рынка сбыта, он с давних времен беззастенчиво вмешивался в их внутренние дела, осуществлял непрерывные акты агрессии, насаждал и поддерживал антинародные диктаторские режимы, жестоко подавлял национально-освободительные, демократические движения.

Свои щупальца к Гватемале монополии США стали протягивать в конце прошлого столетия. Опираясь на господствующую верхушку страны, они еще в 1898 г. организовали переворот, в результате которого была установлена жестокая диктатура. С этого времени начинается усиленное проникновение американского капитала в гватемальскую экономику. Особенно бурную деятельность развернула «Юнайтед фрут компани», основанная в 1899 г. Майнором С. Китом путем слияния девяти банановых плантационных и торговых компаний, которые действовали в странах бассейна Карибского моря. В 1904 г. было подписано соглашение, по которому правительство Гватемалы в обмен на предложение Кита построить (в качестве собственности его же компании) треть железной дороги Пуэрто-Барриос — Гватемала передало ему в дар уже построенные две трети, а также портовые соору-

жения Пуэрто-Барриоса, телеграфные линии железной дороги, 20 га земли в Пуэрто-Барриосе, весь наличный подвижной состав, железнодорожные склады и пакгаузы и почти 70 тыс. га лучшей земли в сельской местности в любом районе страны по выбору самой компании. Соглашение предусматривало, что по истечении 99 лет (т. е. в 2003 г.) «Юнайтед фрут компани» продаст правительству Гватемалы все то, что оно ей передало, плюс свою треть железнодорожной линии по цене, установленной арбитрами. Кроме того, на период действия соглашения компания освобождалась от муниципальных и государственных налогов, а также от таможенных пошлин.

На богатства недр Гватемалы, особенно на нефтяные месторождения, претендовали и другие монополии США, однако именно «Юнайтед фрут компани» стала фактически полновластным хозяином в стране. Она не только контролировала 95% банановых плантаций, но завладела также железными дорогами и портами, международными телефонными и телеграфными линиями, морским транспортом и даже создала в этом суверенном государстве собственную полицию. Через посредство своих агентов компания начала бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела Гватемалы, диктовать свою волю, превратившись как бы в государство в государстве. Кроме Гватемалы «Юнайтед фрут компани» имела плантации в Коста-Рике, Гондурасе, Панаме, Доминиканской Республике, Эквадоре, на Ямайке. Это «зеленое чудовище», или «банановый спрут», как называют «Юнайтед фрут» в Центральной Америке, нещадно эксплуатируя дешевую местную рабочую силу, сосредоточило в своих руках около 90% экспорта бананов из стран-поставщиков и контролировало 75% мирового рынка бананов. Таким образом, компания распространила свое влияние на экономическую жизнь всей Центральной Америки.

Подчинение экономики страны интересам «Юнайтед фрут» и других монополий США («Интернэшнл рэйлуэйз оф Сентрал Америка» и «Эмпреса электрика де Гватемала») привело к уродливому, одностороннему развитию хозяйства Гватемалы. Она превратилась в поставщика бананов, кофе и сахарного тростника для Соединенных Штатов в ущерб жизненным интересам собственного народа. Имея все возможности полностью удовлетворять свои внутренние потребности в продуктах сельского хозяйства, Гватемала вынуждена была ввозить из других стран (в основном из тех же США) не только промышленные товары, но и продовольствие (зерно, продукцию животноводства).

Победа революции

В канун второй мировой войны Гватемала продолжала оставаться полуфеодальной зависимой страной. Политика правительства ставленника иностранных монополий генерала Хорхе Убико тормозила и без того слабый экономический рост Гватемалы, вела к дальнейшему обнищанию трудящихся масс. В конце войны под влиянием успеха антифашистских сил и прежде всего побед Советского Союза над гитлеровской Германией в Гватемале, как и в большинстве других стран американского континента, усилилось освободительное движение. «Внутренние и международные факторы,— писал об этом периоде Генеральный секретарь ЦК Гватемальской партии труда Уберто Альварado Арельяно,— позволили добиться самого широкого объединения всех сил страны, боровшихся против диктатуры, которые под знаменем демократических свобод вызвали к жизни движение гражданских и вооруженных сил против Убико и его приспешников»¹.

20 октября 1944 г. в Гватемале произошло народное вооруженное восстание. Его движущими силами были средние слои населения и национальная буржуазия, действовавшие при активной поддержке рабочего класса и крестьянства. Эта «Октябрьская революция», как ее стали называть, свергла диктатуру генерала Убико, под жестокой тиранией которого Гватемала изнывала 14 лет, и открыла перспективы для национального возрождения страны.

Президентом был избран представитель патриотически настроенных буржуазных кругов Хуан Хосе Аревало. Пришедшее к власти правительство встало на путь прогрессивных преобразований. Впервые в истории Гватемалы был издан трудовой закон, ограничивающий свободу деятельности североамериканских фирм, а также закон о социальном обеспечении; рабочие получили право объединяться в профсоюзы и объявлять забастовки. Была принята буржуазно-демократическая конституция, провозгласившая то, в чем больше всего нуждался народ,— аграрную реформу. Она дала крестьянам надежду, что земля, которой владели иностранные компании и местные помещики, будет передана тем, кто ее обрабатывает. Однако прошло пять лет после принятия конституции, а более 40% всей возделываемой земли страны по-прежнему принадлежало 163 крупным помещикам. Остальная земля, во всяком случае большая ее часть, продолжала оставаться в руках североамериканцев.

В 1951 г. к власти в Гватемале пришло правительство Хакобо Арбенса Гусмана, который на президентских выборах одержал победу над ставленником США генералом М. И. Фуэнтесом. В условиях подъема демократического движения, принявшего характер антифеодальной и антиимпериалистической революции, новое правительство не только декларировало реформы, ограничивавшие господство помещиков и североамериканских монополий, но и предприняло первые шаги к их практическому осуществлению. Земли, отобранные у помещиков и иностранных компаний и перешедшие к государству, оно начало передавать крестьянам. Принятый Национальным собранием в 1952 г. закон об аграрной реформе, имевший целью ликвидировать феодальную собственность в деревне, улучшить жизненные условия крестьян и подготовить почву для индустриализации Гватемалы, был реализован довольно быстро: к февралю 1954 г. около 56 тыс. крестьянских семей получили примерно 180 тыс. га земли, в том числе 96 тыс. га, принадлежавших ранее «Юнайтед фрут компани» (ей должна была быть выплачена компенсация). Еще почти 70 тыс. га земли этой компании было передано крестьянам в последующие месяцы того же года². В течение двух лет около 100 тыс. крестьянских семей, т. е. полмиллиона гватемальцев, стали обладателями земли, находившейся ранее в собственности «Юнайтед фрут компани». Они получили также кредиты, скот, техническую помощь. Для страны, где почти три четверти самодеятельного населения занято в сельском хозяйстве, эта мера имела огромное значение и отвечала интересам народных масс.

Кроме того, правительство президента Арбенса не допустило североамериканские компании к разработке гватемальской нефти (был принят закон о защите национальных ресурсов нефти и угля), отказалось расширить концессии «Юнайтед фрут» и выступило за ограничение деятельности моргановской компании «Эмпреса электрика де Гватемала».

Народно-революционное правительство Гватемалы отказалось от посылки солдат для поддержки американской военной агрессии в Корею. Оно также решительно отвергло предложенный США и преследовавший далеко идущие политические цели пакт о военной помощи, считая, что условия предоставления такой «помощи» противоречат жизненным интересам народов континента. При правительстве Арбенса гватемальцы впервые стали пользоваться широкими демократическими свободами. В это время были воссозданы Гватемальская партия труда, а также Всеобщая конфедерация трудящихся Гватемалы, объединившая в своих рядах свыше

100 тыс. промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Возникла Национальная конфедерация крестьян, куда вступили более 200 тыс. человек.

Правящие круги США ополчились против антиимпериалистической и антифеодальной гватемальской революции и встретили в штыки ее социально-экономические и политические преобразования, хотя последние не выходили за рамки буржуазно-демократических реформ. С самого начала революционного процесса империализм США с помощью ЦРУ поощрял и финансировал действия сил внутренней реакции, направленные на свержение правительства Аресалы, а затем Арбенса. Завоевания гватемальского народа шли вразрез с политическим курсом Соединенных Штатов, направленным на установление полного господства в странах Латинской Америки. В связи с ликвидацией привилегированного положения помещичьей олигархии и североамериканских монополий был поднят шум вокруг якобы нависшей над Центральной Америкой «угрозы международного коммунизма». Националистическое движение, развернувшееся в Гватемале, получило ярлык «коммунистического» («коммунистическими» стали называться любые действия этого патриотического движения).

Госдепартамент США буквально восстал против экспроприации гватемальским правительством в соответствии с законом об аграрной реформе необрабатываемых земель «Юнайтед фрут компани». В страну был срочно направлен эмиссар с поручением довести до сведения правительства категорическое требование: «Гватемала должна достичь взаимопонимания с «Юнайтед фрут»; в противном случае она будет объявлена страной-агрессором и в отношении ее будут применены самые жесткие экономические и другие санкции»³.

Правительство Арбенса отвергло этот империалистический шантаж. Действовавшая в тесном контакте с ЦРУ «Юнайтед фрут компани» тем временем решила путем экономического нажима осложнить обстановку в стране и подорвать позиции правительства. При поддержке администрации США компания организовала подлинную морскую блокаду Гватемалы. На гватемальских железных дорогах частым явлением стали диверсии, а в воздушное пространство вторгались самолеты без опознавательных знаков, сбрасывавшие листовки с прямыми призывами к антиправительственному путчу. На границах Гватемалы систематически устраивались провокации.

Но все попытки оказать давление на правительство президента Арбенса были безуспешными. В сложных условиях

оно продолжало курс на освобождение Гватемалы от экономической зависимости, на проведение самостоятельной внешней политики.

Возникновение «генерального плана»

В январе 1953 г. в США сменилась администрация и вместе с ней правящая партия — к власти пришли республиканцы. С политикой «доброго соседа», которую пытался проводить в отношениях между странами Латинской Америки и Соединенными Штатами президент Ф. Рузвельт, было окончательно покончено *. Следует отметить, что борьба против национально-освободительного движения гватемальского народа началась еще в годы правления администрации Г. Трумэна. Республиканская администрация, таким образом, вернулась к откровенно экспансионистской, интервенционистской политике «большой дубинки»: от «дипломатии доллара» до применения открытых форм интервенции.

Позиция США в отношении стран Латинской Америки в послевоенный период являлась выражением общей стратегии, направленной на достижение политического и экономического руководства миром. Опираясь на буржуазно-помещичью олигархию и реакционную буржуазию, правящие круги США стремились подавить национально-освободительное движение, помешать развитию отношений этих стран с социалистическими государствами, превратить американский континент в зону своего исключительного господства и надежный военно-стратегический плацдарм. «Латинская Америка является районом мира, имеющим жизненно важное значение для Соединенных Штатов», — писал Д. Эйзенхауэр. — Это обширная арена потенциальных ресурсов, и ее вес в мировом балансе сил становится все более значительным»⁴.

В факте рождения демократической республики в Гватемале США усмотрели серьезную угрозу интересам американского капитала — ведь примеру этой страны, ставшей на путь национального освобождения, могли последовать и другие латиноамериканские государства.

* Политика Ф. Рузвельта хотя и преследовала в конечном счете цель дальнейшего укрепления господства североамериканских монополий в экономике латиноамериканских стран и отнюдь не свидетельствовала об отказе США держать их в своем подчинении в качестве важнейшей сферы приложения капитала и рынка сбыта товаров, тем не менее отличалась определенной гибкостью и дальновидностью.

Американские империалисты стремились любой ценой восстановить в Гватемале реакционный антинародный режим, вернуть иностранному капиталу и помещикам утраченные позиции. Не последнюю роль играл здесь и расчет на то, что удастся «преподать урок», устрасить освободительные, революционные силы во всей Латинской Америке и тем самым сохранить ее экономическую, социальную и политическую зависимость от США.

Политика администрации США отвечала и интересам реакционных кругов в самой Гватемале. В стране действовала тайная организация феодально-помещичьей олигархии и реакционной военщины, располагавшая разветвленной сетью агентов, огромными средствами и опиравшаяся на поддержку латиноамериканских диктаторов, особенно Трухильо. Она развернула в стране активную заговорщическую деятельность.

Что же касается непосредственно «Юнайтед фрут компани», то она на протяжении десяти лет, начиная с 1944 г., при поддержке администрации США совершила в общей сложности до 40 попыток путем заговоров свергнуть существовавший в Гватемале режим. Но многократно испытанный в прошлом и ставший традиционным для американской политики на континенте способ разрешения «конфликтных ситуаций» путем организации заговоров оказался тогда недостаточным в борьбе с новым государственным строем Гватемалы, который уже с первых шагов обрел мощную поддержку всего народа страны. В этих условиях правящие круги американского империализма пошли на принятие мер иного характера. И госдепартамент, и ЦРУ твердили о том, что если США хотят сохранить Гватемалу и Латинскую Америку в целом в сфере своего влияния, то надо действовать более решительно.

Возникла идея организации внешней агрессии против Гватемалы. А поскольку с «Юнайтед фрут компани» были связаны личные финансовые интересы ряда государственных деятелей США, занимавших ключевые позиции в конгрессе и администрации, им без труда удалось обеспечить должную коалицию сил и превратить борьбу «Юнайтед фрут» с гватемальским правительством в официальный конфликт между двумя странами.

Государственным секретарем США был тогда Джон Фостер Даллес, а директором ЦРУ — Аллен Даллес, являвшиеся, как мы уже упоминали, компаньонами нью-йоркской юридической конторы «Салливан энд Кромвелл», которая много лет вела дела «Юнайтед фрут компани». Джон Фостер

Даллес — давний член коллегии адвокатов этой компании; еще в 30-х годах он составлял проекты кабальных соглашений, заключавшихся ею с правительством Гватемалы. Аллен Даллес — бывший президент «Юнайтед фрут компании». Помощником государственного секретаря США по межамериканским делам был Джон М. Кэбот из семейства бостонских Кэботов, члены которого издавна состоят акционерами «Юнайтед фрут». Другой член этого семейства — Генри Кэбот Лодж представлял США в ООН. С «банановой империей» были тесно связаны военный министр Роберт Стивенс, министр торговли Синклер Уикс, а также некоторые сенаторы и конгрессмены, сразу же занявшие враждебные позиции в отношении освободительной борьбы гватемальского народа и настойчиво требовавшие вмешательства администрации США. «Отныне речь будет идти не о конфликте между народом Гватемалы и «Юнайтед фрут», — заявил тогда в конфиденциальной беседе президент компании Кеннет Редмонд. — Речь пойдет об угрозе со стороны коммунизма праву собственности, жизни и безопасности Западного полушария»⁵.

События развивались стремительно, и вскоре стало совершенно очевидно, что американский империализм в коалиции с реакционными силами страны приступил к претворению в жизнь своих намерений. Администрация Эйзенхауэра, решившая поступить с правительством Арбенса так же, как с правительством Мосаддыка в Иране, поручает это ЦРУ.

Недавний успех путча в Иране воодушевил директора ЦРУ Аллена Даллеса. Тем более что в Гватемале организовать государственный переворот, по мнению Вашингтона, было несравненно легче. В соседних с ней странах — Гондурасе и Никарагуа — послушные Соединенным Штатам правительства могли предоставить в распоряжение гватемальских контрреволюционеров наемников, оружие, учебные лагеря, военные базы. Ставка, таким образом, делалась на агрессию извне, поддержанную внутренним мятежом.

Итак, ЦРУ начало отработку «операции Гватемала». Непосредственное руководство ею осуществлял Фрэнк Уизнер, заместитель директора ЦРУ по планированию и начальник Управления тайных операций. Об этом станет известно два десятилетия спустя из опубликованного в протоколах конгресса перечня тайных операций ЦРУ, озаглавленного «Документированные тайные действия ЦРУ США внутри страны и за рубежом в период с 1950 по 1974 г.»⁶.

Фрэнк Гарднер Уизнер в годы второй мировой войны был резидентом УСС в Стамбуле и Бухаресте, а после войны — заместителем помощника государственного секретаря США.

Оставив правительственную службу, он обращается к частной юридической практике. Но очень скоро услуги Уизнера снова понадобились: с образованием ЦРУ, при комплектовании которого предпочтение отдавалось кадрам, прошедшим «школу УСС», он снова возвращается в разведку. По рекомендации Аллена Даллеса Уизнер стал первым на посту заместителя директора ЦРУ по планированию тайных операций и занимал эту должность до 1957 г., в течение десяти лет — «самых холодных лет холодной войны»*. Говорят, что в ЦРУ не было человека, равного Уизнеру по опыту организации «грязных дел».

Разработанный госдепартаментом и ЦРУ «генеральный план» «операции Гватемала» предусматривал три основных направления действий, которые должны были развертываться одновременно. Первое включало широкий набор различного рода дипломатических махинаций и крупномасштабные пропагандистские акции. То и другое предпринималось с целью оказания нажима на правительство Гватемалы и обработки мирового общественного мнения в угоду интересам США.

На всем межамериканском дипломатическом фронте госдепартамент должен был путем использования закулисных рычагов воздействия и своими внешнеполитическими «ходами» способствовать нагнетанию обстановки, благоприятной для намечаемой операции. И конечно же главное здесь состояло в том, чтобы, по возможности, обеспечить прикрытие готовившейся вооруженной агрессии, придать конфликту «Юнайтед фрут» с правительством Гватемалы характер проблемы, требующей для своего решения коллективных усилий ОАГ**, или, во всяком случае, заручиться ее санкцией на вмешательство во внутренние дела этой страны. Для маскировки явно интервенционистских целей всей провокационной затеи было решено прибегнуть к ставшему привычным в американской практике средству — в соответствующий момент поднять шум «об угрозе международного коммунизма». Дело представлялось так, будто против одной из стран континента в результате «вмешательства международного коммунизма» уже начата интервенция и эти принимаемые администрацией США меры — всего лишь оказание помощи народу, ставшему жертвой агрессии. В расчете на приобретение союзни-

* Во время контрреволюционного мятежа в 1956 г. в Венгрии Уизнер находился в Вене, где активно действовала разведка США, помогавшая мятежникам. По свидетельству американской печати, Уизнер «был тесно связан как морально, так и профессионально с венгерской контрреволюцией».

** Организация американских государств.

ков по агрессии и создание антигватемальского фронта перед министерствами иностранных дел государств континента и перед межамериканскими консультативными органами ставился вопрос о «красной опасности», якобы создаваемой новым режимом для всего региона. Эти шаги дополнялись усилением прямого политического и экономического давления на Гватемалу со стороны США путем создания всяческих препятствий правительству Арбенса в его отношениях с другими странами.

Второе направление охватывало все действия, относившиеся к непосредственной подготовке вооруженной агрессии с территории соседних с Гватемалой государств. Вторжение должно было осуществляться в обстановке строгой секретности. Организаторы вторжения рассчитывали получить по тайным каналам согласие реакционных правительств Гондураса и Никарагуа на предоставление в распоряжение ЦРУ, с одной стороны, территории, которая должна была служить плацдармом для интервенции, а с другой — кадров наемников, главным образом из среды гватемальской эмиграции. С самого начала план ЦРУ предусматривал оказание всяческой поддержки контрреволюционным вооруженным формированиям, включая их обучение и оснащение. Именно с этим империалистические круги США связывали свои главные расчеты.

Третье направление предусматривало оперативные мероприятия, касавшиеся организации внутреннего путча: он должен был быть приурочен к моменту начала вооруженного вторжения.

Администрация США считала, что надежно обеспечить второе и третье направления можно лишь при условии использования методов и средств из арсенала ЦРУ, которые гарантировали минимальный риск обнаружения причастности Соединенных Штатов к операции. Практически эти задачи должны были решаться, во-первых, через группу сотрудников ЦРУ в Гватемале, прикрывавшихся дипломатическими паспортами, а также военных атташе, которые поддерживали тесные связи с проамерикански настроенной верхушкой гватемальской военщины; и, во-вторых, через тайных агентов того же ЦРУ среди гватемальской эмиграции, осевшей в США, Гондурасе и Никарагуа.

Осенью 1953 г. в Вашингтоне в штаб-квартире ЦРУ была создана специальная группа, призванная обеспечить координацию всех действий против Гватемалы. Во главе группы был поставлен ведущий сотрудник Управления тайных операций ЦРУ Трэйси Барнс, ветеран УСС. Руководителем по-

литических акций в спланированной операции Барнс назначил Говарда Ханта, также бывшего функционера УСС. В задачу Ханта как руководителя политических акций на национальном и международном уровне, помимо выполнения многих других обязанностей, входило поддержание связи с находившимися в эмиграции гватемальскими деятелями, настроенными против Арбенса. Трое из них — полковник Карлос Кастильо Армас, генерал Мигель Идигорас Фуэнтес и доктор Хуан Кордова Серна — большую часть времени проводили в соседнем Гондурасе. Хант, находясь в Мексике в качестве резидента ЦРУ, поддерживал постоянный контакт с ними (их встречи происходили в Гондурасе); одновременно в помещении Американской ассоциации молодых христиан в Мехико он встречался тайно с доктором Кордовой, которого поначалу прочил на пост президента после свержения Арбенса.

Темпы реализации «генерального плана» нарастали с каждой неделей. Как и было задумано, госдепартамент заявил официальный протест в связи с экспроприацией необрабатываемых земель «Юнайтед фрут компании» на тихоокеанском побережье Гватемалы. Грандиозные размеры приобретала кампания запугивания, шантажа и клеветы, планомерно и беззастенчиво проводимая через печать, радио и телевидение как в самих США, так и в ряде стран латиноамериканского континента.

14 октября 1953 г. появилось первое официальное сообщение госдепартамента США, касавшееся Гватемалы. Помощник государственного секретаря по межамериканским делам Джон М. Кэбот заявил о якобы участившихся «необоснованных нападениях на Соединенные Штаты и на их граждан со стороны правительственных органов Гватемалы». За этим последовала серия других, еще более враждебных и клеветнических выпадов против Гватемалы, в том числе со стороны Джона Фостера Даллеса.

Во второй половине октября администрация США принимает решение о назначении послом в Гватемалу Джона Перифуа, давнего сотрудника госдепартамента, который, как охарактеризовала его западная печать, «привез в своем багаже опыт Греции, где ему удалось помочь правительству взять верх над силами красных». Во время подавления американцами в конце 40-х годов национально-освободительного движения в Греции Перифуа проявил себя как организатор подрывных акций, получивший за это прозвище «человек с тяжелым кулаком». Он работал тогда в посольстве США в Афинах. С приходом к власти президента Эйзенхауэра он

временно оказался не у дел и, по расчетам Аллена Даллеса, ждал выгодных предложений. Явившийся к нему сотрудник ЦРУ сделал именно такое предложение: Перифуа может быть назначен послом в Гватемале при условии, если согласится быть одновременно представителем ЦРУ и примет на себя руководство подготовкой антиправительственного путча; дальнейшая карьера посла-резидента зависит от успеха этой акции. Перифуа согласился. В октябре 1953 г. президент Эйзенхауэр по рекомендации ЦРУ утвердил его назначение, которое рассматривалось как первый шаг на пути организации государственного переворота. По прибытии в страну Перифуа взял на себя основную роль в координации планов развертывания антиправительственной деятельности внутри Гватемалы с планами проведения вооруженной интервенции извне. Он стал тайно сколачивать из реакционно настроенных высших военных чинов будущую хунту, которой предстояло в подходящий момент по сигналу своих покровителей свергнуть правительство Арбенса и захватить власть.

По каналам ЦРУ были активизированы конспиративные связи с главными деятелями гватемальской оппозиции. Занявшись по поручению Вашингтонской администрации поисками человека, которого можно было бы поставить во главе хунты после того, как президент Арбенс будет свергнут, Аллен Даллес, Уизнер и его помощники — специалисты по Латинской Америке — остановили свой выбор на полковнике Карлосе Кастильо Армасе. Именно ему отводилась роль основного исполнителя совместного плана «Юнайтед фронт» — госдепартамент — ЦРУ». Профессиональный военный, бывший военный атташе Гватемалы в Вашингтоне, он был хорошо известен американцам как ярый противник демократического правительства и личный враг Арбенса. Кастильо Армас участвовал в неудавшемся мятеже против президента Арбенса в октябре 1950 г. и был арестован. Из заключения ему удалось бежать, он перебрался в Мексику, где началось его сотрудничество с американской разведкой, а потом отправился в США совершенствоваться в искусстве шпионажа и диверсий под руководством наставников из ЦРУ. Для подготовки вторжения Кастильо Армас получил «примерно пять миллионов долларов... Он получил самолеты... Он получил также опытных летчиков для пилотирования этих самолетов»⁷.

В роли связного выступал адвокат из Нового Орлеана, который и передавал деньги на организацию военного переворота и покупку оружия. Кастильо Армас, со своей стороны, держал при госдепартаменте собственного осведомителя,

которого субсидировал из средств, получаемых от «Юнайтед фрут компани».

Через торговца оружием из Далласа (штат Техас) Кастильо Армасу поставлялись вооружение, снаряжение и техника; станковые и ручные пулеметы, винтовки, авиабомбы, ручные гранаты, боеприпасы для всех видов оружия, взрывчатые вещества, грузовые автомашины, радиостанции, обмундирование, палатки. Он получил по номинальным ценам даже самолеты Р-47, а также транспортные самолеты, составлявшие собственность правительства США*. Заботу о вооружении и снаряжении наемной армии Кастильо Армаса с одобрения Совета национальной безопасности взяло на себя не только ЦРУ, но и военные ведомства США, а также компания «Юнайтед фрут».

В Соединенных Штатах в конце 1953 г. на службу к Кастильо Армасу завербовали ряд американских пилотов и авиатехников (причем они не теряли своего гражданства). Согласно заключенному контракту в период подготовки интервенции им платили по 500 долл. в месяц, а после начала военных действий их денежное содержание возросло до 1000 долл., не считая наградных. Летчики с приданным им вспомогательным персоналом и самолетами составили «военно-воздушные силы армии вторжения» в Гватемалу. В Гондурасе и Никарагуа полным ходом шла вербовка наемников в основном из числа гватемальцев, высланных президентом Арбенсом за антиправительственную деятельность. Им платили 300 долл. в месяц, причем осуществлялась вербовка отнюдь не тайно, а публично и даже с использованием специальных печатных листовок.

Во многих столицах стран Карибского бассейна были расклеены плакаты, призывавшие наемников вступать в «армию» Армаса. Плакаты сулили «добровольцам» быструю и легкую удачу и большие материальные выгоды. В Боготе вербовщики, состоявшие на службе «Юнайтед фрут», открыли свою контору прямо в центре колумбийской столицы, куда приглашались все желающие попытать счастья в гватемальском предпринятии⁸.

Советники по полувоенным действиям и оперативные сотрудники ЦРУ, занимавшиеся политическими акциями, которыми руководил Говард Хант, приступили к практичес-

* Без специального разрешения правительства США самолеты этих типов не могут быть переданы кому-либо. И даже если они продаются другому дружественному государству, то последнее не может ни перепродать, ни передать их без предварительного согласия американского правительства.

кому осуществлению мероприятий в Тегусигальпе (Гондурас) и гондурасских джунглях, вблизи гватемальской границы, где сосредоточивались основные силы наемников.

Военную технику, вооружение и снаряжение доставляли из США в Никарагуа и Гондурас. Штаб-квартира интервенционистских сил, центр подготовки наемников и склады вооружения с согласия диктатора Сомосы находились в Никарагуа. Под председательством Кастильо Армаса там была образована так называемая «Антикоммунистическая правительственная хунта», в состав которой входили несколько штатских лиц, в том числе Карлос Салазар, Домингос Гойсолеа, Лупс Баладерам и Луис Коронадо Лир (ранее привлекавшийся к суду в Гватемале), представлявшие наиболее реакционные, откровенно проамериканские круги гватемальской буржуазии. Позднее базы и склады переместились в Гондурас. Не испытывая недостатка в американских долларах, наемники Кастильо Армаса, одетые в военную форму, на глазах у всех нагружали оружием грузовики у здания посольства США в Тегусигальпе. Здесь же находилась резиденция Армаса. Наемники свободно передвигались по территории Гондураса. Их выучкой на тренировочных базах руководил американский полковник Карл Студер. Эти войска, использовавшие как самолеты, так и государственные транспортные средства и гражданскую авиацию Гондураса, были открыто переброшены со всем вооружением в Копан, в пограничный с Гватемалой район, где располагалась их исходная база⁹.

«Решительный момент приближается»

20 января 1954 г. правительство Арбенса разоблачило перед всем миром факт подготовки вооруженной интервенции, создавшей реальную угрозу утраты Гватемалой своей независимости. Оно опубликовало 200 фотографий и представило многочисленные вещественные доказательства, в частности письма, которыми обменивались участники контрреволюционного движения. В печати приводились выдержки из конфиденциального письма Кастильо Армаса от 20 сентября 1953 г., адресованного диктатору Никарагуа генералу Анастасио Сомосе. «Меня информировали находящиеся здесь наши друзья,— сообщал он в этом письме,— что северное правительство, признавая невозможность найти иное решение серьезной проблемы моей страны, при-

няло решение разрешить нам провести в жизнь наши планы». В письме шла речь о планах свержения законного правительства Арбенса.

Следует подчеркнуть, что хотя гватемальскому правительству было хорошо известно, какова истинная сущность «операции Гватемала», кто стоит за кулисами этой международной провокации, кто ее направляет и финансирует, оно на первых порах предусмотрительно воздерживалось от выдвижения каких бы то ни было обвинений непосредственно в адрес администрации США.

Тем не менее Джон Фостер Даллес, грубо искажая факты, 30 января 1954 г. квалифицировал заявление гватемальского правительства от 20 января как лживое, представляющее собой попытку затруднить работу предстоявшей X Межамериканской конференции и тем самым «подорвать межамериканскую солидарность». Все это потребовалось администрации США для того, чтобы замаскировать свои преступные замыслы. Под такой дымовой завесой, как потом выяснилось, государственный секретарь продолжал совещаться с директором ЦРУ о посылке самолетов Кастильо Армасу.

К моменту созыва X Межамериканской конференции в Каракасе (Венесуэла) в марте 1954 г. правительство Гватемалы уже располагало неопровержимыми доказательствами причастности к заговору госдепартамента и ЦРУ. Опираясь на документальные данные, оно разоблачило обе стороны «операции Гватемала» — подготовку дипломатической войны и вооруженной агрессии. Полученная информация свидетельствовала о твердом намерении «Юнайтед фрут», госдепартамента и ЦРУ уничтожить завоевания революции и сместить конституционное правительство страны, даже если Гватемала полностью подчинится всем требованиям компании. В этом убеждали и безуспешность попыток гватемальского правительства достигнуть договоренности с госдепартаментом по всем спорным вопросам, и отсутствие какой-либо реакции администрации США на доведенные до ее сведения разоблачающие факты.

После того как «генеральный план» получил под сильным нажимом со стороны США обоснование в виде интервенционистской резолюции, принятой X Межамериканской конференцией*, он стал осуществляться форсированными темпа-

* «Стратегия США в Каракасе, — писала одна американская газета, — состояла в том, чтобы как можно больше изолировать Гватемалу от остальных стран континента и создать условия, при которых позднее могли бы быть предприняты более решительные действия»¹⁰.

ми. Бывший сотрудник Управления тайных операций ЦРУ Дэвид Филлипс, непосредственный участник многих закулисных махинаций, связанных с вмешательством США во внутренние дела стран Латинской Америки, утверждает, что в мартовские дни 1954 г. он в соответствии с предписанием центра вылетел из Чили. В аэропорту Майами его встретил представитель ЦРУ (в своих мемуарах он выводит его под условным именем Брэд) и сообщил, что ему надлежит задержаться во Флориде. В ответ на вопрос Филлипса, что конкретно его ожидает, Брэд предложил запастись терпением — скоро он узнает об этом «из первых рук». Тем временем Брэд свел его с офицером контрразведки, который снабдил Филлипса фиктивными документами, изготовленными ЦРУ на чужое имя. Затем, дав несколько общих советов на время пребывания во Флориде, Брэд доставил его на конспиративную квартиру, расположенную к северу от Майами. Здесь Филлипсу сообщили, что все необходимые инструкции, связанные с его новым назначением, он получит непосредственно от представителей штаб-квартиры ЦРУ, приезд которых ожидается со дня на день. Одним из них будет старший офицер Управления тайных операций ЦРУ Трэйси Барнс, к тому времени уже достаточно известный специалист в своей области.

Встреча, которую так ждал Филлипс, состоялась на следующий день. Трэйси Барнс был первым высокопоставленным должностным лицом ЦРУ, с которым Филлипсу пришлось иметь дело. Ему было известно, что Барнс получил юридическое образование в Гарвардском и Йельском университетах. Находясь во время войны на службе в армейской разведке, он дважды выполнял задания в тылу врага, а будучи в Швейцарии, активно сотрудничал с Алленом Даллесом, тогдашним руководителем Европейского филиала УСС. На встрече с Барнсом присутствовал также уже упоминавшийся Говард Хант, выступавший в роли помощника Барнса.

Как бы угадывая ход мыслей Филлипса, Трэйси Барнс начал беседу словами: «На этот раз — Гватемала. Правительство Арбенса катастрофически скатывается влево. Его Гватемальская партия труда насчитывает уже две тысячи дисциплинированных членов и имеет весьма решительное марксистское руководство».

В ответ на вставленное Филлипсом замечание, что «хотя рабочие организации и могут подчас играть достаточно важную роль, тем не менее в условиях Латинской Америки в конечном счете все решает армия», Барнс продолжал: «Так

вот именно об армии и идет речь. Ее рядовой личный состав в своей массе индифферентен. Что касается старших офицеров, то многие из них на стороне президента. За исключением нескольких. Один из них — это полковник Карлос Кастильо Армас, недавно бежавший из заключения, которое отбывал в гватемальской тюрьме. Сейчас он сколачивает антикоммунистическое сопротивление правительству Арбенса и вторгнется в страну, как только у него будет достаточно солдат и вооружения».

«Думаю, что ему помогут в этом», — вставил Филлипс.

«Безусловно, — заявил Барнс. — Поэтому мы с вами и находимся здесь...» ¹¹

Филлипс писал свои мемуары в период, когда конгресс, вынужденный считаться с требованием американской и мировой общественности, подверг официальному расследованию некоторые тайные операции ЦРУ, связанные с вмешательством во внутренние дела других государств. Неудивительно поэтому, что автор пытается так или иначе выставить себя в лучшем свете. Например, продолжая рассказ о встрече с Трэйси Барнсом и Говардом Хантом, Филлипс представляет дело таким образом, будто он уже тогда усомнился в законности действий ЦРУ, замышлявшего свержение Арбенса.

«Я по-прежнему не уверен в том, что мы имеем право вмешиваться. Почему ЦРУ занимается этим делом?» — еще не раз на страницах книги процитирует сам себя Филлипс.

Как утверждает автор мемуаров, со стороны Барнса не было предложено тогда убедительного объяснения. Он апеллировал к уставу ЦРУ, утвержденному президентом Г. Трумэном в 1947 г. при его создании. Хотя в уставе, достаточно четко определяющем задачи ЦРУ (сбор, сопоставление и оценка разведывательных данных), прямо об этом ничего не говорится, заметил Барнс, он тем не менее дает широко толкуемые рекомендации выполнять всякие другие функции и поручения, время от времени вменяемые ему в обязанность Советом национальной безопасности и лично президентом. «В данном случае мы, — заключил Барнс, — и выполняем одно из таких заданий. Если быть более точным, распоряжение приступить к выполнению операции в Гватемале исходило от самого президента Эйзенхауэра. Он приказал нам помочь гватемальцам, которые недовольны Арбенсом» ¹².

Барнс извинился — ему пора было возвращаться в Вашингтон. Все дальнейшие инструкции Филлипс получит от его помощника — Говарда Ханта. Сам же Барнс в качестве политического советника будет постоянно курсировать между Вашингтоном, Флоридой и Центральной Америкой.

Говард Хант слыл знатоком Гватемалы. Бывший сотрудник УСС, он был решительным сторонником использования нелегальных каналов для ведения направляемой Соединенными Штатами пропаганды, преследующей цель дезориентировать общественное мнение и изолировать Гватемалу, тем более что в тех условиях такого рода пропаганду невозможно было вести открыто. Он считал, что официальные ведомства — госдепартамент и Информационное агентство — следует привлекать для этого только в тех случаях, когда нельзя ограничиться одними тайными каналами.

В соответствии с планами ЦРУ и по согласованию с правительством Гондураса эта страна должна была приютить подпольную радиостанцию мятежников, перед которой стояла задача создать видимость вещания из Гватемалы. Технический персонал, дикторов и авторов радиопередач набрали в Гватемале. Прежде чем отбыть в страну назначения, всем им предстояло разработать детальную программу своей деятельности. В Гондурасе в это время уже монтировали мощный передатчик. Роль советника на радиостанции отводилась Филлипсу.

Чтобы ознакомиться с обстановкой на месте, собрать необходимые сведения об обычаях этой страны, ее народе и, самое главное, о политических настроениях населения, Филлипсу разрешили совершить поездку в Гватемалу. «Одна единственная ошибка в радиопередаче, малейшая погрешность, — напутствовал Брэд Филлипса, — приведут к тому, что слушателей будет трудно убедить, будто радиостанция находится на территории Гватемалы».

Сопровождал Филлипса в этой поездке «один из самых опытных офицеров ЦРУ» под именем Петер*. В отличие от большинства сотрудников ЦРУ, работающих за границей под прикрытием дипломатических, торговых и других представительств США, Петер был нелегалом, отличавшимся высоким профессионализмом. Он был из немцев, говорил с легким немецким акцентом, в годы войны действовал по заданию разведки в Германии. Вспоминая полтора десятка лет спустя об этой поездке в Гватемалу, Филлипс писал, что Петер «провел меня через все подводные камни, которые подстерегают оперативника-нелегала, путешествующего за границей с фальшивыми документами. Жить двойной жизнью, чувствовать раздвоение личности становилось мне все легче».

* Несколько лет спустя Петер был в числе организаторов тайных операций ЦРУ в Юго-Восточной Азии.

Вернуться Филлипсу предстояло через Вашингтон. Этой его разведывательной миссии, как и в целом его роли в гватемальских событиях, придавалось столь важное значение, что с ним пожелали встретиться руководители ЦРУ. Непосредственным оперативным начальником Филлипса был Брэд, за ним шел Дж. С. Кинг, руководитель латиноамериканского отдела ЦРУ, затем — Трэйси Барнс, над которым стояли Фрэнк Уизнер, Ричард Биссел и, наконец, Аллен Даллес. Все они сочли нужным дать свои советы Филлипсу.

Вскоре после возвращения Филлипса во Флориду неподалеку от Майами, в доме, служившем конспиративной квартирой ЦРУ, собрались организаторы «операции Гватемала» и девять гватемальцев, которые должны были вести подпольное радиовещание. Трем из них предстояло возглавить группу, призванную развернуть открыто враждебную Гватемале пропагандистскую кампанию. Для встречи с ними специально прилетел Говард Хант.

В конце апреля 1954 г. группа отправилась в Центральную Америку готовиться к «психологической войне» против демократических сил Гватемалы. Филлипс был приставлен к ним в качестве наблюдателя и советника.

За несколько дней до начала первого подпольного вещания руководители группы, охарактеризовав ее участникам контингент будущих слушателей передач, сформулировали ее задачи. Ставка делалась на то, чтобы «запугать» тех, кто симпатизирует правительству Арбенса, и повлиять на так называемых нейтральных и колеблющихся, которых в силу их недостаточной осведомленности можно попытаться склонить на сторону тех, кто твердо выступает против социально-экономических преобразований в стране. «Наша основная цель — добиться правдоподобия. Мы начнем с большой лжи — заявим, будто вещаем с территории Гватемалы. Такая мистика абсолютно необходима. При этом мы должны тщательно избегать утверждений, которые легко опровергнуть». Предлагалось строго дифференцировать выпуски с учетом особенностей каждой группы слушателей, быть готовыми сообщить им в нужное время, каких действий от них ждут, чтобы исключить возможность преждевременных выступлений, и, наконец, придать самим передачам наступательный характер.

Станция получила название «Голос освобождения». Первую передачу запланировали на 1 Мая, которое еще с 1921 г. широко праздновалось в Гватемале: этот день был нерабочим, замирала торговля и, что особенно важно, не выходили газеты, бездействовало гватемальское радио. Большинство радио-

приемников было настроено на прием коротковолновых программ из Мексики. По расчетам заговорщиков, их передача могла собрать широкую аудиторию слушателей, если только заблаговременно сообщить об этом гватемальцам и убедить их настроить свои радиоприемники на нужную волну. Решили, что один из сотрудников отправится в Мексику, чтобы послать оттуда телеграммы в основные газеты Гватемалы. В них содержалась просьба опубликовать накануне 1 Мая объявление, в котором говорилось, что Мексика готовит программу с участием плеяды латиноамериканских звезд — Марии Фенинс, широкоизвестной мексиканской киноактрисы, нескольких певцов и, пожалуй, самого популярного комика — Кантинфласа. Сведения о частоте, на которой можно будет послушать этот сонм талантов, должны быть набраны крупным шрифтом. В деловой приписке к телеграмме указывалось, что представитель мексиканского антрепренера придет в Гватемалу на следующий день после праздника, чтобы оплатить рекламные расходы. Редакторы были рады выгодной сделке и напечатали объявление.

Слушатели, настроившие свои приемники на первую передачу «Голоса освобождения», не были введены в заблуждение: все объявленные актеры и певцы были представлены в программе, но только... в записи. В промежутках же между этими выступлениями дикторы передавали запланированный политический текст. Подпольное вещание развернуло активную пропагандистскую кампанию против правительства Арбенса. К тому времени, как полковник Кастильо Армас во главе «армии вторжения», состоящей из контрреволюционных эмигрантов, пересечет границу и вторгнется в Гватемалу, радиостанция должна была создать в стране благоприятный для путча политический климат. Специальные программы идеологического наступления воздействовали на конкретные группы населения: женщин убеждали повлиять на мужей и сыновей, солдатам объясняли, почему они должны быть с восставшими, рабочих уговаривали, молодежи льстили.

Последние приготовления к агрессии

В первых числах мая 1954 г. в Вашингтон поступила информация о том, что шведское грузовое судно «Альфхем», направлявшееся в Гватемалу, имеет на борту оружие, предназначенное для правительства Арбенса. Госдепартамент США был осведомлен обо всем, что ка-

салось закупки этого оружия. Его представителям было известно, какое именно военное снаряжение было закуплено, равно как и то, что размеры закупок не выходили за рамки удовлетворения текущих потребностей национальной армии, насчитывавшей в своих рядах всего 3 тыс. человек. Они знали дату и способ отправки оружия, маршрут корабля и, наконец, время прибытия в транзитные порты и в Гватемалу. Следовательно, при желании американские власти вполне могли задержать судно с оружием, как они уже делали это раньше. Но судно было намеренно пропущено в Гватемалу, дабы воспользоваться этим фактом как предлогом для конфликта, чтобы запугать общественность и правительства стран Латинской Америки и создать подходящую атмосферу для осуществления интервенции. Руководители ЦРУ в срочном порядке подготовили «Национальную разведывательную оценку» и довели ее до сведения высокопоставленных лиц в правительстве США. В ней утверждалось, что Арбенс, располагавший теперь «значительным военным арсеналом», сможет-де оказать пагубное влияние на всю Центральную Америку и, более того, даже угрожать Панаме и зоне Панамского канала.

14 мая Даллес созвал экстренное заседание Совета по разведке США, который подтвердил «вывод» ЦРУ, что Арбенс находится якобы «на грани развязывания агрессивной войны в Центральной Америке». «До сих пор,— пишет по этому поводу известный американский обозреватель Тэд Шульц,— неясно, на основании чего был сделан такой вывод, однако «разведывательное сообщество» США использовало факт прибытия... оружия в Гватемалу в качестве долгожданного предлога для действий против Арбенса».

Совет национальной безопасности, собравшийся в Белом доме 15 мая, решил, что пришло время для активных акций. Последовали «разоблачительные» выступления главы госдепартамента Джона Фостера Даллеса и состоялась даже специальная пресс-конференция с его участием. Гватемала была представлена как «основной плацдарм международного коммунизма, создающий угрозу безопасности всего американского континента». Против нее было выдвинуто лживое обвинение в том, что она превращена в базу «тайного снабжения оружием подрывных элементов в соседних странах». Поднятая вокруг Гватемалы шумиха являлась важным звеном широко задуманной клеветнической кампании, рассчитанной на то, чтобы оправдать готовившуюся внешнюю агрессию.

В своих официальных заявлениях государственный секретарь США явно игнорировал тот факт, что правительство Гва-

темалы на протяжении восьми лет в результате проводившейся Вашингтоном политики бойкота и блокады, направленной на то, чтобы свести на нет боеспособность ее национальной армии, было лишено возможности закупать в Соединенных Штатах самое необходимое военное снаряжение. Даже руководители военных миссий США в Гватемале в свое время неоднократно рекомендовали снять запрет и оказать ей помощь в приобретении оружия. Производить же заказы на поставку военного снаряжения в других странах также было бесполезно: госдепартамент оказывал на них давление с целью помешать их выполнению. Дело дошло до конфискации грузов, идущих в Гватемалу через территориальные воды США.

Для полноты картины следует упомянуть, что в начале мая 1954 г. на северном побережье Гондураса вспыхнула крупнейшая в истории Центральной Америки всеобщая забастовка сельскохозяйственных рабочих на плантациях «Юнайтед фрут», парализовавшая деятельность компании. Как выяснилось, непримиримая позиция, занятая руководителями компании по отношению ко всем требованиям рабочих, объяснялась желанием специально спровоцировать забастовку — это входило в планы согласованных действий ЦРУ и «Юнайтед фрут». Государственный секретарь США выступил с утверждением, что гватемальское правительство имеет отношение к забастовочным волнениям в Гондурасе. Накал клеветнической кампании усиливался. В те дни правительство Гондураса закрыло три гватемальских консульства под предлогом, что якобы их пропагандистская деятельность наносит вред политическим институтам его страны. Все три консульства располагались в пунктах, имеющих важное стратегическое значение для практического осуществления плана вооруженной агрессии и особенно для передвижения наемных банд Армаса. Этими пунктами являлись: Копан — центр подготовки операции на границе с Гватемалой, Пуэрто-Кортес, где готовилось выступление с моря и откуда должны были отплыть суда для нападения на Пуэрто-Барриос, и, наконец, Сан-Педро-Сула — центр снабжения и связи с Пуэрто-Кортесом и Копаном. Правительство Гватемалы получило достоверные сведения о том, что рекомендации гондурасским властям упразднить гватемальские консульства исходили от посольства США, которое рассматривало их как помеху для своих действий.

24 мая 1954 г. президент Эйзенхауэр провел совещание с лидерами конгресса, на котором информировал их о принимаемых администрацией шагах в отношении Гватемалы, и в частности о блокаде военно-морскими силами США ее

побережья, чтобы не допустить ввоза оружия из других стран (что противоречило элементарным нормам международного права) *.

Препятствуя Гватемале получить оружие, которое она закупила в ФРГ, США одновременно подписали двусторонние военные соглашения с Гондурасом и Никарагуа и по воздушному мосту направили в эти страны в конце мая несколько тяжелых транспортных самолетов «Глоубмастер» с оружием и боеприпасами, предназначенными для интервентов. Первая партия американского оружия, по признанию Эйзенхауэра, состояла из 50 т различного оружия, в том числе пулеметов, винтовок, пистолетов, а также боеприпасов. Кроме того, США снабдили полковника Кастильо Армаса тремя бомбардировщиками В-26.

Приказ Вашингтона о нападении

С вооруженной агрессией в Гватемале спешили: план подготовленного нападения приобрел слишком большую огласку **. Решение о начале необъявленной войны против революционной Гватемалы было принято 17 июня 1954 г. на заседании Совета национальной безопасности, вновь собравшегося для координации действий в Центральной Америке. Оно основывалось на прогнозах разведки, считавшей, что Вашингтон вряд ли сможет обеспечить себе большинство в две трети голосов на предстоявшей меж-американской конференции, необходимое для принятия резолюции о «коллективных санкциях» против правительства Арбенса.

* Вспоминая об интервенции США в Гватемале, бывший премьер-министр Великобритании Антони Иден рассказывает, как государственный секретарь Даллес уведомил английское правительство об установлении блокады Гватемалы военным флотом США, хотя официального объявления войны или блокады не было. Даллес не пожелал дать Великобритании гарантий в том, что ее собственные суда (если окажется, что они везут военные грузы) не будут атакованы в открытом море кораблями ВМС США. Даллес прямо говорил о том, что «в современной обстановке холодной войны законы, применявшиеся в прошлом, с его точки зрения, не соответствуют более нынешней ситуации и следует либо пересмотреть их, либо применять гибко». Иден принял этот диктат США и рекомендовал командованию английского флота подчиниться необъявленной и совершенно незаконной блокаде ¹³.

** Местные газеты и американские корреспонденты много писали о войсках Кастильо Армаса, расположившихся в Гондурасе и Никарагуа, подкрепляя свои сообщения фотографиями.

Итак, 17 июня был отдан приказ о нападении. Буквально накануне гватемальским властям удалось раскрыть заговор внутри страны, который предусматривал арест всех членов кабинета Арбенса, двух верных правительству военачальников, всех глав партии и профсоюзов, за исключением оппозиционных. Все это должно было облегчить продвижение войск Кастильо Армаса к столице Гватемалы. В те же дни в Пуэрто-Барриосе был арестован гондурасский корабль «Сиеста Трухильо» в момент, когда с него разгружали в порту пулеметы, винтовки и гранаты для наемников.

Перейдя в ночь на 18 июня гондурасско-гватемальскую границу, наемная армия полковника Кастильо Армаса вторглась в страну через территории, принадлежавшие «Юнайтед фрут компани». Началась «битва за Гватемалу». Одна часть сил интервентов напала на пограничные селения Бананера и Моралес, другая направилась на юг, стремясь закрепиться в Эскипуласе, находящемся вблизи границы. Эскадрилья самолетов подвергла бомбардировке склады горючего в Пуэрто-Барриосе и Сан-Хосе.

Правительство Арбенса дало строгие предписания войскам не вступать в бой с захватчиками в пограничной зоне, чтобы не предоставлять госдепартаменту США ни малейшего повода для обвинения Гватемалы в «агрессии против Гондураса». Именно поэтому интервенты не встретили в начале своего пути значительного сопротивления и столкнулись лишь с небольшими гарнизонами, которые не выдержали натиска и были очень скоро сломлены. В двенадцати километрах от границы на гватемальской территории наемники стали лагерем. В захваченных населенных пунктах правительственные служащие, рабочие и крестьяне, бывшие членами профсоюзов, а также представители местных органов, участвовавшие в проведении аграрной реформы в стране, были арестованы и заключены в тюрьмы. После неслыханных издевательств и страшных пыток многие были зверски убиты*.

Когда иностранным захватчикам удавалось продвинуться в глубь страны, они встречали ожесточенное сопротивление патристически настроенной части национальной армии. После сражения при Гуалане, где агрессоры понесли большие потери в живой силе и технике, они уже больше не пытались наступать и отходили к исходным позициям. В случае преследования они тут же переходили границу и укрывались в

* Позже наемники выкопали останки тех, кто погиб во время военных действий против агрессии, и трупы своих жертв, с тем чтобы взвалить ответственность за совершенные ими преступления на представителей законного режима, защищавших родину и выполнявших свой священный долг.

Гондурасе. Примечательно, что до свержения президента Арбенса Кастильо Армас так и не смог перенести свою штаб-квартиру на гватемальскую территорию и штаб его продолжал оставаться в Копане. Там же находилась вплоть до последних дней радиостанция наемников, которая поддерживала постоянную связь с посольством США в Гватемале.

Единственным эффективным средством интервентов была авиация, которую ЦРУ рассматривало как главную военную силу в «операции Гватемала». Лишь некоторые из находившихся в распоряжении Армаса бомбардировщиков В-26, транспортных самолетов и истребителей пилотировались гватемальцами, а в основном же — иностранными наемниками.

Политика бойкота и блокады, проводившаяся госдепартаментом, не позволила правительству Арбенса приобрести военные самолеты. Поэтому самолеты американского производства, управляемые летчиками США, не встречая сопротивления, с бреющего полета бомбили столицу и другие гватемальские города. Однако, несмотря на господство своей авиации, наемники так и не смогли организовать базы для самолетов на гватемальской земле. Все их пиратские воздушные рейды производились с военных баз Никарагуа и Гондураса. Многие из гватемальских городов были разрушены или сожжены в результате неоднократных налетов. Но какой бы урон ни причиняли действия авиации, сеявшей панику среди мирного населения, без продвижения наземных войск обеспечить успех агрессии было невозможно.

Правящие круги США выражали крайнюю озабоченность ходом развязанной ими агрессии, на которую было ассигновано около 6 млн. долл. Расчеты заговорщиков на то, что народные массы Гватемалы восстанут против конституционного правительства, как только наемники вступят на территорию страны, не оправдались. Провалились также и попытки выдать интервенцию за «внутренний мятеж», замаскировав тем самым ее подлинную сущность. Гватемальский народ, несмотря на вооруженные атаки интервентов, тайные проiski ЦРУ и американской дипломатии, предательство высших военных властей, саботировавших выполнение приказа президента о выдаче оружия рабочим, крестьянам и студентам, продолжал стойко противостоять агрессорам. Их наступление было сорвано уже в первые дни. Многочисленная группа интервентов была взята в плен. Надежды вдохновителей и организаторов агрессии на молниеносный успех не оправдались. Становилось очевидным, что в открытом бою вооруженным бандам Кастильо Армаса не удастся сломить сопротивление гватемальских патриотов.

В Вашингтоне стали думать, как быть дальше. Аллен Даллес решительно настаивал на продолжении интервенции и требовал послать наемникам еще несколько бомбардировщиков Р-51. Однако его позиция вызвала возражения со стороны некоторых чиновников госдепартамента, в частности помощника государственного секретаря по межамериканским делам Генри Холлэнда, сменившего на этом посту Джона М. Кэбота. На срочно созванном 22 июня совещании в Белом доме под председательством Эйзенхауэра Холлэнд заявил, что одно дело — давать ЦРУ самолеты для Кастильо Армаса до начала вторжения, другое — поставлять их сейчас. Он считал, что дело, несомненно, получит огласку и даст повод обвинять Соединенные Штаты во вмешательстве во внутренние дела латиноамериканских стран. Как вспоминал потом Д. Эйзенхауэр, на этом совещании «человек, возражавший против дальнейшего предоставления помощи (имеется в виду Генри Холлэнд.— *Ф. С.*), очень настойчиво и горячо отстаивал свое мнение, доказывая, что мы не должны принимать в этом участие. Ну а мистер Даллес придерживался противоположного взгляда. После того как все высказались, я решил, что мы будем оказывать помощь и дальше, и отдал соответствующее распоряжение (послать дополнительные самолеты)»¹⁴.

Много лет спустя, когда приоткрылась завеса тайны, окружавшая «операцию Гватемала», всплыли и другие подробности, связанные с этим совещанием. Некоторые из них приводит, например, Х. Джефферс: «...барабана по столу пальцами, Эйзенхауэр остановил свой солдатский взгляд на Аллене Даллесе и спросил: «Что вы думаете о шансах Кастильо на победу без авиации?» Даллес мягко ответил: «Приблизительно равны нулю». — «Допустим, мы дадим ему авиацию. Каковы будут его шансы тогда?» — спросил Эйзенхауэр. «Около 20%», — сказал Даллес. Президент посчитал, что решение возникшей перед ним задачи найдено — он даст подкрепление. Когда Даллес покидал кабинет президента, получив обещание о незамедлительном предоставлении новых самолетов для оказания поддержки Кастильо, Эйзенхауэр улыбнулся ему. «Аллен, — сказал он, — именно 20% убедили меня. Я понял, что вы глубоко и реалистически продумали этот вопрос. Если бы вы сказали, что шансы равны 90%, мне было бы гораздо труднее принять нужное решение».

Таким образом, администрация США продолжала оказывать военную помощь захватчикам — 24 июня из Невариа (штат Нью-Джерси) Армасу была отправлена новая партия самолетов. Однако в Вашингтоне нарастало чувство тревоги: слишком широкие размеры приняло и всеобщее недовольство

вмешательством Соединенных Штатов и мощное движение на континенте в поддержку законного гватемальского режима, против интервенционистских действий американского империализма. Высшие чины правительственных органов США сваливали друг на друга вину за поражение и за разрастающийся скандал.

В результате явного провала внешней агрессии было решено кардинально изменить тактику. Армас получил приказ вывести свои отряды из Гватемалы 30 июня и обосноваться в Гондурасе. Тем временем администрация США усилила свой нажим на правительство Гватемалы. Опираясь на реакционную военщину и пользуясь обстановкой острого соперничества между претендовавшими на власть в стране высшими офицерами, Перифуа развил большую активность в попытке организовать государственный переворот с целью свержения президента Арбенса и приведения к власти американского ставленника. «Операция Гватемала», потерпевшая на стадии вооруженной агрессии жестокое поражение, все же обернулась успехом, в который уже мало кто верил в Вашингтоне.

Обращает на себя внимание тот факт, что с появлением в Гватемале Перифуа всякая маскировка вмешательства США во внутренние дела суверенной страны была отброшена. На последнем этапе вторжения он неоднократно открыто признавал не только сам факт такого вмешательства, но и то, что лично был связан с силами заговорщиков и оказывал на них известное влияние. Из посольства США в Гватемале постоянно отправлялись военные директивы в штаб-квартиру Кастильо Армаса в Копане. Некоторые высшие чины армии, предавшие свою родину, выдавали Перифуа планы военных операций и сообщали о сугубо секретных действиях командования гватемальских вооруженных сил. Этим объясняется то, что авиация наемников заранее знала о передвижениях правительственных войск и атаковывала их на марше.

Конспиративные сборища реакционных офицеров гватемальской армии проходили в помещении посольства США. Там же обсуждалась и судьба законного президента страны: сначала замыслили физически устранить Арбенса, а потом было решено сохранить ему жизнь, если он добровольно откажется от власти.

25 июня возобновились бомбардировки столицы с самолетов, предоставленных американцами Кастильо Армасу. Чтобы вывести гватемальскую армию из повиновения и подтолкнуть ее на антиправительственные выступления, самолеты, проходя на бреющем полете над столицей и другими городами страны, разбрасывали тысячи листовок. В них сообща-

лось (о том же вещали и радиопередатчики), что правительство Арбенса замышляет распустить регулярные войска, которые будут заменены гражданскими полицейскими формированиями из рабочих. Это вызвало волнения в армейских кругах, особенно среди высших офицеров. Противники демократического правительства добились усиления оппозиционных настроений. В столице был инспирирован марш протеста рыночных торгов.

В этих условиях, в обстановке начинавшегося хаоса и непрерывно нараставшего нажима со стороны США, Арбенс, выслушав ультиматум офицеров-предателей, предъявленный ему 27 июня 1954 г., отказался от поста президента, считая, что этот акт облегчит разрешение гватемальского кризиса, о чем в тот же день сообщил по радио. Вынужденный уступить, он тем не менее выдвинул два требования: первое — будут уважаться жизнь и свобода всех граждан; второе — армия не сложит оружия и продолжит борьбу до полного изгнания захватчиков. На заседании, где в полном составе присутствовал кабинет министров, офицеры, совершившие предательство, дали клятву выполнить оба требования. Был подписан акт, в котором зафиксировали это обязательство.

Итак, правительство Арбенса было свергнуто, а сам он покинул страну. Произошло то, что Говард Хант называл «хирургической операцией». Президент Арбенс передал власть человеку, который хотя и считался в правительстве консерватором и противником наиболее радикальных реформ национальной революции, но пользовался его доверием. Это был командующий вооруженными силами полковник Карлос Энрике Диас.

Американцы не стали сразу ставить полковника Кастильо Армаса во главе правительства. Этим они хотели замаскировать свое участие в перевороте, подчеркнуть, что происходящее в стране будто бы не внешняя агрессия, а «восстание гватемальцев против гватемальского правительства». Именно так и заявил представитель США Генри Кэбот Лодж на заседании Совета безопасности 20 июня 1954 г. в ответ на предъявленное Соединенным Штатам обвинение в вооруженной интервенции.

Взяв власть в свои руки, Диас привлек к себе в ближайшие помощники двух военных лидеров, с которыми был связан узами дружбы: Хосе Анхеля Санчеса и Эльфего Монсона. Оба являлись членами кабинета министров в течение всего времени правления Арбенса: первый — в качестве министра национальной обороны, второй — министра без портфеля.

Через несколько часов после того, как полковник Диас

стал у власти, в его кабинете в здании штаба вооруженных сил появился Перифуа. К тому времени руководители Гватемальской партии труда и некоторых профсоюзов были уже арестованы, а сама партия объявлена хунтой вне закона. Как считала верхушка военщины, таким путем можно было бы и оправдать ликвидацию достижений национальной революции, в том числе и аграрной реформы. Любые меры, принятые предыдущими правительствами Аревало и Арбенса и препятствовавшие распространению господства «Юнайтед фрут компани», рассматривались как носящие «коммунистический» характер.

Цель визита американского посла, как рассказывал потом Диас, заключалась в следующем: Перифуа имел при себе большой список с именами руководителей левых сил и решительно потребовал, чтобы в течение суток казнили всех, кто в нем фигурировал. На вопрос Диаса: на каком основании? — Перифуа ответил: «Они — коммунисты. Вот на каком основании». Диас отказался санкционировать эту террористическую акцию.

Неподчинение Диаса приказам Перифуа, а также сделанное им, вопреки ожиданиям американского посла, заявление по радио, в котором он призвал народ «способствовать выполнению патриотических задач, стоящих перед Гватемалой, чтобы сохранить ее демократические и социальные завоевания», круто изменили ход событий *. Бомбардировки столицы возобновились с новой силой. Одним из главных объектов стал форт Матаморос — пункт дислокации войск Диаса.

Касаясь подготовленного Перифуа падения Диаса, американский журнал «Тайм» писал: «Кастильо Армас был убежден в том, что за Диасом в действительности стоит Арбенс, и потому решил продолжать боевые действия, подвергнув бомбардировке форт Матаморос. Перифуа горячо одобрил этот шаг».

29 июня Диас был свергнут группой проамерикански настроенных офицеров во главе с полковником Монсоном.

Сразу же после прибытия в Сан-Сальвадор Монсон вступил в острый конфликт с Кастильо Армасом. Армас отнюдь не собирался уступать власть. Монсон же был уверен, что оказанная им американцам услуга не будет забыта и он сможет занять ведущее место в хунте, создаваемой Перифуа. По-

* Как сообщит потом первый секретарь посольства Гватемалы в США Франсиско Агниано, длительное время тайно поставлявший ЦРУ информацию о собственной стране, передача власти Диасу вызвала в Вашингтоне недовольство и последовало указание о безотлагательной замене его Кастильо Армасом.

ведение Кастильо Армаса было столь вызывающим, что Монсон прервал переговоры и принял решение вернуться в столицу. В это время обеспокоенный Перифуа находился в гватемальском аэропорту Ла-Аурора, поддерживая постоянную телефонную связь со своими агентами в Сан-Сальвадоре. Узнав о провале переговоров, на которые он возлагал большие надежды, Перифуа 1 июля 1954 г. вылетел в Сан-Сальвадор улаживать «семейный раздор». Там он продиктовал Монсону и Армасу условия, на которых они должны были заключить соглашение. В результате была образована военная хунта из пяти человек во главе с Монсоном, к которой перешла вся полнота власти. Примирение предусматривало включение наемников в национальную армию — им предстояло получить награды за вступление в гватемальскую столицу. 3 июля Кастильо Армас с группой приспешников торжественно прибыл в столицу. Через некоторое время он стал главой хунты, а затем, устранив своих соперников, провозгласил себя президентом страны. Наконец, 4 ноября Кастильо Армаса делают «конституционным» президентом (и это при отсутствии действующей конституции!). Первыми, кто признал новое правительство Гватемалы, были Соединенные Штаты Америки.

Отчет в Белом доме

Сразу же по завершении операции некоторые из находившихся в Гватемале сотрудников ЦРУ были вызваны в Вашингтон. Предполагался их доклад в Белом доме: Эйзенхауэр был доволен результатами и хотел знать подробности. В числе вызванных были Брэд, Филлипс и еще несколько американцев, принимавших непосредственное участие в организации переворота. Каждому предстояло лично информировать президента, и поэтому время полета было использовано для работы над докладами. В вашингтонском аэропорту их ждали два лимузина.

«Нас подвели прямо к дому Аллена Даллеса на Висконсин-авеню... — вспоминает Филлипс. — Даллес, одетый по-домашнему, вертел в руках трубку и время от времени дотрагивался до своих пышных усов. Он был похож на актера, которого художественный совет утвердил на роль главы шпионов. «Завтра утром, джентльмены, — заявил он, — мы отправимся в Белый дом на встречу с президентом. Давайте посмотрим тексты ваших выступлений»... Трэйси Барнс, Дж. С. Кинг, Петер, Гектор, Эль Индио и я благополучно прочли свои речи. Последним выступал Брэд... Утром мы отправи-

лись в Белый дом. В восточном его крыле, в аудитории, построенной в форме амфитеатра, собрались наиболее значительные люди из всех тех, с кем мне приходилось до сих пор встречаться: президент, члены комитета начальников штабов, государственный секретарь Джон Фостер Даллес, министр юстиции и почти две дюжины других членов кабинета и персонала. В конце аудитории стоял Джон Эйзенхауэр-младший. Мои коллеги один за другим доложили о своем участии в операции. Последним был я. Когда Брэд по ходу доклада показывал слайды, выключили свет. Рядом со мной открылась дверь. В темноте я смог рассмотреть лишь силуэт вошедшего. Это был Ричард Никсон, вице-президент. Последовали расспросы Эйзенхауэра. Несколько вопросов задал Никсон, обнаруживший доскональное знание политической обстановки в Гватемале. В заключение президент обменялся со всеми рукопожатием. «Замечательно! — сказал он Брэду. — Это была хорошая информация». Пожимая последнему руку Аллену Даллесу, Эйзенхауэр сказал: «Спасибо, Аллен. И спасибо всем вам. Вы предотвратили возникновение советского плацдарма в нашем полушарии». Широко шагая, президент вышел из комнаты».

Благодарность президента отразилась на дальнейшей судьбе основных участников «операции Гватемала». Трейси Барнса сделали главой очень важного отделения ЦРУ во Франкфурте-на-Майне в ФРГ. Говард Хант, для которого гватемальская операция также стала как личным, так и профессиональным успехом, уже во время ее проведения получил новое прикрытие — должность советника министерства обороны. В конце 1954 г. его направили в Японию, в состав токийской резидентуры ЦРУ. В то время в Токио находилась штаб-квартира регионального управления ЦРУ по Северной Азии, занимавшегося Японией, Кореей и Китаем. Для осуществления тайных политических операций имелся штат негласных сотрудников. Говарда Ханта назначили заместителем начальника группы, которая специализировалась на «черной» пропаганде, проводимой против стран Азии. За год до этого закончилась война в Корее, и теперь администрация США считала первоочередной задачей укрепление с помощью ЦРУ американского политического влияния в Азии. Деятельность Ханта заключалась в подготовке антикоммунистического пропагандистского материала. Часто это была дезинформация, которую распространяли там, где наблюдалось нарастание влияния левых сил. Несмотря на то что в конце 1954 г. Хант официально получил назначение в азиатское региональное управление ЦРУ, он еще около года провел в Вашингтоне,

работая в секретном комитете по вопросам «психологической войны» Управления тайных операций ЦРУ. Он занимался организацией тайной пропаганды и политических акций против стран Юго-Восточной Европы.

Что касается других участников «операции Гватемала», и в частности Филлипса, Гектора, Петера и Эль Индио, то все они в свою очередь получили повышение в звании и новые задания *. Не осталась в долгу и «Юнайтед фрут компани». Руководство компании в 1955 г. ввело в состав своих директоров сошедшего к этому времени с политической арены генерала Уолтера Беделла Смита, который с 1950 по 1953 г. возглавлял ЦРУ, а затем занимал пост заместителя государственного секретаря.

Прежде чем приступить к выполнению своих новых обязанностей, Филлипс на короткое время вернулся в Гватемалу. В составе группы экспертов ему предстояло оценить с оперативной точки зрения захваченные военной хунтой документы правительства Арбенса: досье, копии дипломатических посланий, частные бумаги, дневники. Основываясь на сведениях, содержащихся в этих документах, надо было выявить гватемальцев, представляющих потенциальную опасность для нового режима, с тем чтобы завести на них досье и держать в поле зрения службы безопасности. Другая задача состояла в том, чтобы выбрать из всей массы документов такие материалы, которые годились бы для распространения в странах Латинской Америки и могли быть использованы для оправдания участия США в свержении законного президента Гватемалы.

Власть военной хунты

Последовавшие за всем этим события лишний раз показали, в чьих интересах совершался государственный переворот и каковы были подлинные мотивы вооруженной интервенции в Гватемале.

Национальное собрание было разогнано. Сразу же лишены избирательных прав неграмотных, т. е. 70% населения. Хунта, состоявшая на содержании у «Юнайтед фрут компани», отменила закон об аграрной реформе. Крестьян сгоняли с полученных ими земельных участков. У них было отобрано и возвращено крупным землевладельцам более 300 тыс. га земли. Были ликвидированы поправки к закону 1947 г., пре-

* Семь лет спустя многие из них станут активными участниками другой тайной операции ЦРУ — вооруженного нападения на Кубу.

доставлявшие рабочим и их профсоюзам некоторые права, запрещена деятельность прогрессивных организаций. «Юнайтед фронт», которой так стремился угодить Кастильо Армас, вернула себе национализированные правительством Арбенса угодья и предприятия и вновь стала безраздельно хозяйничать в стране.

С первых же дней существования нового режима Соединенные Штаты стали оказывать ему всестороннюю помощь. В Гватемале наступило время жестокого террора. Кастильо Армас направил репрессии против широких слоев общества, на которые опиралась гватемальская революция. За первую неделю существования режима было арестовано 4 тыс. патриотов «по подозрению в коммунистической деятельности». В августе был принят «превентивный закон о борьбе с коммунизмом» и создан Комитет защиты от коммунизма, заседания которого проходили только за закрытыми дверями. Комитет мог объявить коммунистом любого гватемальца, и решения эти обжалованию не подлежали. Тем, кто был заподозрен в сочувствии коммунистам, не разрешалось работать в государственных и муниципальных учреждениях, иметь радиоприемники. По указке комитета этих людей могли арестовать и держать в заключении без суда и следствия до полгода. В первые же четыре месяца было зарегистрировано 72 тыс. человек, объявленных коммунистами или симпатизирующими им. Позже число их достигло 200 тыс. человек. Гватемальские офицеры службы безопасности создавали «группы смерти», которые уничтожали лидеров оппозиции.

В 1955 г. правительство Армаса позволило Пентагону строить на территории Гватемалы военные базы.

Американские журналисты Д. Уайз и Т. Росс писали по поводу роли ЦРУ в гватемальских событиях: оно «выполнило свою задачу и удалилось, оставив страну во власти деспотической олигархии и ужасающей нищеты». А в 1957 г. при загадочных обстоятельствах Кастильо Армас был убит служащими дворцовой охраны. Президентом Гватемалы стал другой ставленник ЦРУ — Мигель Идигорас Фуэнтес, который установил в стране с помощью армии еще более жестокий режим*.

Следует отметить, что государственный переворот в Гватемале, подготовка к которому по времени совпала с осуществлением подобной же операции ЦРУ в Иране, имеет много общего с ней. Сходными были примененные в ходе этих двух

* В 1960 г. Идигорас Фуэнтес в знак благодарности за поддержку предоставил США базы для подготовки вторжения на Кубу.

тайных операций подрывные методы — они, по существу, тождественны тем, которые теперь прогрессивные силы квалифицируют как дестабилизацию. Эти методы включали организованную извне кампанию запугивания «коммунистической опасностью» и откровенный нажим в расчете добиться отказа Ирана и Гватемалы от независимой ориентации. Законные правительства этих стран оказались перед угрозой экономического бойкота. С помощью средств массовой информации была развернута психологическая обработка иранцев и гватемальцев с целью вызвать страх и панику в различных группах населения, обострить ненависть противников социально-экономических преобразований, проводившихся Мосаддыком и Арбенсом. ЦРУ активно прибегало к тайной вербовке сторонников США в местных вооруженных силах, подталкивая офицеров-предателей на проведение контрреволюционного путча.

Американская буржуазная пресса называла посла США в Гватемале Джона Перифуа настоящим «героем» операции, игравшим главную роль, которая в наиболее критические моменты, по всей видимости, оказалась решающей. Совершенно очевидно, что Кастильо Армас и его наемники не могли добиться успеха, если бы американская агентура не подорвала изнутри силы законного правительства, а Перифуа, непосредственно связанный с ЦРУ, не координировал все действия, направленные против гватемальской революции. Так в одном лице совместились и дипломат, и разведчик, и диверсант, и организатор путча. Этот пример — еще одно свидетельство тесного сотрудничества американской дипломатии с разведкой, которое пышно расцвело в период «деятельности» братьев Даллесов. Любопытны в этом отношении показания, данные в комиссии сената США Уайтингом Уиллауэром, бывшим послом США в Гондурасе в период гватемальского путча. Вот выдержки из этих показаний:

«Вопрос. Господин посол, свержение правительства Арбенса в Гватемале подготавливала какая-нибудь группа или вы занимались этим один?

Ответ. Этим занималась группа.

Вопрос. Джон Перифуа входил в нее?

Ответ. Да. Джон входил в нашу группу в Гватемале и играл в ней главную роль. Кроме него в группу входили Роберт Хилл — посол в Коста-Рике и Том Уэлен — посол в Никарагуа, где проводилась большая работа. Ну и, конечно, было много оперативных сотрудников ЦРУ.

Вопрос. В чем выразилась причастность мистера Даллеса к событиям в этом районе?

Ответ. Мистера Аллена Даллеса? Видите ли, ЦРУ помогало в оснащении и обучении антикоммунистических войск.

Вопрос. Можно ли сделать вывод, что именно вы были тем человеком, который руководил операциями во всем этом районе?

Ответ. На меня, безусловно, были возложены очень важные обязанности, в частности поддержание связи с правительством Гондураса, оно смертельно боялось, чтобы его не свергли...»¹⁵

Уиллауэр после переворота в Гватемале получил от шефа ЦРУ телеграмму, в которой тот прямо писал, что если бы не Уиллауэр, «то путч не завершился бы успехом». «Я,— заявил Уиллауэр,— очень горжусь этой похвалой».

События в Гватемале продемонстрировали, как под флагом «защиты свободы» американский империализм душил независимость народов, ведет наступление против национального суверенитета, грабит другие народы и подчиняет их своему диктату. Со времени переворота 1954 г. Гватемала живет в атмосфере жестокой антинародной диктатуры, непрекращающегося террора.

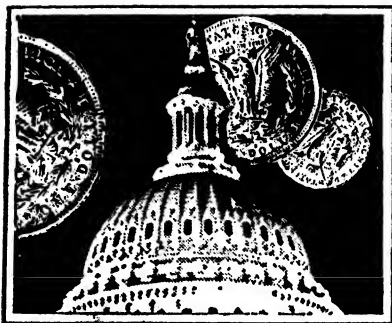
Этот разгул террора и беззакония происходит при прямом участии США, которые оказывают диктаторскому режиму щедрую военную и иную помощь. Стратегические планы Вашингтона связаны с использованием гватемальской военщины в интервенционистской политике против Сальвадора, охваченного пламенем народной борьбы.

Забываясь об охране интересов своих монополий (американские капиталовложения составляют там 2 млрд. долл.), Соединенные Штаты пытаются прочно привязать к себе Гватемалу, чтобы свободнее распоряжаться ее природными богатствами, использовать ее территорию в своих стратегических планах.

В условиях массовых репрессий гватемальский народ от года к году все теснее сплачивает свои ряды, укрепляет единство действий в борьбе против режима террора, против господства местной олигархии и засилья американских монополий, за национальный суверенитет и независимость своей страны.

Глава 4

ОПЕРАЦИЯ «ПЕРЕЛЕТ»

**CIA
CIA
CIA
CIA
CIA**

Акция, враждебная делу мира

Весна 1960 г. Напряженность в мире, вызванная годами «холодной войны», постепенно ослабевала. Осенью предыдущего года в США состоялась встреча главы Советского правительства с американским президентом. Была достигнута договоренность о новой встрече на высшем уровне между руководителями правительств СССР, США, Англии и Франции. Они должны были собраться в середине мая в Париже, чтобы обсудить и решить жизненно важные международные проблемы, оставшиеся неурегулированными еще со времен второй мировой войны.

Эти положительные сдвиги в отношениях между странами с различным социальным строем дались нелегко. Потребовалось почти полтора десятилетия упорной борьбы за оздоровление международного политического климата. Кажется, еще один шаг на этом пути — и общими усилиями социалистических стран, других миролюбивых государств, общественных сил и движений, выступающих за мир, удастся оттеснить сторонников «холодной войны». Но устремления государственных деятелей Запада лежали в иной плоскости. Тяга народов мира к ослаблению напряженности, к тому, чтобы принципы мирного сосуществования действительно стали основой в отношениях между государствами с различным социальным строем, — такой ход событий не устраивал агрессивные круги США и стоящие за ними американские монополии. Получая на военных заказах многомиллиардные прибыли, фабриканты оружия в союзе с военщиной в правительственном аппарате всячески препятствовали оздоровлению международного климата. Вокруг дальнейшего курса внешней политики в США шла скрытая борьба различных сил. Верная военно-политической стратегии подлинных хозяев Америки, администрация США торпедировала совещание на высшем уровне; кульминационным пунктом явился шпионский полет американского военного самолета в глубь советской территории.

1 мая 1960 г. в 5 час. 36 мин. по московскому времени неизвестный самолет нарушил государственную границу

СССР в 20 км юго-восточнее города Кировабада, вторгся в воздушное пространство нашей страны и на высоте 20 тыс. м углубился на советскую территорию.

Ракетные части противовоздушной обороны СССР взяли самолет-нарушитель под контроль. Как показало наблюдение, его маршрут пролегал над крупными промышленными центрами и важными оборонными объектами. Самолет шел на такой высоте, на которую никакие самолеты гражданской авиации подняться не могли. Все это не оставляло ни малейшего сомнения в том, что он преднамеренно вторгся в воздушное пространство Советского Союза с враждебными целями. Советское правительство отдало приказ ракетным войскам открыть по нарушителю огонь. Одно из подразделений ПВО в 8 час. 53 мин. сбило самолет в районе Свердловска; пилот выбросился на парашюте и в момент приземления был задержан и обезоружен. На допросе он назвал себя Гарри Френсисом Пауэрсом — гражданином США.

Исследование остатков сбитого самолета и находившейся на его борту специальной аппаратуры, а также показания летчика-шпиона Пауэрса позволили точно установить, что это был американский самолет типа «Локхид У-2». Специально сконструированный для полетов на больших высотах и снабженный оборудованием для аэрофотосъемки и записи сигналов радиолокационных станций, он был послан в воздушное пространство СССР для военной разведки советской территории. Среди обломков были обнаружены фотопленки с заснятыми аэродромами и важными военными и промышленными объектами СССР. Пилот Пауэрс был арестован и привлечен к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже против Советского Союза. Предварительное следствие получило неопровержимые доказательства того, что шпионский полет был организован с ведома американской администрации специальным подразделением воздушной разведки ЦРУ, условно зашифрованным «10—10».

Намечавшаяся встреча глав правительств не состоялась. Она была сорвана американскими правящими кругами, которые вели двойную игру и вовсе не стремились отступать от политики «холодной войны». Осуществление операции «Перелет» — одно из важных звеньев в цепи событий. В нем также отчетливо отразилась не только стратегия и тактика тайной деятельности ЦРУ, основанные на вседозволенности, но и общая линия империалистической стратегии США, которая с ноября 1917 г. была направлена на враждебные акции и подготовку войны против первого в мире социалистического государства.

Вскоре после окончания второй мировой войны командующий военно-воздушными силами армии США генерал Арнольд направил военному министру ряд докладов, в которых суммировал боевой опыт американских ВВС, приобретенный в ходе войны. Касаясь вопроса добывания сведений о противнике, он писал: «Наши прежние взгляды на разведку не могли в полной мере удовлетворять требованиям войны. Всестороннее, детальное и постоянное знание гражданской и военной деятельности на территории реального или потенциального противника является крайне необходимым для правильного планирования мероприятий как во время войны, так и в мирное время».

Генерал Арнольд считал недостаточным полагаться в будущем только на донесения военных атташе и другие традиционные или случайные источники получения разведывательных сведений. Он выступал за создание на правительственном уровне постоянной организации, которая ведала бы не только общими вопросами шпионажа, но и собирала, обрабатывала и распределяла непрерывно поступающие разведывательные данные. «Кроме того,— продолжал он,— нам необходимо иметь в системе военно-воздушных сил свою компетентную и активную авиационную разведку, которая взаимодействовала бы с общегосударственной разведкой как в мирное, так и в военное время».

Доклады возымели свое действие. Уже в то время самолеты военно-воздушных сил США начали совершать разведывательные полеты вдоль советских границ, а в 50-х годах и проникать в воздушное пространство СССР. «Цель таких полетов,— писал американский исследователь Гарри Рэнсом,— состоит в том, чтобы добыть разведывательные данные о характере русских военных оборонительных сооружений... Подобные акции, как утверждают, происходят на суше, на море и в воздухе».

Естественно, точные данные о количестве разведывательных полетов, совершенных над территорией СССР, в США никогда не публиковались, но какие-то сведения все же попадали в печать. Так, по одним данным, таких полетов до 1960 г. было предпринято 30. По другим — США в течение десяти лет, начиная с апреля 1950 г., сделали 81 попытку проникнуть в воздушное пространство и в территориальные воды Советского Союза. Во всех этих случаях защитники советских рубежей надежно преграждали путь непрошеным гостям, а 20 американских самолетов не вернулись на базы.

Разработку программ последующих полетов, связанных с проникновением в воздушное пространство Советского Союза, и общее руководство созданием необходимой для этого технической базы взял на себя тогдашний директор ЦРУ Аллен Даллес.

Играв важную роль в формировании и осуществлении внешнеполитического курса американского империализма, ЦРУ всегда пользовалось неограниченной поддержкой правящих кругов страны. «Нам очень нужна была точная разведывательная информация,— писал Эйзенхауэр в 1965 г.— В такой ситуации, как считал Аллен Даллес, необходимо было создать новый сверхвысотный самолет для воздушной разведки. В ноябре 1954 г. Фостер Даллес, Чарли Уилсон, Аллен Даллес и другие советники пришли ко мне, чтобы получить санкцию на продолжение программы по производству 30 сверхвысотных самолетов общей стоимостью 35 млн. долл. Многие конструкторские работы были уже близки к завершению. Я одобрил это предприятие»¹.

Ведомство Аллена Даллеса, выдвинув идею создания «единственного в своем роде» самолета У-2, определило требования, предъявляемые к нему, а затем, используя свои связи с военными кругами, вовлекло в эту программу в качестве партнеров высших представителей Пентагона и ВВС. Большая часть работы по проектированию и разработке У-2 проводилась в Дейтоне, штат Огайо, на авиационной базе Райт-Петтерсон. ЦРУ заключало контракты с конструкторами и строителями самолета, вербовало пилотов, с помощью местных служб безопасности обеспечивало секретность баз за границей. Оно же стало и обладателем первых десяти сверхвысотных дозвуковых самолетов-разведчиков типа У-2, которые положили начало авиационным подразделениям особого назначения.

Повышенный интерес ЦРУ к самолету У-2 Даллес объяснял многообещающими перспективами его использования в целях шпионажа. В кругу профессиональных разведчиков он не устал подчеркивать, что У-2 сможет собирать информацию «быстрее, точнее и надежнее, чем любой агент на земле»:

В июне 1956 г. Даллес получил разрешение президента Эйзенхауэра на проведение разведывательных полетов У-2 над территорией Советского Союза, что означало прямое нарушение его суверенитета. Эта разработанная в недрах ЦРУ и одобренная в высших сферах исполнительной власти операция получила кодовое наименование «Перелет». Как свидетельствовал в свое время известный на Западе историк

разведывательного дела Р. Роуан, полет У-2 явился «впечатляющим доказательством того, что американское государство с головой окунулось в тайные происки».

Непосредственно осуществлял программу воздушного шпионажа «человек риска» генерал Р. Биссел — в ту пору заместитель директора ЦРУ по планированию.

ЦРУ вербует исполнителей

Одновременно с завершением работ по созданию технической базы для планируемой операции воздушного шпионажа против Советского Союза ЦРУ приступило к вербовке летчиков, которым предстояло выполнять особые разведывательные задания на специально оборудованных сверхвысотных самолетах.

Среди кандидатур был и старший лейтенант ВВС США Пауэрс. 14 лет спустя в книге «Операция «Перелет»², подготовленной им в сотрудничестве с американским публицистом К. Джентри, Пауэрс напишет: «В тот день я вернулся на базу (Турнер.— *Ф. С.*) во второй половине дня после очередного тренировочного полета на реактивном истребителе Ф-84Ф. Проходя мимо доски приказов, я заметил какой-то список, а в нем свою фамилию. Пилотам, значившимся в списке, предлагалось явиться в 8 час. утра к майору в штаб авиабригады. На следующее утро все собрались в кабинете майора. Он начал без обиняков: «Кое-кто хотел бы потолковать с вами и, возможно, кое-что предложить». Выбор пал именно на нас потому, пояснил он, что мы отвечаем определенным требованиям: все пилоты экстра-класса, офицеры запаса, добровольно оставшиеся на сверхсрочной службе, имеем допуск по форме «Совершенно секретно». К тому же у нас более чем достаточно часов, налетанных на одноместных одномоторных самолетах. Посыпались вопросы, но майор решительным жестом остановил нас, сказав, что это пока все, что он уполномочен сообщить. Если кого-то заинтересовало предложение, он скажет, когда и куда прибыть для дальнейших переговоров».

Встречаться с таинственными представителями надлежало поодиночке, в разное время, не в служебные часы и не на базе, а за пределами Олбани. В 19 час. Пауэрс должен был явиться в мотель «Рэдиум Спрингс Инн» к Уильяму Коллинзу. Во время короткой встречи Коллинз сказал: «Боюсь, что не смогу сообщить вам слишком много, во всяком случае

в данный момент. Скажу только, что вас и нескольких других пилотов отобрали для службы в подразделении, которое будет выполнять особые задания. Это, конечно, сопряжено с риском, но, согласившись сотрудничать с нами, вы окажете большую услугу своей стране. Да и жалование будет выше, чем сейчас. Хорошенько обдумайте наше предложение. Если оно вас интересует, позвоните мне завтра, и мы договоримся о следующей встрече. Учтите еще один момент, — заключил Коллинз, — вам придется пробыть за границей полтора года без семьи».

На другой день Пауэрс продолжил переговоры с Коллинзом, который на этот раз пояснил, что он и двое его коллег представляют ЦРУ. Если Пауэрс им подойдет, он будет работать на разведку по контракту. После истечения срока контракта он, если захочет, может вернуться к своим обычным занятиям, а время сотрудничества с ЦРУ зачтется как действительная военная служба, и все льготы будут за ним сохранены. Но прежде ему предстояло пройти проверку на самолете совершенно нового типа, летающем на высоте, которой не достигала еще ни одна машина.

Сразу же после окончания тренировок Пауэрс должен был отправиться за границу, чтобы приступить к выполнению задания. «Часть вашей работы, — предупредил его Коллинз, — будет состоять из разведывательных полетов вдоль границ России с высокочувствительным оборудованием на борту, улавливающим сигналы радиостанций и радиолокационных установок. Но это еще не все. Ваша главная цель — пролететь над территорией России».

На следующее утро Пауэрс дал положительный ответ.

Третья встреча Пауэрса с Коллинзом прошла в сугубо деловой обстановке. Пауэрсу было предложено готовиться к поездке в Вашингтон, где ему предстояло пройти инструктаж и ответить на вопросы, содержащиеся в специальных тестах. Чтобы прикрыть на это время отсутствие Пауэрса на базе, по ВВС должен был быть отдан приказ об откомандировании его для временного прохождения службы вне Турнера. «Ехать — в штатской одежде, — предупредил Коллинз. — В гостинице зарегистрироваться под вымышленным именем Френсиса Пальмера. Удостоверение на это имя выпишут еще до поездки, и в нем вы будете значиться гражданским служащим министерства ВВС. Жене надо объяснить, что первые несколько месяцев уйдут на улаживание дел. Можно назвать размеры оклада и сказать, что речь идет о работе в качестве государственного служащего, которая будет состоять в выполнении разведывательных полетов... Однако ни в коем

случае не упоминать ЦРУ. Для родителей и друзей вам позже подготовят другую «легенду». А пока все держать в тайне».

В конце января 1956 г. Пауэрс расписался в книге при-сезжих гостиницы «Дюпон Плаза» в Вашингтоне как Френ-сис Г. Пальмер. Вскоре ему позвонил Коллинз и назначил встречу в одном из номеров гостиницы. Пауэрс пришел, когда остальные летчики уже собрались. Все они были ему знакомы еще по базе Турнер. За исключением одного че-ловека, который старательно заглядывал за рамы картин, за шкафы и под кровати и, как понял Пауэрс, являлся сотруд-ником ЦРУ.

На этот раз Коллинз проводил инструктаж более обстоя-тельно. Как можно было заключить из его слов, предпола-гавшаяся операция — не первая попытка фотографирования территории Советского Союза с воздуха. После войны для этой цели использовались модифицированные самолеты Б-36, а потом РБ-47. Их преимущество заключалось в том, что они могли нести на борту большое количество сложного фото- и электронного оборудования. Однако самолеты этого типа имели ограниченную высоту полета и, следовательно, были уязвимы для ракет и истребителей. Было испробовано дру-гое средство — воздушные шары, снабженные фотокамерами. Выпущенные в разных точках и подхваченные потоками воз-духа, они проносились над территорией СССР в сторону Япо-нии. По словам Коллинза, это давало неплохие результаты, хотя технические недостатки такого метода разведки и его нежелательные для США политические последствия были очевидны. Сбив несколько воздушных шаров, советские вла-сти заявили решительный протест, получивший широкий об-щественный резонанс.

Пришлось снова возвращаться к использованию самоле-тов. Но дело затрудняла все та же серьезная проблема — высота полета. Препятствие казалось неустранимым, когда Кларенсу (Келли) Л. Джонсону, конструктору компании «Локхид эйркрафт», удалось создать самолет принципиально нового типа, способный летать гораздо выше пределов дося-гаемости всех известных ракет и перехватчиков. В августе 1955 г. машина прошла первые летные испытания, удовлет-ворив необходимым требованиям и даже превзойдя их. Кол-линз достал из портфеля фотографию. Это был снимок странного летательного аппарата, не похожего ни на один из существовавших. Хотя самолет фотографировали на значи-тельном расстоянии и детали нельзя было различить, выгля-дел он совершенно необычно, обращал на себя внимание не-

вероятно большой размах крыльев. Самолет был одноместным.

В апреле 1956 г. Пауэрс подал рапорт об отставке и уже в мае стал снова штатским. Через несколько дней он подписал с ЦРУ секретный контракт, ввязавшись, таким образом, как понял лишь впоследствии, в опасную политическую авантюру. Контракт предельно сжато определял условия найма*. Он включал также специальный пункт об ответственности пилота за сохранение доверенной ему тайны. Любое разглашение рассматривалось как наносящее ущерб «национальной безопасности» США.

Секретная тренировочная база Уотертаун

После подписания контракта с ЦРУ пилотов направили на базу Уотертаун, где им предстояло пройти подготовку к полетам. Всем для прикрытия были выданы удостоверения служащих компании «Локхид», временно работающих в Национальном управлении по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА).

Уотертаун — труднодоступное место в необитаемой южной части пустыни в штате Невада, куда можно было добраться только по воздуху. Словом, по оценке военных специалистов, — идеальная секретная тренировочная база. Здесь Пауэрсу и другим летчикам этой группы предстояло в ходе тренировочных полетов изучить особенности самолета У-2, овладеть техникой управления сложнейшим оборудованием «самого изощенного шпионажа». Параллельно с подготовкой летчиков к полетам шло и испытание оборудования. Одно устройство было особенно необычным — блок подрыва. На случай, если пилоту придется покинуть машину над территорией, где он совершал разведывательный полет, на борту имелся запас взрывчатки, которая уничтожала бы не весь самолет, а только ту его часть, где размещались фотокамеры и электронное оборудование. Взрывной механизм был устроен так, что давал летчику возможность покинуть самолет до взрыва.

Вся эта система изучалась очень тщательно, но, как пишет Пауэрс, существовал один вопрос, который никогда

* Он был исполнен в единственном экземпляре и оставался в архивах ЦРУ. Не получил Пауэрс и копий других документов.

не задавался, и была тема, которая прямо никогда не обсуждалась, — вынужденная посадка на территории СССР. Ее затронули лишь косвенно. Первый раз, когда летчиков инструктировали относительно назначения взрывного устройства. И второй — когда в конце срока подготовки они вылетели на Восточное побережье. Там состоялось первое знакомство Пауэрс с «точкой» — тщательно охраняемой, совершенно секретной резиденцией ЦРУ. Прикрытием ее служила ферма, огороженная четырехметровым забором, по которому был пропущен электрический ток. Летчиков обучали, как проникать через такую ограду. Некоторые участки фермы были заминированы, и задача состояла в том, чтобы уметь их определять и обходить. Поля на ферме также были необычными. Они вспахивались наподобие пограничных полос и использовались для того, чтобы научить преодолевать их, не оставляя «предательских следов».

«В то время, — пишет Пауэрс, — никто из нас не думал о том, что самолет может быть сбит. Гарантацией безопасности мы считали высоту, на которой летал У-2. Все разведывательные источники ЦРУ с уверенностью утверждали, что русские не имеют ни самолетов, ни ракет, способных достать нас на такой высоте. Но аэроплан — сложный конгломерат оборудования. Неправильно подсоединенный электропровод, остановившийся двигатель, непредвиденная поломка — и... Никто из сотрудников ЦРУ не дал нам инструкции на случай, если придется совершить вынужденную посадку в России. Никто из летчиков, насколько мне помнится, и не просил о подобном инструктаже. Даже в разговорах между собой мы никогда не затрагивали этот вопрос, как бы боясь искушать судьбу. А все обернулось роковой ошибкой».

В Уотертауне произошло первое знакомство участников операции «Перелет» с У-2. Этот самолет имел особые технические характеристики: набор высоты происходил очень быстро. Для отрыва от земли требовался короткий разбег — около 300 м. Через несколько секунд после сброса подпорок из-под крыльев можно было начинать набор высоты под углом более 45°. Спустя короткое время серебристый самолет исчезал из поля зрения. Окраска и высота, на которой он мог лететь, делали его невидимым и с воздуха, и с земли.

Самолет У-2 был оснащен сверхчувствительным оборудованием для фотографирования поверхности земли. Благодаря инфракрасной аппаратуре фотографирование можно было производить ночью и в условиях облачности. Специальные эмульсии, нанесенные на пленку, обнаруживали любую обычную маскировку. Американская пресса писала о технических

возможностях аппаратуры, что фотографирование пустой стоянки автомашин позволяет на проявленном негативе ясно видеть следы автомашин, которые находились там до того, как был сделан снимок.

Но чтобы подниматься на недостигаемую для других самолетов высоту с пилотом и различным фото- и электронным оборудованием на борту, да к тому же с запасом горючего, необходимого для более чем девятичасового непрерывного полета, самолет должен был быть исключительно легким. Надо было чем-то жертвовать. В случае с У-2 — прочностью. Дополнительные опоры, которые обычно имеются в местах стыков и сочленений, на У-2 отсутствовали. Самолет не был оборудован катапультируемым сиденьем. Экономия в весе достигалась также за счет шасси особого устройства. Что же касается управления самолетом в воздухе, то оказалось, что это будет чрезвычайно трудно. Во время высотного полета в кабине самолета могло внезапно упасть давление. Чтобы это не отразилось на самочувствии пилота, был создан специальный, почти лишенный эластичности, летный костюм. Он настолько плотно облегал тело, что даже легкое движение — сгибание колена, руки или поворот головы — вызывало повреждение кожи и оставляло кровоподтеки.

Поскольку главным в программе пребывания на базе Уотертаун была летная практика, пилоты группы Пауэрса палатали на У-2 намного больше часов, чем если бы они испытывали новую машину в ВВС. В итоге у них появилась полная уверенность в надежности самолета. Все сходилось во мнении, что самолет представляет собой «замечательный образец техники».

У-2 был слишком приметным самолетом, чтобы его существование можно было долго сохранять в секрете. К тому же какая-то утечка информации становилась неизбежной в связи с отъездом нескольких групп летчиков за океан. Для предупреждения всякого рода нежелательных слухов и предположений в ход была пущена серия «легенд», предложенных ЦРУ. Первая из них появилась в конце апреля 1956 г. в официальном заявлении НАСА, где сообщалось о разработке «самолета нового типа — «Локхид У-2», который-де будет использован для исследования воздушных течений и метеорологический условий. Группа пилотов, закончившая подготовку в начале апреля, т. е. за месяц до прибытия на базу Пауэрса, и называвшаяся «Эскадрилья службы погоды (временная)», получила назначение в Лейкенхит (Англия). В связи с этим было опубликовано второе официальное сообщение. В нем говорилось, что НАСА расширяет свою про-

грамму изучения погоды в Европе. Никаких особых конкретных данных о самолете опять же не сообщалось: не указывались ни высота полетов У-2, ни их дальность, ни продолжительность; не публиковались фотографии самолета.

Группа Пауэрса, официально именовавшаяся «2-я эскадрилья службы погоды (временная)», а неофициально — «отряд 10—10», завершила свою подготовку в начале августа 1956 г. Однако место ее назначения — военно-воздушная база Инджирлик, близ города Адана, в Турции, — не упоминалось ни в одном из документов.

На время демонтажа и отправки в Турцию У-2, на которых предстояло лететь, все летчики этой группы получили двухнедельный отпуск. Перед отпуском им выдали новые удостоверения личности: они значились вольнонаемными служащими общего отдела министерства ВВС; фамилии были проставлены подлинные. Каждому выдали еще одно удостоверение, в котором указывалось, что в данный период они обслуживают НАСА и имеют право летать на самолетах ВВС. Родственникам и друзьям они должны были сказать, что отправляются за океан для участия в программе по изучению метеорологических условий в различных частях земного шара и что их работа связана с предстоящим Международным геофизическим годом.

**Сверхсекретное
подразделение
«10—10»**

Осенью 1956 г. Пауэрс и все пилоты его группы передислоцировались из Уотертауна на американо-турецкую базу Инджирлик.

База Инджирлик, откуда должна была развертываться деятельность подразделения «10—10» против Советского Союза, обладала, по мнению экспертов ЦРУ, рядом преимуществ. Во-первых, в географическом отношении она представляла собой отличную стартовую точку для совершения перелетов. Во-вторых, расположенная на юге Турции, вблизи Средиземного моря, она находилась достаточно далеко от СССР, чтобы быть недостижимой для советских радиолокационных станций, и вместе с тем достаточно близко, чтобы производить полеты без большой затраты горючего. В-третьих, на ней уже располагалась небольшая авиационная часть США. «И в смысле «крыши», и с точки зрения удобства материально-технического снабжения, — пишет Пауэрс, — мес-

то считалось идеальным, так как горючее и оборудование, необходимые для полетов У-2, можно было подвезти сюда, не привлекая излишнего внимания».

Хотя подготовка к операции «Перелет-вторжение» обеспечивалась совместными усилиями военных и разведывательных органов (ВВС несли ответственность за материально-техническое снабжение, ЦРУ — за планирование и осуществление операции), отряд «10—10» был сформирован как обычная эскадрилья. Во главе отряда стояли командир (военнослужащий ВВС) и начальник штаба (представитель ЦРУ), осуществлявшие руководство сообщца. Все, от начальника аэродромной команды до летчика, были специально отобраны для участия в данной операции, и каждый являлся специалистом в определенной области.

Важное место в программе подготовки занимало изучение карт Советского Союза. Так как многие из них оказались устаревшими, в полете каждому летчику предстояло составить собственную карту.

Одновременно знакомились с личным снаряжением, в частности аварийно-спасательным, которое надо было брать с собой в полет. Это — надувной резиновый плот, одежда, небольшой запас воды и продовольствия, компас, сигнальные ракеты, спички, химикаты для разжигания костра из сырого дерева, а также индивидуальный пакет первой помощи. Одежда состояла из плотного зимнего охотничьего костюма, вид которого, как потом вспоминал Пауэрс, оставлял мало надежд на то, что пилоту, оказавшемуся на территории СССР, удастся смешаться с толпой, не вызвав подозрений. Прилагался и шелковый плакат, гласивший: «Я американец и не говорю на вашем языке. Мне нужны пища, кров и помощь. Я не причиню вам вреда. У меня нет преступных намерений в отношении вашего народа. За помощь вас ждет вознаграждение». Обращение было составлено на 14 языках. Кроме того, у пилота должны были быть 7500 советских рублей, золотые наполеоновские франки, наручные часы и золотые кольца — это на случай обмена. «Предполагалось, — замечает Пауэрс, — что, даже не владея русским, мы сможем договориться на понятном всем языке золота».

В сентябре 1956 г. пилоты этой группы начали совершать первые разведывательные вылеты вдоль границ СССР. Маршруты все время менялись. Обычно из Турции они летели в восточном направлении, вдоль южных границ СССР, пролетали над Ираном и Афганистаном до Пакистана, а затем возвращались. Пролетали они и над Черным морем, до Албании, но не вторгались в пределы страны, держась вдали

от берега над нейтральными водами. В их задачу входил сбор разведывательных данных о южной территории СССР. Другая группа, располагавшаяся в ФРГ, собирала сведения о северной и западной частях СССР, на основе которых можно было бы вывести заключение об уровне эффективности сети противовоздушной обороны. Особый интерес представляли советские ракетно-пусковые площадки.

Чтобы сохранить машину, для полетов отводилось минимальное количество часов. Как утверждали специалисты, У-2 слишком хрупок, срок его службы ограничен, поскольку самолет не выдерживает длительных нагрузок. В сентябре 1956 г. пилот Говард Кери погиб во время катастрофы У-2 в ФРГ. Никто не знал истинных причин аварии: поначалу даже высказывались предположения о диверсии. На самом же деле, как выяснилось позднее, два перехватчика канадских ВВС, заинтересовавшись необычным самолетом, пилотируемым Кери, подошли к нему слишком близко, и У-2, видимо, просто развалился под воздействием воздушных потоков, вызванных движением самолетов.

Подразделение «10—10» располагалось в специальной зоне базы, куда посторонние не допускались. Но там же имелись секции, еще более строго засекреченные. Одна из них — фотолаборатория. Самой же секретной считалась секция связи, где не только находилась уникальная радиоаппаратура, но и размещался шифровальный отдел. «Именно отсюда должен был поступить приказ, которого мы ожидали, — пишет Пауэрс. — Однажды, когда я проходил по территории зоны, меня остановил командир отряда полковник Эд Перри и обыденным голосом сказал:

— Ну вот вы и летите, Пауэрс.

— Когда?

— Если погода удержится, дня через два.

Так меня выбрали для первого полета из Турции через границу».

Объекты разведки и очередность их фотографирования определялись в Вашингтоне. ЦРУ после консультаций с Комиссией по атомной энергии, министерством обороны и другими ведомствами заранее сообщало, что именно его интересует. Разрешение на серию полетов давал Белый дом. После этого приказ передавался в Инджирлик зашифрованным радиосообщением. Как правило, летчиков ставили в известность о предстоящем полете за несколько дней, с тем чтобы они могли изучить по картам и продумать различные маршруты. В случае, если заданный район окажется вдруг покрытым облачностью, летчик, чтобы не сорвать операцию,

обязан был переключиться на другой. Поэтому для каждого полета определялись запасные цели разведки.

Перед каждым вылетом на самолете устанавливался и сразу же по возвращении снимался блок подрыва, что больше всего заставляло нервничать пилотов *. В любой момент могла произойти случайная детонация.

По возвращении с операции летчики подвергались после-полетному опросу. Кино- и магнитофонная пленки доставлялись в лабораторию: первая сразу же проявлялась, со второй снималась копия. Один экземпляр пленок отправлялся в США для изучения. Если пленка представляла для ЦРУ особый интерес, оно направляло своих специалистов по расшифровке непосредственно на базу.

Первое вторжение самолета Пауэрса в воздушное пространство СССР произошло в ноябре 1956 г. Вот что пишет об этом сам летчик: «Утром я еще раз внимательно просмотрел карты с маршрутами, нанесенными кодовыми цветами: синим, красным и коричневым. Синий обозначал общее направление; на этих участках допускалось некоторое отклонение от курса. Красные линии отмечали районы расположения объектов; их следовало придерживаться возможно точнее. По обе стороны от проложенного курса шли пометки, указывающие пункты включения той или иной электронной и фотоаппаратуры. Коричневым цветом были обозначены запасные базы — на тот случай, если я почему-либо не смогу вернуться в Инджирлик. После того как мне сообщили сводку погоды, офицер разведки спросил, не хочу ли я взять ампулу с цианистым калием. Я отрицательно покачал головой, так как боялся, что ампула разобьется в кармане и яд попадет на тело. Самолет уже подтянули на взлетно-посадочную полосу. По сигналу начал разбег, достигнув заданной высоты, лег на курс. Ровно через 30 мин. после вылета потянулся к кнопке радиовызова. Самолет находился слишком близко от русской границы, поэтому обычный разговор мы заменили заранее разработанными кодовыми радиосигналами. Если все пойдет нормально и я смогу продолжать полет, пошлю в эфир два щелчка, которые примет база. В ответ она пошлет один щелчок, означающий: сигнал принят, продолжать полет как намечено. Если же я услышу три щелчка, значит, полет отменяется, тогда я должен немедленно развернуться и воз-

* Одно время в американской печати выдвигалось даже утверждение, что пилоты У-2 опасались, как бы в случае использования подрывного устройства ЦРУ не подстроило все так, что оно сработает раньше времени, уничтожив, таким образом, сразу все доказательства преступной деятельности — самолет и пилота.

вращаться на базу. Это будет мой последний радиоконтакт со своими. Я послал в эфир два щелчка. Через мгновение в ответ послышался один сигнал. Полет продолжался, я пересек турецкую границу между Черным и Каспийским морями и проник в воздушное пространство России...»

«Время готовит нам ловушку»

1957 год принес существенные перемены, явившиеся полной неожиданностью для США. 27 августа Советский Союз объявил об успешном запуске первой межконтинентальной баллистической ракеты. А 4 октября произошло событие — на околоземную орбиту был выведен первый искусственный спутник Земли. Это потрясло весь мир и серьезно обеспокоило американские правящие круги, хотя администрация Эйзенхауэра и пыталась убеждать американскую и мировую общественность в «заурядности» успеха СССР.

В США был взят курс на дальнейшую, еще более активную милитаризацию экономики страны, на подхлестывание военных приготовлений. В соответствии с милитаристскими установками правящей верхушки Центральное разведывательное управление стремилось содействовать обеспечению военного превосходства блоку НАТО — главному военному инструменту империализма.

В свете всех событий полеты У-2 приобретали в планах Вашингтона еще более важное значение и вместе с тем становились все более рискованными. ЦРУ принимало меры к расширению сети баз для разведывательных самолетов «Локхид У-2», к активизации самих полетов. После того как третья, и последняя, группа летчиков закончила стажировку в Уотертауне, открылась еще одна база в Японии, расположенная в 24 км от Икогама.

Первое подразделение У-2 из Висбадена перебазировалось в более уединенный район ФРГ — Гибельштадт. Но и это место оказалось недостаточно изолированным. Некоторое время спустя первая и вторая группы У-2 слились на базе Инджирлик. Теперь ЦРУ и Пентагон основной упор делали на Турцию и соседние с ней страны. К этому времени полеты совершались не только с базы в Инджирлике, но иногда и с других — Лахора и Пешавара, расположенных в Пакистане.

Определенные изменения претерпел в 1957 г. и сам самолет У-2: серебристый цвет заменили черно-голубым, что сде-

лало машину еще менее заметной в полете; в кабине установили катапультируемое сиденье, чтобы облегчить летчику возможность выбраться из самолета.

Для поощрения пилотов в условиях возросшего риска было объявлено, что все они награждены крестом «За летные боевые заслуги». Поскольку срок действия 18-месячного контракта подходил к концу, пилотам предложили продлить его на год. Пауэрс и еще несколько пилотов сочли, что разлука с семьей на протяжении такого времени слишком большой срок, и были настроены не возобновлять контракта. У ЦРУ не оставалось выбора, и оно уступило: вопреки прежним инструкциям пилотам разрешили перевезти семьи в Адану.

В связи с участвовавшими международными конфликтами (в зоне Суэцкого канала, затем — в Ливане) Инджирлик становился стратегически важной военной базой и перевалочным пунктом. Заметно возросло здесь число американских военнослужащих. И несмотря на строгие меры предосторожности, сведения об У-2 начали постепенно просачиваться в прессу. В статье, опубликованной в мартовском номере «Модел Эрплейн ньюс» за 1958 г., говорилось, например, что, по неподтвержденным данным, самолет У-2 совершает полеты «за железный занавес» и производит там аэрофото-съемку*.

Все это не на шутку встревожило и пилотов, и командование базы. Их настроения в те дни Пауэрс характеризует следующим образом: «Что же, в действительности русские знали о нашем подразделении «10—10»? Обсуждая этот вопрос с офицером разведки, мы пришли к выводу, что им известно не только количество наших самолетов и летчиков, но и, возможно, их имена».

В июне и сентябре 1958 г. в пределы территории Советской Армении вторглись со стороны Турции американские самолеты С-118 и С-130. Оба они были сбиты. Решительность действий советских властей не оставляла никаких сомнений, что любая попытка нарушить границу не останется безнаказанной. «Мы отдавали себе отчет в значении подобных инцидентов,— вспоминает Пауэрс.— На такой высоте мы не очень боялись, что нас собьют МиГи, но опасались

* По свидетельству Пауэрса, представители ЦРУ были всерьез обеспокоены тем, что официальный орган советских ВВС — газета «Советская авиация» опубликовала серию статей об У-2 — «зловещем оружии шпионажа», в которых утверждалось, в частности, что самолеты У-2 совершали вылеты из Висбадена.

ракет класса «земля — воздух». «Теперь мы знали, что русские с помощью радиолокационных станций прослеживали некоторые из наших перелетов. Похоже, что они делали это с самого начала операции. Оборудование на борту фиксировало сигналы их радиолокационных станций, по силе которых можно было определить, «ведут» они тебя или нет».

И хотя пилоты были почти уверены (во всяком случае, такую уверенность в них всячески старались вселить), что из-за высокой скорости ракеты и чрезвычайной разреженности атмосферы практически невозможно правильно скорректировать ее полет, они старались избегать появления над известными им местами расположения зенитных ракет.

Для защиты от ракет класса «воздух — воздух», выпускаемых с преследующего самолета, на хвосте У-2 устанавливалось специальное приспособление радиопротиводействия. Как заверяли пилотов специалисты, в случае, если У-2 попадет в поле действия радиолокационной системы (РЛС) самолета противника и тот выпустит ракету, это приспособление пошлет ложный сигнал и блокирует РЛС. В какой мере эта информация соответствовала действительности, судить было трудно, поскольку пилоты ни разу не сталкивались с угрозой воздушного боя.

К этому времени возникла еще одна важная проблема: с момента своего рождения У-2 постепенно «прибавлял в весе» вместе с каждой новой деталью оборудования. Это в свою очередь влияло на потолок его полета. В 1959 г., чтобы компенсировать недостатки, вызванные увеличившимся весом, и поднять машину на более значительную высоту, сконструировали новый мощный двигатель.

Согласно первоначальному замыслу операция «Перелет» должна была быть краткосрочной. Однако в ноябре 1957 г. контракты были продлены еще на один год. Затем их возобновили в ноябре 1958 г. и, наконец, год спустя. Советский Союз тем временем добился новых значительных успехов в области создания ракетной и космической техники. «Мы не могли отделаться от ощущения, — отмечает Пауэрс, — что время готовит нам ловушку».

Вскоре после установки на У-2 приспособления радиопротиводействия офицер разведки ознакомил летчиков с еще одной новой деталью их снаряжения. Предмет напоминал брелок, который обычно дарят на счастье, и представлял собой серебряный доллар с ушком. Его можно было носить на цепочке с ключами или на шее. Внутри доллара находилась не совсем обычная булавка, которая служила футляром для тонкой иглы с бороздками, а на них было лишнее вещество

коричневого цвета. Летчикам объяснили, что это яд типа кураре. При уколе смерть наступала мгновенно. Итак, на смену цианистому калию пришло куда более совершенное орудие самоубийства.

Последний полет Пауэрс

На апрель 1960 г. были запланированы сразу два перелета-вторжения. В первый полет Пауэрс назначили дублером, а второй он должен был выполнять сам.

Понимая беспокойство летчиков, вызванное опасностью вынужденной посадки на советской территории, и стараясь как-то подготовить их к встрече с такой возможностью, ЦРУ устроило сбор, чтобы провести с ними несколько практических занятий на «выживание». Для многих такой сбор был первым за все время службы в ВВС, если не считать краткосрочной тренировки в самом начале их сотрудничества с ЦРУ. Людей разделили на несколько групп и, снабдив только парашютом и минимальным запасом продуктов питания, высадили в пустынной местности. Группа, в которую входил Пауэрс, «выжила» достаточно успешно: когда провизия иссякла, она набрела на плантацию сахарной свеклы. Кончилось все тем, что участники этой группы попали в деревушку, где их накормили горячим обедом, после чего они наняли ослов и благополучно возвратились на сборный пункт. Но остальные оказались менее удачливыми. Местные жители вызвали полицию, сообщив ей, что видели каких-то людей, спускавшихся на парашютах. Прибывшие турецкие полицейские арестовали всех как вражеских агентов.

Первый полет на небольшое расстояние, состоявшийся 9 апреля, прошел гладко, поэтому у Пауэрса появилась надежда, что и второй вылет, назначенный на конец апреля, закончится удачно. Правда, этот перелет мало походил на все предыдущие: впервые предстояло пересечь всю территорию СССР. До того времени не делалось подобных попыток, что было связано с трудностями материально-технического обеспечения. А главное — и это уже было ясно для всех — на много увеличивался риск разоблачения.

Вылетев с базы в Пешаваре (Пакистан), Пауэрс должен был пролететь 6 тыс. км до базы в Буде (Норвегия). На территории СССР его маршрут пролегал над Душанбе, Аральским морем, Челябинском, Свердловском, Кировом, Архангельском, далее над Кольским полуостровом, Кандалакшей и

Мурманском, а затем на север к Баренцеву морю. Расчетная продолжительность полета равнялась девяти часам.

Более 20 человек, необходимых для обслуживания вылета, были доставлены в Пакистан из Турции. Приказ центра на базу Пешавара должен был радироваться из Вашингтона через Западную Германию и Турцию. На этот раз было сделано отступление от установленных правил: вместо того чтобы заранее перегнать самолет У-2 и оставить в Пешаваре до вылета, его, в целях обеспечения безопасности и сохранения секретности, доставили туда только в ночь накануне операции.

По графику вылет назначался на среду. Но полет несколько раз откладывался. В воскресенье 1 мая Пауэрс разбудили на рассвете. Предстояло лететь.

Зная об особенностях топливного бака самолета (он иногда вдруг переставал подавать горючее), Пауэрс предупредили: если на подходе к Кандалакше он обнаружит, что топлива на исходе, то лететь напрямик через Финляндию и Швецию, экономя летное время. Что касается запасных аэродромов, то он может приземлиться в Норвегии, Швеции или в Финляндии, но лучше всего в первой из перечисленных стран; во второй — менее желательно, а в третьей — лишь в самом крайнем случае.

В 5 час. 20 мин. утра Пауэрс поднялся в кабину самолета. Старт планировался на 6 час. утра, но приказ о вылете задерживался. Наконец появился полковник Шелтон и объяснил причину задержки: ждали разрешения Белого дома. «Такое, — утверждает Пауэрс, — случилось впервые. Обычно о санкции президента сообщалось задолго до полета. Мне предстояло лететь без радиосвязи с землей, поэтому в воздухе можно было надеяться только на секстант. Однако, поскольку все расчеты делались, исходя из времени вылета в 6 час. утра, секстант становился бесполезным. Я был уверен, что полет отменят, и уже мечтал сбросить пропитанную потом одежду, как вдруг в 6 час. 20 мин. поступил сигнал: взлет разрешен». Пауэрс сразу же запустил двигатель и взлетел.

Погодные условия оказались намного хуже, чем ожидал Пауэрс. Облачность поднялась до самых гор. Для разведки это не имело значения: район не представлял особого интереса. После полутора часов лета появился первый просвет в облаках. Самолет находился к юго-востоку от Аральского моря. Отклонившись немного вправо от курса, Пауэрс скорректировал его и тут увидел нечто встревожившее его. Значительно ниже под собой он заметил след одномоторного реактивного самолета, который на сверхзвуковой скорости ле-

тел параллельно курсу У-2. Через 5—10 мин. он снова заметил след, опять самолет шел параллельным курсом. Пауэрс решил, что его запеленговали и передавали самолету координаты его курса. Но этот самолет находился настолько ниже, что ничем ему не грозил. «Как ни странно, но, еще не достигнув границы,— пишет Пауэрс,— я чувствовал, что меня уже ждут... Облачность снова стала сплошной и только через три часа полета начала несколько редеть. Приблизительно в 50 милях к югу от Челябинска облака рассеялись... Я снова лег на курс, облака остались позади, и я немного успокоился».

В этот момент самолет забарахлил. Автопилот неправильно сработал, и нос самолета стало задирать. Пауэрс отключил автопилот и в течение нескольких минут управлял самолетом вручную. Когда он снова поставил машину на автопилот, то 10—15 мин. она вела себя нормально, а затем возобновилось то же самое. Он повторил маневр, но результат был тот же, и тогда пришлось совсем отключить автопилот. «Возникла очень неприятная ситуация,— вспоминал позднее Пауэрс.— Все зависело от моего решения: либо разворачиваться и лететь обратно, либо продолжать полет. Всего лишь час назад я бы не задумался — вернуться, и все. Но теперь я уже углубился в воздушное пространство СССР на 1300 миль, прошел полосу облачности, а видимость впереди казалась отличной. Я решил продолжить полет... Заметив большое водохранилище, нанес его на карту. Затем увидел целый комплекс сооружений, гражданских или военных, и зафиксировал его с пометкой «крупный объект», чтобы обратить на него внимание во время послеполетного доклада... Миновав Свердловск, надо было взять курс на северо-запад. В 30—40 милях к юго-востоку от Свердловска я развернулся влево на 90° и пошел по новой линии маршрута, над юго-западной окраиной города. Полет продолжался уже почти четыре часа. Заметив аэродром, не отмеченный на карте, я зафиксировал и его. Мой курс должен был пролегать прямо над ним. После поворота мне нужно было записать время, высоту, скорость, температуру выхлопных газов и показания приборов о работе двигателя. Я как раз делал записи, когда внезапно раздался глухой удар, самолет резко рвануло вперед, и чудовищная оранжевая вспышка озарила кабину и небо.

Казалось, что оранжевое зарево пылает уже несколько минут, хотя в действительности прошли, вероятно, всего лишь секунды... В этот момент самолет отчаянно тряхнуло, и я буквально покотился по кабине. По-видимому, снесло оба крыла. Машина вошла в необычный штопор в перевернутом виде:

нос — вверх к небу, хвост — вниз к земле. Я включил аварийную систему подачи кислорода. Несколько раньше (однако в тот момент я ничего не почувствовал) мой высотный костюм раздулся: произошла разгерметизация кабины. Костюм стеснял движения, а сила тяжести толкала меня вперед, к носу, вырывая из сиденья. Дотянулся до выключателей блока подрыва, снял предохранительные щетки, но медлил, решив вначале попытаться катапультироваться. 70 сек. — это не так уж много. Когда я отстегнулся от сиденья, сразу же центробежная сила наполовину вытолкнула меня из самолета. Это произошло настолько быстро, что телом я сбил зеркало заднего обзора, и оно исчезло в воздухе. Это было последнее, что я видел, так как лицевой щиток сразу же покрылся инеем. Что-то еще удерживало меня привязанным к самолету, но что именно, я не мог понять. Вдруг вспомнил: трубки подачи кислорода. Забыл их отсоединить. Самолет продолжал вращаться. Судорожно двигая ногами и извиваясь всем телом, я, должно быть, оборвал кислородные шланги, потому что внезапно оказался свободным — тело мое падало, парило совершенно легко. Ощущение было приятным и радостным. Именно так мне казалось в тот момент. По всей вероятности, я находился в состоянии шока».

Официальный Вашингтон пытается замести следы

Прошло два дня. И ЦРУ, и госдепартамент знали, что Пауэрс не вернулся на базу, но они были убеждены, что самолет разбился; летчик погиб и никаких доказательств шпионажа нет. Но вот 5 мая 1960 г. Советское правительство сообщило, что над территорией СССР сбит американский военный самолет.

Реакция официального Вашингтона была мгновенной. Представитель госдепартамента США в тот же день признал, что факт нарушения границы американским самолетом «вполне возможен», но он носил случайный и вовсе не преднамеренный характер. Смысл заявления госдепартамента сводился к тому, что самолет типа «Локхид У-2» 1 мая производил исследование погоды, «брал пробы воздуха» в верхних слоях атмосферы поблизости от советско-турецкой границы. Но в результате перебоев в подаче кислорода летчик будто бы начал терять сознание, и самолет «сбился с курса». Продолжая лететь с автопилотом еще значительное расстояние, самолет, естественно, мог случайно вторгнуться в воздушное пространство СССР³.

Версия эта в тот же день была подтверждена официальным сообщением НАСА, объявившего, что указанный самолет находился якобы в его непосредственном ведении *. И конечно, для большей убедительности агентство уведомило о том, что организованы поиски пропавшего самолета «Локхид У-2» на турецкой территории в районе озера Ван, где очень гористая местность. В духе этой лживой от начала до конца версии, срочно подготовленной в Вашингтоне, была выдержана и нота американского посольства в Москве, врученная Министерству иностранных дел СССР 6 мая.

В общем пока все развивалось в соответствии с планом Даллеса — Биссела, предусматривавшим использование в определенных условиях такого прикрывающего заявления. Но вскоре версия о «пропавшем» самолете разведки погоды потерпела крах.

В заявлении от 7 мая Советское правительство разоблало лживость американской официальной версии, не выдержавшей сопоставления с фактами. Сообщив, что самолет «Локхид У-2» сбит в районе Свердловска, а задержанный летчик признался в шпионской деятельности, оно привело факты, неопровержимо доказывающие предумышленный характер нарушения воздушного пространства СССР американским самолетом, а также разведывательные цели его полета, несовместимые с элементарными требованиями поддержания нормальных отношений между государствами в мирное время ⁴.

Припертый к стене фактами и доказательствами, госдепартамент США вынужден был изменить тактику. В новом заявлении от 7 мая он признал, что самолет «Локхид У-2» был направлен в пределы Советского Союза в целях сбора военных разведывательных данных, оговорив, однако, что «вашингтонские власти разрешения на такой полет не давали».

В преддверии президентских выборов заявление госдепартамента оказалось весьма опрометчивым. Демократы получили возможность на этом примере продемонстрировать американским избирателям полную неподотчетность государственных учреждений президенту-республиканцу и отсутствие какого-либо контроля с его стороны их деятельности. Перед Эйзенхауэром и республиканскими лидерами стояла сложная дилемма: если признать, что полет У-2 был осуществлен без ведома президента, серьезно подрывался не только авторитет

* Как покажет потом в сенатской комиссии по иностранным делам заместитель директора НАСА д-р Хью Драйден, информация, содержащаяся в этом лживом заявлении, была согласована с ЦРУ, а также с госдепартаментом.

Эйзенхауэра и его администрации, но и ставились под угрозу шансы республиканцев на победу в ходе предстоявших президентских выборов. Если признать, что президент санкционировал полет самолета-шпиона, предстоявшие через несколько дней переговоры на высшем уровне в Париже могли сорваться, а как раз перед выборами Эйзенхауэр никак не хотел, чтобы возникали сомнения в искренности шагов его администрации к ослаблению международной напряженности, на которые, казалось, она была готова пойти⁵. Но верх одержала агрессивная линия военно-промышленного комплекса, заинтересованного в гонке вооружений и всячески препятствовавшего оздоровлению международного климата. 9 мая от имени американского правительства с заявлением выступил государственный секретарь Кристиан Гертер. В этом беспрецедентном в истории международных отношений заявлении цинично сообщалось, что в соответствии с Законом 1947 г. о национальной безопасности президент Эйзенхауэр с момента образования своего правительства ввел в действие директивы о проведении в широких масштабах разведывательной деятельности против Советского Союза. На основе этих директив, как указал Гертер, была разработана программа, включающая «широкое наблюдение с воздуха путем проникновения» разведывательных самолетов США в воздушное пространство СССР⁶.

Заявление государственного секретаря подтвердил 11 мая сам президент Эйзенхауэр*. Он признал, что шпионские полеты американских самолетов над территорией СССР проводились с его ведома и одобрения и что такие полеты были и остаются элементом «рассчитанной политики» США. Американское правительство подтвердило это и в ноте Советскому правительству от 12 мая⁸. За этим, как по команде, последовала целая серия провокационных, угрожающих речей государственных деятелей США. Всячески оправдывая агрес-

* То, что вся программа полетов У-2 осуществлялась под его контролем, Эйзенхауэр признал и в беседе с Шерманом Адамсом, главой аппарата Белого дома, посетившим президента вскоре после инцидента с У-2. «Я лично рассматривал каждый такой полет,— объяснял тогда Эйзенхауэр.— Когда мне принесли план данного полета над Россией, я утвердил его вместе с другими, намеченными разведкой»⁷.

Единственное, что огорчило президента, как признает он спустя пять лет в своих мемуарах, так это — допущенная администрацией опрометчивость, связанная с обнародованием заявлений «прикрытия». «Наша крупнейшая ошибка, конечно, выпуск преждевременного и плохо продуманного заявления с целью скрыть истинное положение. Я лично сожалею, что меня уговорили сделать это!»

сивную шпионскую акцию, они настаивали на том, что США необходима «постоянно действующая программа» разведывательной деятельности. Вице-президент Никсон признал, что он лично одобрил задание Пауэрса.

За истекшие два десятилетия стали достоянием гласности новые свидетельства о прямой причастности администрации Эйзенхауэра к этой ставившей под прямую угрозу всеобщий мир провокации.

Вот что поведал американскому читателю о закулисной стороне событий тех лет тогдашний генеральный инспектор ЦРУ Л. Киркпатрик: «1 мая мы узнали, что в районе Свердловска, в России, сбит самолет У-2. Это известие вызвало невиданный переполох в Вашингтоне. Я не участвовал в большинстве заседаний и обсуждений, проходивших в связи с данным событием, но хорошо помню, как, сидя в кабинете Аллена Даллеса, я слушал Дика Биссела, уверявшего нас, что пилот не мог уцелеть и поэтому Соединенные Штаты должны держаться за версию прикрытия. Суть ее: самолет метеорологической разведки вылетел из Турции и потерял ориентировку. Это, безусловно, было началом трагедии: правительство США сделало именно то, чего делать не следовало. Аллен Даллес сказал мне, что он предлагал президенту принять его отставку, чтобы была возможность переложить на него всю ответственность. Эйзенхауэр отверг это предложение. Он считал, что не следует давать пищу тем, кто утверждает, будто государственные органы могут проводить такую деятельность, о которой президент не имеет представления. Поэтому он был вынужден признать, что сам санкционировал полет»⁹.

«Расследование» в американском сенате

Между тем подробности инцидента с самолетом У-2 получали все более широкую огласку. Ряд важных вопросов вызвал особую озабоченность в кругах мировой и американской общественности. Почему приказ о полете У-2 над Советским Союзом был отдан перед самым совещанием в верхах? Почему после того, как шпионский самолет был сбит, правительство опубликовало «ряд лживых и противоречивых заявлений»? Почему, наконец, министр обороны, находившийся в Париже с Эйзенхауэром, накануне совещания приказал американским вооруженным силам во всем мире находиться в состоянии боевой готовности?

27 мая 1960 г. сенатская комиссия по иностранным делам приступила к расследованию событий, приведших к срыву совещания на высшем уровне. Расследование было начато под давлением американского общественного мнения. Как отмечала зарубежная печать, американцы были потрясены, разочарованы и сбиты с толку провалом совещания в верхах по вине Соединенных Штатов. К этому добавлялось чувство унижения и стыда, которое испытала общественность страны в связи с тем, что правительство США, выражаясь словами американского публициста Джеймса Уорбурга, было «с позором уличено перед всем миром в наглой лжи».

Лидеры конгресса, как демократы, так и республиканцы, поначалу пытались противодействовать давлению общественности, выступая против расследования и призывая американцев «не выносить сор из избы» и продемонстрировать миру свое «национальное единство»¹⁰. Но требования ряда сенаторов и конгрессменов, а также американской общественности расследовать происшедшее были столь настойчивы и решительны, что 24 мая сенатская комиссия по иностранным делам высказалась за разбирательство. Обсуждение должно было происходить при закрытых дверях, и обнародованию подлежали лишь стенографические отчеты, прошедшие цензуру. Первым предполагалось заслушать государственного секретаря Кристиана Гертера, а затем должны были быть вызваны директор ЦРУ Аллен Даллес и министр обороны Томас Гейтс. Большинство членов комиссии, состоявшей из 11 демократов и 5 республиканцев, хотели ограничить рамки обсуждения, сделать его максимально кратким и поверхностным, чтобы оно по возможности закончилось реабилитацией правительства. Однако три члена комиссии — У. Морзе, Д. Кеннеди и Г. Хэмфри — открыто выражали опасения по поводу политики, проводимой правительством Эйзенхауэра; был здесь, разумеется, и расчет на то, чтобы нажить политический капитал и подрвать позиции республиканцев в избирательной кампании.

Правительство Эйзенхауэра, заявил лидер демократической партии США Эдлай Стивенсон, сделало невозможными перспективные переговоры с русскими — переговоры, имеющие жизненно важное значение для нашего существования.

Ряд сенаторов подверг резкой критике администрацию Эйзенхауэра. Никакие ухищрения, никакие ссылки на мнимые «интересы нации», ни даже многочисленные цензурные пропуски и недомолвки, которыми пестрила стенограмма заседаний сенатской комиссии, не могли полностью скрыть правду.

Пытаясь как-то оправдать роль администрации США в истории со шпионским полетом Пауэрса, государственный секретарь Кристиан Гертер заявил, что программа полетов У-2 была важной и эффективной частью разведывательной деятельности. «Мы отдавали себе отчет в том, — продолжал Гертер, — что провал любого такого полета приведет к серьезным последствиям. Однако мы посчитали, что извлекаемая из этого выгода оправдывает сопряженный с нею риск». Поэтому «решение не прекращать полеты по мере приближения сошествия в верхах было правильным».

На вопрос, какой же урок излекли для себя США из истории с У-2, Гертер резко ответил: «Не допускать подобных провалов». Подводя итоги опроса К. Гертера, сенатор Гор заявил, что миллионы американцев испытали чувство унижения «в результате официальной фальсификации» фактов политики правительства США, которое продемонстрировало перед всем миром свое истинное лицо — лицо поборников вероломства и агрессии.

31 мая с секретными показаниями перед сенатской комиссией выступил «главный виновник» инцидента с самолетом У-2 шеф ЦРУ Аллен Даллес. Строгие меры предосторожности, к которым ранее прибегали для того, чтобы сохранить в тайне показания государственного секретаря, были еще более усилены. Перед заседанием весь зал проверили специальными электронными детекторами с целью обнаружения аппаратов подслушивания. Двери были завешены сукном, чтобы заглушить звук. До начала заседания фотографов не пускали даже в помещение, где обычно разрешалось фотографировать. Даллес сопровождал один из ответственных сотрудников ЦРУ — Ричард Хелмс. Он должен был просмотреть показания директора ЦРУ и кое-что вычеркнуть на случай, если они будут впоследствии преданы огласке. Председатель комиссии Фулбрайт перед началом заседания заявил корреспондентам, что вряд ли что-нибудь из показаний Даллеса вообще появится в прессе после строгой цензуры ЦРУ. На все вопросы корреспондентов перед началом слушания Даллес отвечал улыбаясь: «Никаких комментариев!» До начала слушания Даллес сделал перед комиссией пространное, заранее подготовленное заявление, которое имелось у него только в одном экземпляре. Копии не были розданы сенаторам — считалось, что им не следует знать подробности деятельности ЦРУ.

Показания директора ЦРУ, которые он давал почти три часа, так и не были опубликованы. Однако, как было сказано, Даллес повторил свои прежние утверждения о том, что он

хотел взять на себя полную ответственность за полет самолета У-2 над территорией России, но его предложение было отвергнуто Белым домом. По свидетельству Фулбрайта, в ответ на некоторые важные вопросы Даллес, пользовавшийся своего рода «неприкосновенностью» в ходе всех расследований, проводившихся конгрессом, не задумываясь, заявлял, что «он не знает» или «не желает отвечать».

2 июня на заключительном заседании сенатской комиссии по иностранным делам выступил со своими показаниями министр обороны США Гейтс. Он, как и Гертер, защищал политику шпионажа и провокаций в отношении Советского Союза и оправдывал действия американской администрации в инциденте с самолетом У-2. Показания Гейтса лишний раз свидетельствовали о том, что правящие круги США намеренно организовали полет шпионского самолета накануне совещания на высшем уровне. В ответ на вопрос сенатора Лонга: «Считаете ли вы, что было необходимо или желательно отменить полет 1 мая?» — Гейтс заявил: «По-моему, пужно было совершить этот полет 1 мая». Министр вновь говорил об У-2 как о «весьма важном средстве» для постоянного сбора сведений в глубине советской территории. Единственное, о чем откровенно сожалел Гейтс, — это то, что США вынуждены были прекратить шпионские полеты. В связи с этим он решительно настаивал на более активном использовании других методов получения информации, добывавшейся ранее с помощью У-2.

Что же касается провокационного приказа о приведении в боевую готовность американских вооруженных сил внутри страны и на многочисленных военных базах США за границей, который он отдал накануне намечавшихся переговоров в верхах, Гейтс заявил, что он «и сейчас принял бы точно такие же меры». Гейтс, однако, вынужден был признать, что Советский Союз в то время не предпринимал никакой военной активности, которая могла бы дать повод для подобного приказа. Безрассудные авантюристические действия правящих кругов США встретили явное осуждение даже со стороны многих американских законодателей. Председатель сенатской комиссии Фулбрайт прямо спросил Гейтса: «Не приходит ли вам в голову, что любой здравомыслящий человек может рассматривать этот приказ (т. е. приказ Гейтса. — Ф. С.) как провокационный акт?» Однако министр обороны США ушел от прямого ответа и продолжал настаивать, что его приказ был «актом благоразумия».

Итак, расследование в сенатской комиссии по иностранным делам подтвердило, что руководящие деятели американ-

ской администрации намеренно проводили программу провокационных шпионских полетов над территорией Советского Союза накануне совещания на высшем уровне, хотя сами признавали, что подобные полеты противоречат общепринятым нормам международного права.

Сенатор Морзе решительно потребовал, чтобы правительство отказалось от шпионских полетов. «Я весьма обеспокоен международной реакцией на нашу теперешнюю позицию,— сказал он.— Я считаю, что сейчас существует серьезная опасность того, что большая часть мировой общественности отвернется от нас, если мы не захотим совершенно однозначно показать, что ни один орган нашего правительства не будет заниматься воздушным шпионажем».

28 июня председатель сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайт, подводя итоги расследования, констатировал, что вследствие полета американского шпионского самолета накануне встречи глав правительств престиж и влияние Соединенных Штатов на международной арене «резко упали». «Чтобы восстановить свои позиции в мире, мы должны признать ошибки и изучить их причины». Далее он заявил, что «приказ о проведении полета самолета У-2 1 мая был серьезной ошибкой» и что действия, предпринятые Соединенными Штатами после провала полета, «были второй ошибкой». Но «самая серьезная ошибка,— подчеркнул Фулбрайт,— была допущена, когда президент взял на себя ответственность за полет У-2. Все эти ошибки, отмечал Фулбрайт, были связаны между собой и каждая последующая усиливала пагубные последствия предыдущей. «Глава государства,— сказал сенатор,— воплощает в своем лице суверенитет и достоинство страны. Совершенно недопустимо, чтобы глава одного государства покушался на суверенитет другого, и еще менее допустимо, чтобы он утверждал свое право поступать таким образом». Развивая эту мысль, Фулбрайт заявил: «Мне кажется совершенно ясным, что если главы государств начнут брать на себя право нарушать суверенитет другого государства, то нормальные международные отношения станут невозможными, как это и случилось в Париже в прошлом месяце (т. е. в мае 1960 г.— Ф. С.). На протяжении всей истории международных отношений преднамеренное присвоение такого права главой одного государства считалось чрезвычайно серьезным недружественным актом».

Судебный процесс в Москве

17—19 августа 1960 г. в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялся открытый судебный процесс по уголовному делу гражданина США Гарри Френсиса Пауэрса, 1929 г. рождения, уроженца г. Бурдайпа, штат Кентукки, преданного суду по статье 2 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления»¹¹.

Судила Пауэрса Военная коллегия Верховного Суда СССР. На суде присутствовали многочисленные представители трудящихся столицы, видные государственные и общественные деятели, юристы Англии, Франции, Индии и других стран, члены дипломатического корпуса, военные атташе иностранных государств, 250 советских и зарубежных корреспондентов.

После оглашения обвинительного заключения подсудимый Пауэрс на вопрос председательствующего, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении, ответил: «Да, признаю».

В ходе судебного заседания Пауэрс дал подробные показания об обстоятельствах, связанных с заранее тщательно подготовленным вторжением в воздушное пространство СССР 1 мая 1960 г. Виновность Пауэрса подтверждалась вещественными и письменными доказательствами, заключениями экспертов и показаниями свидетелей.

Неоднократные вторжения американской авиации в воздушное пространство СССР, и в частности организованный ЦРУ полет самолета «Локхид У-2» 1 мая 1960 г., могут рассцениваться как акт агрессии, попирающий нормы международного права и высокие принципы Устава ООН.

На судебном процессе было убедительно показано, что при достигнутом к тому времени уровне развития военной техники, а также в условиях, когда США, как об этом неоднократно заявляли руководители Пентагона, постоянно держат в воздухе дежурные бомбардировщики с грузом атомных бомб, разведывательные полеты с фотографированием возможных объектов бомбардировки и выявлением радиолокационных установок являются составным элементом военно-воздушного нападения. При указанных условиях вторжение иностранного самолета в пределы СССР всегда может служить признаком начинающегося вооруженного нападения. Более того, нет никакой гарантии, что любой такой самолет, появляющийся над советской территорией, не несет на борту смертоносного груза.

Агрессивные, провокационные действия правящих кругов США, выразившиеся во вторжении американского военного самолета в воздушное пространство СССР, ставили под прямую угрозу всеобщий мир. В условиях наличия у некоторых государств ядерного оружия и средств почти молниеносной доставки его к цели агрессивный акт, предпринятый США 1 мая, мог бы привести к тягчайшим последствиям.

Хотя на сбитом самолете отсутствовали опознавательные знаки его государственной принадлежности, эксперты на основании изучения остатков самолета и находившейся на нем аппаратуры пришли к заключению, что этот самолет являлся дозвуковым разведчиком типа У-2 американской фирмы «Локхид» с одним турбореактивным двигателем. На аппаратуре и частях самолета были обнаружены знаки различных фирм США. Согласно этим знакам турбореактивный двигатель изготовлен, например, фирмой «Прат-Уитни», агрегаты запуска и электропитания — фирмами «Гамильтон стандарт» и «Дженерал электрик». Кроме того, на аппаратуре имелись обозначения, указывающие на ее принадлежность военному ведомству США.

Материалы следствия документально подтвердили ложность первоначальных утверждений представителей американской администрации, будто сбитый под Свердловском «Локхид У-2» являлся гражданским самолетом, который занимался метеорологическими исследованиями. На изъятом у подсудимого удостоверении личности № 288068 на имя Гарри Френсиса Пауэрс имелась эмблема Пентагона с надписью: «Министерство обороны. Соединенные Штаты Америки». На вопрос: «Означает ли наличие такого удостоверения, что вы были летчиком американских ВВС?» — Пауэрс ответил: «Это означает, что я работал в военно-воздушных силах США в качестве гражданского летчика». Далее Пауэрс показал, что примерно в апреле 1960 г. авиабазу Инджирлик посетил начальник штаба американских ВВС генерал Томас Д. Уайт, который специально приезжал для инспектирования подразделений «10—10». Дважды на ней был командующий ВВС США в Европе генерал Эверест. Наведывались туда и другие американские генералы. Таким образом, сбитый 1 мая 1960 г. самолет-разведчик типа «Локхид У-2» принадлежал военному ведомству США.

Приобщенными к делу вещественными доказательствами и показаниями подсудимого установлено, что Пауэрс выполнял порученное ему преступное задание. Результаты экспертизы остатков фотооборудования самолета У-2 и отснятых фотопленок подтвердили разведывательный характер этого

оборудования и разведывательные цели самого полета. На негативах имелись изображения промышленных и военных объектов СССР — заводов, складов, нефтехранилищ, путей сообщения, железнодорожных мостов и станций, линий электропередач, аэродромов, мест расположения войск и военной техники. Эти снимки давали возможность определить характер промышленных предприятий, конструкцию железнодорожных мостов, число и типы самолетов на аэродромах, особенности и назначение военной техники.

Экспертиза радиотехнической аппаратуры и записей на магнитофонной ленте, найденных на месте падения самолета, установила, что все блоки радиоаппаратуры снабжены условными индексами МР с соответствующими условными номерами, указывавшими на то, что эта аппаратура была собственностью военного министерства США и считалась особо секретной. Приборы были предназначены для сбора сведений о построении системы радиотехнического обеспечения ПВО Советского Союза и отдельных городов, крупных промышленных и административных центров нашей страны.

Показания Пауэрса о том, что на его самолете имелось взрывное устройство, были подтверждены в ходе судебного процесса вещественными доказательствами и заключениями экспертов. Блок подрыва был изготовлен фирмой «Бекман-Уитлей» (модель 175-10А). Разрушительная сила примененного взрывного вещества должна была обеспечить при взрыве полное разрушение самолета и уничтожение приборов и оборудования.

Анализ полетной карты показал, что самолет от аэродрома Пешавар до района Свердловска следовал по заданному маршруту. На карте имелись отметки на включение и выключение определенных агрегатов и аппаратуры на самолете во время полета над территорией СССР, причем отмечены участки маршрута, где внимание летчика должно было быть повышено.

Таким образом, исследованные и изученные экспертной комиссией документальные данные дали основание сделать вывод, что сбитый американский самолет являлся специально подготовленным воздушным разведчиком, имевшим задачу пересечь всю территорию СССР от района Памира до Кольского полуострова в целях разведки военных и промышленных объектов, важных районов страны с помощью их фотографирования. По заключению экспертов, сведения, собранные Пауэрсом в советском воздушном пространстве, составляли государственную и военную тайну СССР, охраняемую законом.

Военная коллегия Верховного Суда СССР установила, что выполнение Пауэрсом полученных заданий было бы невозможным без использования военных баз и аэродромов США, расположенных на территории соседних с СССР государств — Турции, Ирана, Пакистана и Норвегии, — так как дальность полета У-2 не позволяла ему оперировать с собственной территории США. Полет Пауэрса доказал, что, связав Турцию, Иран, Пакистан, Норвегию и другие страны двусторонними военными соглашениями и создав на их территории военные базы для опасных провокационных действий, американское правительство тем самым превратило эти страны в соучастников агрессии.

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР признала установленным, что подсудимый Пауэрс в течение длительного времени являлся активным секретным агентом ЦРУ. Непосредственно выполняя его шпионские задания против СССР, Пауэрс пытался собрать сведения стратегического значения, составляющие государственную и военную тайну, чем совершил тяжкое преступление. Вместе с тем, оценивая все обстоятельства данного дела, учитывая признание Пауэрсом своей вины и его раскаяние в содеянном, исходя из принципов социалистического гуманизма, военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила Гарри Френсиса Пауэрса на основании статьи 2 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» к лишению свободы на 10 лет, с отбыванием первых трех лет в тюрьме.

Возвращение в США

10 февраля 1962 г. на мосту Глиникер-брюкке, что соединяет столицу ГДР с Западным Берлином, был произведен обмен арестованного в Нью-Йорке в 1957 г. советского разведчика Абеля на осужденного в СССР американского шпиона Пауэрса. Встречали Пауэрса работники службы безопасности ЦРУ, доставившие его затем в Эшфорд-Фармс, на восточном побережье Мэриленда. Это было большое частное имение в районе Оксфорда, окруженное высоким проволочным забором, охраняемое немецкими овчарками и немалым числом служащих ЦРУ. Первой была встреча с врачом-психиатром, в задачу которого входило определить, не отравили ли Пауэрса в СССР и в какой степени он подвергся там «промыванию мозгов».

В связи с возвращением Пауэрса в США накал общественного мнения, подогреваемого «большой прессой», достиг

апогея. Как должна Америка относиться к человеку, который провалил задание? Почему, зная, что ни он, ни У-2 не должны попасть в недружественные руки, он не подорвал себя и самолет? «Он не герой, и его не следует считать таковым. Белый дом вполне прав, что не приглашает его для встречи с президентом», — писала «Ньюсдей».

Вскоре «Нью-Йорк таймс» сообщила, что после опроса Пауэрса ЦРУ созывает специальную комиссию, «чтобы расследовать обстоятельства захвата Гарри Френсиса Пауэрса советскими властями и гибели разведывательного самолета У-2 в Уральских горах».

Руководил следственной комиссией отставной судья Федерального апелляционного суда Е. Барретт Преттимен. Слушание должно было проводиться «дома», в штаб-квартире ЦРУ в Вашингтоне, без участия прессы и публики.

ЦРУ, как сообщит потом Пауэрс, было больше всего озабочено тем, не сказал ли он во время следствия в Москве что-нибудь «относительно некоторых других секретных операций управления». По поведению сотрудников ЦРУ, по характеру интересовавших их вопросов у Пауэрса сложилось мнение, что их усилия были направлены также на то, чтобы вывести из-под удара собственное ведомство и переложить ответственность, свалить вину на кого-либо другого.

Несколькими днями раньше Пауэрс был доставлен по адресу 2430 Е-стрит для встречи с Алленом Даллесом. К тому времени Даллеса на посту директора ЦРУ заменил Джон Маккоун. Но он еще сдавал дела. По словам Пауэрса, это была довольно странная встреча. Даллес приветствовал его с некоторым смущением, они поздоровались за руку, и тот заметил с гримасой, что довольно много слышал о Пауэрсе. На заявление последнего, что он рад возвращению в США, Даллес ответил, что читал доклады по опросу, и заключил эту часть разговора фразой: «Мы гордимся тем, что вы сделали». Пауэрс считал, что бывший шеф центральной разведки просто «хотел встретиться со шпионом, который доставил ему столько хлопот и неприятностей». Но у Даллеса, конечно, были свои расчеты, и они были связаны не только с тем, чтобы защитить престиж ЦРУ, но и с желанием восстановить поколебленную веру в предложенную им и одобренную правительством США программу шпионских полетов У-2. Таким образом, руководители ЦРУ были заинтересованы в реабилитации Пауэрса.

Коллеги Пауэрса в доверительных беседах убеждали его, что слушание — чистая формальность и затеяно с целью дать что-нибудь прессе, чтобы «ослабить накал страстей».

Что касается самого ЦРУ, то для него Пауэрс был уже полностью «проверен». Ему откровенно намекали, что он предстал бы в более благоприятном свете, если бы мог сообщить конкретно, что «утаял от русских». Вместе с тем он не мог обсуждать с несведущими людьми некоторые вопросы, например связанные со «специальными» заданиями. Публично на них никогда не делалось никаких намеков. И они все еще были «политическим динамитом». Любая утечка информации по этим вопросам даже по прошествии нескольких лет могла иметь нежелательные международные последствия.

«Что же я могу сказать Преттимену?» — спросил Пауэрс одного из представителей ЦРУ. Совет был таков: «Руководствуйтесь собственным благоразумием». Из этого Пауэрс сделал вывод: «специальные» операции не должны быть упомянуты.

«Специальные» операции — это те особые задания, выполнение которых началось 27 сентября 1956 г. Тогдашний начальник авиабазы Инджирлик в Турции полковник Перри поручил Пауэрсу совершить в этот день полет над Средиземным морем, чтобы разведать действия союзников США по агрессивным блокам. Он должен был наблюдать и фотографировать скопления двух и более военных кораблей. Корабли, которые «искала» разведка США, были английскими, французскими и израильскими. Пауэрс летел по заданному маршруту, достиг острова Мальта и возвратился на базу. В полете ему удалось засечь несколько военных кораблей и сфотографировать их. С воздуха он не мог опознать их национальную принадлежность, но как только аэрофотопленку обработали, ему было сказано, что задание он выполнил успешно. «Хотя я и шпионил в прямом смысле слова за кораблями трех дружественных стран, — писал Пауэрс, — я не чувствовал никаких угрызений совести... Со временем «специальные» задания стали регулярными». Поскольку Пауэрс лучше других летчиков был подготовлен в области навигации, именно на него и возложили выполнение многих из этих заданий. Немало полетов совершалось над Израилем и Египтом, и они становились все интенсивнее.

Напомним, что это было время подготовки и осуществления тройственной вооруженной агрессии против Египта. Соединенные Штаты, руководимые своекорыстными расчетами, фактически подталкивали тогда Англию, Францию и Израиль на войну против Египта. Израильское правительство усиленно готовилось к агрессии и против других своих арабских соседей. После провала тройственной агрессии полеты

У-2 продолжались. При этом интересы ЦРУ далеко не ограничивались только Египтом и Израилем.

В январе 1957 г. президент Эйзенхауэр обратился к конгрессу со специальным посланием о политике США в странах Ближнего и Среднего Востока. Оно изобиловало выпадами против Советского Союза и «международного коммунизма». Оценивая положение в этом районе как критическое и упирая на то, что здесь находится две трети мировых запасов нефти и что Ближний Восток «связывает Европу с Азией и Африкой», президент потребовал разрешения использовать на Ближнем и Среднем Востоке американские вооруженные силы, когда он сочтет необходимым, не испрашивая, как это предусмотрено конституцией, санкции конгресса в каждом отдельном случае. Государственный секретарь Джон Фостер Даллес открыто признавал, что эта новая доктрина предварительно не согласовывалась с Англией и Францией. В основе «доктрины Эйзенхауэра» лежал тезис о том, что на Ближнем и Среднем Востоке в результате подрыва влияния Англии и Франции образовался некий «вакуум», который должны заполнить Соединенные Штаты. Участвовало в этом и ЦРУ. Если на Ближнем и Среднем Востоке возникал вдруг очаг, «угрожающий» американским интересам, У-2 не выпускали его из поля зрения. Когда очаг становился «горячим», над ним летали чаще. Но и после того как он «охлаждался», полеты продолжались. «Мы следили за Сирией, — свидетельствует Пауэрс, — независимо от того, происходят ли там военные действия или нет, чтобы держать под контролем нефтепроводы, находившиеся под угрозой. Ирак, другой очаг неприятностей, также периодически был объектом нашего наблюдения, как и Иордания. Саудовская Аравия представляла меньший интерес. Но мы пролетали и над ней... В течение 1959 года, когда вспыхнули волнения в Йемене, я летал и туда...»

В этом, в частности, и состояли «специальные» операции, начавшиеся осенью 1956 г. и продолжавшиеся по 1960 г.

6 марта Пауэрс должен был предстать на открытом заседании перед комиссией сената по вооруженным силам. Перед этим планировалось опубликовать доклад Преттимена. Наконец, в сенатской комиссии при закрытых дверях до Пауэрса должен был выступить сам директор ЦРУ Джон Маккоун, чтобы в целях реабилитации Пауэрса «ориентировать сенаторов в тех сторонах инцидента, которые все еще являлись секретными».

Накануне сенатских слушаний в прессу было передано «Заявление относительно Гарри Френсиса Пауэрса». В заяв-

лении говорилось, что на основании всей имеющейся информации следственная комиссия, рассматривавшая дело Пауэрса, директор ЦРУ пришли к выводу, что Пауэрс вел себя согласно условиям контракта и данным ему инструкциям. При этом делалась ссылка на мнение специалистов по аэродинамике и аэронавтике, изучавших описание Пауэрсом случившегося с ним. Закачивалось заявление сообщением, что в соответствии с изложенным «сумма, причитающаяся Пауэрсу по условиям его контракта, будет ему выплачена». Топ выступлений печати менялся. «Пауэрс реабилитирован ЦРУ» — гласили газетные заголовки.

Наступил черед слушаний в сенате. За несколько часов до их начала Пауэрса известили о том, что «произошло изменение в планах» — он был приглашен в Белый дом для встречи с президентом. Когда уже ожидали машину, чтобы ехать на Пенсильвания-авеню, 1600, пришло другое сообщение: звонили из Белого дома, прием отменен. Несмотря на просьбу руководителей ЦРУ, сменивший Эйзенхауэра в Белом доме Джон Ф. Кеннеди, не будучи уверен в том, как пройдет слушание в сенате, очевидно, не захотел рисковать и оказаться в числе тех, кто мог и проиграть.

Председатель комиссии по вооруженным силам Ричард Б. Рассел заблаговременно снабдил ЦРУ, не без настояния последнего, перечнем вопросов, которые он намерен задать Пауэрсу вначале, чтобы ослабить напряженность. После этого Пауэрс должен был быть готов к тому, чтобы точно описать, что случилось с ним во время полета 1 мая. Все остальное — это уже было его дело. Члены комиссии могли задавать любые вопросы, какие пожелают.

В то же утро давал свои показания на закрытом заседании комиссии директор ЦРУ Маккоун. Никакой информации об этом в печать не просочилось. Но, судя по общей атмосфере, царившей в сенате, Маккоуну в ходе изложения сути дела удалось убедить членов комиссии в «исключительной полезности» для США программ разведывательных полетов У-2. Сразу же после показаний директора ЦРУ председатели комиссий по вооруженным силам сената и палаты представителей опубликовали заявление о реабилитации Пауэрса, подготовив тем самым благоприятную почву для его выступления перед сенатской комиссией, где после опроса Пауэрса также было заявлено, что он действительно вел себя согласно обязательствам его контракта с ЦРУ.

Пауэрса известили, что пока он не примет окончательно решения о своем будущем — возвратиться ли к обычной службе в ВВС или принять предложение Келли Джонсона о

работе летчиком-испытателем в фирме «Локхид», — он может оставаться в штабе ЦРУ в Лэнгли. Его обязанности не были уточнены, за исключением того, что часть времени он, вероятно, будет проводить в учебном секторе за инструктажем летчиков самолета У-2, особенно на случай, если кому-либо из них придется оказаться в плену. Работая в ЦРУ, Пауэрс был в курсе разработки программ полетов У-2 и знал, что летчики ВВС, подчиненные стратегическому авиационному командованию США, совершают полеты над Кубой. В октябре 1962 г. Пауэрс переходит на работу в компанию «Локхид» в качестве летчика-испытателя.

ЦРУ, находившееся в то время под огнем критики в связи с предпринятой им новой опасной авантюрой — вооруженным вторжением на Кубу, чтобы несколько отвести от себя гнев общественного мнения, вносит коррективы в свои отношения с Пауэрсом. Оно молчаливо согласилось с решением командования ВВС, которое, вопреки хранившемуся в архивах ЦРУ документу, утвержденному в свое время министром военно-воздушных сил Дональдом Куорлсом, не засчитало Пауэрсу в выслугу лет время службы в ЦРУ. По этой же причине ему не был вручен крест «За летные боевые заслуги», которым он был награжден в 1957 г. 20 апреля 1963 г. на секретной церемонии в районе Лос-Анджелеса ряд летчиков, участвовавших в программе У-2, были награждены «Звездой разведки», одной из самых высоких наград ЦРУ. На этой церемонии присутствовали Келли Джонсон и некоторые другие лица, работавшие с Пауэрсом. Сам Пауэрс на эту церемонию приглашен не был*. В октябре 1969 г. Келли Джонсон уведомил Пауэрса о том, что работы по испытанию У-2 стало меньше и что с начала 1970 г. его услуги «Локхиду» больше не понадобятся.

2 августа 1977 г. в американской печати появилось сообщение о том, что Гарри Френсис Пауэрс, бывший пилот ЦРУ, который в 1960 г. совершил шпионский полет над территорией Советского Союза, погиб в вертолетной катастрофе близ Лос-Анджелеса.

* «Звезду разведки» Пауэрсу вручили лишь два года спустя, хотя приложенный к медали документ датирован 20 апреля 1963 г. В представлении было сказано, что его награждают за «храбрые действия» и «доблесть», проявленные до 1960 г.

Глава 5

**ЦРУ ПРОТИВ КУБЫ:
ЦЕПЬ ЗАГОВОРОВ,
ПОКУШЕНИЙ
И ПРОВОКАЦИЙ**

**CIA
CIA
CIA
CIA
CIA**

Начало крушения диктаторского режима

Издавна привыкшие чувствовать себя хозяевами Латинской Америки, монополии США после разгрома фашизма в Европе были всерьез обеспокоены опасностью распространения антиимпериалистического движения на Западное полушарие. Интервенция и государственный переворот в Гватемале, равно как и укрепление в те годы позиций американских монополий с помощью марионеточных правительств в Гондурасе или Никарагуа, свидетельствуют о том, что перед ЦРУ была в свое время поставлена задача искоренить в латиноамериканских странах любые тенденции к подлинной национальной независимости, к освобождению от засилья иностранного капитала, а также к демократизации общественной жизни.

Вдохновленный удачами в Иране и Гватемале, американский империализм решил использовать те же методы и в других экономически зависимых от него странах, в том числе на Кубе. Правящим кругам США казалось, что, установив здесь жестокую диктатуру и полицейский террор, они смогут продолжать беззастенчиво грабить национальные богатства, принадлежащие народам этих стран. Большие надежды возлагались, в частности, на кубинского президента генерала Фульхенсио Батисту, ставленника американских сахарных монополий, и на созданные им с помощью ЦРУ карательные организации. Но США в своей антикубинской политике не учли главного — силы революционного движения, силы сопротивления народа.

Национально-освободительное движение на Кубе зрело на протяжении многих лет. Проимпериалистической и контрреволюционной клике, которая, захватив 10 марта 1952 г. власть в результате военного переворота, упразднила конституцию и усилила под лозунгом антикоммунизма репрессии против всех прогрессивных социальных и политических сил страны, не удалось остановить роста революционной активности масс в борьбе с тиранией.

После прихода к власти Батисты США наводнили Кубу своей агентурой, создали на острове под прикрытием дипломатического представительства США крупную резидентуру

ЦРУ. Они щедро финансировали антикоммунистические организации, главная из которых — БРАК («Бюро по подавлению коммунистической деятельности») — должна была играть здесь ту же роль, какую играли в преднацистской Германии штурмовые отряды и другие фашистские формирования.

Однако к середине 50-х годов БРАК так и не смог приобрести нужного влияния в стране. В то же время популярность левого движения на Кубе, особенно отряда Фиделя Кастро, основной руководящей силы революции, в кубинском народе неуклонно росла.

Именно в это время начались регулярные поездки на остров генерального инспектора ЦРУ Л. Киркпатрика, наделенного администрацией США широкими полномочиями. Первая такая поездка состоялась в 1956 г. Ей предшествовала обстоятельная беседа с директором ЦРУ Алленом Даллесом. В отделе латиноамериканских стран ЦРУ были подняты все досье, в том числе и досье самого Батисты. Киркпатрика снабдили специальным рекомендательным письмом государственного секретаря Джона Фостера Даллеса, которое он должен был вручить кубинскому диктатору. Заметим, что и в этом случае не одно только служебное положение братьев Даллесов делало их столь ревностными поборниками реакционного и прогнившего режима на Кубе. Семейство Даллесов было одним из крупнейших акционеров американской сахарной монополии «Франсиско шугар компани», всюду орудовавшей в этой стране.

Экстренную встречу эмиссара американской разведки с кубинским президентом организовал посол США в Гаване Артур Гарднер. Он вообще был не склонен к открытым контактам с ЦРУ, но американское правительство столь серьезно обеспокоилось положением на Кубе, что приказало послу пренебречь формальностями, хотя прямой контакт официального представителя разведки с кубинским президентом мог скомпрометировать высшие власти США.

Гарднер заранее сообщил Батисте о цели приезда эмиссара ЦРУ. Батиста принял Киркпатрика в присутствии государственного министра по административным делам Сантьяго Рея; во встрече участвовал и местный резидент ЦРУ — один из ответственных сотрудников американского посольства. Батисте было предложено активизировать антикоммунистическую борьбу и повысить роль БРАК в государственных делах. Киркпатрик гарантировал ему полную поддержку со стороны администрации США, в частности ЦРУ обязалось поставлять информацию о составе и деятельности левых сил

на Кубе, особенно сторонников Кастро. «В Вашингтоне, — подчеркнул Киркпатрик в этой беседе, — глубоко убеждены в том, что необходимо принять более активные меры, и я прибыл сюда, чтобы обеспечить с нашей стороны любую возможную помощь»¹.

Батиста, поощренный щедрыми американскими посулами, тут же предложил Сантьяго Рею осуществлять связь БРАК с кабинетом министров. Во главе БРАК был поставлен генерал Диас Томайо — «человек твердого характера». С этого времени БРАК превращается в своеобразный карательный орган при правительстве. Рассматривая борьбу против революционных сил Кубы как одну из самых неотложных задач, американцы решительно настаивали на укомплектовании БРАК специалистами в области сыска и дознания, юристами, опытными сотрудниками военной разведки и на предоставлении им особых материальных привилегий. Техническое оснащение БРАК и руководство подготовкой кадров ЦРУ взяло на себя. Специальный сотрудник разведки США был назначен советником БРАК и одновременно офицером связи.

Вместе с резидентом ЦРУ на Кубе Киркпатрик разработал меры по усовершенствованию этой антинародной полицейской организации и через министра Сантьяго Рея сообщил о них Батисте. Когда Киркпатрик вернулся в Вашингтон после инспекционной поездки по странам Латинской Америки, он получил обнадеживающее донесение из Гаваны, в котором говорилось, что Батиста пунктуально следует всем рекомендациям.

В апреле 1957 г. генеральный инспектор ЦРУ снова отправился в Гавану. Киркпатрик считал, что определенный «прогресс в деятельности» (!) БРАК к этому времени имелся, но все же он остался недоволен политической обстановкой на Кубе и приложил немало усилий для наведения порядка в этой организации. Во многом он винил Батисту, который без ведома ЦРУ назначил генерала Диаса Томайо на должность командующего военным округом в Орьенте.

Итак, БРАК снова не оправдал надежд ЦРУ. Киркпатрик упрекал руководителей этой карательной организации в распылении сил, в неумении сосредоточить внимание на оппозиционных группировках, представляющих наибольшую опасность для режима Батисты, в неспособности нанести по ним решающий удар.

Итоги инспекции обсуждались с Батистой в его президентском дворце. «Он отчаянно нуждался в любой помощи со

стороны Соединенных Штатов,— вспоминал Киркпатрик.— Мы кратко обсудили военную обстановку в провинции Орьенте, и я попытался выяснить, почему армия Батисты не может действовать против мятежников достаточно успешно»². Деловая часть встречи с президентом Батистой прошла, как и ожидалось, гладко. Правда, одно обстоятельство омрачило настроение генерального инспектора ЦРУ: он неожиданно оказался в центре внимания общественности, и не только кубинской. Во время беседы Батиста предложил сфотографироваться «на память о плодотворной встрече». Киркпатрик пытался избежать этой церемонии, столь нежелательной для представителя разведки, выполняющего тайную миссию, но было поздно: посол Гарднер уже дал согласие. Генеральный инспектор ЦРУ едва успел знаком упредить резидента, и «наш человек в Гаване,— пишет Киркпатрик,— своевременно ретировался».

На следующий день фотографии появились на страницах многих гаванских газет. В комментариях к ним визит одного из главных закулисных вдохновителей режима Батисты характеризовался как официальный, были указаны его фамилия, название ведомства, которое он представлял, и даже занимаемая им должность. «Меня использовали,— констатировал Киркпатрик,— в качестве подпорки шатающегося и становящегося все более непопулярным режимом».

Влияние Батисты на развитие событий в стране падало с каждым днем. Резко усилилась оппозиция, объединившаяся вокруг «Движения 26 июля» во главе с Фиделем Кастро. Став ядром, инициатором и руководителем революционной борьбы, это движение, провозгласившее своей целью немедленную радикальную перестройку всей социально-экономической системы и обеспечение полного национального суверенитета Кубы, завоевывало все больше сторонников. На выступления левых сил полиция и вооруженные силы отвечали зверствами: число замученных и казненных кубинских патриотов достигло неслыханных размеров, но это лишь способствовало росту революционной активности масс. К осени 1958 г. большинство населения страны выступало против тирании Батисты. Диктатура держалась только на армии, однако ее действия против партизан были по-прежнему малоэффективны. Большую помощь повстанцам оказывали крестьяне, пополняя их ряды, доставляя им провизию, боеприпасы, передавая в распоряжение командования важные разведывательные сведения. Пользуясь этими сведениями, партизаны устраивали засады, разрушали линии коммуникаций и снабжения.

В сентябре 1958 г. состоялась третья, и последняя, поездка генерального инспектора ЦРУ на Кубу. Главной ее целью опять же было укрепление БРАК, чтобы эта организация «стала действенным средством борьбы против коммунистов». Киркпатрик долго беседовал с новым послом США в Гаване Эрлом Смитом — одним из главных держателей акций «Мобаэй майнинг компани», занимавшейся разработкой богатейших залежей кубинского никеля. Кроме того, он получил всю необходимую информацию от местного резидента ЦРУ, от сотрудников политического отдела посольства, от военных атташе, представителей ФБР и многих других. Киркпатрик, как он будет утверждать спустя 10 лет, уже тогда сделал для себя вывод: «Правительство утратило контроль над положением в стране и висит на волоске, надеясь лишь на чудо; если армия дрогнет, все рухнет».

На этот раз, учитывая, очевидно, неблагоприятную для США обстановку на Кубе, а также скандальную публикацию фотографий в прошлый его приезд, Киркпатрик, дабы не привлекать внимания к своей персоне, не появлялся в здании БРАК, а предложил новому шефу этой организации полковнику Мариану Пагете прийти в посольство. Пагета, который охотно сотрудничал с американцами, снабжая их нужной информацией, был явно обеспокоен положением в стране. За этой встречей последовали другие, в том числе весьма конфиденциального характера. Собрав необходимые сведения, Киркпатрик немедленно направил в Вашингтон телеграмму, в которой содержался детальный анализ политической ситуации на Кубе и предупреждение, что Батиста вряд ли долго продержится. «Я,— вспоминает Киркпатрик об этой телеграмме,— дал, вероятно, самый точный прогноз за всю свою практику».

Результатом этой поездки Киркпатрика явилось усиление деятельности на Кубе всего репрессивного аппарата тирании, находившегося под контролем спецслужб Вашингтона. Главным объектом объединенных действий этого аппарата и ЦРУ становится «Движение 26 июля».

5 декабря 1958 г. посол Эрл Смит был срочно вызван в Вашингтон для консультаций. Аллен Даллес обсуждал с ним вопрос о преемнике Батисты. Разъясняя суть антикубинской политики США на том этапе, Даллес обращал особое внимание на необходимость любой ценой сохранить основные институты существующего режима, поставив во главе вместо диктатора и его неудачливых приспешников новых проамерикански настроенных деятелей.

В помощь Эрлу Смиту на Кубу решили направить со спе-

циальной миссией Уильяма Поли, в прошлом американского посла в Гаване, крупного бизнесмена, имевшего на Кубе значительные деловые интересы, личного друга Батисты. Поли, прибывший в Гавану в первых числах декабря, в отсутствие в стране посла Смита, должен был в качестве неофициального посланника администрации США посетить Батисту и убедить его передать власть военной хунте, которая стабилизировала бы становившееся критическим положение в стране. Ожесточенные споры вызвал состав хунты. Надо было подобрать угодных Батисте генералов — в противном случае он отказался бы уступить власть. Но Уильям Поли не справился с возложенной на него задачей: кубинский диктатор отверг предложение добровольно оставить пост президента.

Затем с Батистой имел беседу возвратившийся в Гавану Смит. Чтобы создать какую-то альтернативу захвату власти Фиделем Кастро, он также старался убедить Батисту покинуть страну, подыскав преемника или передав власть военной хунте. Неделю спустя Смит повторил это требование генералу Франсиско Табернилье, тогдашнему главнокомандующему вооруженными силами Кубы. Но все усилия американского империализма и буржуазно-помещичьей олигархии, направленные на то, чтобы избежать катастрофы, оказались тщетными.

1 января 1959 г. ненавистный народу кровавый режим военной диктатуры рухнул в результате совместных действий всех демократических и прогрессивных сил. Под ударами Повстанческой армии, возглавляемой Фиделем и Раулем Кастро, Эрнесто Че Геварой и Камило Сьенфуэгосом, солдаты диктатуры прекратили сопротивление. Победила кубинская революция, к власти пришло народное правительство. Батиста, тщетно пытавшийся с помощью террора подавить «Движение 26 июля», бежал через Доминиканскую Республику в Португалию, к Салазару, прихватив ценности, награбленные за долгие годы хозяйничанья на острове.

Помешать победе народной революции на Кубе можно было, лишь предприняв открытую вооруженную интервенцию. Но развязать такую интервенцию американский империализм не рискнул, принимая во внимание сложившуюся к тому времени расстановку сил в мире, а также общественное мнение на Кубе, в Латинской Америке и самих Соединенных Штатах. Для осуществления политического курса правящих кругов США, направленного на разгром кубинской революции, были мобилизованы все средства тайной войны.

Интервенционистские планы американской администрации

Однако то, что ЦРУ привычными средствами тайной войны осуществило в Гватемале, не вышло на Кубе — этом небольшом, но чрезвычайно важном для американского империализма острове Карибского моря. Появление в Западном полушарии первого социалистического государства — Республики Куба символизировало начало крушения неокOLONиальной системы в этой части света, означало прорыв фронта, который империалистам США казался незыблемым. Куба, эта маленькая страна, сумевшая сбросить экономический диктат и покончить с политическим засильем своего большого соседа, стала для всего полушария примером мужества.

Уже самым фактом своего существования народная Куба, покончившая с господством американских монополий, ликвидировавшая крупное землевладение, национализировавшая промышленность, была страшна капиталистическому миру. Монополистический капитал США требовал «решительных действий» в отношении революционной Кубы. Антикубинский курс отстаивали более 900 компаний, имевших в прошлом капиталовложения в этой стране. Пример острова Свободы, избравшего своей целью строительство социализма, ставил под угрозу баснословные прибыли американских капиталистов и их стратегические интересы и в других странах Латинской Америки. Поэтому правящие круги США стремились во что бы то ни стало ликвидировать завоевания первой социалистической революции в Америке.

В марте 1960 г. состоялось несколько совещаний Совета национальной безопасности, посвященных выработке американской политики в отношении Кубы. В ходе этих совещаний был принят общий план антикубинской акции, который предусматривал широкий набор средств подрывной деятельности. Напомним, что, решив любыми путями задуть экономику Кубы, американские монополии прекратили к 1960 г. поставки ей нефти с целью парализовать промышленность страны. Соединенные Штаты, вопреки ранее подписанному соглашению, отказались также покупать сахар — основной продукт кубинского экспорта. Правительство США запретило американским фирмам вести какую-либо торговлю с Республикой Куба.

Но хотя репрессивные меры США создали серьезные трудности для ее экономики, Куба при всесторонней помощи и поддержке СССР и всего социалистического содружества

выстояла. В тяжелое для революционной Кубы время испытаний Советский Союз протянул руку помощи братскому народу в его справедливой борьбе за свободу и независимость. В коммюнике, которое было подписано во время пребывания в Москве в июле 1960 г. министра вооруженных сил Республики Куба Рауля Кастро, сообщалось, что Советское правительство обязалось обеспечить снабжение Кубы нефтью и другими жизненно необходимыми товарами³. «Без постоянной, решительной и щедрой помощи советского народа наша родина не смогла бы выстоять в схватке с империализмом, — сказал на I съезде Коммунистической партии Кубы вождь кубинской революции товарищ Фидель Кастро. — Советская страна стала покупать наш сахар, когда Соединенные Штаты подло лишили нас своего рынка; советский народ стал поставлять нам сырье и топливо, которые мы не могли приобрести ни в какой другой стране; советский народ бесплатно предоставил нам оружие, которым мы сражались против наемников на Плая-Хирон и которым мы оснастили наши Революционные Вооруженные Силы, чтобы заставить Соединенные Штаты дорогой ценой заплатить за любую прямую агрессию»⁴. Таким образом, главный замысел американских империалистов — парализовать кубинскую экономику — не удался. Потерпела крушение и попытка спланированного и подготовленного ЦРУ вооруженного вторжения на Кубу.

17 сентября 1960 г. министерство иностранных дел Кубы вручило американскому послу в Гаване специальную ноту с энергичным протестом против принимавшей все более широкие размеры шпионской, заговорщической и иной подрывной деятельности, проводимой Соединенными Штатами на кубинской территории. В ноте подчеркивалось, что «подрывная деятельность американских граждан и сотрудников посольства США, использующих методы нацистского гестапо, подтверждает обвинение, которое выдвинуло кубинское Революционное правительство в Совете Безопасности ООН против американской администрации и ее агрессивной политики».

18 октября министр иностранных дел Кубы Р. Роа направил генеральному секретарю ООН письмо с просьбой включить в повестку дня XV сессии Генеральной Ассамблеи вопрос: «Жалоба Революционного правительства Кубы, касающаяся различных планов агрессии и актов вмешательства, совершаемых администрацией США против Республики Куба с явным нарушением ее территориальной неприкосновенности, суверенитета и независимости и угрозой международной безопасности и миру». Просьба эта была поддержана

Советским Союзом и другими социалистическими странами. Американские представители в ООН, желая уклониться от официального обсуждения, выступили с «опровержением» жалобы Кубы, а тем временем активность тайной войны продолжала наращиваться.

Как подтвердит потом тогдашний посол США в Гаване Филип У. Бонсаль, целью американской антикубинской политики было «свержение Кастро... свержение с помощью любых возможных средств и способов, за исключением лишь вторжения на Кубу вооруженных сил США». В роли главного исполнителя этой политики выступало ЦРУ.

С возникновением плана свержения Ф. Кастро в ЦРУ во второй половине марта 1960 г. приступили к отбору сотрудников, преимущественно из числа тех, кто недавно работал в Гаване и хорошо знал этот район. Поначалу оперативная группа по Кубе насчитывала 10 человек, но спустя несколько недель ее численность уже перевалила за 40 и продолжала расти. Местом базирования оперативной группы стал штат Майами, где ЦРУ создало одну из своих крупнейших баз в мире. Руководство ЦРУ предполагало завершить всю подготовительную работу к операции, получившей кодовое название «операция Плутон», в ноябре — начале декабря.

Первое организационное совещание оперативной группы, состоявшееся в мартовские дни 1960 г., вел сам Аллен Даллес. О том, какое значение придавалось агрессии против Кубы, свидетельствует уже сам состав участников совещания. Справа от директора ЦРУ сидел его заместитель генерал Чарльз П. Кэйбелл, напротив — генерал Ричард М. Биссел, занявший пост директора Управления тайных операций ЦРУ. Присутствовали также начальник оперативного отдела управления Ричард Хелмс; неменный участник всех операций ЦРУ в Западном полушарии Клифф, назначенный руководителем только что образованной оперативной группы по Кубе, Дэвид Филлипс, поставленный во главе созданного в составе оперативной группы отдела пропаганды, и многие другие.

Даллес в общих чертах изложил суть дела. Он привел слова Эйзенхауэра о том, что правительство Кастро якобы представляет собой «коммунистическую угрозу» Соединенным Штатам и поэтому должно быть свергнуто. В соответствии с этим решением, пояснил Даллес, ЦРУ поручено в сжатые сроки разработать и представить на утверждение Белого дома план операции. Диверсантов и летчиков решено было вербовать среди кубинских эмигрантов в Майами и других местах. Президент Гватемалы Мигель Идигорас Фуэнтес решил ЦРУ создать на гватемальской территории учебные

лагеря для подготовки наемников. Власти Никарагуа предложили ЦРУ аэродром и порт. После того как завербованные пройдут соответствующую тренировку и ЦРУ сформирует угодное США эмигрантское правительство, Белый дом должен был санкционировать саму высадку диверсионных групп.

Выступивший вслед за Даллесом Ричард Биссел, которому, как и в операциях «Перелет» и «Гватемала», принадлежала роль основного автора «сценария», остановился на деталях плана и внес некоторые уточнения.

Важное место в его проекте отводилось «пропагандистской обработке» населения Кубы, или, как говорилось на этом совещании, созданию в стране «необходимого психологического климата». Кроме Филлипса этим предстояло заняться слышавшему уже тогда опытным профессионалом сотруднику европейского отдела Управления тайных операций Ф. Бендеру и его подчиненному Говарду Ханту. Позднее к ним присоединился шеф Филлипса по Гаване Дуглас. Говард Хант предпринял под видом туриста поездку в Гавану, чтобы, как он говорил, «вжиться в местную атмосферу». Проинструктировав Ханта о политической обстановке на острове, Филлипс дал ему несколько конспиративных адресов. Как потом выяснится, в результате этой поездки Хант представил ряд рекомендаций. Первая и главная из них состояла в том, что, прежде чем предпринять вторжение на Кубу, необходимо уничтожить Фиделя Кастро*.

Разработанный Филлипсом и одобренный Бисселом план «психологической войны» предусматривал создание специальных эмигрантских групп, куда бы входили женщины, рабочие, представители интеллигенции и студенты, для ведения контрреволюционной пропаганды; содействие выпуску эмигрантских изданий, враждебных новой власти; организацию радиопередач и на завершающем этапе — распространение листовок с самолетов. На авиационной базе в Никарагуа вместе с бомбами и ракетами хранилось 11 млн. листовок, рассчитанных на различные категории населения. В течение двух недель, предшествующих вторжению, по плану предполагалось произвести несколько выбросок листовок.

В обязанность Бендера и Ханта входила, как выражались в ЦРУ, «прокладка труб», т. е. обеспечение базы оперативной поддержки для практического осуществления плана. Им надлежало также сформировать эмигрантскую коалиционную

* Согласно утверждениям Говарда Ханта, на его неоднократные расспросы, касающиеся этого предложения, ему отвечали, что этим занимается «специальная группа»⁵.

группировку, «свободную от батистовского клейма» и объединяющую враждебных Кастро политических деятелей. Эти деятели должны были объявиться на Кубе в качестве членов «временного правительства» после того, как боевые отряды наемников подготовят для них надежный плацдарм. Другим участникам оперативной группы предстояло заняться формированием военизированных подразделений, для чего следовало организовать набор и подготовку наемников. В середине сентября в состав оперативной группы был включен полковник Элкотт — эксперт Пентагона по десантно-диверсионным делам. Он взял на себя разработку военной стороны операции. За планирование десантно-диверсионных действий на Филиппинах во время второй мировой войны полковник получил репутацию блестящего стратега и пользовался у ЦРУ авторитетом.

По мере того как продолжалась вербовка агентов в Майами и тайная засылка их на остров, постоянно увеличивался приток разведывательной информации с Кубы. Новоиспеченные лазутчики втягивали в работу по сбору сведений своих друзей и родственников. Каждое утро в штаб-квартире ЦРУ устраивались совещания, на которых руководитель оперативной группы Клифф и его подчиненные оценивали поступившие за ночь агентурные сообщения.

Осенью 1960 г. ЦРУ на основе накопленной информации подготовило итоговый доклад о положении на Кубе и представило его на рассмотрение президентского Консультативного совета по вопросам разведывательной деятельности за границей. В докладе нашли отражение рекомендации администрации США относительно того, что следует предпринять в новых условиях. Высказывались надежды на то, что Кастро долго не продержится. Было предложено попытаться свергнуть Революционное правительство с помощью так называемой «иррегулярной (тайной) войны». Авторы этих проектов были уверены в том, что, если Соединенные Штаты помогут кубинским эмигрантам создать полувоенные формирования и высадиться на Кубе, революционная власть не выдержит их натиска. Так родилась идея операции в заливе Кочинос.

Таким образом, пока администрация США осуществляла свой план экономической агрессии, ЦРУ начало полным ходом вербовку наемников из числа бежавших с Кубы контрреволюционеров и доставку их для обучения в военный лагерь в Гватемале. Только теперь их называли не диверсантами или «командос», как прежде, а членами «бригады».

Основываясь на собственной информации, подтвержденной данными военно-морской разведки, ЦРУ разработало два

варианта плана операции. Первый вариант возник под влиянием того, что работавшие над ним сотрудники ЦРУ, в прошлом в большинстве своем функционеры УСС, хорошо знакомые с методами военного времени, надеялись инспирировать антиправительственные выступления на Кубе.

«Цель этой операции, которая развивалась сложным и путаным путем в течение года, предшествовавшего катастрофе в заливе Кочинос,— писала много лет спустя газета «Вашингтон пост»,— заключалась в том, чтобы вызвать на Кубе всеобщее восстание». В основе этого варианта лежал расчет на то, что специально обученные и посланные на Кубу тайные агенты-руководители сумеют создать так называемые повстанческие группы сопротивления из лиц, враждебных новому строю. Началась интенсивная заброска такой агентуры на остров.

В конечном счете надежды ЦРУ на активизацию подпольного движения в стране не оправдались. Просочившиеся на Кубу с целью вызвать беспорядки, спровоцировать волнения агентурные группы не получили поддержки внутри страны. Революционное правительство, вопреки прогнозам ЦРУ, пользовалось растущей популярностью.

Второй вариант плана предусматривал внезапное вооруженное нападение на Кубу интервенционистских сил. Для этого решили сформировать, вооружить и высадить на остров крупный отряд, который бы закрепился на побережье. Создание постоянного плацдарма с аэродромом для приема самолетов давало, таким образом, дипломатический повод для образования в Майами «нового кубинского правительства», борьбу которого за власть могли поддерживать военные формирования США. Такой план требовал уже не десятков, а сотен наемников: вначале было намечено высадить 800 человек, в конечном счете их оказалось, по американским данным, 1443. Каждому наемнику присваивался определенный номер. Нумерация начиналась с 2500, чтобы создать впечатление, что согласившихся участвовать в военных действиях против народной Кубы много больше, чем на самом деле⁶. К весне 1961 г. их число едва приблизилось к 1500.

Американские авторы, освещая эту тему, указывают на огромные трудности, с которыми столкнулись организаторы операции. В короткое время следовало завербовать большое число эмигрантов-контрреволюционеров. Отбор уже не мог быть столь тщательным, как при ограниченной вербовке, следовательно, уже нельзя было гарантировать сохранение в тайне самой операции. Если для оснащения мелких групп достаточно было легкого оружия, взрывчатки и переносных

раций, то крупному отряду требовалось гораздо больше оружия, более тяжелое вооружение и снаряжение: «джипы» и грузовики, танки и десантные корабли, самолеты и транспортные корабли, базук и полевая артиллерия. Американцы могли выделить технику, но не так-то просто было доставить ее в порт.

Обучить личный состав отряда тоже было нелегко. Многие кубинские эмигранты совсем не имели опыта военной службы. ЦРУ опасалось, что они не сумеют быстро овладеть оружием и боевой техникой. К тому же основную массу наемников в тренировочных лагерях составляли скомпрометированные в глазах кубинского народа и латиноамериканской общественности бежавшие с Кубы батистовцы. По существу, экспансивно настроенный сброд, не спаянный ни идеей, ни едиными принципами, ни доверием друг к другу, ни сколько-нибудь строгой дисциплиной. Враждующие группировки, отличавшиеся неумным властолюбием и вероломством, грызлись между собой за командные посты *. Бендер и Хант вынуждены были постоянно совершать полеты между Вашингтоном, Нью-Йорком, Майами, выполняя роль арбитров в этих перебранках и пытаясь склонить эмигрантов хоть к какому-нибудь сотрудничеству. Дело дошло до того, что назначенный американцами военный руководитель бригады Сан Роман из-за конфликта, возникшего между Бендером и бригадой, был вынужден объявить о том, что он отказывается от командования. Это в свою очередь привело к тому, что 230 человек из 500 заявили об уходе из отряда; целиком распались второй и третий батальоны. Волнения, вызванные тем, что подготовка, по мнению личного состава бригады 2506, неоправданно затянулась, всерьез озадачили руководителей ЦРУ. На базу Трэкс в Гватемале был срочно направлен американец по имени Берни, до этого наведывавшийся туда в качестве инспектора. Берни ничего не оставалось, как выступить в поддержку Сан Романа. Но обстановка в лагере продолжала оставаться напряженной, и снова решили послать на базу самого Бендера. По прибытии он обрушился с гневной речью против «мятежников». 12 из них, кого американцы посчитали «главными зачинщиками», тут же арестовали и заключили в тюрьму. Их освободили только после разгрома в заливе Кочинос.

* Даже американская печать не скрывала того, что наемники ЦРУ из числа кубинских эмигрантов представляли собой сборище непримиримых группировок, состоявших из отъявленных реакционеров, в прошлом не за страх, а за совесть служивших Батисте, а теперь мечтавших вернуть свои земли и деньги.

Признаки беспокойства обнаруживали и политические лидеры эмигрантов, становившиеся в силу этого все более трудно управляемыми. Особенно они негодовали по поводу того, что ЦРУ держало в секрете от них дату вторжения.

Учебные центры размещались вначале на уединенных фермах Флориды, арендованных или купленных по заданию ЦРУ подставными лицами. Обучение кубинских эмигрантов тайно финансировали американские монополии и их дочерние кубинские компании, экспроприированные народной властью. При этом американцы всегда старались создать впечатление, что за все платит некий кубинский миллионер, а правительство США здесь ни при чем.

По секретному соглашению правительства США с президентом Гватемалы Фуэнтесом вскоре после того, как он порвал дипломатические отношения с Кубой, Гватемала предоставляла ЦРУ территории в отдаленных горных районах под учебные полигоны. Прибывшие туда под видом геодезистов первые 32 кубинских эмигранта оборудовали тренировочный лагерь на плантации богатого гватемальца Роберта Алехоса, брата посла Гватемалы в Вашингтоне. Здесь же затем были построены взлетно-посадочные полосы, и американские пилоты в штатском стали обучать кубинских эмигрантов летному делу. Гватемала, таким образом, превратилась в плацдарм для вторжения на Кубу.

Предоставило Соединенным Штатам базу и порт для тайной организации, оснащения и тренировки вооруженных отрядов кубинских контрреволюционеров и правительство Никарагуа. В ноябре 1960 г. под предлогом «защиты» Никарагуа и Гватемалы от «возможного нападения» со стороны Кубы к ее побережью была направлена группа американских военных кораблей.

Требование, чтобы тренировка кубинских эмигрантов-контрреволюционеров велась за пределами США, исходило от руководителей госдепартамента, с которым ЦРУ согласовывало все свои действия с самого начала подготовки операции. По мнению Киркпатрика, это требование, особенно в свете последовавших затем событий, было излишним. Но госдепартамент настаивал: предстоящая операция должна выглядеть как «сугубо кубинская», от которой США всегда смогут отмежеваться.

Вербовка наемников продолжалась. В Гватемалу их доставляли на самолетах из Флориды группами по 40—50 человек и немедленно увозили в горы. Под руководством постоянно находившихся там американских инструкторов они постигали военное дело, отрабатывая технику высадки

на побережье. Газеты контрреволюционных эмигрантов «Авансе» и «Боэмиа либре», издававшиеся на деньги ЦРУ в Майами и в Нью-Йорке, занимались идеологической обработкой наемников. Этим же целям служила мощная радиостанция, созданная ЦРУ на острове Суон, принадлежащем Гондурасу. Газеты и радио внушали наемникам, что вторжение выльется в «триумфальное шествие», и призывали кубинское население присоединиться к «победоносным» войскам после их высадки на острове.

Операция в заливе Кочинос

В начале апреля 1961 г. руководители ЦРУ решили, что десант наемников уже достаточно подготовлен. Были тщательно изучены два участка для высадки основных сил. Первый участок находился в районе небольшого городка Тринидад в провинции Лас-Вильяс, на юго-восточном побережье Кубы, где уже закрепился диверсионный отряд противников народной власти. Неподалеку от него располагались портовые сооружения и полевой аэродром. Участок этот, по данным разведки США, оборонялся слабо, густые тропические заросли позволяли надежно скрыть высадку. Кроме того, считали, что, если отряд не сумеет закрепить свои позиции, он легко сможет уйти от преследования в горы и осесть там на длительное время, продолжая боевые действия. Оружие, боеприпасы и продовольствие будут сбрасываться ему с самолетов.

План «операции Тринидад» был обсужден еще осенью 1960 г. на совещании у заместителя директора ЦРУ генерала Кэйбелла, а затем передан на рассмотрение комитета начальников штабов, который нашел его вполне осуществимым. Но в ходе последующих обсуждений на высшем уровне появились поправки к плану. Во-первых, благодаря действиям кубинской народной милиции и органов безопасности наемники, засевшие в горах Эскамбрай, были обезврежены (лишь 12 из них удалось добраться до США), а связанные с ними наиболее активные контрреволюционные элементы арестованы. Во-вторых, госдепартамент опасался, что захват даже такого небольшого города, как Тринидад, где неизбежно будут жертвы среди мирного населения и где к тому же нет аэродрома, чем можно было бы объяснить полеты пилотируемых кубинскими эмигрантами бомбардировщиков В-26, нанесет Соединенным Штатам серьезный политический ущерб. Не исключалась возможность протестов в ООН и дипломатических

демаршей. Так что план высадки в районе Тринидада утратил свою первоначальную привлекательность. Решено было выбрать менее заметное место*.

Вот тогда-то военные и предложили высадить десант в районе залива Кочинос, в 100 милях к западу от Тринидада и начать операцию не на заре, как намечалось ранее, а ночью. Этот малонаселенный участок побережья с летними коттеджами и деревушками был удобен для высадки десанта и боевых действий группами. Рядом находилась посадочная площадка для самолетов, которые рассчитывали использовать для последующих ударов по коммуникациям и другим важным объектам Кубы. Овладеть этим небольшим аэродромом и закрепиться на нем предполагалось с помощью танковой роты. Правда, участок в заливе Кочинос имел один существенный недостаток: его окружали непроходимые болота, в случае неудачи — отступление было невозможно.

Вначале высадка в заливе Кочинос намечалась на 5 апреля 1961 г. Затем дату вторжения перенесли на 10 апреля и в конце концов отодвинули еще на неделю. Плацдарм на берегу предполагалось захватить до того, как вооруженные силы Республики Куба предпримут ответные действия. В провинции Орьенте, вблизи Пинар-дель-Рио, планировался отвлекающий маневр группы под руководством некоего Нино Диаса. Ложная атака должна была сопровождаться мощными взрывами и канонадой, чтобы издали казалось, будто происходит крупное сражение. Руководители ЦРУ надеялись, что в Гаване сразу не разберут, какой из десантов является основным.

Но как говорится, гладко было на бумаге. Весь расчет строился на поддержке вооруженной интервенции как изнутри, так и извне. Наемникам внушали, что на Кубе их ждут, а если отряд и встретит сопротивление, то на выручку ему придут вооруженные силы США. Киркпатрик пишет, что американские должностные лица, ответственные за данную операцию, категорически отрицают последнее. Но вместе с тем он приводит заявления лидеров кубинской эмиграции,

* Комментируя позицию госдепартамента, Киркпатрик считает ее очевидным свидетельством того, что у администрации США не было четкого представления о возможном международном резонансе на кубинскую операцию. «Шесть крупных десантных кораблей, высаживающих на берег почти 1500 человек, рота парашютистов, сбрасываемая с транспортных самолетов, идущих под прикрытием небольшой эскадрильи бомбардировщиков, — все это, — пишет он, — должно было привлечь к себе внимание независимо от того, на каком участке побережья Кубы осуществлялась высадка».

утверждающих, что такого рода обещания им действительно давались *. «После тщательного изучения этого вопроса я вполне убедился, что истина лежит где-то посредине», — заключает Киркпатрик. Ближайший советник президента Кеннеди Шлесинджер свидетельствует, что в начале апреля Даллес и Биссел заявляли президенту, что на Кубе «в настоящий момент более 2500 человек принадлежат к организации сопротивления новой власти, еще 20 тыс. им сочувствуют», а как только бригада укрепитя на острове, ее активно поддержит, по крайней мере, четвертая часть кубинского населения.

Итак, операцию в заливе Кочинос наметили на понедельник 17 апреля 1961 г. ЦРУ разработало и детальный план высадки «кубинской бригады» — бригады 2506 — в полторы тысячи человек. Ключевым элементом плана боевых действий было нанесение ударов с воздуха. Бригаду должны были поддерживать 24 американских бомбардировщика В-26. Предполагалось, что восемь американских самолетов с опознавательными знаками кубинских ВВС, пилотируемые кубинцами-эмигрантами, обученными в Гватемале и находившимися на службе у ЦРУ, нанесут последовательно два мощных удара по важнейшим авиабазам республики 15 апреля и на рассвете 17 апреля, перед самой высадкой десанта с моря. Эти внезапные удары с воздуха должны были парализовать кубинскую авиацию, лишить ее возможности атаковать десант наемников и таким образом проложить путь для вторжения. Затем авиация, приданная бригаде, должна была разрушить железнодорожные и шоссеыные мосты в районах Гаваны, Матансаса, Ховельяноса, Колона, Санта-Клары и Сьенфуэгоса. Как отмечал впоследствии Фидель Кастро, Соединенные Штаты стремились осуществить широко задуманный план, учитывая все детали; такие планы, разработанные во всех подробностях, присущи обычно крупным американским военным операциям.

В соответствии с требованием госдепартамента участие США в затеваемой операции тщательно маскировалось. Вот что пишет по этому поводу Д. Филлипс: «До вторжения оставалось четыре дня. Первый воздушный налет планировалось осуществить 15 апреля, за два дня до начала вторжения. Совершенно неожиданно меня привлекли к разработке мер,

* Позднее военный руководитель бригады Сан Роман сообщил Х. Джонсону, автору книги о бригаде 2506, что их заверили: «если вы провалитесь, мы вам поможем». «В случае необходимости, — заявил полковник Фрэнк, — на помощь вашей бригаде придет морская пехота»⁷.

связанных с организацией бомбардировок. Чтобы скрыть причастность США к вторжению, а также то, что нападение эмигрантов направлялось извне, в последний момент было решено создать видимость, будто идея первой бомбардировки возникла на самой Кубе. Бомбардировка трех кубинских аэродромов должна была выглядеть так, будто это сделали летчики ВВС Кастро, перешедшие на сторону эмигрантов, а не эмигранты, прилетевшие на самолетах из Центральной Америки. Мне поручили в течение 24 часов подготовить все для решения этой немыслимой задачи»⁸. Словом, все было сделано в духе печально знаменитой провокации гитлеровцев перед вторжением в Польшу 1 сентября 1939 г. Подобно тому как в нападении на радиостанцию в Глейвице участвовали эссовцы, переодетые в форму польских солдат, ЦРУ для провокации на Кубе подготовило группу кубинских контрреволюционеров, и среди них своего агента — 35-летнего пилота Марио Сунигу. Ему предстояло изображать летчика народной Кубы, порвавшего с Революционным правительством и решившего якобы вместе с группой других эмигрантов выступить против своих соотечественников. Вскоре после налета американских бомбардировщиков Сунига должен был «перелететь» в международный порт Майами и заявить администрации аэропорта и представителям печати, будто налет совершен «восставшими кубинскими летчиками», недовольными режимом Кастро и поднявшимися в воздух вовсе не с авиационной базы ЦРУ в Пуэрто-Кабесас (Никарагуа), обозначаемой в документах разведки «Хэппи-Вэлли», а с Кубы. Для пушечей достоверности ему в карман вложили пачку гаванских сигарет последнего выпуска. Другой самолет должен был приземлиться в Ки-Уэсте.

«Меня беспокоило то, — пишет Филлипс, — что этой истории не очень-то поверят во Флориде и уж конечно не поверят на Кубе, где Кастро может легко установить истину. Я послал несколько телеграмм на авиабазу в Никарагуа и распорядился, чтобы там подготовили экипажи, выделенные для осуществления плана дезинформации: подумали, как летчики должны быть одеты, что будут говорить, а также позаботились, чтобы самолетам до взлета были нанесены хотя бы минимальные повреждения для создания видимости того, что они побывали в бою».

Соответственно «обработали» специалисты из ЦРУ и бомбардировщик Суниги, чтобы его можно было предъявить представителям печати как «самолет кубинских ВВС», обстрелянный из пулемета при «бегстве Марио Суниги с кубинского аэродрома».

Через два месяца после того, как США приступили к подготовке вторжения, всплыла фигура политического руководителя бригады контрреволюционеров-эмигрантов. Им стал 29-летний капитан Мануэль Франсиско Артима, «парень многообещающий», как говорили о нем американцы. Его называли еще «парнем Фрэнка», т. е. агентом главного представителя ЦРУ в Гватемале полковника Фрэнка Бендера*, который появился на базе кубинских эмигрантов в поябре 1960 г. Свой штаб — один из четырех ключевых центров по подготовке и руководству операцией — он обосновал в Нью-Йорке. Три других располагались соответственно в Вашингтоне, Майами и Реталулеу.

Мануэль Артима, когда-то служивший в кубинской революционной армии и некоторое время до бегства из страны работавший чиновником по проведению аграрной реформы в восточной провинции Кубы, должен был, как «разочаровавшийся участник революционного движения», с корабля в открытом море обратиться по радио к кубинцам с призывом свергнуть правительство.

Все, что произошло в дальнейшем, широко известно по различным публикациям. В потоке американских объяснений причин провала много версий, много и противоречий. Тот же Киркпатрик, автор наиболее компетентный и заинтересованный, признает, что для руководивших вторжением американцев — как сотрудников ЦРУ, так и военных — провал операции явился полной неожиданностью. Не оправдался прежде всего их расчет на то, что будут перебежчики из кубинской армии и народной милиции — таковых просто не оказалось. Жизнь опровергла и положенную в основу плана операции информацию ЦРУ о якобы невысокой боеспособности революционных вооруженных сил Кубы и о численности воинских частей, которые кубинское правительство могло выставить для борьбы с десантом наемников. Нако-

* Еще в самом начале появления планов вторжения Артима по заданию ЦРУ в качестве эmissара контрреволюционных эмигрантских сил ездил в страны Центральной и Латинской Америки, чтобы заручиться поддержкой определенных кругов в предпринимавшихся антикубинских акциях. После этой поездки Артима имел встречу в Нью-Йорке с Фрэнком Бендером. Действуя от имени магнатов, ссужавших средства на борьбу с кубинской революцией, Бендер одобрил идею контрреволюционного выступления и заверил Артима, что заговорщикам будет предоставлено все необходимое вооружение, а также выделены инструкторы — специалисты по ведению партизанской войны и по общевойсковой подготовке. Артима со своей стороны взял на себя тайную вербовку кубинских эмигрантов для участия в военных действиях против Кубы⁹.

пещ, катастрофические последствия для операции имел удар, заблаговременно нанесенный органами революционной власти по контрреволюционному подполью внутри страны *, а ЦРУ делало одну из главных ставок именно на это подполье.

Первое нападение американских бомбардировщиков В-26 на аэродромы Кубы и городские кварталы Гаваны, Сантьяго и Сан-Антонио-де-лос-Баньос, совершенное 15 апреля, было признано руководителями ЦРУ успешным **. Началась подготовка к следующему налету. Но в действительности налет на аэродромы Кубы причинил незначительный ущерб. Слабая эффективность действий авиации наемников объяснялась тем, что командование Революционной армии заранее перебазировало большую часть самолетов на запасные аэродромы.

Не все развивалось и далее так, как предусматривало ЦРУ. Отвлекающий маневр не прошел: группе Нино Диаса так и не удалось высадиться в районе провинции Орьенте, и она вернулась ни с чем. Два самолета В-26 после первого налета на Кубу 15 апреля приземлились, как и планировалось, в Ки-Уэсте и в Майами. Пилотировавшие их летчики заявили, что они якобы дезертировали из кубинских ВВС. Однако задуманный ход, который должен был сгладить впечатление, произведенное на мировую общественность бомбардировкой, и «свести до минимума шум в прессе», не удался, механизм дезинформации не сработал. Соединенные Штаты подверглись в ООН осуждению, их обвинили в причастности к антикубинской акции. Министр иностранных дел Кубы Рауль Роа, разоблачив обманный маневр, заявил на заседании специального политического комитета ООН в Нью-Йорке: «Я обвиняю правительство США перед лицом мировой общественности в том, что оно развязало войну против Кубы для того, чтобы вновь завладеть ее богатствами, вновь превратить Кубу в своего сателлита». Участие США в этой

* Американская печать с сожалением констатировала, что в результате продуманных и согласованных действий комитетов защиты революции контрреволюционному подполью в стране был нанесен тяжелый удар еще 18 марта 1961 г., когда большинство его главарей было арестовано на пелсгальном сборище в пригороде Гаваны. Во время облавы был схвачен также Рохелис Ронсалес Корсо, известный под именем Франсиско, — координатор всех военных антикубинских операций.

** Вечером того же дня Сан Роман получил телеграмму от Бендера, в которой тот, чтобы, очевидно, не деморализовать наемников, сообщал, что «воздушный налет успешно завершился и авиация противника выведена из строя».

авантюре выявлялось все больше и больше, особенно после того, как начала рушиться разработанная ЦРУ «легенда» Суниги.

«Я смотрел по телевизору выступление министра иностранных дел Кубы Рауля Роа в ООН в Нью-Йорке, в котором он разоблачал наш обманный маневр,— пишет в своей книге «Ночная вахта» Дэвид Филлипс.— Затем на трибуну поднялся Эдлай Стивенсон и стал опровергать заявление кубинца. В своих возражениях Раулю Роа бывший кандидат на пост президента был красноречив и эмоционален. Стараясь доказать, что предательство действительно имело место в ВВС Кастро, он демонстрировал перед телевизионными камерами помещенные на первых страницах газет фотографии самолета кубинских эмигрантов, приземлившегося в Майами. Эдлай Стивенсон, подумал я, прекрасный актер: мало кто умеет так убедительно лгать».

Несмотря на первые неудачи, Кеннеди не отменил план вторжения в целом, и события продолжали развиваться в намеченной ЦРУ последовательности. Флот вторжения, состоявший из судов «Хьюстон», «Лейк-Чарльз», «Рио-Эскондидо», «Карибе», «Атлантико» и двух десантных барж, эскортируемый двумя американскими миноносцами, приближался к берегам Кубы. В операции принимали участие и другие суда военно-морского флота США. По приказу адмирала Бэрка у берегов Кубы еще с начала апреля патрулировали военные корабли Атлантического флота, на которых в полной боевой готовности находился батальон американской морской пехоты. Словом, ЦРУ и Пентагон сделали все необходимое для того, чтобы в нужный момент поддержать наемников участием в операции вооруженных сил США.

Тем временем Бисселу позвонил помощник президента Макджордж Банди и сообщил, что в связи с усиливающимися протестами в ООН президент принял решение отменить второй налет военно-воздушных сил, приданных «кубинской бригаде».

Генерал Кэйбелл, исполнявший в тот вечер обязанности директора ЦРУ, отправился вместе с Ричардом Бисселом в госдепартамент, чтобы убедить государственного секретаря Раска в том, что удар с воздуха «по оставшимся самолетам» Кастро абсолютно необходим. Государственный секретарь подтвердил решение Кеннеди об отмене второго налета и посоветовал Кэйбеллу обратиться непосредственно к президенту, который находился в своем загородном доме. Кэйбелл считал такой шаг бесполезным. Он вернулся в штаб, связался

с комитетом начальников штабов и спросил, что могут предпринять регулярные войска для оказания помощи. Бомбардировщики В-26 уже не могли обеспечить авиационное прикрытие при высадке на побережье, так как находились в нескольких часах лета, в Никарагуа. Тогда было решено держать поблизости от залива Кочинос авианосец ВМС США «Боксер»; даже если его самолеты нельзя будет использовать, он все-таки окажет на участников операции определенное психологическое воздействие.

Имелся и так называемый резервный план на случай, если высадка в последнюю минуту будет отменена. Однако организаторы вторжения были глубоко убеждены, что отмена операции по каким-либо причинам приведет к тому, что «кубинская бригада» начнет действовать самостоятельно или взбунтуется, а это создаст переполох, который явится гораздо более опасным для США, чем провал операции, и поэтому, хотя многие уже не верили в возможность успеха этой акции, было решено действовать.

Оценивая ход высадки «кубинской бригады», Киркпатрик считает, что с точки зрения военной первый этап операции прошел успешно*.

Первые десантные группы с кораблей высадились на побережье ночью. Лишь к рассвету 17 апреля основным силам бригады удалось закончить высадку. Сотни наемников рассыпались по берегу. Они двинулись вперед... и совершенно неожиданно натолкнулись на подразделения народной милиции (в районе Плая-Хирон находился отряд милиции численностью около 100 человек), которые оказали интервентам упорнейшее сопротивление, стараясь во что бы то ни стало сдержать их продвижение в глубь страны и выиграть время для подхода сил революционной армии. Каждый метр земли наемникам приходилось брать с боя. Однако их численный перевес (как потом стало известно, число высадившихся контрреволюционеров составляло 1300 человек) в конце концов не мог не сказаться.

С рассветом американские транспортные самолеты С-46 начали выброску парашютных десантов на дорогах, идущих через болота. Однако к тому времени передовые отряды

* Другие американские авторы не разделяют этого мнения. Так, Э. Талли, говоря о различном отношении к этим событиям со стороны представителей официальных кругов Вашингтона, пишет, что они были «согласны друг с другом в одном: высадка в апреле 1961 г. в Бухте свиней (т. е. в заливе Кочинос.— Ф. С.) на Кубе была одной из самых скверно подготовленных и бездарно осуществленных военных авантур в истории»¹⁰.

интервентов, высадившиеся с моря, все еще находились от них на значительном расстоянии. Между парашютистами и основными силами наемников оказались отряды народной милиции, которые в условиях окружения продолжали мужественную борьбу.

К 6 час. 25 мин. утра 17 апреля залив Кочинос представлял собой необычное зрелище. Неподалику от берега виднелись черно-зеленые громады кораблей и крупных десантных барж, на которых все еще находилась часть войск. Между кораблями и полосой прибоя шныряли десантные шлюпки. На берегу складывалось оружие, боеприпасы, снаряжение. К месту высадки было доставлено такое количество оружия, которого хватило бы для оснащения 4 тыс. человек. Передовые колонны интервентов уже успели продвинуться на несколько километров в глубь острова.

Тщательно подготовленное вооруженное нападение на революционную Кубу стало фактом.

Высадившись на берег, бригада наемников повела наступление на трех участках: 3, 4 и 6-й батальоны захватили Плая-Хирон, в северной части залива Кочинос; 2-й батальон оседлал Т-образный перекресток дорог в Плая-Ларга; 1-й батальон парашютистов обосновался в районе Сан-Блас. Часть личного состава 5-го батальона, добиравшаяся до суши лодками, так как транспортное судно не смогло подойти к берегу и было отнесено течением к югу от Плая-Ларга, не сумело соединиться со 2-м батальоном.

Главное командование Революционных вооруженных сил приняло решение: остановить продвижение интервентов по трем шоссе, захватить плацдарм у Плая-Ларга и ударами авиации сорвать доставку противником людских резервов и снаряжения по морю, а в дальнейшем, развивая наступление, полностью очистить побережье от наемников. Военно-воздушные и военно-морские силы Кубы атаковали в пунктах высадки суда и войска интервентов. Два транспортных судна были сразу же затоплены. На одном из них находилась большая часть снаряжения наемников, высадившихся на берег. На другом — аппаратура для радиостанции. Остальные суда были отогнаны в море.

Так как реактивная авиация Кубы господствовала в воздухе, подвозить боеприпасы и подкрепления было невозможно. На третий день после начала операции все было кончено. Операция в заливе Кочинос потерпела полное поражение. Всего 72 часа понадобилось Революционным вооруженным силам, действовавшим быстро и решительно, чтобы остановить и полностью разгромить банды наемников. Командир

«кубинской бригады» в ответ на поступившее с американского корабля предложение спасти оставшихся в живых людей, пишет Киркпатрик, «послал руководителей операции ко всем чертям». Основной состав бригады — более 1000 человек — был захвачен в плен*, причем многие из них были опознаны как бывшие головорезы Батисты; почти все они заявили, что их обмануло ЦРУ.

Провал вторжения вызвал в Вашингтоне настоящий шок. Роберт Кеннеди назвал этот день самым мрачным в жизни его брата. Итог подвел американский обозреватель Э. Талли: «Благодаря в основном восторженным разведывательным оценкам ЦРУ президент Кеннеди вверил престиж нации маленькой кучке плохо обученных кубинцев, и, когда их авантюра провалилась, не кто иной, как Соединенные Штаты, упали лицом в грязь в глазах всего мира».

За кулисами кубинской авантюры

Попытки братьев Даллесов и других «ястребов» подтолкнуть правительство США на прямую интервенцию американских вооруженных сил на Кубу успеха не имели. Президент Кеннеди в последний момент, трезво оценив возможные последствия такого шага для Соединенных Штатов и всеобщего мира, не решился пойти на риск и пустить в ход американскую морскую пехоту. Тем не менее руководители ЦРУ и Пентагона не теряли надежды на то, что, если операция окажется под угрозой полного провала, им удастся поколебать позиции президента и склонить его к тому, чтобы разрешить морской пехоте поддержать действия контрреволюционных сил. 18 апреля, когда уже было ясно, что вторжение обречено на катастрофу, когда встал вопрос, как вести себя в новой обстановке, Даллес и Биссел настойчиво внушали президенту, вопреки здравому смыслу, что операцию еще можно спасти, введя в действие вооруженные силы США, в первую очередь авиацию с авианосца «Эссекс». Даллеса и Биссела поддержал адмирал Бэрк, попросивший согласия президента на то, чтобы высадить на

* Революционная армия Кубы взяла в плен 1179 человек, захватила 5 тяжелых танков «Шерман», десятки безоткатных орудий, 8 тяжелых минометов, много пулеметов, зенитных орудий, 10 бронетранспортеров. Было потоплено 4 судна, сбито 12 из 24 бомбардировщиков.

Кубе десант морской пехоты, а также дать команду американским миноносцам поддержать наемников огнем своих орудий. Председатель комитета начальников штабов генерал Лемнитцер и начальник штаба ВВС генерал Уайт настаивали на том, чтобы президент санкционировал действия военных реактивных самолетов США. Требования Бэрка Кеннеди отклонил, но Даллес и представители военщины стояли на своем. В конце концов президент уступил: он дал согласие на участие американских военных самолетов во вторжении на Кубу. И только благодаря случайному стечению обстоятельств американская авиация не вступила утром 19 апреля в бой с авиацией народной Кубы. Дело в том, что организаторы операции решили использовать американские реактивные самолеты без опознавательных знаков для прикрытия самолетов В-26, пилотируемых кубинскими контрреволюционерами и летчиками ЦРУ. Последние должны были 19 апреля атаковать защитников народной Кубы, сжимавших кольцо вокруг интервентов. Военно-воздушным силам США было приказано при появлении самолетов контрреволюционеров прикрыть их от ударов авиации Кубы. Расчет строился на том, что, как только кубинские самолеты откроют огонь по бомбардировщикам В-26, американская авиация получит предлог для нападения на авиацию народной Кубы. Но механизм взаимодействия не сработал: Бэрк и Биссел в директивах для своих ведомств указали для начала операции разное время по часовым поясам, не согласовав его между собой. В результате бомбардировщики В-26 и американские военные истребители с авианосца «Эссекс» разминулись. Утром 19 апреля над Кубой было сбито еще четыре самолета кубинских контрреволюционеров *.

Президент Кеннеди созывает несколько экстренных совещаний с руководителями ЦРУ, Пентагона и госдепартамента. Одни из них снова потребовали высадить на Кубе морскую пехоту, другие — предлагали призвать на помощь войска государств — членов Организации американских государств, третьи — стояли за то, чтобы немедленно начать готовить для повторной высадки еще более мощный десант наемников. Кеннеди, учитывая политическую обстановку в самих США и настроения мировой общественности, вынужден был отвергнуть все эти предложения и заявить, что «США не намерены

* Среди погибших оказались четыре американца: Шамбургер, Грей, Рей и Бейкер; пятый — Джо предпочел не выходить на своем самолете в район залива Кочинос и повернул обратно. Впоследствии обстоятельства гибели граждан США в военных действиях против народной Кубы долгое время скрывались американскими властями.

совершать военную интервенцию на Кубу». Позиция президента Кеннеди, занятая им в последний момент, послужила причиной для обвинения его представителями крайне правых кругов во главе с сенатором Голдуотером в том, что, не решившись бросить против Кубы американские войска, он тем самым якобы обрек операцию на провал.

На горизонте замаячило расследование в конгрессе. Очевидно, чтобы предвосхитить события, Кеннеди поручил генералу Максуэллу Тэйлору создать специальную правительственную комиссию с участием самого президента, министра юстиции Роберта Кеннеди, адмирала Арлея Бэрка и Аллена Даллеса для расследования деятельности разведки, поскольку роль ЦРУ в нападении на Кубу выдвинула и ряд весьма острых политических и международных проблем, которые нельзя было обойти молчанием. Но это недовольство было вызвано не общим направлением деятельности разведки, а ее провалами и неудачами. В то же время президент дает указание полностью засекретить все материалы, отражающие подготовку к агрессии*.

После провала вторжения все правительственные ведомства Вашингтона наперебой пытались снять с себя ответственность и возложить ее на других. Одни обвиняли в провале министерство обороны и комитет начальников штабов, участие которых в операции было ограниченным; другие намекали, что посол Стивенсон и вообще противники операции оказывали сдерживающее влияние на президента, чем в немалой степени способствовали провалу вторжения**.

Ответственность за провал вторжения несут все, отмечает Киркпатрик, но разгром на Плая-Хирон был прежде всего провалом ЦРУ, предназначение которого в том и состоит, чтобы готовить и осуществлять такого рода операции. Сотрудники ЦРУ допустили просчеты при определении условий,

* ЦРУ в свою очередь постаралось уничтожить следы участия США во вторжении. Через две недели после разгрома в заливе Кокинос секретные документы, находившиеся на базе Бейз-Трэкс, где размещалась «армия освобождения», были зарыты в джунглях. Были снесены все лагерные постройки и даже цементные фундаменты барраков.

** Р. Биссел в своем интервью газете «Вашингтон стар», опровергая утверждения ближайших сподвижников Кеннеди — его помощника Т. Соренсена и специального советника А. Шлесинджера — о том, что основным виновником провала кубинской авантюры были ЦРУ и Пентагон, полностью перекладывал ответственность на президента, который-де не внял советам ЦРУ и «не создал контрреволюционное правительство в изгнании», не снабдил его деньгами и не поддержал бригаду вторжения «добровольцами» (т. е. морской пехотой США. — Ф. С.).

«необходимых для решения поставленной задачи». Отсутствовала точная информация о боеспособности революционных кубинских войск и т. д. Однако Киркпатрик вынужден был признать: «Милиция и армия Кастро сражались гораздо лучше, чем предполагалось, их верность и преданность своему правительству были недооценены». Не было и запланированного ЦРУ дезертирства из войск Республики Куба.

И тут же Киркпатрик пытается как бы оправдать ЦРУ, заявляя: «Главная же причина провала операции заключалась в том, что правительство США не понимало простого обстоятельства — нельзя осуществить с помощью тайной деятельности того, чего ему не удалось достичь посредством дипломатии или прямых военных действий». Странно звучит такое признание в устах профессионального разведчика, который долгие годы был занят осуществлением замыслов монополий и политиканов именно с помощью «тайной деятельности».

Да, революционное движение, опирающееся на решительную поддержку народных масс, неодолимо ни для тайных контрреволюционных сил, ни для открытых диверсий империализма. И последующая история развития социалистического строительства на Кубе, успехи, достигнутые кубинским народом во всех областях, — это самый убедительный ответ на вопрос, почему так позорно провалилась военная авантюра в заливе Кочинос.

**«Сначала нас хотели
аннексировать,
теперь нас хотят
отравить»**

Провал операции в заливе Кочинос отнюдь не ослабил стремления правящих кругов США к продолжению враждебных акций против революционной Кубы. Высшие руководители страны считали, отмечает в своем докладе специальная комиссия американского сената, что присутствие в 90 милях от побережья Флориды государства, возглавляемого признанным всеми коммунистическим лидером, является вызовом господству Соединенных Штатов в Западном полушарии и представляет собой «прямую угрозу американской безопасности». Подобные ссылки на якобы существующую угрозу американской безопасности, делавшиеся в соответствии с давней практикой, призваны были оправдать агрессивность и вероломство антикубинской политики.

«Мы все были охвачены настоящей истерией в отношении Кастро во время операции в заливе Кочинос и после нее», — признал несколько лет спустя тогдашний министр обороны Роберт Макнамара.

22 апреля 1961 г. президент Кеннеди поручил генералу Тэйлору произвести пересмотр американских действий и программ в области военных и полувоенных, партизанских и антипартизанских акций против Кубы, не переходящих в открытую войну. В заключении подготовленного для Белого дома доклада Тэйлор писал: «...длительное сосуществование с Кастро как с соседом невозможно. Его постоянное присутствие в сообществе стран полушария как опасного и действенного выразителя идей коммунизма и антиамериканизма представляет реальную угрозу».

«Необходимо заново проанализировать кубинскую ситуацию... — говорилось далее в докладе, — и дать новые рекомендации относительно политических, военных, экономических и пропагандистских аспектов деятельности правительства США против Кастро».

Осенью 1961 г. в Вашингтоне рассмотрели вопрос о возможных последствиях лишения Фиделя Кастро власти, в том числе в результате военного вмешательства. В итоге появились два документа. Один — подготовленная ЦРУ «Оценка ситуации и перспектив на Кубе». Другой — «Меморандум 100» о мерах по обеспечению национальной безопасности, обязывавший госдепартамент определить курс действий США в случае устранения Кастро и совместно с Пентагоном выработать конкретный план осуществления военной интервенции в этих условиях. Основной упор в обоих документах делался на обоснование характера действий США после устранения Кастро, но ставился вопрос и о самом устранении, причем убийство не исключалось из числа возможных способов. Подтверждением этого могут служить, например, показания тогдашнего помощника президента по национальной безопасности Банди о том, что «Меморандум 100» представлял собой попытку «оценить возможные последствия устранения Кастро (любыми средствами, включая убийство)...»¹¹.

Но указанный факт не был открытием.

Как теперь стало достоверно известно, 11 декабря 1959 г., т. е. почти за полтора года до событий в заливе Кочинос, полковник Дж. С. Кинг, начальник отдела стран Западного полушария ЦРУ, представил меморандум на имя директора ЦРУ Аллена Даллеса. В этом меморандуме он обращал внимание своих шефов на то, что «в настоящее время» на Кубе существует «крайне левая» диктатура, которая, «если ей дать

возможность удержаться у власти», будет способствовать аналогичным действиям, направленным против интересов США и в других латиноамериканских странах. Одна из «четырех акций», рекомендованных Кингом, заключалась в том, чтобы «всесторонне рассмотреть вопрос об устранении Фиделя Кастро. Даллес, мнение которого разделял и Биссел, одобрил эти рекомендации.

С марта по август 1960 г., в последний год пребывания у власти администрации Эйзенхауэра, ЦРУ активно разрабатывало планы убийства Ф. Кастро, а также акции, направленные на подрыв его престижа. Для осуществления последних планировалось использование веществ, вызывающих временное психическое расстройство. В докладе генерального инспектора ЦРУ за 1967 г. утверждается, что рассматривался, например, план обработки телестудии, где должен был выступать Фидель Кастро, особым химическим составом, близким по эффекту своего воздействия к наркотическому средству ЛСД¹².

На основе показаний свидетелей и документальных данных комиссии конгресса США подтвердили, что ЦРУ еще в конце 40-х годов, т. е. в самые первые годы своего существования, приступило к изучению свойств некоторых медицинских препаратов, влияющих на поведение человека, и к исследованию путей их применения¹³. Эти исследования были лишь частью гораздо более обширной программы в рамках ЦРУ, направленной на изучение возможных средств контроля за поведением человека. Начиная с 1952 г. ЦРУ совместно с Пентагоном на военной базе в Форт-Детрике (штат Мэриленд) осуществляло программу разработки и производства целого ряда отравляющих веществ и ядов. Существовала девятилетняя программа экспериментов с наркотиками, и в частности с ЛСД, который, по характеристике, данной в свое время Хелмсом, опасен, как динамит. Эти эксперименты проводились на людях в госпитале штата Массачусетс, в биологической лаборатории в Нью-Йорке и в «клинике» в одном из городов штата Мичиган. В результате подобного эксперимента — «операции Артишок» — в 1953 г. покончил жизнь самоубийством ученый Фрэнк Олсон. Как потом выяснилось, к семи научным сотрудникам, среди которых был и Олсон, применили препарат ЛСД, о чем они не подозревали, принимая участие в организованной для них ЦРУ встрече в штате Мэриленд¹⁴. Спустя девять дней после этого Олсон выбросился из окна десятого этажа гостиницы в Нью-Йорке, поскольку препарат ЛСД вызвал у него психическое расстройство.

Понимая, какими последствиями чревато разглашение подобной тайны перед мировой общественностью, ЦРУ после самоубийства Олсона разработало специальный план сокрытия причастности управления к экспериментам с ЛСД и смерти Олсона. В этом плане, получившем название «Бэкстоппинг» («Ни шагу назад»), сформулировано требование к сотрудникам ЦРУ отрицать свою причастность к эксперименту при соответствующих вопросах военных следователей и представителей страховой компании Олсона.

План обработки радиостудии так и не был осуществлен, так как препарат нашли недостаточно надежным. Тогда же в отделе технических служб была приготовлена коробка сигар, содержавших химическое вещество, которое вызывает временную потерю человеком ориентации в пространстве. Расчет строился на том, что удастся предложить Кастро выкурить такую сигару перед одним из его выступлений и тем самым дискредитировать его перед народом.

Организация убийства Фиделя Кастро являлась составной частью плана вооруженного вторжения, разработанного ЦРУ в конце 1960 г. «ЦРУ,— пишет О. Демарис,— замышляло убить Кастро перед началом вторжения, так как ожидалось, что вторжение на Кубу, лишенную признанного руководителя, облегчит организацию всеобщего восстания, результатом чего может явиться поражение кубинских войск внутренней безопасности»¹⁵.

В 1975 г. специальная сенатская комиссия, расследовавшая деятельность разведывательных органов США, сообщила, что обнаружены конкретные доказательства существования в 1960—1965 гг. не менее восьми заговоров, имевших целью убийство Фиделя Кастро, в которых было замешано ЦРУ. В действительности их было гораздо больше. В августе 1975 г. правительство Кубы вручило сенатору Макговерну перечень документированных попыток покушений на жизнь Кастро. Имеются неопровержимые свидетельства по крайней мере 20 таких попыток. Всеми этими заговорами руководило ЦРУ, оно же их финансировало. 19 ноября 1976 г. гаванский журнал «Бозмиа» в статье «ЦРУ лгало сенату», иллюстрированной многочисленными фотографиями оружия, капсул с ядами, шифровок, направленных ЦРУ исполнителям террористических актов, предал эти факты гласности.

Для выполнения своих преступных замыслов ЦРУ использовало контрреволюционные элементы как внутри Кубы, так и за ее пределами. Оно, как будет показано далее, не останавливалось перед вербовкой главарей и членов американской мафии, которых за согласие участвовать в планах покушений

на лидеров кубинской революции освобождали от уголовных наказаний и которым оказывали материальную поддержку, всячески поощряя к террористическим действиям. На службу этим планам были поставлены новейшие технические средства — от дальнобойных винтовок с оптическим прицелом до авторучек с отравленными иглами, таблетки с ядом, порошки, содержащие смертоносные бактерии, и пр.

По мере того как новый строй на кубинской земле укреплялся и обретал силу, империализм США все решительнее переходил к крайним мерам, которые прежде всего были направлены на физическое уничтожение лидеров революции.

Первая попытка организации убийства Рауля Кастро, о которой официально сообщается в докладе сенатской комиссии американского конгресса, относится к середине 1960 г. Некий кубинец, вызвавшийся помочь ЦРУ в сборе разведывательных сведений, сообщил оперативному сотруднику в Гаване, с которым он поддерживал связь, что, вероятно, сможет проникнуть в окружение Рауля Кастро. Телеграмма об этом из гаванской резидентуры поступила в штаб-квартиру ЦРУ ночью 20 июля. Дежурный офицер немедленно связался с Барнсом, заместителем генерала Биссела — начальника Управления тайных операций, который непосредственно руководил такими операциями ЦРУ, и с полковником Кингом. Следуя полученным от них инструкциям, он рано утром 21 июля направил в Гавану телеграмму: «Штаб-квартира уделяет серьезное внимание вопросу об устранении трех главных лидеров». В телеграмме спрашивалось, готов ли этот кубинец пойти на риск, связанный с организацией «несчастного случая» с Раулем Кастро. ЦРУ субсидировало эту акцию в размере 10 тыс. долларов. В разговоре с кубинцем оперативный сотрудник старательно избегал слова «убийство», но дал ясно понять, что ЦРУ имеет в виду «инцидент» — «несчастный случай с целью, — как он выразился, — нейтрализации влияния этого лидера (Рауля)»¹⁶. Покушение, однако, не удалось, так как исполнителю не представилась возможность организовать «несчастный случай».

16 августа 1960 г. одному из сотрудников оперативного отдела медицинской службы ЦРУ вручили коробку любимых сигар Фиделя Кастро и приказали пропитать их смертельным ядом. Сигары были отравлены ботулином — таким сильнодействующим ядом, что человек, взявший сигару в рот, скончался бы прежде, чем ему успели бы дать противоядие.

Главарь мафии на службе у ЦРУ

В соответствии с планом убийства Ф. Кастро в августе 1960 г. были предприняты шаги по вербовке лиц из преступного мира. Как утверждал заместитель директора ЦРУ Биссел в своих показаниях перед сенатской комиссией, сама идея принадлежала полковнику Кингу. Эдвардс, директор службы безопасности ЦРУ, которому было поручено это дело, предложил попытаться установить контакт с представителями игорного синдиката, действовавшего на Кубе. Поскольку при Батисте игорные дома находились под контролем уголовных элементов, предполагалось, что на острове у них еще сохранились база и связи, которые можно было бы успешно использовать против правительства Кастро. Начальник отдела оперативной поддержки службы безопасности, на которого Эдвардс возложил практическое решение этой задачи, где-то в конце августа — начале сентября 1960 г. обратился за содействием к Мэхью, учитывая его возможности проникнуть в уголовные круги.

Роберт А. Мэхью, в прошлом агент ФБР, с 1954 г. имел собственное сыскное агентство в Вашингтоне. Один из бывших сослуживцев Мэхью по ФБР, работавший затем в службе безопасности ЦРУ, предложил использовать Мэхью в нескольких «деликатных» операциях, когда «нежелательно было бы обнаружение причастности к ним какого-либо сотрудника ЦРУ или государственного служащего». Вначале ЦРУ ежемесячно платило Мэхью по 500 долларов, но, когда его сыскное агентство стало более доходным, выдачу денег прекратили. Начальник отдела оперативной поддержки непосредственно осуществлял связь с Мэхью с момента, когда ЦРУ впервые начало пользоваться его услугами, к 1960 г. они уже были близкими друзьями. Мэхью имел отношение и к планированию вторжения на Кубу в заливе Кочипос.

Полагая, что справиться с поставленной задачей способен лишь кто-либо из «достаточно матерых специалистов» мафии, Мэхью дали задание установить контакт с чикагским гангстером Джоном Росселли, известным своими связями с владельцами игорных заведений в Лас-Вегасе, и склонить его к участию в операции по устранению Фиделя Кастро. Поначалу Мэхью не выразил большого желания участвовать в деле, но потом согласился, считая, что у него имеются обязательства перед ЦРУ. Как Мэхью объяснял впоследствии, к тому времени его главным «работодателем» стал миллионер Хьюз. Будучи крайне заинтересован в работе на столь бога-

того клиента своего сыскного агентства, Мэхью опасался, что сотрудничество с ЦРУ может помешать этому. В конце концов он решил раскрыть перед Хьюзом суть дела, «заверив», что проект осуществляется по поручению правительства США и заключает в себе попытку устранения Кастро в связи с предстоящим вторжением»¹⁷.

Согласно докладу генерального инспектора ЦРУ, «Эдвардс и Мэхью условились, что последний обратится к Росселли в качестве представителя деловых кругов, имеющих интересы на Кубе и рассматривающих устранение Кастро как важный шаг на пути к возвращению их «капиталовложений». Мэхью был уполномочен сообщить Росселли, что его «клиенты» готовы уплатить за устранение Кастро 150 тыс. долл. *

В начале сентября 1960 г. Мэхью встретился с Росселли в ресторане «Браун дерби» в Беверли-Хилсе и сообщил ему, что «высокопоставленные правительственные деятели» нуждаются в его содействии, чтобы избавиться от Кастро. Он просил Росселли помочь завербовать для этой цели надежных кубинцев.

14 сентября, в канун сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в работе которой должен был участвовать Кастро, в Нью-Йорке в отеле «Плаза» состоялась встреча Мэхью и Росселли с начальником отдела оперативной поддержки. Последний выступал как «компаньон» Мэхью, представляющий международные деловые круги, финансирующие убийство Кастро. Однако Мэхью не скрывал от Росселли принадлежности своего «компаньона» к разведке. Таким образом, для Росселли с самого начала не было секретом, что за всем этим делом стоит ЦРУ. На встрече условились, что Росселли отправится во Флориду и завербует для участия в операции кого-либо из кубинских эмигрантов **.

В течение недели, начиная с 24 сентября, начальник отдела оперативной поддержки, Мэхью и Росселли постоянно встречались в Майами, чтобы отработать все детали предстоящей операции. В середине октября 1960 г. Росселли познакомил Мэхью с двумя лицами, на помощь которых рассчитывал: Сэмом Голдом — ему отводилась роль «обеспечивающего» или «ключевого» — и Джо — он должен был выполнять функции курьера для поездок на Кубу. Оба они затем были представлены начальнику отдела оперативной поддержки, выступавшему под именем Джима Олдса. Сам Росселли

* Данные о размерах предлагавшейся суммы расходятся.

** В этих поездках Росселли сопровождали два специально выделенных оперативных сотрудника ЦРУ.

выступал под именем Джона Ролстона и отрекомендовался отобранным им кубинцам как агент «неких уолл-стритовских деловых кругов, связанных с производством никеля, которые владели активами и собственностью на территории Кубы».

Перед сенатской комиссией, расследовавшей тайные операции ЦРУ на Кубе, дело было представлено таким образом, будто начальнику отдела оперативной поддержки в тот момент не были известны подлинные имена его партнеров. Согласно его показаниям, лишь примерно через месяц после того, как Голд был привлечен к участию в операции, ему однажды утром позвонил Мэхью и сказал, чтобы он внимательно просмотрел журнал «Пэрейд». Там в сообщении о десяти опаснейших преступниках, разыскиваемых министерством юстиции, указывалось, что Сэм Голд — чикагский гангстер Сальваторе Джанкана*, а Джо — главарь «Коза ностра» на Кубе по имени Сантос Траффиканте**. Начальник отдела оперативной поддержки доложил о своем «открытии» Эдвардсу, но это, конечно, не изменило дела: оперативные контакты с матерыми преступниками продолжались. ЦРУ уже глубоко погрязло в своих связях с преступным миром.

В конце октября 1960 г. Мэхью с ведома Эдвардса и начальника отдела оперативной поддержки договорился с флоридским частным детективом Дюбуа об установке подслушивающего устройства в одном из номеров гостиницы в Лас-Вегасе. Это было сделано по просьбе Джанканы, в его личных целях. Оплату работы ЦРУ взяло на себя. Служащий Дюбуа Баллетти вылетел в Лас-Вегас и подсоединил подслушивающее устройство к телефону, но, полагая, что днем в номер никто не зайдет, он оставил его незамаскированным. Горничная, обнаружив это техническое устройство, сообщила о находке местного шерифа, который арестовал Баллетти и отправил его в тюрьму. Получив возможность связаться с Мэхью, Баллетти позвонил ему в Майами и рассказал о случившемся, втянув таким образом и его в это дело. Сумму,

* Спустя 15 лет газета «Вашингтон пост» сообщала: «...Джанкана, один из главарей чикагского преступного синдиката, имя которого недавно начали связывать с якобы существовавшим у ЦРУ планом физического устранения Фиделя Кастро, был убит в четверг вечером на кухне своего дома в пригороде Чикаго. Как заявил Фриц Шварц, главный юрисконсульт сенатской комиссии, расследующий операции ЦРУ, 65-летнему Джанкане предстояло дать показания этой комиссии в связи с расследованием причастности ЦРУ к заговорам с целью убийства».

** Траффиканте регулярно совершал поездки между Майами и Кубой по делам игорного синдиката.

необходимую для освобождения Баллетти под залог, внес Росселли *.

Имеются основания считать, что ЦРУ и само могло быть заинтересовано в установлении подслушивающего устройства, чтобы проследить, не просачиваются ли через Джанкану сведения о готовящемся покушении на Кастро. Дело в том, что Джанкана, как это явствует из меморандума директора ФБР Эдгара Гувера заместителю директора ЦРУ Бисселу от 18 октября 1960 г., как будто раскрыл план покушения своим близким друзьям. «Джанкана сказал, — говорилось в меморандуме, — что очень скоро с Фиделем Кастро будет покончено. Когда на этот счет были выражены сомнения, Джанкана, как утверждают, заверил присутствующих, что убийство Кастро произойдет в ноябре. Кроме того, он якобы сказал, что уже трижды встречался с будущим убийцей... По словам Джанканы, для уничтожения Кастро все уже подготовлено: «убийца договорился с одной женщиной (имя ее названо не было) о том, что она бросит «таблетку» в питье или еду Кастро».

Тем не менее Джанкане было поручено внедрить в окружение Кастро кого-либо, кто мог бы совершить покушение. Мэхью в течение длительного времени встречался с ним почти ежедневно. Вначале ЦРУ предполагало организовать убийство в «гангстерском стиле», т. е. изрешетить жертву пулями. Но Джанкана высказался против такого плана, ибо для столь опасной операции было бы трудно подыскать исполнителя, и предложил вместо этого применить яд. Такого же мнения придерживался и Росселли. Обсуждению вопроса о выборе наиболее эффективного способа отравления было посвящено несколько совещаний у Биссела. После ряда проб остановились на таблетках, содержащих ботулин. Начальник отдела оперативной поддержки получил эти таблетки в феврале 1961 г. с заключением, что они содержат смертельный яд, а затем передал их Росселли. Документально установлено, что

* Сотрудник ФБР по связи с ЦРУ в тот период Сэм Пейпиш заявил, что руководство ФБР пришло в бешенство, узнав, что ведомство Даллеса имело прямое отношение к установке подслушивающего устройства, поскольку это обстоятельство могло помешать возможному привлечению Росселли и Джанканы к уголовной ответственности по данному и другим делам. Что касается ЦРУ, то оно выступало против судебного преследования Росселли и Джанканы, боясь огласки их причастности к заговору. На встрече с Пейпишем в конце марта 1962 г. Эдвардс прямо заявил ему, что «любое преследование по данному делу поставит под угрозу источники и методы щекотливого характера, применяемые в надлежащим образом санкционированной разведывательной операции, и не будет отвечать национальным интересам».

эти таблетки были получены кубинским агентом для доставки на остров незадолго до вторжения в заливе Кочинос¹⁸.

Где-то в конце февраля — начале марта 1961 г. Росселли доложил начальнику отдела оперативной поддержки, что таблетки вручены близкому к Фиделю Кастро правительственному чиновнику, который, судя по всему, брал взятки от владельцев игорных домов. Однако через несколько недель он вернул их, так как лишился своего положения в кубинском правительстве, а следовательно, и доступа к Кастро.

В апреле 1961 г. была предпринята вторая попытка отравления, на этот раз с участием одного из лидеров кубинской эмиграции; он мог получать деньги от Траффиканте и других лиц, заинтересованных в том, чтобы вернуть себе монополию на содержание игорных, публичных и прочих доходных домов Гаваны и торговлю паркотиками, чей бизнес обрвала революция. Кубинец утверждал, что у него имеется контакт с кем-то из обслуживающего персонала ресторана, в котором бывает Кастро. В качестве предварительного условия он потребовал выдачи аванса и предоставления электронного оборудования для систем связи стоимостью в 10 тыс. долл. Полковник Кинг вручил начальнику отдела оперативной поддержки 50 тыс. долл. для уплаты агенту, если тому удастся совершить покушение. Биссел поручил передать ему также и затребованное им электронное оборудование.

Деньги и яд были вручены агенту во время его встречи с Мэхью, Росселли и Траффиканте в Майами, в отеле «Фонтенбло». Как вспоминает Росселли, Мэхью «открыл свой портфель, вывалил себе на колени целую кучу денег... вытаскивал также капсулы и объяснял, как их следует применять. Насколько я помню, их нельзя было класть в кипящий суп и т. п., но можно было растворить в воде или других напитках; однако их невозможно было хранить до бесконечности... Прodelать это следовало как можно скорее».

Но и на этот раз убийство организовать не удалось. Как считал Эдвардс, попытка закончилась неудачей потому, что Ф. Кастро перестал посещать ресторан, где служил «исполнитель».

«Исполнительная акция»

Привлечение лиц из преступного мира, налаживание связи с ними и подготовка их к выполнению заданий ЦРУ представляли собой, по свидетельству должностных лиц США, первый этап операции по устранению Фиделя Кастро; он продолжался до начала событий в

заливе Кочинос. Отправной точкой второго этапа они считают январь 1962 г., когда во главе операции был поставлен Уильям Харви, один из ответственных сотрудников ЦРУ. На Харви была возложена не имеющая прецедента в современных условиях задача: создание в рамках ЦРУ специального подразделения по устранению негодных США иностранных лидеров, включая в качестве крайнего средства их убийство. Это подразделение получило название «исполнительная акция» и впоследствии фигурировало под кодовым наименованием «ZR/RIFLE». 15 ноября 1961 г. Биссел в беседе с Харви обсудил вопрос о распространении «исполнительной акции» на Кубу и предложил принять от Эдвардса дела, связанные с использованием представителей игорного синдиката.

В начале апреля 1962 г. Харви, действовавший на основании «четких указаний Ричарда Хелмса», сменившего Биссела на посту заместителя директора ЦРУ, попросил Эдвардса свести его с Росселли. Первая встреча Харви с Росселли состоялась в Майами. Она была организована начальником отдела оперативной поддержки. Харви предложил Росселли продолжать свои контакты с кубинскими эмигрантами, но отказаться от использования Мэхью и Джанканы, которые, по его мнению, для данной операции были «ненадежны» и «излишни».

Вторая встреча Харви с Росселли состоялась в Нью-Йорке в начале апреля 1962 г.

Прибыв 21 апреля в Майами, Харви снабдил Росселли таблетками, объяснив ему, что они подействуют везде, в любое время и с чем угодно, а тот в свою очередь информировал Харви, что кубинские эмигранты намерены использовать их, чтобы убрать не только Фиделя, но и Рауля Кастро и Че Гевару. Харви одобрил их намерения¹⁹.

Кубинский эмигрант, связанный с подпольными контрреволюционными группами, потребовал обеспечить его несколькими партиями оружия и кое-каким снаряжением. С помощью резидентуры ЦРУ в Майами Харви достал для него взрывчатку, детонаторы, винтовки, пистолеты, радиоаппаратуру и судовые радары. Харви и резидент ЦРУ в Майами, действуя под вымышленными именами, арендовали рейсовый грузовик и доставили оружие и снаряжение на автомобильную стоянку. Росселли вместе с начальником отдела оперативной поддержки тайно наблюдали за передачей груза.

Информируя Харви в мае 1962 г. о ходе операции, Росселли подтвердил, что таблетки, оружие и снаряжение доставлены на Кубу. В июне он сообщил Харви, что на остров отправлена также группа из трех человек. Миссия этой группы

осталась неясна: или она должна была сама привести в исполнение план убийства Кастро, или завербовать кого-либо для этой цели. Но одно было неоспоримо: и в том и в другом случае исполнители должны были воспользоваться таблетками с ядом.

В первых числах января 1963 г. Харви расплатился с Росселли, передав ему 2700 долларов на покрытие расходов, связанных с подготовкой так и не удавшихся покушений. Если верить докладу сенатской комиссии, в середине февраля того же года Харви отказался от попыток продолжения этой операции.

Операция «АМ/ЛАШ»

В начале 1963 г. оперативной группой «W», ведавшей в то время всеми тайными операциями против Кубы, рассматривались еще два плана убийства Кастро. По первому плану предполагалось поместить начиненную взрывчаткой экзотическую морскую раковину в том месте, где Кастро занимался подводным плаванием. Но этот план был отклонен отделом технических служб как нереальный.

Второй план предусматривал, что известный нью-йоркский адвокат Джеймс Б. Donovan, который вел переговоры с Фиделем Кастро об освобождении пленных, захваченных во время операции в заливе Кочинос, подарит ему костюм для подводного плавания, обработанный болезнетворными микроорганизмами*. Согласно докладу генерального инспектора ЦРУ, эта операция подготавливалась в январе 1963 г.**, после того как Фитцджеральд заменил Харви на посту начальника оперативной группы «W».

Отдел технических служб приобрел костюм для подводного плавания, обработал его изнутри грибком, который должен был вызвать хроническое кожное заболевание («мадурская стопа») и внес в дыхательную систему костюма туберкулезные бактерии. Но план этот сорвался: Д. Donovan по своей собственной инициативе подарил Кастро другой костюм.

В стадии разработки находилась в это время и операция, имевшая условное обозначение «АМ/ЛАШ». Еще в начале 1961 г. один из сотрудников ЦРУ встретился с высокопоставленным кубинским чиновником (в оперативных документах

* ЦРУ не раскрывало перед Donovanом всего плана.

** По другим данным, это происходило несколько раньше, поскольку к середине января 1963 г. Donovan уже завершил свои переговоры.

он фигурировал как АМ/ЛАШ, т. е. под тем же названием, что и операция), чтобы выяснить, не согласится ли тот оказать услуги ЦРУ в борьбе против нового режима на Кубе. Встреча эта хотя и не дала немедленных результатов, но повлекла за собой дальнейшие контакты, в ходе которых удалось склонить кубинца к сотрудничеству с ЦРУ.

ЦРУ рассматривало АМ/ЛАШ как одно из своих ценных приобретений на Кубе. Занимая ответственный пост в государстве и пользуясь до какого-то времени доверием его руководителей, он мог регулярно информировать ЦРУ о положении в правительстве. Возлагались надежды на то, что он окажется полезным и в организации военного переворота на Кубе*. Однако до конца 1963 г. ЦРУ не знало точно, как поведет себя АМ/ЛАШ в дальнейшем: дезертирует или останется на Кубе. Его обращение к ЦРУ с просьбой помочь бежать с Кубы было отклонено штаб-квартирой. На встрече с сотрудником ЦРУ осенью 1963 г. он согласился остаться в стране, чтобы «совершить что-нибудь действительно стоящее в интересах создания новой Кубы», и заявил о своем желании разработать план физического уничтожения Фиделя Кастро²⁰.

Вопрос об убийстве Кастро вторично обсуждался АМ/ЛАШ и оперативным сотрудником ЦРУ во время их следующей встречи, состоявшейся через несколько дней. По словам сотрудника ЦРУ, это было связано с уточнением роли, которую АМ/ЛАШ должен был играть на Кубе. Сама акция не вызвала у него возражений, не устраивало лишь слово, каким она обозначалась: более приемлемым он считал термин «устранить».

Осенью 1963 г. АМ/ЛАШ подтвердил свою готовность участвовать в деятельности, направленной против правительства Кастро, если получит твердые заверения о поддержке со стороны правительства США. Он просил предоставить ему оружие и обеспечить покровительство на случай, если его участие в заговорщической деятельности вдруг будет раскрыто, а также устроить ему встречу с министром юстиции Робертом Кеннеди.

Начальник штаба по особым делам** Десмонд Фитцджеральд согласился встретиться с АМ/ЛАШ и дать требуемые

* Одновременно с операцией «АМ/ЛАШ» ЦРУ задалось целью проинкнуть в кубинские военные круги, с тем чтобы либо способствовать дезертирству, либо обеспечить систематическое получение информации от диссидентов, а может быть, даже образовать группу, способную заменить правительство, существовавшее тогда на Кубе. Этим занимались те же сотрудники ЦРУ, что и операцией «АМ/ЛАШ».

** Так стала именоваться особая оперативная группа «W» в начале 1963 г.

заверения. Предварительно он консультировался с заместителем директора ЦРУ Хелмсом и получил согласие на то, чтобы выдать себя за личного представителя министра юстиции Кеннеди. Фитцджеральд встретился с АМ/ЛАШ в конце осени 1963 г. и заверил его, что правительство США поддержит переворот, направленный против Кастро. Кубинец повторил свою просьбу о предоставлении ему оружия, в первую очередь дальнобойных винтовок с оптическим прицелом, с помощью которых можно было бы убить Кастро с большого расстояния, а также гранат.

22 ноября 1963 г. во время встречи АМ/ЛАШ с Фитцджеральдом и оперативным сотрудником его поставили в известность, что оружие, в том числе дальнобойные винтовки с оптическим прицелом, будет доставлено на Кубу. Тогда же ему была вручена шариковая ручка со скрытой в ней иголкой от шприца. Иголка была настолько тонкой, что жертва не заметила бы ее; в качестве яда рекомендовалось употребить смертельный «Черный лист-40». Эту ручку предполагалось использовать при благоприятных условиях для убийства Фиделя Кастро *. Как затем подтвердил Хелмс, такая авто-ручка действительно была изготовлена в ЦРУ.

С приходом к власти администрации Джонсона контакты ЦРУ с АМ/ЛАШ продолжались. Одна партия оружия для АМ/ЛАШ была доставлена на Кубу в марте, а другая — в июне 1964 г.

Всячески поощряя реализацию принятых планов в отношении Фиделя Кастро, но в то же время стремясь создать видимость непричастности к ним администрации США, ЦРУ в начале 1965 г. свело АМ/ЛАШ с неким В-І — лидером одной из контрреволюционных эмигрантских групп, причем ни один из них не знал, что эта встреча была устроена ЦРУ. Замысел операции состоял в том, что В-І мог установить контакт с нужным ему человеком на самой Кубе, а АМ/ЛАШ — получить через В-І оружие с глушителем, которое ЦРУ не хотело вручать ему непосредственно.

АМ/ЛАШ и В-І сразу же приступили к обсуждению планов покушения на Фиделя Кастро. АМ/ЛАШ предложил активизировать вооруженные вылазки на Кубу за месяц до убийства Кастро, с тем чтобы «поднять моральное состояние и дух сопротивления» антикастровских сил. В-І докладывал своим шефам в ЦРУ: АМ/ЛАШ считает, что проблемы,

* Характерно, что в тот же день, когда представитель ЦРУ передал отравленную авторучку для убийства Кастро, эмиссар президента США вел переговоры с самим Кастро о путях улучшения американо-кубинских отношений.

возникшие на Кубе, можно решить, только устранив Кастро, и предлагал либо застрелить его из оружия, оснащенного глушителем, либо заложить бомбу в каком-нибудь месте, где он будет находиться. На себя В-І брал обеспечение для АМ/ЛАНШ путей отхода с места покушения и организацию временных пунктов укрытия, откуда он планировал его вывезти.

В одном из документов ЦРУ, датированном 3 января 1965 г., указывается, что В-І и АМ/ЛАНШ достигли твердой договоренности по нескольким пунктам: В-І снабдит АМ/ЛАНШ глушителем для винтовки; если это окажется невозможным, спрячет в заранее установленном месте винтовку с оптическим прицелом и глушителем, а также несколько бомб, скрытых в небольшом чемодане, лампе или в каком-либо другом потайном устройстве, которое АМ/ЛАНШ сможет пронести и оставить в помещении, где обычно бывает Кастро; В-І обеспечит АМ/ЛАНШ пути отхода, контролируемые им самим, а не американцами; подготовит в одной из западных провинций тайные склады оружия и создаст нелегальную группу. Эта провинция будет районом, где группа сможет пополниться людьми и оружием. В-І прибудет на Кубу за неделю до покушения на Кастро, но никто, в том числе и АМ/ЛАНШ, не должен будет знать его местонахождения. Как только удастся «нейтрализовать» Кастро и будет образована хунта, В-І берется обеспечить ее признание не менее чем пятью латиноамериканскими странами. Хунта будет создана даже в том случае, если Рауль Кастро и Че Гевара останутся живы и будут в состоянии контролировать часть территории страны. Именно по этой причине АМ/ЛАНШ настаивал на том, чтобы В-І гарантировал хотя бы частичный контроль над одной из провинций, где могла бы быть образована хунта. Наконец, за месяц до назначенного срока «нейтрализации» Кастро В-І доведет до максимума число рейдов «командос», чтобы поднять дух и моральное состояние своих сторонников на Кубе. Все сообщения, все радиопередачи, вся пропаганда В-І должны были создавать впечатление, будто успех данных рейдов оказался возможным благодаря информации, полученной из нелегальных источников на самой Кубе с помощью подпольного аппарата, возглавляемого Р (боевая кличка АМ/ЛАНШ) ²¹.

В телеграмме ЦРУ, отправленной в начале 1965 г., сообщалось, что В-І передал глушитель АМ/ЛАНШ и что у последнего имеются «миниатюрные устройства с зарядами взрывчатки большой разрушительной силы». Но в июне 1965 г. связи с АМ/ЛАНШ Центральному разведывательному управлению пришлось прервать по соображениям безопасности.

Программа «Мангуста»

Организация покушения на Фиделя Кастро была лишь одним из аспектов новой программы тайных действий США против Революционного правительства Кубы, разработанной после провала вторжения в заливе Кочинос и получившей название «Мангуста». Ведущая роль в разработке этой программы принадлежала помощнику президента Кеннеди Ричарду Гудвину и генералу Эдварду Лэнсдэйлу.

Осенью 1961 г. президент предложил Лэнсдэйлу подвергнуть всестороннему и детальному разбору антикубинскую политику администрации США и представить свои рекомендации. Лэнсдэйл доложил президенту, что «Кастро завоевал большую любовь народа страны и что необходимо отказаться от «беспокоящих» акций, направленных против него и осуществляемых руками самих американцев». Лэнсдэйл считал, что в операции «Мангуста» Соединенные Штаты должны действовать совместно с кубинскими эмигрантами, особенно с представителями интеллигенции, которые в свое время находились в оппозиции к Батисте, но не приняли провозглашенную Революционным правительством программу социально-экономических преобразований. Конечной целью проекта, как определял ее Лэнсдэйл, было добиться того, чтобы «народ сам сверг режим Кастро». Для этого прежде всего необходимо было создать соответствующую «политическую базу» среди кубинцев, настроенных против Кастро, выработать «средства для успешного проникновения на Кубу», подобрать людей, которые могли бы возглавить операцию и сформировать группы, способные «работать в обстановке секретности». При этом Лэнсдэйл предостерегал против «преждевременных акций», которые лишь сильно осложняют условия работы агентов внутри страны и лишают их шансов на серьезный и длительный успех.

Проект, предложенный Лэнсдэйлом, был принят администрацией Кеннеди. В конце ноября 1961 г. президент подписал меморандум о начале осуществления проекта «Мангуста», предусматривавшего «использование имеющихся у нас средств... для оказания помощи Кубе в свержении коммунистического режима»²².

Для наблюдения за ходом операции была создана новая расширенная группа контроля. Кроме членов специальной группы — помощника президента по национальной безопасности Макджорджа Банди, представителя госдепартамента Алексиса Джонсона, заместителя министра обороны Росуэла

Гилпатрика, директора ЦРУ Джона Маккоуна и генерала Лаймэна Лемнитцера от комитета начальников штабов — она включала также министра юстиции Роберта Кеннеди и генерала Максвелла Тэйлора, назначенного председателем этой группы. Государственный секретарь Дин Раск и министр обороны Роберт Макнамара хотя официально и не входили в ее состав, иногда присутствовали на заседаниях группы. После неудачи вооруженного вторжения на Кубу президент перестал полностью доверять оценкам и рекомендациям ЦРУ и считал, что для руководства крупными программами тайных операций нужен человек не из управления. Поэтому координацию операций в рамках программы «Мангуста», проводимых ЦРУ, госдепартаментом и Пентагоном, возложили на генерала Эдварда Лэнсдэйла. Со стороны ЦРУ программу «Мангуста» контролировали Джон Маккоун и Уильям Харви, который был поставлен во главе оперативной группы «W», занимавшейся подготовкой этой операции.

Оперативная группа «W» находилась в непосредственном ведении специальной расширенной группы и объединяла около 400 человек из числа сотрудников центрального аппарата ЦРУ и его отделения в Майами. Активное участие в операции принимал Ричард Хелмс — будущий директор ЦРУ, в то время «правая рука» Джона Маккоуна.

18 января 1962 г. Лэнсдэйл предложил руководителям программы «Мангуста» предварительный план, состоявший из 32 пунктов, которые включали целый набор акций — от сбора разведывательных сведений и организации саботажа до использования американских вооруженных сил для поддержки антиправительственного выступления на Кубе. Центральное место в проекте Лэнсдэйла занимали шпионаж, подрывная пропаганда и диверсии, направленные на создание условий, которые способствовали бы «вызреванию восстания» внутри страны.

19 января 1962 г. Лэнсдэйл выдвинул еще одну задачу дополнительно к предыдущим. «Задача 33» предполагала вывод из строя (на один-два дня) с помощью химических средств кубинских рабочих, занятых на уборке сахарного тростника.

В тот же день в кабинете министра юстиции США состоялось совещание главных участников операции «Мангуста». В записях, которые делал в ходе совещания Джордж Макманус, имеются следующие пометки: «Вывод — свержение Кастро возможно... Решение кубинской проблемы сейчас стоит в центре внимания американской администрации. Не жалеть ни денег, ни времени, ни усилий, ни людских резервов...

Вчера... президент указал ему (Роберту Кеннеди), что последняя глава еще не написана — это надо сделать, и это будет сделано»²³.

В меморандуме министру юстиции от 27 января 1962 г. Лэнсдэйл отмечал: «...возможно, мы начнем игру независимо от принятой программы, которую форсируем». 13 лет спустя он дал следующие разъяснения сенатской комиссии по поводу этого заявления:

«Для меня игра означала организацию восстания на Кубе с целью свержения существующего правительства... А это предполагало формирование групп для осуществления политических акций, создание центров психологической войны и, наконец, когда это станет возможным, организацию партизанских сил в безопасном месте внутри страны, что позволило бы образовать в нужный момент новое правительство, которое возглавило бы восстание, распространило его на Гавану и одержало победу»²⁴.

30 января 1962 г. специальная расширенная группа утвердила предложенные Лэнсдэйлом 33 пункта для включения в план операции «Мангуста», а 20 февраля он представил уточненный шестистапный график ее осуществления, согласно которому операция должна была завершиться в октябре 1962 г. «восстанием и свержением коммунистического режима». Одним из кульминационных этапов операции «сопротивления» Лэнсдэйл считал нападение на руководящих деятелей кубинского правительства. В его проекте с циничной откровенностью говорилось: «Это должно быть «специальной» операцией... гангстерские элементы могут послужить наилучшим потенциалом для вербовки в целях организации нападений на работников полиции и органов безопасности».

Подлинную одержимость и буквально маниакальную ненависть американского империализма к руководителям кубинской революции характеризует следующий факт, зафиксированный в документах сенатской комиссии. 30 января 1962 г. представитель министерства обороны и комитета начальников штабов в рабочей группе по проведению операции «Мангуста» направил на рассмотрение Лэнсдэйла «предложение о создании атмосферы недоверия и страха в коммунистической иерархии на Кубе». Эта преступная акция под названием «операция «Награда» представляла собой «систему финансового вознаграждения за убийство или доставку живыми известных коммунистов, соразмерного положению и посту объекта».

В марте 1962 г. специальная расширенная группа одобрила директиву, в которой говорилось: «Первоочередной целью

усилий США в ближайшие месяцы должен стать сбор разведывательных данных». Авторы ее исходили из того, что успешное выполнение плана Лэнсдэйла возможно было лишь при наличии полной и точной информации о положении в стране. Одновременно предпринимались и другие акции, но такие, чтобы они «не привлекли всеобщего внимания». Так, ЦРУ совершило в тот период диверсии на крупном медном руднике Кубы. Диверсионные акты осуществлялись и с целью вывода из строя мостов и отдельных промышленных предприятий.

Однако такой масштаб действий не устраивал правящие круги США. Американская администрация решительно настаивала на ускоренной реализации всего комплекса мер, предусмотренных планом «Мангуста». Под ее давлением специальная расширенная группа приняла в августе 1962 г. новый вариант «В» второго этапа операции «Мангуста», основу которого составляло подстрекательство к восстанию против кубинского правительства.

20 августа генерал Тэйлор доложил президенту, что, как считает специальная расширенная группа, вряд ли правительство Кастро может быть свергнуто внутренними контрреволюционными силами без прямого вмешательства США и потому необходимо придать программе «Мангуста» более наступательный характер. Предусматривалась и такая мера, как подстрекательство специально отобранных кубинцев к нападениям на персонал официальных представительств социалистических стран в Гаване. Так, 31 августа 1962 г. Лэнсдэйл включил в предложенный проект действий во второй фазе операции «Мангуста» задачу провоцировать инциденты между кубинцами и представителями социалистических стран, чтобы создать напряженность. В протоколе заседания от 9 сентября говорится о том, что было высказано пожелание обсудить вопрос о нападениях на советский персонал на Кубе²⁵.

23 августа Макджордж Банди выпустил меморандум № 181 Совета национальной безопасности, в котором от имени президента предлагалось «как можно быстрее приступить к выполнению плана «В». 30 августа специальная расширенная группа затребовала от ЦРУ перечень возможных объектов диверсий на Кубе, с тем чтобы «установить рамки, в которых управление сможет действовать по собственному усмотрению».

Таким образом, к осени 1962 г. американский внешнеполитический курс в отношении Кубы приобрел откровенно агрессивный характер. Уроки поражения в заливе Кочинос

многие реакционеры США постарались забыть. Согласно постановлению конгресса правительство Соединенных Штатов брало на себя обязательство «любими средствами, какие бы ни потребовались, вплоть до применения оружия», бороться против революционной Кубы. Над островом то и дело появлялись американские разведывательные самолеты У-2, полеты которых, санкционированные на высшем уровне, уже тогда доказывали, что ЦРУ и Пентагон накапливают информацию для возможной наступательной акции против кубинского народа.

На заседании специальной расширенной группы 4 октября 1962 г. министр юстиции США довел до сведения ее членов, что президент заинтересован в успешном проведении операции «Мангуста» и считает, что следует увеличить число диверсионных операций. 14 октября 1962 г. специальная расширенная группа приняла решение приложить максимум усилий для выработки «новых» и «оригинальных подходов» в деле свержения кубинского правительства.

Карибский кризис, вызванный агрессивной политикой США, когда возникла непосредственная угроза вооруженного нападения на Кубу, стал, как известно, самым опасным международным кризисом после второй мировой войны. Энергичные меры со стороны Советского Союза и других социалистических стран сыграли большую роль в его ликвидации. Но и после карибского кризиса американские правящие круги не оставили своих намерений расправиться со свободной Кубой. Однако, вынужденные считаться с общей обстановкой в мире и реальным положением вещей, они приостановили реализацию программы «Мангуста». Приостановили, как покажут дальнейшие события, временно, чтобы лучше приспособить свои действия к новым условиям.

Теперь в госдепартаменте вместо специальной расширенной группы был создан межведомственный «кубинский координационный комитет» для разработки проектов тайных операций. Рассмотрением планов их осуществления занялась группа под председательством помощника президента по национальной безопасности М. Банди. Все вопросы антикубинской политики решались теперь постоянной группой СНБ в составе Р. Кеннеди, Р. Макнамары, Дж. Маккоуна, М. Банди, Т. Соренсена.

Главное содержание антикубинской политики и предмет обсуждения в рамках этой постоянной группы составляли следующие четыре аспекта: потенциальные варианты политической линии США в отношении Кубы; возможное развитие событий в случае смерти Фиделя Кастро; программа

скрытых действий и, наконец, как это ни парадоксально звучит, дипломатические усилия по зондированию возможностей восстановления отношений с кубинским правительством.

Первые три аспекта рассматривались постоянной группой весной и в начале лета 1963 г., четвертый — осенью того же года.

Осознавая все большее сужение возможностей США для свержения правительства Кастро, группа видела выход в создании различных трудностей на пути осуществления программы социально-экономических преобразований в стране. За увеличение экономических трудностей, а также за расширение масштабов диверсионной деятельности на Кубе ратовал, в частности, на заседании специальной группы 28 мая 1963 г. Джон Маккоун. Министр обороны Макнамара считал, что диверсии не могут сыграть решающей роли, и поэтому основной упор сделал на экономические санкции.

19 июня 1963 г. после обсуждения в специальной группе американской политики в отношении Кубы Белый дом одобрил программу диверсионной деятельности в основных секторах кубинской экономики. В отличие от операции «Мангуста», главной целью которой было в конечном счете спровоцировать внутренний мятеж на Кубе, план 1963 г. ставил более ограниченную задачу: «насаждать в народе дух недовольства и сопротивления, что способствовало бы развитию дедертирства и возникновению других побочных последствий внутренних волнений».

В октябре 1963 г. группа одобрила проведение более 20 диверсионных акций на период с ноября 1963 по январь 1964 г.; объектами некоторых из них являлись электростанции, нефтеперегонный и сахарный заводы.

Новая волна террористических акций

Однако события на Кубе в те годы разворачивались далеко не так, как хотелось бы вдохновителям и организаторам антикубинской политики. Механизм подрывных действий американского империализма, пожиривший массу сил и материальных средств, все чаще и чаще давал сбой. Это объяснялось несколькими причинами. Попытки ЦРУ и его агентуры проникнуть в страну с враждебными намерениями наталкивались на нерушимое морально-политическое единство кубинского народа. Прямое участие США в непрекращающихся вооруженных вылазках кубин-

ских эмигрантов, террористическая и диверсионная деятельность контрреволюционных элементов, обученных, оснащенных и руководимых ЦРУ, вызывали нежелательный резонанс не только во всем мире, но и в самой Америке. К тому же Соединенные Штаты глубоко увязли в новой аванюре — вьетнамской войне — и не могли пока думать о вторжении на Кубу. Некоторые представители американской администрации ощущали бесперспективность продолжения вооруженных акций. Так, один из инициаторов антикубинской кампании, Дин Раск, в то время государственный секретарь США, на заседании специальной группы в апреле 1964 г. высказался против таких акций, поскольку «они были малоэффективными, а главное, наделали много шума». Президент Джонсон вынужден был принять решение прекратить контролируемые ЦРУ диверсионные «рейды» кубинских эмигрантов, привлекавшие внимание международной общественности, участие в которых США ни для кого уже не было секретом.

Тем не менее тайные операции против Кубы продолжались, хотя и не в прежних масштабах. По свидетельству бывших сотрудников разведки США В. Маркетти и Д. Маркса, «ЦРУ, не торопившееся признать свое фиаско в кубинской операции, не прекращало контактов с группами кубинских эмигрантов...», с контрреволюционными кубинскими организациями «Командос-Л», «Альфа-66» и другими, снабжая агентов всем, начиная с паспортов и кончая взрывными устройствами. Управление, как они утверждают, не расторгло контракты со многими ветеранами операции в заливе Кочинос, выплачивая им регулярное жалование более десяти лет после провала вторжения.

ЦРУ в эти и последующие годы не прекращало поиска новых, более эффективных способов свержения Революционного правительства Кубы, т. е. менялась тактика действий, а цели оставались прежними: ничем не брезгуя и ни перед чем не останавливаясь, лишить героический кубинский народ его революционных завоеваний.

В середине 1964 г. тесно связанная с ЦРУ контрреволюционная организация «Движение национального освобождения» готовила план покушения на премьер-министра Республики Куба. Осуществить его намечалось в сентябре, во время первенства мира по бейсболу на стадионе «Латиноамерикано». Более года член террористической группы Освальдо Фигероа фиксировал каждое посещение стадиона Фиделем Кастро, отмечал места, на которых он сидел, где входил и выходил и т. д. Реализацию плана поручили группе из девяти человек. Органам государственной безопасности Кубы уда-

лось пресечь эти преступные замыслы, все участники группы были арестованы; при аресте у них изъяты большое количество оружия. В ходе расследования выяснилось, что группа поддерживала контакт с ЦРУ через его агентов Альберто и Романа Грау Сьерра.

В начале 1965 г. ЦРУ попыталось перегруппировать разобщенные контрреволюционные организации, объединив их в так называемую «Унидад ресистенсия» и ориентируя их действия на подготовку и осуществление новых террористических акций. Органы государственной безопасности Кубы сумели раскрыть преступные замыслы членов этой организации. Начиная с 20 января они должны были осуществить серию покушений на лидеров революции. В частности, вновь предусматривалось убийство Фиделя Кастро. Сделать это было поручено группе, которой руководил Энрике Абреу Виллай (известный под кличкой Генри). После ареста все ее члены признали свое участие в заговоре и связь с ЦРУ. У них были изъяты автомат, пистолеты, винтовка с оптическим прицелом, 13 коробок с патронами и фиктивные документы.

Покушение на Фиделя Кастро замыслил и Марио Салабарриа Агилар, который одно время до революции был начальником полиции и главой бюро по расследованию антиправительственной деятельности. В мае 1965 г. стало известно, что Салабарриа пытался приобрести у одной телефонной компании грузовик, за который был готов уплатить большие деньги. Его план, как выяснилось в ходе расследования, заключался в том, чтобы установить на грузовике крупнокалиберный пулемет и при первой возможности совершить покушение на Ф. Кастро. Марио Салабарриа поддерживал связь с ЦРУ через руководителя одной из контрреволюционных групп. Управление снабдило его пистолетом с глушителем и другим оружием, ультракоротковолновой портативной рацией и крупной суммой денег.

В июне 1965 г. на Кубе была раскрыта разветвленная нелегальная резидентура ЦРУ, которой руководили Рамон (Монго) и Леопольдина Грау Алсина (Полита). Заговорщики входили в состав субсидируемых и руководимых ЦРУ контрреволюционных организаций «Рескате» и «Антикоммунистическое революционное движение». ЦРУ предложило Полите разработать план отравления Фиделя Кастро и снабдило ее капсулами с ядом. Яд через некоего Альберто Крус Касо вручили врачу — руководителю одной из групп резидентуры ЦРУ. Кроме того, Полита получила от ЦРУ огнестрельное оружие с глушителями и специаль-

ными пулями. После провала этого плана ЦРУ обеспечило контрреволюционеров новыми капсулами и специальным оружием для осуществления еще одной попытки покушения на Ф. Кастро, которая также не удалась благодаря своевременно принятым органами государственной безопасности Кубы мерам.

Контролируемые ЦРУ контрреволюционные организации «Командос-Л» и «Движение 30 ноября», имевшие своих представителей на территории США, получили в середине 1965 г. задание подготовить вооруженные суда для высадки на Кубе десанта с целью совершения диверсионных актов. Однако затем план высадки отклонили и предложили обстрелять резиденцию президента республики Освальдо Дортикоса, школьный интернат в районе Мирамар и гостиницу «Ривьера». Эту диверсию удалось осуществить.

В мае 1966 г. на Кубу с территории США проникла группа террористов с целью опять же покушения на Фиделя Кастро, которое замышлялось осуществить в районе Пятой авеню на Мирамаре. Лазутчиков удалось обнаружить сразу же после высадки; трое были убиты в перестрелке. Среди захваченных оказались главарь «Командос-Л» Антонио Куэста Валье и Эухенио Энрике Сальдивар Карденас; у них было изъято большое количество оружия и снаряжения. Все они прошли подготовку на одной из баз ЦРУ в Пуэрто-Рико.

В 1966 г. был задержан бывший военный служащий Роланде Кубела Секадес — основной исполнитель еще одного разработанного ЦРУ плана покушения на Фиделя Кастро. ЦРУ завербовало его во время поездки в Мадрид. Перед возвращением в Гавану Кубела получил винтовку с оптическим прицелом и глушителем (была изъята при аресте вместе с большим количеством снаряжения). Характерно, что ЦРУ держало наготове суда, оружие и людей для вторжения, которое намечалось предпринять через 72 часа после убийства Ф. Кастро. Совершенно очевидно, что оно рассматривалось в США как сигнал к организации очередного вторжения на остров Свободы.

17 марта 1967 г. при попытке высадиться в районе Кайо-Фрагосо и нелегально проникнуть на Кубу солдаты пограничной службы обезвредили группу вражеских агентов, прошедших обучение в США. Их задача состояла в осуществлении систематических диверсий и взрывов. В сочетании с пиратскими нападениями это имело целью создать за границей впечатление, будто в стране нарастает активность антиправительственных выступлений. Это дало бы повод окопавшимся

в США контрреволюционным организациям требовать от американской администрации увеличения помощи по официальной линии.

Существовали также планы убийства Фиделя Кастро в 1971 г., во время его визита в Чили. В качестве исполнителей ЦРУ предполагало использовать чилийских фашистов и кубинских эмигрантов из организации «Альфа-66». Главная роль отводилась некоему Домингосу Венитесу (Исленьо). В свое время американские власти обвинили его в нелегальной деятельности в США. В 1968 г. он был арестован ФБР. Однако в 1970 г. его освободили как участника готовившейся в то время высадки десанта «Альфа-66» в Оренте, затем он оказался на военно-морской базе США в Гуантанаме, используемой для подрывной деятельности против Кубы и других стран Латинской Америки. Через живущих в Венесуэле кубинских контрреволюционеров Венитеса снабдили подложными документами на имя венесуэльского журналиста, прибывшего в Чили якобы для освещения визита Ф. Кастро в эту страну. Убить Кастро собирались из пистолета, вмонтированного в телевизионную камеру. Впоследствии от этого плана отказались, поскольку использование пистолета не гарантировало безопасности для исполнителей.

Перечень предпринимавшихся ЦРУ все эти годы попыток физического устранения Фиделя Кастро и других террористических акций можно было бы продолжить. Но и приведенных примеров достаточно, чтобы судить о том, какое важное место отводилось этим акциям в арсенале подрывных действий США против Революционного правительства Кубы.

Биологическая и метеорологическая война

В 1977 г. стало известно о участии ЦРУ в еще одной чудовищной диверсии — завозу и распространению на Кубе вируса африканской свиной лихорадки, вызвавшего на острове эпизоотию.

Сначала предполагали, что вирус попал на Кубу случайно: вместе с пищевыми отбросами с какого-нибудь самолета гражданской авиации или с продуктами, привезенными моряками торговых судов. Однако на основании публикаций, появившихся в американской печати, в частности сведений, полученных в ходе интервью, которые были взяты газетой «Ньюсдей» у представителей ЦРУ и Пентагона, кубинским

экспертам, занимавшимся изучением обстоятельств появления на острове вируса, удалось восстановить действительную картину событий.

В январе 1977 г. газета «Вашингтон пост» опубликовала признания агента ЦРУ, принимавшего участие в тайной операции по завозу вируса свиной лихорадки на Кубу. Согласно его показаниям, контейнер с возбудителями болезни был вручен ему в начале 1971 г. в Форт-Гулике — военной базе США в зоне Панамского канала, где ЦРУ вот уже много лет содержит собственный центр подготовки кадровых работников и наемников для полувоенных операций в бассейне Карибского моря и в Латинской Америке. Контейнер не имел ни фабричной маркировки, ни отметки о том, в какой стране он изготовлен. По словам агента ЦРУ, он получил инструкцию передать контейнер с вирусом террористической организации кубинских эмигрантов-контрреволюционеров. Через посредника, воспользовавшегося лодкой, груз был передан на борт рыболовного траулера, стоявшего на якоре у берегов Панама в районе Бокас-дель-Торо.

Причастный к этой операции кубинский эмигрант сообщил, что находился на траулере, когда контейнер был поднят на борт в условленном месте неподалеку от Бокас-дель-Торо. Оттуда он был доставлен на Кубу и передан в марте 1971 г. оперативным работником некоему кубинцу в районе военно-морской базы в Гуантанаме. Этот эмигрант в свое время прошел подготовку в ЦРУ и раньше уже выполнял его задания. У него не было сомнений относительно источника поступления денег за оказанную «услугу». «У организации кубинских эмигрантов, — заявил он, — нет таких средств»²⁶.

В начале мая 1971 г. санитарные службы Кубы зарегистрировали первые случаи заболевания свиней. По заключению Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), эта быстро распространявшаяся и сопровождавшаяся массовым падежом скота эпизоотия, вспыхнувшая в Западном полушарии впервые в истории, явилась «самым опасным и тревожным происшествием в сельском хозяйстве мира в 1971 г.». Вспышка не повлекла за собой гибели людей, но производство свинины — одного из основных продуктов питания на Кубе — было приостановлено на несколько месяцев: чтобы пресечь эпизоотию, пришлось уничтожить около 500 тыс. голов свиней.

Возможность применения бактериологического оружия против Кубы неоднократно обсуждалась на страницах американской печати. В частности, в прессу просочились сведе-

пия о том, что на заседании американского конгресса в ноябре — декабре 1969 г. рассматривался вопрос о развертывании бактериологической войны против Кубы. Представители Пентагона и ЦРУ достигли договоренности о подготовке, доставке и применении биохимических средств, но все документы, относящиеся к этой сверхсекретной сфере, были в свое время уничтожены.

Между тем появляются все новые факты, неопровержимо свидетельствующие о том, что американский империализм по крайней мере с конца 60-х годов и до самого последнего времени не прекращал вести против Кубы биологическую и метеорологическую войну.

В 1980 г. на острове вновь были зафиксированы случаи заболевания свиней. Характерно, что возникновение эпизодов африканской лихорадки совпало по времени с поражением сахарного тростника ржавчиной, а табачных плантаций голубой плесенью. Весной 1981 г. весьма странным образом на Кубе началась эпидемия лихорадки денге, повлекшая за собой человеческие жертвы.

Кубинские специалисты при участии ряда видных иностранных ученых провели исследование причин эпидемии и пришли к заключению, что возбудитель заболевания был преднамеренно завезен на остров, а не попал туда случайно из стран Центральной Америки, Карибского бассейна или с африканского континента, как настойчиво утверждала империалистическая пропаганда. В указанных районах распространены совершенно иные штаммы вируса, являющегося причиной названного выше заболевания. Кроме того, как подтвердило исследование, во время эпидемии на Кубе ни в одной из стран Африки или Юго-Восточной Азии, где встречается эта болезнь, не отмечалось ее вспышек.

В государствах Латинской Америки и на островах Карибского бассейна после 1978 г. вообще не было зарегистрировано ни одного факта заражения вирусом № 2 лихорадки денге. Случаи заболевания лихорадкой на близлежащих островах совпали по времени с началом эпидемии на кубинской территории, но были вызваны вирусами № 1 и № 4. Между тем хорошо известно, что именно вирус № 2 лихорадки денге находился в центре внимания американских специалистов, занимающихся разработкой биологического оружия.

В том же 1981 г. на Кубе внезапно началась эпидемия геморрагического конъюнктивита. В результате эпидемии погибли 156 человек, в том числе 99 детей. До середины июля было зарегистрировано 273 тысячи случаев этого заболевания.

Необходимо подчеркнуть, что борьба, которую в течение нескольких месяцев органы здравоохранения Кубы вели против эпидемии лихорадки денге, открыто саботировалась химическими концернами США, отказавшимися поставлять необходимые средства для уничтожения комаров — переносчиков этого заболевания.

Следы этой чудовищной диверсии опять-таки вели в США. Они были очевидны в свете получивших широкую огласку официальных документов американского конгресса, а также из просочившихся в прессу сведений об интенсивной разработке в Соединенных Штатах химического и бактериологического оружия и методов его использования против Кубы.

Наращивая в послевоенные годы свой военный потенциал, Соединенные Штаты придают большое значение производству химического и бактериологического оружия. Его разработкой занимаются ведущие специалисты, на эти цели выделяются крупные ассигнования.

В докладе, подготовленном в мае 1969 г. специальной подкомиссией по здравоохранению и научным исследованиям при сенатской комиссии США по вопросам труда, указывается, что только в 1969 г. на работы в этой области в США было отпущено более 175 млн. долл.

Следует отметить, что активная разработка Соединенными Штатами средств химической и биологической войны уже давно не является секретом. Известный американский обозреватель Сеймур Херш в книге «Химическая и биологическая война: тайный арсенал США» дает описание некоторых баз, на которых Соединенные Штаты ведут разработку химического и биологического оружия. Так, например, в Эджвуде, расположенном к северо-востоку от Балтимора, находится гигантский центр по созданию химического оружия, имеющий территорию в 40 тыс. акров. В нем работают около 4 тыс. гражданских лиц и 1000 военных. Бюджет этого центра постоянно увеличивался и достиг особенно высокого уровня во время войны во Вьетнаме. На базе в Форт-Детрике (штат Мэриленд) 2500 гражданских лиц и 500 военных занимаются разработкой различных средств ведения биологической войны.

10 сентября 1981 г. газета «Гранма» опубликовала заявление кубинского правительства, в котором указывалось: «Странные и необъяснимые обстоятельства появления на Кубе этого заболевания (геморрагического конъюнктивита.— Ф. С.), вспыхнувшего внезапно, подобно лихорадке денге... а также имевшие место в прошлом инциденты... и признания самих американских империалистов подтверждают

наши весьма серьезные подозрения в том, что правительство Соединенных Штатов использует против нашей страны бактериологическое оружие».

Любопытно отметить, что за несколько дней до этого заявления американская газета «Майами геральд» опубликовала статью, в которой говорится: «Громогласное утверждение Фиделя Кастро, что «эпидемические заболевания», уничтожающие урожай и животных на Кубе, и эпидемия лихорадки денге, унесшая более ста человеческих жизней, дело рук Центрального разведывательного управления, не кажется невероятным авторам новой книги, которая выйдет в свет этой осенью. Бывший агент ФБР Уильям Тэрнер и журналист Уорреп Хинкли сообщают в ней, что Соединенные Штаты вели биологическую войну на Кубе еще во время правления Никсона». Согласно утверждениям авторов книги, «трюки» Никсона, как они называют принятые администрацией США планы бактериологической войны, включали использование вируса африканской лихорадки для заражения свиней на Кубе, а также воздействие на погоду, с тем чтобы вызывать внезапные паводки для уничтожения посевов.

В течение 1969 и 1970 гг. ЦРУ, по свидетельству У. Тэрнера и У. Хинкли, неоднократно прибегало к искусственному воздействию на погоду с целью подрыва экономики Кубы. С военно-морской базы Чайна-Лейк, расположенной в штате Калифорния, в воздух поднимались специальные самолеты. Они распыляли в дождевых облаках над кубинской территорией кристаллы химических веществ, которые вызывали проливные дожди в несельскохозяйственных районах и засуху в зонах выращивания сахарного тростника.

Сведения такого рода приводились и в других зарубежных источниках. Так, например, по рекомендации ЦРУ американская корпорация международных исследований и технологии занималась преступными опытами, связанными с изменением метеорологических условий на Кубе и в прилегающих к ней районах. По сообщению корреспондента агентства ЮПИ из Лос-Анджелеса 29 июня 1976 г., бывший научный сотрудник министерства обороны США Лоуэлл Понт заявил, что Соединенные Штаты искусственно воздействовали на дождевые облака, чтобы вызвать засуху и тем самым уничтожить урожай сахарного тростника на Кубе в 1969 и 1970 гг.

Лоуэлл Понт в свое время состоял на службе в упоминавшейся выше корпорации международных исследований и технологии и, конечно, знал лучше, чем кто-либо другой, тайны этой организации.

«С 1966 по 1972 г. ЦРУ, а позднее и Пентагон прибегали к активному воздействию на облака для того, чтобы дороги, используемые противником в Юго-Восточной Азии, утопали в грязи,— заявил Л. Понт.— Однако воздействие на облака поблизости от Кубы осуществлялось не для того, чтобы увеличить количество осадков, а, напротив, чтобы «выжать» дождь из облаков до того, как они достигнут острова. Можно сказать, что пытались «наложить эмбарго» на дождевые тучи».

Экспериментальная обработка облаков производилась особенно интенсивно в 1970 г. Куба ставила тогда цель получить 10 млн. тонн сахара, и руководители ЦРУ считали, что неудача может деморализовать население страны.

По данным газеты «Нью-Йорк таймс», в 1969—1970 гг. ЦРУ и Пентагон разрабатывали программу, включавшую искусственное создание дождевых облаков, чтобы вызывать значительные атмосферные осадки на Кубе в определенное время года.

К этому следует добавить, что биологическая война, которую американский империализм на протяжении многих лет ведет против Республики Куба, является составной частью комплексной программы, направленной на дестабилизацию народной власти и оказание содействия внешней и внутренней контрреволюции. Для ведения этой войны ЦРУ пользуется специальным комплектом карт современной Кубы. Эти карты отпечатаны государственной типографией в Вашингтоне.

Карты наглядно иллюстрируют преступные намерения ЦРУ. На них нанесена вся информация, необходимая для «избирательного применения» химического, бактериологического и метеорологического оружия соответствующими подрывными центрами Соединенных Штатов. Для проведения крупномасштабных диверсий разработана карта, на которой отмечены основные районы производства сахарного тростника на Кубе (его плантации занимают более 1,5 млн. га), обозначены пункты, где расположены крупные сахарные заводы и порты, через которые осуществляется экспорт сахара²⁷.

Все данные получены на основе тайной аэрофотосъемки территории Кубы, а также фотографирования ее с помощью американских спутников-шпионов.

Следует особо отметить тот факт, что в ЦРУ составлена детальная демографическая карта Кубы, отражающая изменения плотности населения за последние два десятилетия. Такой интерес к численности и плотности населения не случаен, если учесть, что на основе этих данных в ЦРУ разраба-

тываются планы применения химического и бактериологического оружия.

Приведенные факты со всей убедительностью свидетельствуют о том, что в 70-е годы Соединенные Штаты неоднократно использовали против Кубы средства биологической и метеорологической войны. В результате стране был нанесен значительный экономический ущерб, имелись человеческие жертвы. Несмотря на все старания, ЦРУ не удалось сохранить в секрете от мировой общественности свои чудовищные злодеяния. Администрация Рейгана сегодня не в состоянии опровергнуть представленные кубинским правительством доказательства бактериологической, химической и метеорологической войны, которую ЦРУ ведет против социалистического острова в Карибском море.

«Империалисты Соединенных Штатов,— подчеркивал Фидель Кастро в речи на открытии 68-й конференции Межпарламентского союза 15 сентября 1981 г. в Гаване,— усилили преступную экономическую блокаду нашей страны; наращивают шпионскую и подрывную деятельность; без стеснения говорят о ведении официальных радиопередач правительства Соединенных Штатов с целью дестабилизации и содействия контрреволюции на Кубе... Правительство Соединенных Штатов до сих пор не взяло на себя никаких обязательств в ответ на неоднократные публичные требования разъяснить, будет ли это зловещее ведомство (т. е. ЦРУ.— Ф. С.) иметь свободу рук или нет в деле организации покушений на руководителей революции, применения бактериологических средств, опасных для людей, животных и растений»²⁸.

Гибель пассажирского самолета

Кампания враждебных акций против первого социалистического государства Америки особенно усилилась после принятия ОАГ в июле 1975 г. решения положить конец запрету на дипломатические и экономические отношения с Кубой.

Одна за другой были взорваны бомбы в ряде дипломатических миссий, в представительствах авиатранспортной компании и службы печати Республики Куба в Панаме, Колумбии, на Барбадосе, в Тринидаде и Тобаго, предпринята попытка похищения кубинского консула в Мериде (Мексика), совершено пиратское нападение на два кубинских рыболовных судна.

Около 100 террористических акций кубинские контрреволюционеры совершили в период с 1961 по 1976 г. в Майами *. Многие из воинственно настроенных противников революционной Кубы и экстремистов, обученных ЦРУ еще в период подготовки вторжения в заливе Кочинос в 1961 г., принимали участие и в других агрессивных действиях в отношении Кубы, организованных ЦРУ.

Об этом подробно рассказал, выступая по кубинскому радио и телевидению К. Риверо Кольядо, один из бывших руководителей контрреволюционной организации «Белая роза», порвавший с разведкой США и возвратившийся на родину в 1974 г. Он подчеркнул, что свои усилия эти организации направляют на то, «чтобы добиться разрыва отношений между Кубой и рядом стран или по крайней мере ухудшить их». Известно также, что они поддерживают тесные связи с охранкой чилийской фашистской хунты.

Пользуясь попустительством властей США, кубинские контрреволюционеры в Майами начинают действовать все более нагло. «Мы полностью обучены и подготовлены ЦРУ, — сказал их главарь Армандо Лопес Эсрадо. — Мы применяем тактику, которой нас обучали в ЦРУ. А научили нас делать все: взрывать бомбы, убивать, проникать внутрь Кубы — у нас в этом есть большой опыт». Летом 1976 г. несколько организаций кубинских контрреволюционеров объединились в «боевую террористическую коалицию» под названием «Кору». Как заявил тот же Армандо Лопес Эсрадо, ставший одним из ее лидеров, «взрывы бомб у кубинских посольств и учреждений по всему миру, покушения на кубинских дипломатов — это лишь наши первые шаги».

Самой жестокой из всех этих террористических акций, совершенных агентами ЦРУ, была диверсия против пассажирского самолета 6 октября 1976 г. Прошло всего несколько минут после взлета самолета кубинской авиакомпании «Кубана де авиасьон», летевшего из аэропорта на острове Барбадос, когда диспетчерский пункт аэропорта получил сверхтревожное сообщение. Пилот самолета радировал, что на борту произошел взрыв и что он пытается вернуться в Бриджтаун. Ожидания были напрасны. Самолет так и не прибыл. Он упал

* Так, 21 октября 1975 г. жертвой антикубинского террористического подполья стал кубинский эмигрант Роландо Масфюрер, выступавший в США за политическое примирение с Гаваной, — он погиб от взрыва бомбы в своем автомобиле. До этого, 30 апреля 1975 г., была подложена бомба в автомашину противника кубинских контрреволюционеров журналиста Эмилио Милиана, который в результате взрыва лишился обеих ног.

в Карибское море в 9 км от берега, где три недели спустя фрегат английского военно-морского флота обнаружил его обломки на глубине 500 м. Из 73 человек, находившихся на борту, включая членов экипажа и кубинскую команду фехтовальщиков, которая блестяще выступила на Олимпийских играх в Монреале, не спасся ни один.

На следующий день после трагедии у берегов Барбадоса неизвестный позвонил в редакцию одной из газет в Майами и заявил, что бомбу в самолет «Кубана де авиасьон» подложили члены контрреволюционной организации «Кондор». Начались поиски диверсантов. Первым навел полицию на их след один из водителей такси острова Тринидад, слышавший, как два его пассажира обменялись на испанском языке подозрительными замечаниями о случившемся. Отталкиваясь от этих исходных данных, полиция Порт-оф-Спейна установила, что люди, о которых шла речь, — колумбиец Фредди Луго и кубинец Эрнан Рикардо Лосано, — только что прибыли самолетом с Барбадоса без всякого багажа и с венесуэльскими паспортами. Дальнейшее расследование показало, что фамилии Луго и Лосано числились в списке пассажиров, летевших на остров Барбадос на взорванном затем кубинском самолете. Восстанавливая маршруты их передвижения, полиция обнаружила, что, едва высадившись на острове, они позвонили в Каракас и разговаривали с неким Орландо Бошем. Сразу же после ареста Луго и Лосано заявили, что являются частными детективами венесуэльского агентства, возглавляемого неким Луисом Посада Каррилесом.

Орландо Бош и Луис Посада Каррилес принадлежали к той группе кубинских эмигрантов, которая уже более 20 лет, пользуясь поддержкой США, ведет так называемую «частную войну» против собственного народа методами террора. Кубинские контрреволюционеры действовали совместно с представителями уголовного мира, причем антикоммунистические мотивы зачастую сочетались с раке́том, торговлей оружием и наркотиками.

Бош прошел специальную подготовку на одной из баз ЦРУ, участвовал в нескольких антикубинских акциях (выстрел ракетой по польскому судну с грузом для Гаваны, подготовка взрыва в кубинском посольстве в Каракасе). Он связан с представителями военно-фашистской хунты в Чили, с реакционерами других стран.

История Каррилеса мало чем отличается от истории Боша. Он приехал в Майами в 1960 г. и сразу же был отправлен в Гватемалу для обучения в созданной ЦРУ контрреволюционной армии кубинских эмигрантов — бригаде 2506. Участ-

вовал во вторжении на Плай-Хирон в 1961 г., в подавлении развернувшегося в Венесуэле партизанского движения.

Венесуэльская полиция нагрянула в агентство Посады на следующий день после гибели самолета и обнаружила там рукописный документ — разведывательное донесение, где перечислялись меры безопасности, которые принимаются в кубинских дипломатических миссиях, в представительствах авиатранспортной компании Кубы и при полетах самолетов в Гавану из Панамы, Колумбии, с Тринидада и с Барбадоса. Рейс, во время которого произошел взрыв, также был подробно описан в этом донесении... В доме Посады были обнаружены аппаратура и планы, использовавшиеся при организации взрыва кубинского самолета и убийства бывшего министра иностранных дел Чили Орландо Летельера, проекты осуществления других террористических акций²⁹.

В конце октября 1976 г. поисковая команда подняла с морского дна обломки фюзеляжа самолета с остатками взрывного устройства «Си-4», которое имеется только в арсеналах армии и разведывательных служб США. Эта подробность в сочетании с тем фактом, что в момент ареста Лосано при нем была обнаружена инструкция по обращению с взрывным устройством именно этого типа, стала вещественным доказательством того, что диверсия была спланирована в ЦРУ.

Первым признался Лосано, как выяснилось, сотрудничавший с ЦРУ с 1970 г. Он сказал, что оставил на борту кубинского самолета, прежде чем сойти с него в аэропорту Барбадоса, чехол от фотоаппарата, начиненный взрывчатым веществом и превращенный в бомбу замедленного действия. Лосано признался также в том, что Луго был завербован им в Венесуэле и что оба они работали на ЦРУ. Всего по делу о взрыве кубинского самолета было арестовано 14 человек: семь кубинских эмигрантов и семь граждан Венесуэлы. Как подчеркивала газета «Нью-Йорк таймс», террористы, которые в течение последних лет занимались подрывной деятельностью в различных странах Латинской Америки, почти неизменно оказывались людьми, прошедшими подготовку в ЦРУ. В этом, очевидно, и кроется объяснение того, что официальные круги США проявили незаинтересованность в выяснении деталей организации и осуществления этого террористического акта.

При расследовании обстоятельств гибели кубинского самолета вскрылась связь этого дела с рядом других террористических актов. Президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес охарактеризовал их как «варварские действия и серьезную угрозу международной безопасности» и потребовал от США объяснить связи «правительственного агентства» (т. е.

ЦРУ.— Ф. С.) с террористами кубинского происхождения. Как сообщала венесуэльская газета «Националь», в Каракас в срочном порядке прибыла группа американских полицейских и юристов с определенной целью — предупредить возможность нежелательных для престижа США разоблачений.

* * *

Пример с Кубой — дополнительное свидетельство того, что тайное вмешательство во внутренние дела стран, в которых монополистический капитал США имеет свои интересы, стало обычной практикой американских правящих кругов. С момента победы кубинской революции, используя ЦРУ, они делали все возможное для ее удушения. Экономическая блокада, организация диверсий и саботажа, попытки вооруженного вторжения, террористические налеты на представительства Кубы и ее отдельных граждан в разных районах земного шара, биологическая и метеорологическая война, наконец, многолетние попытки любыми средствами физически уничтожить Фиделя Кастро и других руководителей Республики Куба — ничем не брезгует и ни перед чем не останавливается американский империализм в своем стремлении вернуть страну, обретшую свободу, к капиталистическому прошлому.

Реакционные круги в Соединенных Штатах и поныне еще тешат себя надеждой, что им удастся свергнуть революционную власть на Кубе, и готовят для этого новые военные провокации, заранее оправдывая их выдумками о «кубинской агентуре» в других странах, о вмешательстве Кубы в дела соседних народов. ЦРУ сфабриковало и распространило по дипломатическим каналам США в латиноамериканских странах так называемую «белую книгу» о «коммунистическом вмешательстве» во внутренние дела Сальвадора. Эта грубая фальшивка преподносилась как «объективный доклад» о тайной военной помощи, якобы оказываемой Кубой, Советским Союзом и их союзниками партизанам, борющимся за свержение проамериканского режима в Сальвадоре. Однако материалы «доклада» не выдерживают проверки фактами. Как заявил Ф. Кастро, международная общественность, прогрессивные и демократические силы всего мира знают, что дестабилизация положения в Центральной Америке вызвана не Кубой. «...Американский империализм... — сказал Ф. Кастро, — насаждал в прошлом бесчеловечные правительства и безжалостные эксплуататорские режимы в этом регионе; это он отвергает сегодня любую возможность политического урегулирования в Сальвадоре... несет ответственность за то, что в Центральной Америке нет мира»³⁰.

Необъявленная война против Кубы не только продолжается, но и приобретает все более широкие масштабы. И хотя под давлением общественности Белый дом еще в 1967 г. официально заявил о прекращении тайных происков в отношении Кубы, а ЦРУ — о «закрытии» своей базы в Майами, центр в Майами продолжает функционировать: сохранены многочисленные арсеналы оружия, а участники «секретной армии ЦРУ» поддерживают контакты со своими шефами. В последнее время империалистические наемники все более нагло заявляют о себе. Не прибегая к особой конспирации, они проходят на пустырях в окрестностях Майами военное обучение, готовясь к вторжению на остров Свободы.

Администрация Рейгана с первых дней пребывания у власти, руководствуясь секретной программой латиноамериканской политики, разработанной его советниками еще в период предвыборных баталий, открыто взяла курс на усиление враждебной деятельности против первого социалистического государства в Западном полушарии. Избрав Кубу одним из главных объектов проведения стратегии дестабилизации, она всячески добивается, чтобы и другие страны, прежде всего союзники США по агрессивным блокам, следовали в фарватере этой политики. Иными словами, делается попытка сколотить широкий империалистический заговор. Его участникам предлагают инспирировать трения с Кубой в движении неприсоединившихся государств, способствовать разрыву дипломатических и других официальных отношений с ней, любой ценой задержать углубление революционных процессов в стране. «Если мы не будем действовать быстро и решительно... из руин нынешних конфликтов вырастут новые Кубы», — заявил Рейган в штаб-квартире Организации американских государств.

Пентагон и ЦРУ разработали для Рейгана 16 военно-политических планов действий против Кубы: от ужесточения экономической блокады и создания радиостанции для «антикастровской пропаганды» до военных акций, включающих морскую блокаду портов и бомбардировку стратегических объектов. Предварительные рекомендации с обоснованием необходимости проведения открыто агрессивной политики дала «консультативная группа», возглавляемая бывшим ответственным сотрудником ЦРУ К. Ди Джиовани; в ее состав входят профессиональные работники разведки, специалисты по военным операциям и проблемам военизированных формирований.

Сегодня налицо все признаки резкого ужесточения экономической и торговой блокады Кубы. Вашингтонская админи-

страция подкрепляет эти меры новыми санкциями. В частности, введены дополнительные валютные ограничения, чтобы сократить количество туристических и деловых поездок американцев на остров Свободы.

В середине ноября 1981 г. состоялась серия заседаний СНБ для обсуждения ситуации в Карибском бассейне. Была принята долгосрочная программа. Несмотря на секретный характер заседаний, в прессу просочились сведения о том, что их главной темой было расширение деятельности ЦРУ против Никарагуа и Кубы.

Вашингтонская администрация распорядилась об усилении американского военного присутствия в Карибском бассейне. 1 декабря 1981 г. было объявлено о создании Карибского объединенного оперативного командования США, которое, по сообщению газеты «Вашингтон пост», должно заниматься сбором разведывательной информации в странах Карибского бассейна и Центральной Америки, используя в этих целях разведывательные самолеты и другие технические средства.

В конце 1981 г. стало известно о намерении администрации Рейгана создать во Флориде радиостанцию для вещания на Кубу. Представители конгресса США проголосовали за выделение в 1983 финансовом году 7,5 млн. долл. на содержание этой радиостанции. 16 февраля 1982 г. английская газета «Дейли телеграф» под заголовком «Рейган поддерживает план подрывной деятельности ЦРУ в Латинской Америке» поместила сообщение о новом увеличении численности персонала ЦРУ в центральноамериканских республиках. В печати сообщалось также, что президент Рейган одобрил программу стоимостью 19 млн. долл., которая предполагает, в частности, учреждение специальных фондов для поощрения тех стран Центральной Америки, которые согласились бы участвовать в блокировании коммуникаций между Кубой и Никарагуа. В августе 1982 г. большинством голосов сенат США принял резолюцию, названную «поправкой Симмса», внесенную сенатором-республиканцем из штата Айдахо Стивом Симмсом (государственный секретарь Шульц заявил, что правительство поддерживает эту поправку). Резолюция предоставляет американской администрации право применять «любые необходимые средства, включая использование оружия» для «защиты от кубинской угрозы на континенте». Практически это означает, что президент теперь может отправить войска на Кубу, не испрашивая на это согласия конгресса, как того требует закон от 1973 г. Словом, сделан шаг, призванный расчистить путь силам агрессии.

Глава 6

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ
ВОЙНА ПРОТИВ
ДОМИНИКАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

**CIA
CIA
CIA
CIA
CIA**

Небольшой экскурс в историю

На протяжении многих десятилетий американские правящие круги стремились создать в Западном полушарии «закрытую систему» межгосударственных отношений. Доктрина Монро и панамериканизм, «дипломатия доллара» и политика «большой дубинки», политика «доброго соседа» и «Союза ради прогресса» — все эти внешнеполитические доктрины и программы преследовали одну главную цель — возможно полнее подчинить страны латиноамериканского региона влиянию Соединенных Штатов, одновременно изолировав их от остального мира.

«Политический нажим США обеспечивал экспансию американского капитала в странах Центральной Америки, а эта экспансия в свою очередь укрепляла политическое влияние Соединенных Штатов. Дипломатия и десанты морской пехоты пробивали дорогу доллару, а доллар в свою очередь облегчал работу дипломатии и вооруженной силы»¹. Именно так, при широком использовании всех возможных средств и методов, империалисты США добивались реализации своих далеко идущих планов, направленных на закабаление небольшой латиноамериканской страны — Доминиканской Республики.

На переговорах, проходивших в феврале 1905 г. в условиях «активного психологического воздействия» со стороны вошедших в порт Санто-Доминго американских военно-морских сил, Соединенные Штаты навязали Доминиканской Республике протокол, согласно которому правительство этой страны было лишено права самостоятельно, без ведома США, распоряжаться своими финансами. Все доминиканские таможни переходили в ведение американских властей*. Фактически это означало установление протектората Соединенных Штатов над Санто-Доминго, в результате которого вся финансовая деятельность страны была поставлена под контроль могущественного рокфеллеровского банка «Нэшнл сити бэнк», а треть сахарных плантаций перешла в руки американцев.

Через два года был ратифицирован новый американо-доминиканский договор, который юридически закреплял следу-

* Контроль над таможнями сохранялся до 1940 г.

ющие условия: президент США назначает сборщика пошлин и его помощника в Санто-Доминго; американская администрация обеспечивает им необходимую защиту; правительство Санто-Доминго не имеет права увеличивать свои долги или уменьшать налоги без согласия на то Соединенных Штатов.

Установление финансового контроля над страной позволило правящим кругам США приступить к открытому грубому вмешательству в ее внутренние дела. При этом любая форма противодействия американскому диктату подавлялась самым беспощадным образом. В результате экономической и политической экспансии североамериканских монополий Доминиканская Республика, сохраняя формально свою независимость, в действительности превратилась в придаток империализма США.

Политика США вызывала растущее возмущение в стране. В апреле 1916 г. в Санто-Доминго вспыхнуло восстание, на подавление которого была брошена американская морская пехота. В начале мая страна была полностью оккупирована. На этот раз оккупация продолжалась восемь лет (до этого морская пехота США оккупировала доминиканскую территорию дважды: в 1903 и в 1912 гг.). Был введен военно-оккупационный режим, парламент и правительство разогнаны, конституционные права отменены. Вся полнота законодательной и исполнительной власти сосредоточилась в руках американского военного губернатора, выступавшего в качестве неограниченного диктатора.

Оккупация позволила монополистическому капиталу США не только установить политическое господство в стране, но и прибрать к рукам экономику Доминиканской Республики. Начался захват земель, лесов, плантаций сахарного тростника американскими монополиями. Именно в это время североамериканская «Саут Пуэрто-Рико шугар компани» завладела крупнейшим в стране сахарным предприятием «Ла Романа». За годы оккупации в собственность сахарных трестов США перешло более полумиллиона акров тростниковых плантаций. Специальная комиссия занялась реорганизацией экономического и административного аппарата страны и разработкой нового законодательства, закрепившего экономическое господство США в Доминиканской Республике. Армия Доминиканской Республики была распущена. Вместо нее под командованием американских офицеров сформирована так называемая национальная гвардия. В 1918 г. в нее вступил Рафаэль Леонидас Трухильо — полуграмотный телеграфист, снискавший репутацию заядлого контрабандиста. «В нормальные времена Трухильо, вероятно, окончил бы свое су-

ществование на виселице или просто как безвестный сельский бандит, но американская интервенция открыла широкие возможности именно для людей подобного рода», — пишет в своей книге «Демократия и тирания в Карибском бассейне» американский журналист У. Крем. Даже среди тупых и бесчеловечных карателей Трухильо выделялся своей жестокостью, чем привлек внимание представителей оккупационных властей. Одно повышение следовало за другим, а после окончания офицерской школы США его произвели в капитаны.

В условиях непрекращающейся борьбы доминиканского народа Соединенные Штаты вынуждены были вывести свои войска. Но это произошло только в 1924 г., после того как в стране был создан и «запущен на полную мощность» карательный аппарат, способный, по мнению Белого дома, собственными силами справиться с освободительным движением. Перед выводом войск из Доминиканской Республики Соединенные Штаты заставили местные власти признать законными все декреты и распоряжения американской военной администрации.

В 1930 г. при поддержке американцев власть в стране в результате фальсифицированных выборов захватил Трухильо, ставший к тому времени уже командующим армией и имевший чин бригадного генерала. С первых дней правление Трухильо приобрело ярко выраженный террористический характер, элементарные демократические свободы были подавлены, армия и полиция превращены в послушных исполнителей воли диктатора. Началась «эра Трухильо», длившаяся до мая 1961 г.

«Нам было хорошо известно, — пишет тогдашний резидент ЦРУ в Доминиканской Республике Дэвид Филлипс, — что Трухильо в течение 30 лет отделался от тысяч политических противников. При этом одних по его приказу сбрасывали в залив вблизи Санто-Доминго, известный под названием «бассейна», где они становились добычей акул, других — подвешивали на мясных крючьях в тайных холодильных складских подвалах, оставляя их дожидаться смерти, что длилось порой по несколько дней».

В 1962 г. генеральный прокурор Доминиканской Республики сообщил, что за последние пять лет диктатуры Трухильо только в застенках погибло 5700 человек, а за все 30 лет число его жертв составляет десятки тысяч людей.

Лютый террор и произвол, ставшие при антинародном режиме Трухильо нормой внутривнутриполитической жизни, обеспечивали монополиям США и местной буржуазии возможность получения огромных доходов за счет нещадной эксплуатации

трудящихся. Налог на прибыли корпораций был в этой стране самым низким в мире. Североамериканский капитал владел банановыми и сахарными плантациями, морским и воздушным транспортом. Соединенные Штаты контролировали добычу полезных ископаемых, производство и сбыт практически всех видов национальной продукции. «Саут Пуэрто-Рико шугар компани», «Вест-Индияз фрут корпорейшн» и «Юнайтед фрут компани» занимали господствующие позиции в сельском хозяйстве. Бокситовые месторождения находились в руках принадлежащей Меллонам «Алюминий компани оф Америка». В банковской системе заправляли крупнейшие банки США «Чейз Манхеттэн бэнк» и «Ферст нэшнл сити бэнк». Помимо этого американские монополии имели крупные капиталовложения в нефтяной промышленности, в отелях и игорных заведениях, в пивоваренной промышленности и др.

Разумеется, наживая баснословные барыши, североамериканские монополии способствовали обогащению и верного стража их интересов — Р. Трухильо, который со своей стороны всячески содействовал укреплению союза с Соединенными Штатами. Политический курс, проводимый Трухильо, несмотря на осуждение мировой общественности, снискал диктатору поддержку официального Вашингтона. Президент Д. Эйзенхауэр, принимая в феврале 1955 г. верительные грамоты посла Доминиканской Республики, заявил, что эта страна «традиционно занимала не просто сильную позицию, а позицию лидера в борьбе против угрозы со стороны международного коммунизма». Итак, Трухильо успешно выполнял роль марионетки и обеспечивал американским монополиям доминирующие позиции в экономике страны, а правящие круги США на протяжении длительного периода закрывали глаза на применявшиеся им гангстерские методы правления, вызывавшие возмущение и отвращение во всем мире.

Однако к концу 50-х годов в отношениях Белого дома с режимом Р. Трухильо наступило резкое охлаждение.

Американская администрация меняет тактику

В условиях роста активности антиимпериалистических, антидиктаторских сил в Латинской Америке и в самой Доминиканской Республике дальнейшая поддержка режима Трухильо резко усиливала антиамериканские настроения в стране, да и на всем континенте в целом.

Правящие круги США опасались, что дальнейшее пребывание Трухильо у власти приведет к еще большей консолидации всех антидиктаторских демократических сил и в конечном счете — к революции, подобной кубинской. А такая перспектива прямо угрожала интересам американских корпораций.

«Конечно же жестокость Трухильо не была чем-то новым, и тот факт, что США все более ясно видели ее, объяснялся скорее политическими, чем моральными, соображениями», — пишет в своей книге «Доминиканский кризис» Пьеро Глейджезис. Фигура Р. Трухильо стала слишком одиозной, и Вашингтон решается пойти на его замену. Было разработано несколько проектов, цель которых — ускорить отречение Трухильо от власти или его свержение.

В феврале 1960 г. президент Д. Эйзенхауэр с участием ближайших советников обсудил программу действий в отношении доминиканского режима. Вскоре им был одобрен и перспективный план. Этим планом, в частности, предусматривалось, что «Соединенные Штаты немедленно предпримут политические акции для удаления Трухильо из Доминиканской Республики, как только найдется подходящая смена его режиму, которой будет гарантирована политическая, экономическая и — в случае необходимости — военная поддержка»².

«Уладить» все внутренние дела Доминиканской Республики, не допустив при этом прихода к власти левых сил и сохранив страну в сфере влияния США, было поручено ЦРУ, которое в начале 1960 г. и приступило к подготовке условий для выполнения поставленной перед ним задачи.

Американский консул в Санто-Доминго Генри Дирборн, его главный политический советник Джон Барфилд и сотрудники резидентуры ЦРУ срочно приступили к поиску среди лидеров оппозиции подходящих лиц, которых можно было бы использовать в операции по устранению диктатора. Выбор пал на губернатора провинции Пуэрто-Плата Антонио Имберта. Содержащиеся в его досье (из архивов ЦРУ) материалы за многие годы свидетельствовали, что Антонио Имберт отличался чрезвычайной амбициозностью и честолюбием. Было известно и то, что он с ненавистью относился к Р. Трухильо, посадившему в тюрьму его брата. Когда сотрудники ЦРУ предложили Имберту стать во главе подготавливаемого заговора, он охотно согласился. К участию в заговоре пригласили еще несколько человек, в том числе мэра Санто-Доминго Луиса Амиама и бригадного генерала Хуана Томаса Диаса, давно вынашивавшего планы отмищения диктатору за свое изгнание из армии.

Весной 1960 г. посол США в Доминиканской Республике Джозеф Фарлэнд вступил в непосредственный контакт с представителями проамерикански настроенной оппозиции, стремившейся к свержению Трухильо. Мнение о необходимости устранения со сцены главных фигур режима было единодушным.

Перед отъездом в США в мае 1960 г. посол познакомил двух из них со своим заместителем — Генри Дирборном, к которому, как он выразился, «можно относиться с полным доверием». 16 июня 1960 г. вашингтонская штаб-квартира ЦРУ в телеграмме на имя Дирборна предложила ему взять на себя роль «связующего» между оппозицией и ЦРУ, сославшись на то, что это «неофициально санкционировано» помощником государственного секретаря по межамериканским делам Роем Работтомом. Дирборн принял предложение и тут же запросил у руководства ЦРУ санкцию на то, чтобы сделать лидерам оппозиции следующее заявление: Соединенные Штаты будут «тайно» помогать им создавать эффективные силы для свержения Трухильо, но не предпримут сами никаких открытых действий против его правительства, пока оно полностью контролирует положение в стране. Штаб-квартира ЦРУ подтвердила приемлемость соглашения Дирборна с оппозицией в таком виде.

В меморандуме, датированном 1 июля 1960 г., начальник отдела стран Западного полушария ЦРУ полковник Дж. Кинг настоятельно рекомендовал генералу Кэйбеллу, временно исполнявшему обязанности директора ЦРУ, удовлетворить переданную послом Фарлэндом по инстанции просьбу представителей оппозиции. Конкретно предлагалось направить 12 «стерильных» * винтовок с оптическим прицелом и 500 патронов к ним. В этом меморандуме подчеркивалось, что падение режима Р. Трухильо неминуемо и США необходимо позаботиться о том, чтобы их взаимоотношения с оппозицией стали как можно более тесными.

Помощник государственного секретаря США Работтом разрешил отправку такого оружия и распорядился, чтобы оно было передано в руки исполнителей террористических акций как можно скорее. Тогда же штаб-квартира ЦРУ телеграммой на имя Дирборна сообщила подробности принятого плана сбрасывания с самолета на парашютах оружия в определенных пунктах страны. Места выброски были предложены послом Фарлэндом 21 июня 1960 г. во время его встречи с сотрудником отдела стран Западного полушария ЦРУ.

* «Стерильное» оружие — оружие, на котором нет марки производителя.

Готовя свержение своего ставшего теперь неугодным ставленника, Соединенные Штаты некоторое время не сбрасывали со счетов возможности того, что им удастся добиться его «добровольного» отъезда из страны. В течение осени 1960 г. администрация США, приведя в действие экономические рычаги, пыталась вынудить Трухильо отказаться от власти. В Санто-Доминго были даже посланы влиятельные эмиссары как из правительственных, так и неправительственных кругов с поручением побудить Трухильо к этому шагу. Однако все их попытки оказались тщетными.

Вскоре Вашингтон вынужден был отказаться от плана высылки Р. Трухильо из страны в силу «полной бесперспективности» этой затеи. Лишь физическое уничтожение, причем не в эмиграции, а на территории самой Доминиканской Республики, было признано единственно целесообразным и возможным средством решения «доминиканской проблемы».

В «оперативной сводке» о положении в стране, направленной в сентябре 1960 г. Дирборном помощнику государственного секретаря по межамериканским делам Томасу Манну, прямо указывалось: «С чисто практической точки зрения для нас, для ОАГ и для самой Доминиканской Республики было бы лучше, если бы доминиканцы покончили с Трухильо до того, как он покинет остров. Если у него останутся его миллионы и он будет свободен от всяких обязательств, то, оказавшись в изгнании, он всю свою жизнь посвятит тому, чтобы не допустить создания в Доминиканской Республике стабильного правительства, будет стараться... уничтожать своих противников».

К концу года была утверждена обширная программа поддержки сил, находящихся в оппозиции к режиму Трухильо (как внутри, так и вне страны). В меморандуме ЦРУ от 3 октября 1960 г., озаглавленном «Планы доминиканской внутренней оппозиции и доминиканской секции ЦРУ, имеющие целью свержение правительства Трухильо», излагались меры, которые представлялись «реальными и могли быть осуществлены... тайно средствами ЦРУ с минимальным риском обнаружения».

Во время продолжавшихся контактов доминиканских оппозиционеров с сотрудниками ЦРУ в Нью-Йорке 10 и 15 февраля 1961 г. обе стороны пришли к выводу, что ключом к успеху заговора против Р. Трухильо является его убийство.

Однако ЦРУ не спешило форсировать события. Дело в том, что в Вашингтоне высказывались опасения относительно того, что «скоропалительные и нескоординированные» действия объективно могут способствовать активизации ле-

вых сил и даже создать угрозу их прихода к власти в стране. «Простое избавление от Р. Трухильо способно породить слишком много новых проблем,— говорилось в послании штаб-квартиры ЦРУ.— Мы должны попытаться избежать поспешных действий, с тем чтобы группа оппозиционеров (проамериканских, разумеется.— *Ф. С.*) и штабы имели бы возможность лучше подготовиться к осуществлению убийства, к изменению режима, а также к тому, чтобы овладеть положением»³.

Наконец 17 февраля 1961 г. заместитель директора ЦРУ генерал Ричард Биссел направил советнику президента по вопросам национальной безопасности М. Банди докладную записку, составленную для «высших инстанций». В этом сверхсекретном документе сообщалось о предстоящем утверждении Специальной группой решения об отправке оружия, предназначенного доминиканской оппозиции. 19 апреля резидентура ЦРУ в Санто-Доминго получила автоматы М-3, доставленные из США в дипломатическом багаже.

Итак, все было готово к проведению операции по физическому устранению Р. Трухильо. Была даже назначена дата — 19 апреля...

Но именно в этот день, 19 апреля, скандально провалилась высадка империалистических наемников на Плая-Хирон. Перед всем миром раскрылась зловещая роль, которую играло в этой преступной акции американского империализма Центральное разведывательное управление. Чтобы не усиливать накала возмущения мирового общественного мнения, сроки проведения операции по физическому устранению Трухильо решено было перенести.

Ядро заговора расширилось до 14 человек. В основном это были представители доминиканской знати, которые до поры до времени охотно служили Р. Трухильо, пользуясь своим положением и в то же время терпя унижения. Теперь, поощряемые американцами, они ополчились против него. Ими руководил страх за личную безопасность и свои привилегии, которые оказывались под угрозой в результате переживаемой режимом агонии. Кроме того, их подстегивало и стремление к власти, на получение которой они могли рассчитывать как непосредственные исполнители свержения диктатуры. Разумеется, никто из них и не помышлял о проведении в стране каких-либо социально-политических реформ в интересах доминиканского народа.

Однако захватить власть после смерти Трухильо они могли только в сговоре с кем-нибудь из офицеров, занимавших ключевые посты в армии. В начале 1961 г. они нашли такого

человека: им стал сам военный министр генерал Хосе Рене Роман Фернандес (Пуло). Женатый на племяннице Трухильо, он пользовался его поддержкой и расположением. Однако к тому времени и Фернандес понял, что с диктатором пора кончать, дабы уцелеть самому. Он пообещал заговорщикам, что сразу же после смерти Трухильо арестует, а если это окажется необходимым, то и казнит остальных членов его семьи, назначит Хуана Томаса Диаса командующим крупной военной базой Сан-Исидро и подавит любое выступление сторонников Трухильо внутри вооруженных сил.

Со дня позорного провала организованного ЦРУ вторжения на Кубу прошло шесть недель... Вечером 30 мая 1961 г. Р. Трухильо вместе с телохранителем выехал из столицы в направлении своей виллы «Фундасьон», расположенной под Сан-Кристобалем. На полпути его автомобиль настигли две другие машины. Раздались автоматные очереди по автомобилю Трухильо...

Нечаянным свидетелем убийства (он сидел за рулем в машине) стал один из стойких приверженцев режима Р. Трухильо, глава его секретной службы генерал Артуро Эспаильят. Не в силах предотвратить убийство, он решил попытаться спасти режим. В своей книге «Последний цезарь» Артуро Эспаильят вспоминает: «Я развернул машину и помчался назад в столицу, чтобы поднять тревогу... Я поехал домой к генералу Роману (Фернандесу). Как главнокомандующий вооруженными силами, он должен был первым узнать о случившемся. У меня не было ни малейшего повода сомневаться в его лояльности». Таким образом, Фернандесу стало известно о смерти Трухильо не от заговорщиков, а от руководителя секретной службы, обратившегося к нему за помощью. Это повергло Фернандеса в полное смятение, и он покорно последовал за Эспаильятом, с тем чтобы помочь подавить заговорщиков, наивно полагая, что его сопричастность к заговору может и не обнаружиться.

По этому поводу Артуро Эспаильят заметил: «Он должен был пристрелить меня. Когда он вышел (со мной) из дому, он вынес смертный приговор своему заговору и себе. Я был единственным человеком, который знал, что Трухильо убит. Он понимал, что я начну действовать незамедлительно».

Заговорщики не смогли связаться с Фернандесом, и им стало ясно, что их дело проиграно. В панике они начали разбегаться в поисках убежища.

Американское посольство в Санто-Доминго проинформировало о случившемся Вашингтон, и система связи США передала это сообщение президенту Кеннеди, который нахо-

дился в тот момент с визитом в Париже. Пресс-атташе при главе американской администрации Пьер Сэлинджер сделал официальное заявление об убийстве на несколько часов раньше, чем эта повесть стала известна в самой Доминиканской Республике. Как покажет 15 лет спустя тогдашний государственный секретарь США Дин Раск, когда он услышал преждевременное заявление Сэлинджера, то не на шутку встревожился. Дело в том, что сын Трухильо Рамфис, также находившийся тогда в Париже, узнав о смерти отца из сообщения американского пресс-атташе, мог заподозрить причастность правительства США к этой акции и даже попытаться отомстить американскому президенту. Но все обошлось благополучно. На преждевременность официального заявления США одни не обратили внимания, другие усмотрели в этом случайное стечение обстоятельств.

Допущенная ошибка лишь усилила стремление американских властей отвести от себя возможные подозрения в содействии убийству, пресечь нежелательные обсуждения и публикации в печати на эту тему. Вокруг доминиканских событий упорно создавалась завеса лжи и фальсификаций.

В телеграмме от 30 мая, которую послал резидент ЦРУ своим шефам в Вашингтон, говорилось: «Штаб-квартира должна отдавать себе отчет в том, до какой степени правительство Соединенных Штатов уже замешано в заговоре. Если мы хотим скрыть следы своего участия, все сотрудники ЦРУ, имевшие непосредственное отношение к подготовке покушения, должны быть отозваны».

Наряду с сотрудниками ЦРУ покинул территорию Доминиканской Республики и генеральный консул Дирборн. Госдепартамент потребовал уничтожить все документы, раскрывающие связи посольства с оппозицией, и даже косвенно относящиеся к этому материалы.

Тем временем вышедшие из шокового состояния трухильисты развернули в стране карательные экзекуции. Ими руководил прибывший из Парижа специальным самолетом сын диктатора Рамфис Трухильо-младший. Генералы Диас и Фернандес были расстреляны, жертвами репрессий стали не только заговорщики, но и многие ни в чем не повинные доминиканцы. По всей стране началась охота за «неблагонадежными элементами».

Уцелел лишь Антонио Имберт, хотя Рамфису Трухильо стало известно о роли, которую он сыграл в организации убийства отца. Это обстоятельство, странное лишь на первый взгляд, объяснялось достаточно просто: представители ЦРУ, как свидетельствует журнал «Нью рипаблик», предупредили

Трухильо-младшего, чтобы он не смел принимать против Имберта никаких репрессивных мер.

Ультимативное требование привело сына убитого диктатора в бешенство, но он предпочел забыть о кровной мести и уступить, тем более что в стране начинался политический кризис. Оказавшийся на посту президента Х. Балагер, марионетка семейства Трухильо, не мог удерживать контроль над политической жизнью страны. Летом 1961 г. в Доминиканской Республике возобновились забастовки, массовые волнения и манифестации. В агонии режим обрушился на трудящихся с кровавыми расправами, но упрочить свои позиции и что-либо изменить он был уже не в состоянии. Свежеиспеченному диктатору Р. Трухильо-младшему не оставалось ничего, как только последовать совету американских «благодетелей» и бежать из страны, что он и сделал 14 ноября 1961 г., не забыв прихватить с собой колоссальное состояние, которое оценивалось в 500 млн. долл.

Удар по экспансионистским расчетам США

Администрация США была встревожена развитием событий в Доминиканской Республике. Взяв курс на «трансформацию» трухильистской диктатуры, Вашингтон стремился удерживать этот процесс под своим неослабным контролем.

После бегства из Санто-Доминго сына убитого диктатора в Доминиканской Республике было создано псевдodemократическое правительство Балагера, что лишний раз свидетельствовало о стремлении Белого дома сохранить трухильизм без Трухильо. Однако поддержки среди трудящихся это правительство не нашло. Вновь волна забастовок и демонстраций захлестнула страну, доминиканский народ требовал отставки Балагера и создания подлинно демократического правительства. В декабре 1961 г. на подавление всеобщей забастовки были брошены все вооруженные силы страны, танки и артиллерия. Одновременно Балагер сделал публичное заявление о создании под своим председательством так называемого государственного совета, который присвоил себе верховную законодательную и исполнительную власть. Но, несмотря на лихорадочно принимавшиеся меры по стабилизации положения, установить «порядок» в стране Балагеру так и не удалось. Американским правящим кругам пришлось произвести смену декораций. 18 января 1962 г. пост Балаге-

ра занял другой ставленник монополий США — Рафаэль Бонельи, который в марте заключил с Соединенными Штатами военный пакт о поставках в Доминиканскую Республику вооружения, о реорганизации доминиканской армии, а также об оказании технической помощи и предоставлении займа в 25 млн. долл.

20 декабря 1962 г. в Доминиканской Республике состоялись президентские выборы, в ходе которых на пост президента, вопреки стараниям американской администрации (она не очень доверяла этому кандидату), был избран популярный писатель, лидер Доминиканской революционной партии профессор Хуан Бош.

Во время военного парада, состоявшегося 27 февраля 1963 г. по случаю вступления на пост президента Доминиканской Республики, рядом с Хуаном Бошем на трибуне находился тогдашний вице-президент США Линдон Джонсон. Участие в церемонии представителя американской администрации, а также личное послание президента Дж. Кеннеди должны были подтвердить верность Вашингтона официальному обещанию поддерживать в Латинской Америке режимы «представительной демократии».

Ориентация Вашингтона в странах Латинской Америки на умеренно-либеральные круги отвечала официальной доктрине США, нашедшей выражение в программе «Союза ради прогресса». В соответствии с ней именно на эти круги делалась тогда ставка при завоевании «новых» союзников американского империализма в этом регионе мира, призванных осуществлять псевдореволюцию «сверху».

Однако деятельность правительства Хуана Боша была отмечена определенным стремлением к проведению независимого от Соединенных Штатов курса. Так, им был принят ряд демократических законов, легализована деятельность левых политических партий и профсоюзов. Желая покончить с отсталостью и нищетой страны, президент Доминиканской Республики не побоялся затронуть и интересы североамериканских монополий, чем, по мнению деловых кругов США, «посягнул на святая святых» в отношениях между двумя странами. Было расторгнуто, в частности, кабальное соглашение о строительстве концерном «Стандард ойл» нефтеперерабатывающего завода в Санто-Доминго и введен налог на прибыли американских компаний. Были установлены более справедливые цены на сахар, и в итоге «Саут Пуэрто-Рико шугар компани» лишилась прибылей на общую сумму 25 млн. долл. Несмотря на угрозы со стороны администрации США, Хуан Бош не подавил забастовку рабочих этой

компаний. В результате победы, одержанной забастовщиками, «сахарному спруту» пришлось увеличить заработную плату рабочим на 30%. В довершение ко всему принятая в 1963 г. конституция страны ограничила размеры землевладения, а также запретила продажу земельных участков иностранным компаниям. Все это рассматривалось как прямой вызов Соединенным Штатам и удар по их «жизненным интересам».

Ярость Белого дома вызвала позиция Хуана Боша, выступившего против использования территории своей страны в качестве плацдарма борьбы с национально-освободительным движением в Центральной Америке и прежде всего с революционной Кубой. Чрезвычайно озабоченный «угрозой коммунистической Кубы», посол Джон Бартлоу Мартин весьма неодобрительно смотрел на отказ Боша участвовать в «охоте на коммунистов». Посол полагал, что национализм Боша делает последнего уязвимым «для коммунистического влияния». Этим диктовалась необходимость усиления деятельности ЦРУ, а также широкого вмешательства американцев в управление страной и в профсоюзные дела.

Таким образом, расчеты американских правящих кругов обрести в лице законно избранного доминиканского президента послушного проводника своей экспансионистской политики не оправдались. Хуан Бош, заявлявший, что предпочитает «формулировать свою политику в Санто-Доминго, а не в Вашингтоне», был «признан виновным и исключен из числа благонадежных».

И снова ставка на военный переворот

Разгневанные американские монополии решили действовать. На повестку дня встал вопрос об устранении «несговорчивого президента», который «проявляет терпимость к коммунизму» и опасный национализм, направленный против Соединенных Штатов. Из арсенала разведки США было извлечено испытанное средство — военный переворот. 25 сентября правительство Хуана Боша было свергнуто группой офицеров доминиканской армии.

Сенатор Уэйн Морзе, выступая 2 октября 1963 г. в американском конгрессе, назвал истинных инициаторов и организаторов этого переворота: монополии США и ЦРУ. Как сообщала печать, главным «архитектором» заговора против правительства Хуана Боша выступал полковник ЦРУ Лир Б. Рид, ведущий специалист по доминиканским делам.

Пришедшая к власти военщина, введя в стране чрезвычайное положение, установила по отношению к массовым демократическим организациям режим жесточайшего террора. Национальный конгресс был разогнан, созданные в период президентства Х. Боша профсоюзы разгромлены, прогрессивная печать запрещена. Тюрмы заполнились сторонниками независимого, демократического пути развития страны. В этих условиях, когда внутренняя жизнь Доминиканской Республики вновь возвращалась к временам правления Р. Трухильо с характерными для него произволом и беззаконием, многие политические деятели, в том числе и Хуан Бош, были вынуждены эмигрировать из страны.

Стремясь укрепить позиции возглавляемой миллионером Рейдом Кабралем военной хунты, которая расценивалась американской прессой как «самое эффективное доминиканское правительство после Трухильо», Соединенные Штаты предоставили ей помощь в размере 60 млн. долл., а также подписали с ней военное соглашение. В ответ на это монополии США получили новые льготы. Военная хунта, переименованная вскоре в «гражданский триумvirат», упразднила взимаемый с иностранных компаний налог с прибылей, отменила решение об увеличении заработной платы, которого добились в результате напряженной борьбы рабочие сахарных предприятий, и т. д. В стране начались массовые увольнения трудящихся. В первые же месяцы 1964 г. с предприятий, принадлежавших американским бизнесменам и местной олигархии, было выброшено на улицу более 4 тыс. рабочих и служащих.

Несмотря на осуществление «гражданским триумvirатом» с середины лета 1964 г. программы «жесткой экономики», в стране наблюдалось резкое ухудшение экономического положения: катастрофический рост дефицита платежного баланса, колоссальный рост цен, снижение заработной платы трудящихся, массовая безработица. Однако террор и преследования, развязанные узурпаторами при покровительстве могущественного североамериканского соседа, не смогли поставить на колени народ Доминиканской Республики. Против режима «триумvirата» был создан широкий фронт борьбы за возрождение демократических институтов. В стране развернулись массовые выступления трудящихся, требовавших восстановления конституции и возвращения Хуана Боша на родину для исполнения обязанностей президента (формально его полномочия заканчивались только в 1967 г.).

Видя, что Кабралу не удастся исправить положение, ЦРУ решает направить в страну с особой миссией нового

резидента — Дэвида Филлипса. Позже в своих мемуарах, вспоминая подробности этого назначения, Филлипс писал: «Я решил послать вас резидентом,— сказал мне Дес (имеется в виду Десмонд Фицджеральд, занимавший в то время в ЦРУ пост начальника штаба по особым делам.— *Ф. С.*).— И это не случайно. Страна больна, Рейд политически нездоров, и нам нужен врач».

Ежедневно с утра до позднего вечера Филлипс знакомился с материалами по Доминиканской Республике, подолгу беседовал с офицерами, которым пришлось бывать в Санто-Доминго. Уходя в конце недели домой, он задержался в кабинете Фицджеральда. «Я изучаю дела,— сказал ему Филлипс.— Боюсь, что в Санто-Доминго вы нуждаетесь не в лекаре. Вам нужен гробовщик!»

Ну что ж, будущему резиденту ЦРУ в Доминиканской Республике нельзя отказать в трезвой оценке положения вещей. К концу апреля 1965 г. в этой стране сложилась революционная ситуация. 24 апреля несколько воинских частей подняли восстание, в результате которого военная хунта была свергнута. Действия восставших поддерживали широкие слои населения: передовые рабочие, городская беднота, радикально настроенная мелкая буржуазия, прогрессивное студенчество, интеллигенция. Попытки сторонников «триумvirата» использовать силу не увенчались успехом — солдаты и офицеры отказались пустить в ход оружие против соотечественников. Позже Рейд Кабраль в интервью корреспонденту «Детройт ньюс» подтвердил этот факт. Да и сама обстановка сложилась таким образом, что 25 апреля было уже поздно говорить на языке силы. К этому времени на улицы доминиканской столицы вышло практически все население города. Десятки тысяч демонстрантов приветствовали свержение триумvirата. 25 апреля восставшие заняли столицу. Временным президентом был провозглашен Хосе Молина Уренья, бывший до государственного переворота 1963 г. председателем палаты депутатов. Вечером того же дня было объявлено о восстановлении конституции 1963 г.

События, развернувшиеся в стране, вызвали серьезную тревогу в правящих кругах США. Разведывательные сводки ЦРУ и доклады посольства США в Доминиканской Республике, направлявшиеся в Белый дом, давали некоторые основания полагать, что выступление конституционалистов может быть подавлено местной реакцией без вмешательства американцев. «От Соединенных Штатов лишь требовалось шепнуть несколько вдохновляющих слов на ухо доминиканским военным руководителям... Вашингтон не обнаружит себя и оста-

нется «нейтральным»⁴. Тем не менее уже рано утром 25 апреля президент Л. Джонсон приказал судам Атлантического флота направиться в Доминиканскую Республику. Они должны были находиться вне поля зрения с суши, но в случае необходимости быть рядом.

Вскоре среди офицеров, руководивших свержением хунты, начались разногласия, вылившиеся в вооруженные столкновения. Это объяснялось непримиримостью позиций сторон относительно решения вопроса о власти. Левое крыло, состоявшее преимущественно из армейских офицеров, возглавляемых полковником Франсиско Кааманьо, выступало за возвращение Х. Боша. Представители же военно-морского флота и авиации («элиты» вооруженных сил республики) во главе с бригадным генералом Вессин-и-Вессинем решительно возражали против этого. Группировка генерала Вессин-и-Вессина сразу же получила открытую поддержку со стороны Соединенных Штатов, которые рассматривали попытку вернуть на президентский пост Хуана Боша как реальную угрозу американским интересам.

По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», глава военной миссии США полковник Фишворн посетил ставшую опорным пунктом сторонников Вессин-и-Вессина военно-воздушную базу Сан-Исидро. Там во время встречи с генералом Де лос Сантосом полковник Фишворн предложил держать наготове две эскадрильи, чтобы бомбардировать город.

На первых порах Соединенные Штаты не желали даже вступать в контакт с конституционалистами. Не случайно поэтому специальная депутация нового доминиканского правительства во главе с временным президентом Молиной Уреньей, добивавшаяся согласия на встречу с американским послом Беннетом, аудиенции не получила. Чиновник посольства, встретивший депутацию, грубо отказал ей и во встрече с политическим советником посольства Уильямом Коннеттом, саркастически заметив при этом, что господин советник слишком занят эвакуацией из страны американских граждан.

В конце концов конституционалистам удалось переговорить с представителем американской стороны. Это был уже упоминавшийся полковник Фишворн. Во время встречи, которая состоялась в помещении штаб-квартиры транспортной службы доминиканской армии, Фишворн прямо заявил, что всю свою поддержку американское правительство направит военной хунте.

Между тем ряды сторонников конституционалистов стремительно расширялись. С каждым днем усиливалось проти-

воедействие реакционной военщине со стороны трудящихся, а после раздачи населению захваченного в арсенале оружия широкий размах приняла вооруженная борьба с ней. В этих условиях состоялась еще одна встреча — с третьим секретарем посольства США Бенджамином Райлом. На этот раз американский представитель уже сам нанес визит временному президенту, находившемуся в Национальном дворце. Ведя разговор в крайне резких выражениях и, по существу, не давая Молине Уренья вставить слово, Райл требовал, чтобы власть была немедленно и безоговорочно передана сформированной военной хунте, при этом он недвусмысленно дал понять, что часы правительства Молины Уренья сочтены.

В это время уже интенсивно велась подготовка к штурму столицы: подразделения генерала Вессин-и-Вессина при поддержке танков, покинув опорную базу Сан-Исидро, подошли к мосту через реку Осама, оказавшись, таким образом, в непосредственной близости от Санто-Доминго. Следуя совету американцев, члены военной хунты решили начать атаку на столицу, захваченную конституционалистами, с воздушных налетов. Мощным бомбардировкам были подвергнуты самые густонаселенные районы Санто-Доминго. В ходе этой хладнокровной бойни, потребовавшейся согласно оперативному плану для того, чтобы «выиграть время у повстанцев», погибло более полутора тысяч человек, в основном женщин, детей и стариков. Одновременно для «устрашения повстанцев» в территориальные воды Доминиканской Республики вошли соединения военно-морских сил США. Американские корабли встали на рейде Санто-Доминго.

С момента свержения «триумвирата» прошло два дня. Курс Вашингтона, казалось, осуществлялся вполне успешно. Главное — сохранялся «нейтралитет» Соединенных Штатов. Победу одерживали «хорошие парни», поэтому выступать в роли защитников гражданских прав и взывать к гуманности у Белого дома не было необходимости.

Бомбардировки Санто-Доминго прекратились 28 апреля, когда американские дипломаты решили, что повстанцы достаточно «проучены». В тот же день генерал Вессин-и-Вессин стянул к столице 2 тыс. солдат, готовясь к решительному наступлению. В середине дня после непродолжительной артиллерийской подготовки двухтысячная колонна войск, впереди которой двигались 40 танков, захватила мост Дуарте через реку Осама и вступила в Санто-Доминго.

В телеграмме, которую сотрудники посольства поспешили направить в Вашингтон, говорилось о том, что операция

по умиротворению «взбунтовавшейся столицы» практически близится к концу. Но они явно поторопились: оснований для столь оптимистического заявления не было.

Столица встретила карательную экспедицию пустынными улицами, дома казались вымершими. Похоже было, будто все 300-тысячное население Санто-Доминго покинуло город. Без единого выстрела военные подразделения Вессин-и-Вессина прошли через весь город и уже приближались к зданию Национального дворца, захват которого означал бы завершение «блестяще подготовленной», по мнению американцев, операции... Но совершенно неожиданно из распахнувшихся окон на отряды карателей, которые уже видели себя «триумфаторами», со всех сторон обрушился шквальный автоматный и винтовочный огонь, десятки бутылок, наполненных бензином, полетели в танки.

Не прошло и часа, как карательная экспедиция, сколоченная усилиями американского посольства, была полностью разгромлена. Около 5 час. вечера генерал Вессин-и-Вессин сообщил по телефону в посольство США, что операция по захвату Санто-Доминго провалилась и что спасти положение может лишь немедленное вмешательство американской морской пехоты.

Чувствуя, что генерал едва владеет собой, посол Беннет как можно спокойнее сказал ему о целесообразности возобновления бомбардировок с воздуха. И чтобы окончательно вселить уверенность в Вессин-и-Вессина, пообещал, что морские пехотинцы США через несколько часов придут на помощь. Сразу после разговора с генералом, американский посол связался по телефону с Белым домом, чтобы по прямому проводу провести консультации (на передачу закодированного текста времени уже не оставалось).

О ситуации, сложившейся в Санто-Доминго, президент Л. Джонсон узнал в тот самый момент, когда обсуждал с государственным секретарем Дином Раском, министром обороны Робертом Макнамарой, заместителем государственного секретаря Джорджем Боллом и помощником президента по вопросам национальной безопасности Макджорджем Банди вьетнамскую проблему. Джонсон проинформировал присутствующих о том, что Беннет и восемь других высших сотрудников американского посольства в Санто-Доминго требуют немедленного военного вмешательства Соединенных Штатов, в противном случае победа мятежников неизбежна. В оценке сложившейся ситуации участники совещания были единодушны: «Мятеж конституционалистов — прямая угроза интересам США».

Вооруженное вторжение

Страх перед возможностью возникновения «второй Кубы» был настолько велик, что уже через час после получения сообщения посла Бенфета президент Л. Джонсон отдал приказ о начале вооруженной интервенции.

В 18 час. 30 мин. соответствующий приказ был передан на авианосец «Боксер», а в 19 час. на побережье Доминиканской Республики был высажен первый разведывательный отряд морской пехоты. Ее передовые подразделения, насчитывавшие более 400 человек, быстро проникли в глубь страны и перерезали шоссе, связывающее столицу с военной базой Сан-Исидро. Одновременно в окрестности Санто-Доминго были выброшены с транспортных самолетов военно-воздушных сил США солдаты 82-й воздушно-десантной дивизии. Так 28 апреля 1965 г. правящие круги США, будучи не в состоянии с помощью шантажа, интриг и открытых угроз удержать у власти послушных Вашингтону ставленников, перешли к прямой военной интервенции.

Для оправдания открытой агрессии была пущена в ход «версия прикрытия»: над жизнью американских граждан нависла угроза и доминиканские власти не в состоянии гарантировать их безопасность. Выступая по радио и телевидению, президент США заявил об отправке контингента войск в целях «защиты жизни сотен американцев, которые еще находятся в Доминиканской Республике, и обеспечения их безопасного возвращения на родину». В действительности не было ни единого случая угрозы жизни американцев, более того, никто из 2500 граждан США, находившихся в то время в этой стране, не мог пожаловаться даже на некорректное к ним отношение. И тем не менее вначале вашингтонская администрация прибегла именно к этому пропагандистскому трюку.

Уже через два дня после начала интервенции версия эта была полностью отброшена, поскольку эвакуация американских граждан к тому времени практически завершилась, а эскалация агрессии, наоборот, продолжалась. Таким образом, возникла необходимость нового объяснения, которое сводилось к тому, что движение конституционалистов попало якобы под контроль «коммунистов, прошедших подготовку на Кубе и в Чехословакии».

«Американские государства,— заявил Л. Джонсон,— не могут, не должны позволить и не позволят установить еще одно коммунистическое правительство в Западном полушарии». Через день он добавил: «Мы не намерены сидеть в кре-

сле-качалке (намек на любимую позу Дж. Кеннеди. — *Ф.С.*) сложа руки и дать возможность коммунистам создать правительство в Западном полушарии».

Как утверждал журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин», директор ФБР Джон Эдгар Гувер по приказу Джонсона сфабриковал «свидетельства» коммунистического заговора в Доминиканской Республике, чтобы сначала спровоцировать, а затем и оправдать интервенцию США.

Чтобы дискредитировать движение конституционалистов и доказать, что «гуманная интервенция» Соединенных Штатов была необходима, Л. Джонсон распространялся о жестокостях, которых в действительности восставшие никогда не совершали. Стремясь убедить общественность и в первую очередь конгресс в том, что над Доминиканской Республикой нависла «красная угроза», президент США не просто высказал мнение, что там существует опасность захвата власти коммунистами. Он в весьма категоричной форме заявил, что руководство восстанием 28 апреля было передано в руки группы «коммунистов-заговорщиков», естественно поставив себя тем самым перед необходимостью доказательства этого факта. Однако даже самые ярые антикоммунисты ничем не могли подтвердить заявление главы американского государства. Тем не менее посольство США и резидентура ЦРУ в Санто-Доминго старательно приумножали в прессе лживые обвинения своего правительства. С удивительным упорством они наводняли печать бесконечными «вопиющими» примерами «зверств» мятежников и «доказательствами» того, что власть в Доминиканской Республике захвачена коммунистами. И «доказательства», и «примеры» являли собой столь явную фальсификацию, что честному и сведущему журналисту не составляло труда опровергнуть их. Некоторые американские журналисты именно так и поступали.

Создавая вокруг Доминиканской Республики атмосферу антикоммунистической истерии, администрация Джонсона стремилась тем самым облегчить эскалацию агрессии. «С самого начала восстания, — писала «Уолл-стрит джорнэл», — имели место согласованные действия правительства США, если не официальное решение, нанести полное поражение повстанческому движению любыми средствами и любой ценой». Что касается ОАГ, к которой президент Л. Джонсон «относился с явным пренебрежением», но чья санкция была желательна, то ее просто уведомили о факте вторжения. В оправдание президент США заявил: «Совет (ОАГ. — *Ф.С.*) слишком долго раскачивался, чтобы можно было в оставшееся время принять коллективное решение».

Масштабы интервенции стремительно расширялись. В сообщении Ассошиэйтед Пресс, переданном 2 мая из Санто-Доминго, говорилось о том, что каждые две минуты на военно-воздушную базу Сан-Исидро прибывали американские самолеты, которые за одну только ночь доставили туда около 2 тыс. парашютистов из 82-й воздушно-десантной дивизии. Днем продолжали прибывать новые контингенты. Запасы вооружений, боеприпасов и грузовых машин на базе Сан-Исидро быстро увеличивались.

Сразу же после высадки на доминиканской территории американские интервенты развязали прямые военные действия против восставших. Уже 29 апреля в сообщениях телеграфных агентств США содержалась информация о первых потерях в ходе начавшихся ожесточенных боев американских «миротворцев» с доминиканскими патриотами.

Более 300 транспортных самолетов и 25 военных кораблей приняли участие в операции. Уже через 10 дней после начала агрессии, как официально подтвердило министерство обороны США, на территории Доминиканской Республики было высажено в общей сложности около 22 тыс. человек *, в том числе 12 700 человек из состава сухопутных войск, более 8 тыс. морских пехотинцев, 1100 человек из частей ВВС. Кроме того, к берегам республики были подтянуты 32 корабля военно-морских сил США, имевших на борту 9900 человек ⁵.

«Появляется все больше тревожных признаков того, — писал корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн», — что, если не считать обанкротившихся военных из хунты, Соединенные Штаты не признают никого. И кажется, США пришли к заключению, что сражение — это единственное решение проблемы...»

Районы, занятые восставшими, подвергались непрерывным атакам войск хунты и интервентов, применявших самое современное вооружение: минометы, безоткатные орудия, тяжелые танки и авиацию, которые превращали жилые дома в руины. В результате вторжения, которое, как не уставали подчеркивать американские политические деятели, имело будто бы «гуманные цели» и было связано с установлением «мира и спокойствия», Доминиканская Республика стала ареной кровопролитных сражений. Оккупанты обрушились на народ с жесточайшими репрессиями: начались облавы на людей, подозреваемых в симпатиях к конституционному ре-

* По другим данным, США направили в Доминиканскую Республику 42 тыс. солдат и морских пехотинцев.

жиму, бесчисленные аресты, пытки в тюремных застенках. Для достижения своих политических целей (ради возможности оказания дополнительного давления на конституционалистов во время предстоящих переговоров) представители администрации США с потрясающей бесчеловечностью продемонстрировали готовность принести в жертву жизни других людей.

30 апреля морские пехотинцы США расширили свои позиции, которые были названы «международной зоной безопасности», с 3 до 9 квадратных миль. Эта зона образовала «коридор» от побережья к зданию американского посольства, разделивший районы, контролируемые повстанцами, на две части — северо-восточную и южную. На улицах, прилегающих к «коридору», который вскоре соединил «международную зону безопасности» с базой Сан-Исидро, интервенты возвели оборонительные заграждения, опутанные колючей проволокой. Возле штаба оккупационных войск, разместившегося в гостинице «Эмбахадор», были установлены 105-мм гаубицы, туда были подтянуты танки, бронемашины и бронетранспортеры.

Открытая агрессия в Доминиканской Республике вызвала волну гнева и осуждения со стороны мировой, и в первую очередь латиноамериканской, общественности. Будучи вынужденным считаться с этим, Белый дом решил прикрыть вторжение флагом межамериканской системы. Под прямым нажимом Соединенных Штатов Х консультативное совещание министров иностранных дел американских государств 6 мая 1965 г. приняло решение о создании «межамериканских вооруженных сил мира» и об их направлении в Доминиканскую Республику якобы в целях «сотрудничества» с ОАГ «в восстановлении нормального положения, обеспечении безопасности населения и соблюдении прав человека».

Однако операция по созданию «межамериканской армии» оказалась чрезвычайно трудным делом даже для таких мастеров по «выкручиванию рук», как американские специалисты по ОАГ. Лишь в результате сильного закулисного давления, интриг и шантажа Вашингтону удалось собрать необходимые две трети голосов. Против этого решения, не только нарушающего общепризнанные нормы международного права, но и подрывающего устав самой ОАГ, голосовали пять стран: Мексика, Чили, Перу, Эквадор и Уругвай; представитель Венесуэлы воздержался.

Следует в данной связи особо подчеркнуть, что в процессе голосования по этой резолюции был нарушен не только дух, но и буква устава ОАГ: голос, решивший ее судьбу, принад-

лежал «представителю Доминиканской Республики», заседавшему в Совете ОАГ со времен «гражданского триумvirата», который прекратил свое существование еще 24 апреля.

Правящие круги США не скрывали своего удовлетворения по поводу создания «вооруженных сил ОАГ» для действий на территории Доминиканской Республики. «Впервые в истории Организация американских государств создала и послала на землю американской страны международные военные силы по поддержанию мира,— заявил президент Л. Джонсон.— Это может стать огромным достижением. Соединенные Штаты сделали свои силы частью межамериканских сил».

Однако большинство стран Латинской Америки затем отказались предоставить в распоряжение ОАГ, как это предусматривалось решением консультативного совещания, свои сухопутные, морские, воздушные и полицейские силы». В конечном итоге в состав «межамериканских сил» вошел лишь воинский контингент из Бразилии и небольшие отряды из Парагвая, Гондураса, Никарагуа, Сальвадора и Коста-Рики общей численностью 2 тыс. солдат. Подавляющую часть войск интервентов в Доминиканской Республике составляли вооруженные силы США.

Для характеристики статуса этих «сил» достаточно сказать, что должность «заместителя командующего межамериканскими силами» занял командующий экспедиционными войсками США в Доминиканской Республике генерал Брюс Палмер. При этом на пост «командующего» был назначен бразильский генерал Альвим, широко известный в Латинской Америке тем, что участвовал в военном перевороте в Бразилии, в результате которого был свергнут президент Гуларт. Под таким руководством контингенты латиноамериканских войск, превратившись фактически в составную часть интервенционистских сил Соединенных Штатов, неоднократно участвовали в вооруженных столкновениях с доминиканскими патриотами.

Что же в это время происходило в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли?

Считая, что американская администрация не располагает достаточной информацией о положении в стране, тогдашний директор ЦРУ адмирал Рейборн приказал создать опорные пункты ЦРУ во всех сельских районах Доминиканской Республики. «...Через неделю после переворота между 10 и 11 часами дня я позвонил офицерам отдела Западного полушария, которые, как мне было известно, хорошо владели испанским,— пишет в своей книге уже упоминавшийся Д. Филд

липс,— и кратко проинформировал их: «Самолет вылетает в Доминиканскую Республику сегодня вечером. Будьте на военно-воздушной базе Эндрюс в 15.30. Возьмите один небольшой чемодан и... оружие. Оденьтесь легко». Ни один из девяти человек ни о чем не спросил. В Эндрюсе все были вовремя и в полной готовности».

Кроме того, Л. Джонсон, по-прежнему требовавший все больше информации о доминиканских событиях, распорядился направить в Санто-Доминго и сотрудников ФБР, хотя формально ответственность за организацию разведывательной работы в странах Латинской Америки с 1947 г. несло ЦРУ. 24 специальных агента ФБР, владеющих испанским, вылетели туда с заданием создать разветвленную агентурную сеть и наладить регулярное поступление разведывательных данных в Вашингтон по каналам ФБР. К середине мая, таким образом, по словам Д. Филлипса, работники ЦРУ и ФБР составили в Доминиканской Республике одну из крупнейших разведывательных служб США, действующих за рубежом.

Любопытен инструктаж, который получил перед своим отъездом в Доминиканскую Республику Д. Филлипс от одного из руководителей ЦРУ — Ричарда Хелмса. Такова была традиция. Как вице-директор ЦРУ, Хелмс был обязан встречаться с отъезжающим резидентом. «Обычно это был немногословный разговор в течение нескольких минут, после чего Хелмс произносил одно из своих знаменитых напутствий,— пишет Д. Филлипс.— Часто это звучало как «Звони мне в гонг». Под этим имелось в виду, что он хотел знать заранее о перевороте или другой быстрой смене правительства. Или же: «Посмотри, что ты сможешь сделать, чтобы окрутить посла». Это означало, что ему хотелось бы, чтобы были восстановлены добрые отношения между резидентом и послом там, где раньше имели место разногласия. «Какие указания от Хелмса я получу на этот раз?» — задавался вопросом Д. Филлипс. Он был убежден, что предстоящие инструкции будут содержать детальные и четко сформулированные требования. «Ведь люди все еще убивают друг друга на улицах Санто-Доминго, а президент с острым интересом наблюдает за развитием событий, заботясь о соблюдении наших интересов, которые он обеспечил внутри и вне страны, посла в туда 22 тыс. американских солдат. Однако и данные мне инструкции также уместились всего лишь в одну строку. «Сотрудничай с ФБР,— сказал Р. Хелмс.— Это очень важно!»

Между тем в Доминиканской Республике дело шло к тяжелой партизанской войне.

В это время на политической сцене страны вновь появляется фигура несостоявшегося «национального героя» генерала А. Имберта. Находясь с 30 апреля по 7 мая на борту флагманского корабля американского военно-морского флота в бухте Санто-Доминго, генерал Имберт, по свидетельству «Нью-Йорк таймс», «готовился к политическому руководству страной». В Вашингтоне решили, что час для их «запасного игрока» пробил — любой ценой Имберт должен был сломить конституционалистов. Вскоре генерал Имберт был доставлен на американском вертолете в Санто-Доминго, где он создал военную хунту, провозглашенную «правительством национального возрождения».

«Правительство национального возрождения» тотчас же обратилось к американскому командованию с просьбой «восстановить порядок в стране». Соединенные Штаты оказали своему ставленнику Имберту прямую военную поддержку и предоставили первую порцию финансовой помощи в размере 750 тыс. долл.

11 мая, уверенный в прочности своих позиций, Имберт, выступая по радио с базы Сан-Исидро, предъявил повстанцам ультиматум: немедленно прекратить сопротивление и сложить оружие. В противном случае Имберт грозил объявить «национальную мобилизацию» и силой захватить районы, занятые конституционалистами.

Конституционалисты отвергли это наглое требование, заявив о своей готовности продолжать борьбу. Тогда, сорвав достигнутое к тому времени перемирие, войска А. Имберта при поддержке «межамериканских вооруженных сил» предприняли наступление на позиции конституционалистов, расширяя зону оккупации. Американцы открыто оказывали помощь сторонникам А. Имберта, перевооружая их и оснащая новой техникой. Американские офицеры «во избежание ошибок во время стрельбы» сами наводили орудия, которые вели огонь по восставшим. Только после того как целые районы города были превращены в развалины, войска хунты смогли оккупировать его.

Усилия американской администрации и комиссии ОАГ были направлены на то, чтобы сломить сопротивление доминиканских патриотов и утвердить в стране режим, максимально благоприятный для империалистических монополий. Этой цели служили и переговоры о создании так называемого «нейтрального правительства», которые вела комиссия ОАГ, возглавляемая американцем Э. Банкером.

31 августа 1965 г. в Санто-Доминго представителями конституционалистов и посреднической комиссии ОАГ были

подписаны «Доминиканский акт примирения» и «Институционный акт», под которым вскоре поставили свои подписи и члены военной хунты генерала А. Имберта. На основании этих двух документов 3 сентября временным президентом страны был провозглашен известный доминиканский дипломат Эктор Гарсиа Годой, который и сформировал временное правительство. В состав правительства Гарсиа Годоя не вошел ни один из представителей конституционалистов. Это было правительство крупной местной буржуазии и землевладельческой олигархии.

США пошли на некоторые символические уступки. Чтобы несколько сбить накал политических страстей, было решено удалить со сцены наиболее одиозные фигуры, с именами которых связывались недавние кровавые события. Непосредственно вопросами отъезда из страны и отставки тех или иных лиц занимались Банкер и его коллеги по ОАГ, посол Беннет и персонал посольства, а также представитель Пентагона генерал Палмер и его бразильский коллега генерал Альвим. «Когда переговоры заходили в тупик, — пишет по этому поводу Д. Филлипс, — вступала в действие служба ЦРУ, использовавшая в качестве последнего аргумента для убеждения не силу или угрозы, а соблазнительные предложения... «Дружеское бюро путешествий дядюшки Дэйва» — так назвал ее (службу ЦРУ. — Ф. С.) некий шутник».

Одним из кандидатов в «путешественники» стал генерал Вессин-и-Вессин. Конституционалисты потребовали от правительства Годоя, чтобы организатор варварских бомбардировок Санто-Доминго был смещен с поста командующего военной базой Сан-Исидро и выслан из страны. Понимая, что связь с Вессин-и-Вессином будет лишь компрометировать только что созданное правительство, Гарсиа Годой заявил Банкеру и представителям ОАГ, что вынужден удовлетворить это требование, дабы не вызвать новых волнений. Вашингтон не возражал против решения временного президента Доминиканской Республики. Более того, выполнение этого решения было возложено на «дружеское бюро путешествий дядюшки Дэйва». Миссия по убеждению выпала на долю президента ЦРУ Филлипса.

«Я разговаривал с Вессином около часа, — пишет Филлипс. — Я дал ему понять, что он получит должность дипломатического представителя в Майами (или, если предпочитает, в Мадриде), что он будет желанным гостем в военных заведениях в зоне канала и в Соединенных Штатах. А когда дело дошло до вопросов материального порядка, то, не называя точной суммы, я сообщил ему, что достаточно свободно

распоряжаюсь долларами... Однако Вессин был непреклонен. Уехать он наотрез отказался». Тогда «дружеское бюро путешествий» прибегло к помощи парашютистов из 82-й воздушно-десантной дивизии. Командующий дивизией приказал парашютистам «проводить» генерала Вессин-и-Вессина в аэропорт. Несмотря на протесты, его увезли в Пуэрто-Рико на американском самолете.

Приход к власти временного правительства не привел к «нормализации» политического положения в стране, обстановка продолжала оставаться чрезвычайно напряженной. Реакционные силы при поддержке интервентов обрушили новую волну репрессий против доминиканских патриотов. Некоторые видные деятели конституционалистов в срочном порядке получили назначения на дипломатические посты за рубежом, что фактически означало их высылку из страны под благовидным предлогом.

Выборы президента и членов парламента 1 июня 1966 г. проходили в условиях военной оккупации. Главой государства стал давний соратник Трухильо — Хоакин Балагер, широко распахнувший двери для проникновения американского монополистического капитала во все сферы экономической жизни страны.

Итак, высадка в Доминиканской Республике американской морской пехоты явилась актом прямой агрессии против доминиканского народа, очередной попыткой сохранить у власти реакционный антинародный диктаторский режим, угодный США. Не вызывает сомнений и тот факт, что вооруженная интервенция Соединенных Штатов в Доминиканской Республике была направлена не только на защиту привилегий североамериканских монополий. Перед всеми ведомствами США — военными, разведывательными и дипломатическими — Белый дом ставил более широкую задачу: сохранить важный стратегический плацдарм, используемый Вашингтоном для удержания стран Центральной Америки и Карибского бассейна в орбите своей экспансионистской политики и прямого контроля.

Добавим к сказанному, что уроки этого недавнего прошлого и по сей день остаются остроактуальными. Как и многие другие эпизоды из истории отношений между США и странами Латинской Америки, доминиканские события лишь раз показывают, что администрация Белого дома возвела международный терроризм в ранг государственной политики, а агрессию и неприкрытое вмешательство в дела суверенных стран превратила в норму, действующую и поныне.

Глава 7

**ЗАГОВОР
ПРОТИВ
ЧИЛИЙСКОГО
НАРОДА**

**CIA
CIA
CIA
CIA
CIA**

Победа Народного единства

После победы кубинской революции, приведшей народ к власти, новым свидетельством начавшихся в странах Латинской Америки революционных преобразований явилось создание Народного единства в Чили.

Чилийская революция, писал Генеральный секретарь Компартии Чили Луис Корвалан, по своему характеру является антиимпериалистической и антиолигархической, нацеленной на социалистическую перспективу, ее главные движущие силы — пролетариат, крестьянство, студенчество и широкие слои мелкой буржуазии и интеллигенции.

Североамериканский империализм, действовавший в тесном союзе с наиболее алчными и жестокими группами финансовой олигархии Чили, всячески пытался затормозить развитие и углубление революционного процесса в этой стране, не допустить изменения соотношения сил в пользу народных масс. Seriously обеспокоенные тем, что Соединенные Штаты могут лишиться сырьевых ресурсов, стратегических позиций и выгодных сфер приложения капитала, и желая отвлечь угрозу своим империалистическим интересам, американские правящие круги превратили Чили в полном смысле слова в полигон для испытания Центральным разведывательным управлением своих подрывных методов и средств.

Чили является одной из наиболее промышленно развитых стран континента. В конце 60 — начале 70-х годов она занимала в Латинской Америке первое место по производству на душу населения чугуна, стали, цемента, электроэнергии и четвертое место по объему продукции обрабатывающей промышленности. По запасам высококачественной медной руды Чили принадлежало первое место в капиталистическом мире, и по объему добычи меди она ненамного отставала от Соединенных Штатов. Горнодобывающая промышленность, прежде всего медная, угольная и селитряная, была одной из ведущих в экономике страны. Медь составляла более 70% чилийского экспорта. Ярко выраженный односторонний характер экспорта — преимущественно медь и селитра — привел к тому, что на экономическом положении Чили весьма отрицательно

сказывались колебания конъюнктуры мирового капиталистического рынка. Иностранные монополии всячески тормозили развитие обрабатывающей промышленности в Чили, чтобы удержать ее в роли поставщика важных видов сырья и рынка сбыта промышленных изделий, а доходы от добывающей промышленности шли прежде всего в карман иностранных компаний, главным образом североамериканских — их капитал контролировал основные месторождения полезных ископаемых.

Американские компании по добыче меди «Кеннекотт» и «Анаконда» за 50 лет своей хищнической деятельности в Чили (до 1963 г.) выкачали из страны в виде прибыли 4106 млн. долл. Компании, занятые добычей селитры, вывезли за 80 лет 3937 млн. долл. «Бетলেখем стил корпорейшн» за полстолетия «заработала» на чилийской железной руде 970 млн. долл.

Значительная часть населения Чили жила впроголодь, хотя при правильном использовании земли можно было прокормить минимум 30 млн. человек, т. е. втрое больше, чем в то время жило в стране. В связи с отставанием сельскохозяйственного производства от роста населения Чили постоянно была вынуждена наряду с промышленными изделиями импортировать и продовольствие. Это, естественно, увеличивало зависимость Чили от Соединенных Штатов Америки, как крупнейшего поставщика сельскохозяйственной продукции.

К началу 70-х годов монополии США контролировали добывающую промышленность страны, металлургию и металлообработку, химическую и фармацевтическую, электротехническую и пищевую промышленность, строительство, транспорт, банки, страховое дело и внешнюю торговлю. Каждый доллар, вложенный в чилийскую экономику, успел принести североамериканским монополиям 5 долл.

Между тем в стране ширился протест против засилья иностранного капитала, прежде всего американского, набирало силу демократическое движение, главным требованием которого было ограничить власть монополий, провести необходимые реформы для улучшения жизни народа, в частности и завершить аграрную реформу. Во главе этого движения встали чилийские коммунисты, которые, выступая в союзе с социалистами и другими революционерами, подняли рабочий класс, трудящиеся массы страны на самоотверженную борьбу за подлинную свободу и национальную независимость. Огромным их достижением было образование в декабре 1969 г. блока Народное единство, который объединил все ле-

вые силы страны в лице Коммунистической, Социалистической, Социал-демократической, Радикальной партий, Движения единого народного действия (МАПУ) и Независимого народного действия.

Накануне президентских выборов 1970 г. этот блок выдвинул программу коренных социально-экономических и политических преобразований в интересах широких масс трудящихся. Не случайно поэтому победу на выборах одержал кандидат Народного единства Сальвадор Альенде, сформировавший в ноябре 1970 г. народное правительство с участием представителей всех партий, входивших в блок.

Начав свою деятельность в сложных условиях, когда законодательная власть продолжала оставаться в руках реакции, правительство Народного единства принимало меры, направленные на экономическое возрождение страны. Прежде всего был нанесен чувствительный удар по позициям иностранного капитала и буржуазно-помещичьей олигархии. За три года в государственный сектор перешло более 400 предприятий, на которых производилась почти половина валового продукта горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. Государство контролировало 70% национальной экономики и 80% банковских кредитов, 85% железнодорожной сети, воздушного и морского транспорта, треть оптовой торговли, 90% производства меди. Под его контроль была взята внешняя торговля. Крестьяне получили 2,4 млн. га обрабатываемой земли, конфискованной у крупных землевладельцев — главной опоры прежнего режима. Даже буржуазная печать вынуждена была признать, что аграрная реформа, проводившаяся ускоренными темпами при правительстве Сальвадора Альенде и связанная с национализацией земельной собственности и частных предприятий, пользовалась большой популярностью.

В результате повышения минимальной заработной платы удалось поднять уровень реальных доходов трудящихся. В среднем покупательная способность рабочих и служащих увеличилась на 20%. Пенсии по старости возросли на 35—66%, а пособия нуждающимся семьям — на 50—100%. Сократилась детская смертность. Стала снижаться безработица: с 8,3% от всего работоспособного населения в 1970 г. до 3,8% в 1972 г. Одновременно были взяты под контроль цены на хлеб и другие основные продукты питания; в два раза увеличена программа жилищного строительства; расширена система просвещения. Английская газета «Таймс», внимательно следившая за развитием событий в Чили, откровенно сокрушалась, что политика правительства Народного един-

ства свидетельствует о «классовой направленности в пользу рабочих и крестьян и против имущих классов». Несмотря на все экономические трудности, искусственно чинившиеся иностранными монополиями и национальной буржуазией, было создано 200 тыс. новых рабочих мест, росло производство.

Приведем характерные объективные высказывания ряда западных политических наблюдателей. Например, корреспондент английской газеты «Файнэншл таймс» Хью О'Шонесси подчеркивал, что «чилийская экономика, судя по самым достоверным из имеющихся статистических данных, не была на грани краха при правительстве Сальвадора Альенде». Еще определеннее высказывался французский журнал «Монд дипломатик»: «Напрашивается вопрос: не потому ли сочли нужным пресечь социалистический эксперимент в Чили, что Народное единство было уже близко к урегулированию своих дел в экономическом плане?»

Правительство Народного единства в своей программе предусматривало важные шаги, направленные и на развитие внешнеполитического курса в сторону расширения связей с социалистическими странами, в особенности с Советским Союзом, восстановление отношений с Республикой Куба, проведение независимой внешней политики, преследующей национальные интересы и отбрасывающей прочь империалистический диктат.

«Революция в Чили,— говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXV съезде партии,— явилась ярким выражением страстного стремления народа этой страны освободиться от гнета и эксплуатации собственной буржуазии и иностранных монополий. Ее возглавили люди безукоризненной честности и большого гуманизма. Она подняла на строительство новой жизни широкие массы трудящихся. Но заговор чилийской реакции, спланированный и оплаченный — как это теперь всем известно — иностранным империализмом, захватил революцию врасплох»¹.

Общее соотношение сил социализма и капитализма на мировой арене, с одной стороны, убедительная победа Народного единства на выборах, с другой, делали практически невозможным открытое вооруженное вмешательство во внутренние дела Чили. Пытаясь приспособиться к новой политической ситуации в мире, американский империализм использовал для осуществления своих целей более скрытые средства и методы. Деятельность реакционных сил, участвовавших в подготовке и осуществлении государственного переворота, развивалась сразу во многих направлениях, в рамках единой стратегии и под централизованным руководством.

В основе этой стратегии лежали экономическая блокада, финансовое давление, углубление инфляции, стимулирование черного рынка, погромы, саботаж, диверсии, террористические акции, «психологическая война». Этот обширный арсенал был пущен в ход для того, чтобы вызвать дестабилизацию во всех областях жизни чилийского народа, побудить его свернуть с неуютного империалистам пути, сохранить господство в экономике страны американского капитала. Политика дестабилизации опиралась на точное знание узких мест в структуре чилийской экономики, возникших в результате ее сильной зависимости от Соединенных Штатов.

План «Камелот» и подготовка хунты

Подрывная деятельность Соединенных Штатов против чилийского народного движения велась планомерно начиная с 60-х годов. Тайная подготовка заговоров шла полным ходом еще задолго до прихода к власти левых сил.

Расширение фронта демократического движения в стране и рост недовольства засильем иностранного капитала, антиамериканских настроений вызывали большую тревогу в правящих кругах США. Кроме того, вынужденное считаться с настроениями общественности, правительство президента Чили Фрея обнаружило «непослушание», осудив агрессивные действия Соединенных Штатов, развязавших в 1965 г. вооруженную интервенцию против Доминиканской Республики и выступив против создания жандармских «межамериканских сил». Тогда Вашингтон решил ввести в действие план «Камелот».

Этот план был разработан еще во время президентства Линдона Джонсона, в 1964 г., экспертами ЦРУ и РУМО. Он предусматривал проведение ряда мероприятий, необходимых для того, чтобы «оценить внутренний потенциал чилийского общества» и быть в готовности своевременно пресечь всякую угрозу интересам монополий США, возможность революционных выступлений и социальных потрясений, если вдруг возникнет опасность «сползания этой страны влево». В частности, речь шла о широком сборе разведывательных сведений по всевозможным каналам. Особое место в плане «Камелот» занимало внедрение в вооруженные силы Чили. Известно, например, что в июле 1969 г. резидентура ЦРУ в Сантьяго получила разрешение штаб-квартиры на выполнение секрет-

ной программы создания разведывательной сети в вооруженных силах. Программа осуществлялась в течение трех лет и включала в себя насаждение агентуры во всех трех родах войск Чили.

Чилийской армией, как и армиями других латиноамериканских стран, Соединенные Штаты овладевали десятилетиями. Имеющийся опыт убедил правящие круги США, что именно армия, безусловно подчиненная проамерикански настроенному офицерству, и есть тот гарант, который в нужный момент будет противопоставлен народовластию. Поэтому они сосредоточили усилия на все большей американизации офицерства армии континента, в частности чилийской, на более интенсивной идеологической обработке всех его звеньев — на низшем и высшем уровне. Этому способствовали условия, в которых формировались вооруженные силы Чили, и особенно то обстоятельство, что в последние десятилетия профессиональная подготовка чилийских офицеров разного ранга велась под непосредственным влиянием Пентагона. Она основывалась на договоре о межамериканской безопасности от 1947 г. и на договоре о взаимной обороне, заключенном в 1952 г. между Чили и США, а также на ряде других соглашений военно-экономического характера. Все эти соглашения включали Чили в программу американской военной помощи, ставили ее вооруженные силы в зависимое положение от Соединенных Штатов. Со времени окончания второй мировой войны в районе Панамского канала и на других базах США прошли профессиональную подготовку генералы и около 4 тыс. старших и младших офицеров чилийской армии, многие из них неоднократно. По некоторым данным, на учебные сборы в американские военные училища и на базы в зоне Панамы ежегодно отправлялось 200 чилийских офицеров и унтер-офицеров. Так, в начале 1968 г. 89 младших лейтенантов, окончивших военное училище им. Бернардо О'Хиггинса в Чили, были посланы изучать специальный курс в школе «Америкас», которую Пентагон создал в Форт-Гулик — военно-учебном центре в зоне Панамского канала. (Через этот военно-учебный центр, готовящий карателей высшей квалификации для «антипартизанских действий», прошли 1800 чилийских офицеров.) Они же под руководством американских инструкторов отрабатывали затем в сельве (латиноамериканские джунгли) методы «нерегулярной войны». Однако основной целью этих стажировок и учений была идеологическая обработка чилийского офицерства, направленная на американизацию его образа мышления, на воспитание в духе антикоммунизма.

Социальная почва способствовала общности командного состава чилийской национальной армии с офицерством армии США. По данным на 1965 г., 42% офицеров чилийской армии были выходцами из семей крупной буржуазии, 39% — из зажиточных средних слоев, 19% — из небогатых мелкобуржуазных семей. Многие из них были связаны родственными узами с земельной олигархией, т. е. офицерство вообще, а военно-морского флота в особенности принадлежало к имущим семьям. Такой социальный состав офицерского корпуса как нельзя лучше отвечал антикоммунистическим задачам Пентагона и ЦРУ. Кроме того, разведкой США была разработана целая система оперативного регулирования «невмешательства» и «вмешательства» чилийских военных в политику. Так, пока у власти находились правительства Алессандри и Фрея, чилийскому офицерству внушалось, что следует придерживаться позиции «невмешательства» во внутренние дела. Но как только возникла опасность поворота влево, появилась угроза классовому господству буржуазии и привилегиям офицерской касты, с «невмешательством» было покончено. Наоборот, была объявлена война «конституционалистским» тенденциям генерала Рене Шнейдера и его приверженцев, ставших помехой именно для вмешательства военных в политику*.

После прихода к власти правительства Народного единства существовавшие между Чили и США соглашения в военной области не были ни аннулированы, ни изменены. Так называемая стажировка офицеров чилийской армии в Соединенных Штатах Америки продолжалась. Она была использована для легальной антиправительственной пропаганды. В 1972—1973 гг. американская администрация ассигновала на эти цели около 2 млн. долл. В одном лишь военно-учебном центре США в зоне Панамского канала в 1973 г., т. е. в канун трагических событий, проходили подготовку 313 военнослужащих Чили. Американские инструкторы обучали также карабинеров и полицейских.

* Как потом выяснится, первоначально ЦРУ преследовало цель изучить потенциальные возможности совершения государственного переворота чилийской военной. Оно установило, что в военных кругах и среди карабинеров действительно имеются «антиальендовские настроения», но они не проявляются открыто ввиду «традиционного уважения конституции» со стороны военных и в связи с официальными и частными высказываниями главнокомандующего чилийскими сухопутными силами генерала Р. Шнейдера, который твердо стоял на позициях строгого соблюдения конституции. В этих условиях ЦРУ видело свою задачу в том, чтобы преодолеть «аполитичную и ориентированную на конституцию инертность чилийских военных»².

Соединенные Штаты прилагали теперь особые усилия к расширению связей с чилийскими военными и внутри страны. Этим занималась значительная часть из 2600 американских граждан, проживавших в те годы в Чили, главным образом военные атташе, советники, инструкторы и персонал посольства.

Согласно предписанию Вашингтона военный атташе должен был в тесном сотрудничестве с резидентом ЦРУ повысить активность в развитии контактов с высшими военными руководителями Чили и склонить их к участию в акциях, имевших целью не допустить, чтобы Сальвадор Альенде занял пост президента.

В конце 1971 и начале 1972 г. Центральное разведывательное управление усилило свою работу по линии военного проникновения. В соответствии с его рекомендациями о необходимости «приручения» военных Пентагон расширил оказание помощи вооруженным силам Чили. С 1970 по 1973 г. на эти цели было ассигновано 45,5 млн. долл., т. е. вдвое больше по сравнению с 1964—1970 гг. В 1972 г. чилийские вооруженные силы получили от Пентагона военную технику на 12,4 млн. долл. На следующий год сумма «проданного в кредит» оружия составила 15 млн. долл.

В каких целях использовалась эта военная «помощь» Чили, раскрывает хотя бы такой факт. Чилийские ВВС уже после победы Народного единства ожидали поставки 20 реактивных истребителей А-4В «Скайхок», но президент Никсон с разрешения конгресса предложил им вдруг в июне 1973 г. самолеты более нового образца — F-5Е. Весьма значительная «любезность» за несколько месяцев до военно-фашистского переворота! Адмирал Р. Пит, обосновывая необходимость предоставления Чили этих самолетов, заявил в конгрессе, что такая замена выгодна для Соединенных Штатов, поскольку дает возможность оказывать влияние на чилийских летчиков при подготовке их к полетам на новейших американских машинах. Еще в 1966 г. газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Политика Вашингтона ясна. Продавая оружие, он преследует основную цель — завоевать друзей и приобрести влияние среди офицерства в латиноамериканских странах, ибо военные почти всегда в состоянии поставить любое правительство у власти или свергнуть его».

ЦРУ и Пентагон, овладевая вооруженными силами Чили как инструментом окончательной реализации своего стратегического плана переворота, важное значение придавали заблаговременному выбору подходящей фигуры для роли диктатора. Им оказался генерал Аугусто Пиночет. В течение

десяти лет он был военным атташе при посольстве Чили в Вашингтоне, его сообщниками в той же хунте стали военно-воздушный атташе в США генерал Густаво Ли и военно-морской атташе в Лондоне адмирал Хосе Торибิโอ Мерино. Все трое были офицерами связи с армиями НАТО, а сам Пиночет трижды проходил стажировку на американских базах в зоне Панамского канала — в 1965, 1968 и 1972 гг., где, как открыто признавал другой чилийский генерал — Карраско, высших офицеров «обучали методам войны против партизан», т. е. полицейским карательным операциям.

Еще в канун прихода к власти Альенде, в конце 1969 г., атташе военной миссии Чили в США полковник ВВС Ангуло по просьбе своих североамериканских друзей дал обед в предместье Вашингтона. Внешний повод — приезд в Сантьяго начальника военно-воздушного училища генерала Масоте, пожелавшего ознакомиться с опытом американских ВВС. На обеде вместе с тремя генералами Пентагона оказались кроме Масоте еще три чилийских офицера, к которым разведка США проявляла тогда повышенный интерес. Это — генерал Баэса, бригадный генерал ВВС Гутьеррес и адмирал Тронкос, военный губернатор порта Вальпараисо, сыгравшие позже зловещую роль в судьбе чилийской революции. Разговор во время обеда касался одной темы — предстоящих в сентябре 1970 г. выборов президента Чили. Один из генералов Пентагона спросил, как поступила бы армия, если бы на этих выборах верх одержали кандидат левых сил Сальвадор Альенде. Генерал Масоте ответил: «За полчаса мы овладеем дворцом Ла Монеда, даже если нам придется его сжечь».

Так был установлен первый контакт на конспиративной основе между Пентагоном и высшими чинами трех родов войск Чили. С каждым месяцем эти связи крепили, и наконец было достигнуто тайное соглашение: если коалиция Народного единства одержит победу на выборах, верная монополистическому капиталу США чилийская реакционная военщина захватит власть.

Следовательно, действия на случай победы левых сил были спланированы еще за год до выборов. Высшее политическое руководство всеми операциями осуществлял Совет национальной безопасности. Своими целенаправленными действиями правящие круги США в основном добились полного подчинения себе офицерской касты чилийских вооруженных сил, на поддержке со стороны которых и строился скрытно осуществлявшийся стратегический план «Кентавр». На претворение этого плана в жизнь ЦРУ только в 1968—1970 гг. израсходовало более 1 млн. долл.

Стратегический план «Кентавр»

4 сентября 1970 г. Сальвадор

Альенде был избран на пост президента республики. Но план военного путча, разработанный в Вашингтоне, тем не менее не был реализован. Его пришлось полностью пересмотреть: ход событий показал, что, будучи рассчитан лишь на силы военных, он не соответствовал реальным условиям, сложившимся в Чили. Победа, одержанная коалицией Народного единства, вопреки прогнозам Пентагона, не создала тех предпосылок, при которых военные могли бы преуспеть. Народные массы горячо поддерживали декларируемые новым правительством решимость укрепить экономику страны, намерение обеспечить необратимость антиимпериалистических и демократических преобразований, независимость Чили в области внешней политики.

Добиться поражения созданного в Чили правительства Народного единства стало для империализма США важной задачей. И речь шла не только о защите его экономических интересов в Чили, желании не допустить, чтобы она выпала из сферы экономического господства североамериканских монополий. Империализм США стремился прежде всего помешать распространению опыта Чили, особенно его влияния на будущее других стран Латинской Америки, в частности Аргентины, Перу и Боливии. Об этой озабоченности администрации и разведывательных служб США красноречиво свидетельствует меморандум, подготовленный ЦРУ через несколько дней после победы Сальвадора Альенде на президентских выборах.

«Что касается угрозы интересам США,— говорится в этом документе,— мы пришли к заключению: 1. У Соединенных Штатов Америки нет жизненно важных национальных интересов в Чили. Тем не менее были бы ощутимые экономические потери. 2. Мировое равновесие военных сил не было бы существенно нарушено из-за появления правительства Альенде. 3. Однако победа Альенде означала бы значительные политические и психологические потери: а) сплоченность Западного полушария оказалась бы под угрозой в результате вызова, брошенного в адрес Организации американских государств появлением правительства Альенде, и реакции, вызванной в других странах...; б) победа Альенде представляла бы собой определенное психологическое поражение для Соединенных Штатов Америки и решительный психологический успех для марксистской идеологии».

Международный резонанс такого революционного процесса, как чилийский, «подстегивал» подрывные действия правящих кругов США, ибо этот процесс отражал реальную возможность прихода народа к власти мирным путем.

Североамериканский империализм и внутренняя реакция решили во что бы то ни стало помешать Сальвадору Альенде занять пост главы государства, подкупить членов конгресса, которым предстояло ратифицировать избрание президента. На это было ассигновано 350 тыс. долл. Когда подкуп не удался, подталкиваемая Центральным разведывательным управлением реакционная верхушка чилийского генералитета решила форсировать подготовку военного переворота. Президент Никсон дал указание директору ЦРУ Хелмсу «поощрять чилийских военных к сотрудничеству и к тому, чтобы они взяли на себя инициативу в действиях, имеющих целью не допустить прихода Альенде к власти». 21 сентября из штаб-квартиры Центрального разведывательного управления была направлена телеграмма резиденту ЦРУ в Сантьяго: «Цель операции — воспрепятствовать приходу Альенде к власти. Парламентские фокусы отброшены. Задача — военное решение»³.

Чтобы удержать в своих руках армию, заговорщики, действовавшие в тесном контакте с ЦРУ, пошли на устранение со сцены тех, кто стал на сторону нового правительства. Первой жертвой явился главнокомандующий сухопутными силами генерал Рене Шнейдер, всегда отстаивавший строгий нейтралитет армии, ее невмешательство в политику в соответствии с конституцией и таким образом сковывавший действия правых. Поскольку заговорщики не смогли добиться отставки генерала Шнейдера или перемещения его на другую должность, было решено похитить его. Первые две попытки (19 и 20 октября) оказались безуспешными. 22 октября при новой попытке похищения на улице среди бела дня заговорщики выстрелами в упор смертельно ранили генерала в момент, когда он направлялся на работу. Организатором убийства был генерал в отставке Р. Вио, за спиной которого стояло Центральное разведывательное управление.

13 октября 1970 г. резидентура ЦРУ в Сантьяго направила в штаб-квартиру телеграмму: «Вио намерен в течение ближайших 48 часов организовать похищение генералов Шнейдера и Пратса с целью ускорения переворота». Убийство Шнейдера взбудоражило мировое общественное мнение. В день покушения Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан заявил: «Нападение на генерала Шнейдера мы, коммунисты, рассматриваем как

часть плана, подготовленного чилийской реакцией при непосредственном участии Центрального разведывательного управления США с целью не допустить прихода к власти Сальвадора Альенде».

Террористическая акция, по существу, не достигла цели. Вооруженные силы так и не выступили против нового правительства, не помешали Сальвадору Альенде занять пост президента, хотя и не могли считаться опорой правительства Народного единства. Преемником Рене Шнейдера стал его заместитель и верный соратник генерал Карлос Пратс, до этого возглавлявший генеральный штаб. Устранение генерала Шнейдера лишь укрепило, вопреки расчетам ЦРУ, позиции Альенде и вызвало ярость народных масс против сил реакции. Все это побудило организаторов заговора перейти к более тонким и тщательно продуманным действиям, к методичному подрыву авторитета новой власти во всех аспектах общественно-политической и экономической жизни. Объединенные силы внутренних и внешних врагов чилийской революции решили прежде всего лишить правительство Народного единства устойчивости. Вот тогда и возник новый, более глубокий и всесторонний вариант плана «Кентавр». Для его разработки в Вашингтоне образовали при Совете национальной безопасности «рабочую группу». В Центральном разведывательном управлении — в рамках отдела стран Западного полушария — появилась особая оперативная группа «Чили», контролировавшаяся непосредственно заместителем директора ЦРУ Т. Карамессинесом.

Теперь план «Кентавр» строился на поэтапном экономическом удушении правительства Народного единства, на подготовке почвы для военного переворота. Олигархия и империализм, сохранившие господствующие позиции в Чили, предприняли свое наступление прежде всего в той сфере, в которой они были наиболее могущественны и где сделать это им было легче всего, — в сфере экономики. Тот факт, что именно экономика стала главным полем битвы реакционных сил против Чили, и тайной, и открытой, не случаен. Как уже говорилось, левый блок унаследовал от прежнего режима тяжелое экономическое положение. Долги иностранным монополиям достигли колоссальных размеров (в 1970 г. — 4 млрд. долл.), увеличился внешнеторговый дефицит, страна находилась в полной зависимости от иностранного капитала, росла инфляция, появились трудности со снабжением населения. Все это привело к возникновению черного рынка. Экспорт ограничивался в основном лишь одним видом сырья — медью. Командные высоты в экономике принадлежали

иностранным монополиям, преимущественно североамериканским.

Крупная чилийская буржуазия, помещичье-финансовая олигархия и иностранные монополии возлагали надежды на то, что удастся парализовать экономическую жизнь страны, вызвать хаос и развал и тем самым подорвать авторитет правительства Сальвадора Альенде в глазах народа. Представитель ЦРУ доносил в Вашингтон: «Чтобы остановить Альенде, заинтересованные лица связывают самые реальные надежды с быстрым разрушением экономики (паника в банках, банкротство промышленных предприятий и т. д.), что вызовет волну насилия. Это, в свою очередь, должно привести к военному перевороту». На претворение этого плана в жизнь американская администрация предоставила ЦРУ в 1970—1973 гг. 8 млн. долл.⁴

Администрация США недвусмысленно высказывала тревогу о «далеко идущих последствиях» победы Альенде. В Вашингтоне считали: пока левый блок не овладел еще всеми политическими и административными рычагами в стране, необходимо мобилизовать все возможности для свержения правительства Народного единства и установления удобного североамериканским монополиям режима с помощью реакционной верхушки армии. 15 сентября 1970 г. президент Никсон созвал совещание, в котором приняли участие его помощник по вопросам национальной безопасности Киссинджер, директор ЦРУ Хелмс и министр юстиции Митчелл. Обсуждалось положение в Чили. Президент заявил тогда, что режим Альенде «неприемлем» для США, и дал указание Центральному разведывательному управлению способствовать организации военного переворота. Во время этого совещания Хелмс составил для своего ведомства конспект директив президента:

«Быть может, один шанс из десяти, но спасти Чили!

Расходы окупятся.

Риск не имеет значения.

Не вмешивать посольство.

Можно ассигновать 10 млн. долл. и еще, если будет нужно.

Выделить лучших людей и предложить заниматься только этим.

План игры.

Пусть экономика взвоят.

48 часов на составление плана действий».

В ходе совещания был определен и характер мер, которые предполагалось принять для подготовки военно-фашистского переворота: финансовая помощь противникам Альен-

де, прекращение кредитов для Чили, осуществление вспомогательных программ, направленных на то, чтобы дезорганизовать ее экономику. Одновременно предпринимались попытки заручиться поддержкой различных парламентских фракций, а также среди военных. Только с 5 по 20 октября 1970 г. ЦРУ 21 раз устанавливало контакты с отдельными руководителями армии и полиции Чили. Тем, кто желал переворота, были даны заверения, что они получат сильную поддержку самых высших правительственных инстанций США как до, так и после переворота ⁵.

Итак, перед угрозой утраты своих позиций крупный капитал США в соответствии с выработанным разведкой и принятым Советом национальной безопасности стратегическим планом приступил к проведению планомерного экономического бойкота Чили и прямого финансирования подрывной деятельности реакции в стране. Руководство заранее спланированным государственным переворотом осуществлялось Центральным разведывательным управлением, Пентагоном и госдепартаментом.

Роль монополий США

Правительство США и транснациональные корпорации были едины в своей оппозиции Сальваторе Альенде — сначала как к кандидату на пост президента, а затем и как к президенту. Особую активность в этом направлении проявляла «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ). Конфиденциальные документы этой корпорации позволяют проследить историю того, как ее представители в тесном союзе с Центральным разведывательным управлением и госдепартаментом США стремились создать в стране обстановку экономического хаоса, чтобы заставить конгресс проголосовать против утверждения Альенде в должности президента.

ИТТ — одна из крупнейших американских транснациональных корпораций, своего рода «империя бизнеса», производящая все, что угодно: от корма для домашних животных до транзисторов, от крема для лица до телефонов. Годовой оборот ИТТ достигает 7,5 млрд. долл. Она располагает 331 филиалом и 708 филиалами филиалов с численностью служащих, превышающей 400 тыс., и уже в 1969 г. она действовала в 40 штатах США и 70 странах ⁶. Как и другие крупнейшие монополии, ИТТ финансирует избирательные кампании американских президентов, протаскивает в пра-

вительство США угодных ей министров и советников, делает систематические денежные подачки ряду сенаторов, конгрессменов, дипломатов и военных. Ее экономическая мощь (ИТТ входит в первую десятку крупнейших американских корпораций) позволяет ей оказывать все большее давление на правительство, играть заметную роль в определении внешнеполитического курса Вашингтона. ИТТ имеет собственную международную телефонную сеть, коммерческий воздушный флот, разветвленную систему контршпионажа, призванную в ходе непрестанной конкурентной борьбы исключить возможность утечки информации не только о тайной, но и обо всей деятельности компании. В Латинской Америке ИТТ создала свою службу разведки, которая в необходимых случаях проводит самостоятельные операции с целью обеспечить компании выгодные позиции на мировом рынке.

В Чили ИТТ владела с 1930 г. монопольной концессией сроком на 50 лет. За годы своего хозяйничанья она, вложив 28 млн. долл., выкачала из Чили 360 млн. долл. прибыли. Дочерние компании корпорации ИТТ — «Стандард электрик», «Телефонос де Чили», «Ойл американ кэйблз» и «ИТТ уорлд коммьюникэйшнз» — занимали второе место по выпуску радио- и телеоборудования в Чили, контролировали 95% всех телефонных установок и фактически полностью управляли телеграфной и телефонной связью. Естественно, имея такие крупные интересы в Чили и стремясь удержать свое господствующее положение, ИТТ в течение многих лет развивала лихорадочную активность в различных направлениях, чтобы не допустить «нежелательных изменений» в экономической и политической структуре страны.

14 сентября 1970 г., спустя 10 дней после выборов в Чили, директор отдела международных связей ИТТ Дж. Нил, этот «ветеран антикоммунизма», как называли его руководители компании, специально встречался с Р. Вейки, советником по делам латиноамериканских стран государственного секретаря США, а также имел телефонный разговор с помощником последнего — Ч. Мейером. По строго секретному поручению президента ИТТ Г. Дженина, Нил проинформировал госдепартамент о готовности корпорации «предоставить сумму, выражавшуюся семизначной цифрой, для финансирования либо политических маневров, либо военного переворота, чтобы помешать Альенде занять пост президента»⁷.

17 сентября политический советник ИТТ Х. Хендрикс и вице-президент латиноамериканского отделения ИТТ Р. Берреллиз, связь которых с ЦРУ была несомненна, сообщили

из Сантьяго старшему вице-президенту компании Э. Джеррити, что посол США в Чили получил 15 сентября директиву госдепартамента, которая наделяла его полномочиями предпринимать от имени президента Никсона любые шаги, за исключением прямой вооруженной интервенции, чтобы не допустить прихода Альенде к власти. «Более чем очевидно, — писали они, — что противники Альенде будут нуждаться в финансовой поддержке извне. Конкретные размеры этой поддержки окончательно определятся к 1 октября. Мы обещали такую поддержку».

Одним из инструментов, использовавшихся в антIALьендовской кампании, являлась чилийская пресса. Подачки газете «Меркурио» осуществлялись по каналам ЦРУ и ИТТ, передача ей денег продолжалась и после того, как Сальвадор Альенде стал президентом⁸.

29 сентября начальник латиноамериканского отдела Центрального разведывательного управления У. Броу вылетел в Нью-Йорк для встречи с Джеррити, чтобы по поручению руководства ЦРУ изложить план создания в Чили экономической нестабильности. Основные положения этого плана гласили: «1. Банки не должны возобновлять кредиты или должны затянуть их предоставление. 2. Компаниям следует тормозить выполнение оплаченных заказов и отгрузку запасных частей. 3. Сберегательные кассы и коммерческие банки находятся в затруднительном положении. Если оказать на них нажим, они вынуждены будут «захлопнуть свои двери», и это обострит напряженность. 4. Нам надо прекратить оказание всякой технической помощи и не обещать ее в будущем. Компаниям, имеющим отношение к предоставлению такой помощи, необходимо свернуть свою деятельность».

В тот же день Берреллиз сообщил в Нью-Йорк, что определенные круги промышленников способствуют созданию в стране кризиса. Экономическое положение Чили быстро ухудшается, стоимость эскудо по отношению к доллару после выборов упала на одну треть. Активно функционирует черный рынок. Делается все, писал в другом своем сообщении Берреллиз, чтобы вызвать закрытие банков, предприятий и рост безработицы. Массовая безработица, всеобщее волнение, паника должны стать источником значительных беспорядков, которые дадут военным повод действовать. В заключение Берреллиз обращал внимание руководства ИТТ на необходимость соблюдения строжайшей конспирации, чтобы участие компании в подрывных акциях против Чили «не вышло наружу».

30 сентября Нил направил вице-президенту ИТТ У. Мерриаму памятную записку, в которой привел данные о предоставлении Соединенными Штатами «помощи и кредитов Чили для борьбы с коммунизмом». С 1961 по 1970 г. на эти цели было выделено 1336,4 млн. долл. Сетую на то, что затраченные миллионы не смогли «спасти» Чили от победы Альенде, Нил подчеркивал: госдепартамент обязан занять более активную и твердую позицию в отношении левых сил. Нил был уверен, что в случае избрания Альенде администрация Никсона будет готова достаточно быстро оказать соответствующий нажим на Чили. «Считаю,— писал он,— что это должен быть тихий, безмолвный нажим, означающий прекращение помощи. Представителям США в международных банках будут даны инструкции голосовать против выделения кредитов Чили». Очевидно, директор отдела международных связей ИТТ был прекрасно осведомлен о том, что обсуждали и решали президент и его министры на сверхсекретных совещаниях в Совете национальной безопасности.

9 октября Мерриам изложил в докладе одному из директоров ИТТ — Маккоуну суть своей беседы с Броу в штаб-квартире ЦРУ: «Сегодня я завтракал с нашим связным в управлении Маклина в ЦРУ. По его словам, продолжаются попытки обращения к отдельным представителям вооруженных сил с целью побудить их возглавить военный переворот»⁹.

15 октября Нил сообщил Мерриаму о разговоре с послом Корри, вызванным «для консультаций» в Вашингтон. Консультации, очевидно, были параллельными — и с госдепартаментом, и с ИТТ. Речь шла об экономических санкциях против правительства Альенде.

Из памятной записки Хендрикса от 16 октября, адресованной Джеррити, явствует, что руководители ИТТ делали тогда ставку на переворот, замышлявшийся бригадным генералом Робертом Вио. «Шансы на военный переворот,— говорилось в записке,— слабы, однако продолжают существовать». Видимо, именно из-за «слабости шансов» Вио получил из Вашингтона указание воздержаться от выступления. Генералу Вио было указано, что, если он выступит преждевременно и проиграет, такое поражение превратится в «чилийский залив Кочинос». Устно его заверили, что США гарантируют материальную помощь и поддержку для осуществления операции в более поздний срок.

Согласно меморандуму Центрального разведывательного управления от 15 октября, приняв решение задержать переворот, планируемый Вио, Киссинджер поручил заместителю

директора ЦРУ Карамесспнесу сохранить все группы, работающие в Чили, но заставить их действовать скрытно и с соблюдением мер безопасности, чтобы поддерживать возможности ЦРУ для развертывания операций против Альенде в будущем. В телеграмме штаб-квартиры ЦРУ от 16 октября сообщалось: «Наша твердая и неизменная политика преследует цель свержения Альенде путем переворота... Мы должны продолжать оказывать максимальное давление... используя любую предоставляющуюся возможность»¹⁰.

23 октября руководство ИТТ направило на имя государственного секретаря США меморандум, в котором настаивало на применении к правительству Народного единства различных экономических и политических санкций с таким расчетом, чтобы Сальвадор Альенде «не мог продержаться в течение решающих шести месяцев после его избрания». Выдвинутая руководством ИТТ программа действий предусматривала экономическую войну и дипломатический саботаж против Чили. Этот меморандум в тот же день был представлен правительству США. Киссинджер горячо поблагодарил Мерриама за его рекомендации.

Таким образом, именно ИТТ наряду с ЦРУ принадлежала инициатива разработки плана экономической войны, которая создала серьезные трудности для экономики Чили. Разумеется, ИТТ была далеко не единственной компанией, которая совместно с ЦРУ вначале предприняла попытки не допустить прихода к власти правительства Народного единства, а затем развернула активную подрывную работу с целью его свержения. В том же духе, как стало известно позже, действовали и ряд других монополий. В декабре 1976 г. в американской печати со ссылкой на документы госдепартамента сообщалось, что руководители «Анаконды» выделили 500 тыс. долл. на вмешательство во внутренние дела Чили в ходе избирательной кампании 1970 г.

Несмотря на объединенные усилия видных деятелей ЦРУ и крупных финансовых воротил из ИТТ и других компаний, имевших поддержку в высоких сферах государственного аппарата США, попытка нанести поражение Сальвадору Альенде в 1970 г. не удалась. Победа коалиции Народного единства в Чили и приход к власти правительства, возглавляемого социалистом Альенде, явились самым крупным на континенте — после образования Республики Куба — поражением империализма США. Североамериканский монополистический капитал не отказался от своих целей и не сложил оружия. Политика ИТТ и в ее лице американского монополистического капитала в целом стала частью поли-

тики американской администрации, и ее осуществление рассматривалось как основное средство достижения экономических целей Соединенных Штатов в Чили. Между представителями администрации, ЦРУ и ИТТ было достигнуто полное согласие во всем, что касалось оказания на Чили экономического давления извне, направленного на подрыв функционирования наиболее уязвимых секторов ее хозяйства и на создание благоприятных политических условий для осуществления государственного переворота.

План переворота в действии

В ответ на планируемые правительством Народного единства социальные преобразования Соединенные Штаты сразу же после национализации североамериканских компаний, эксплуатировавших главные медные рудники, подвергли Чили «невидимой блокаде». Было оказано давление на Международный банк реконструкции и развития, Межамериканский банк развития, Международный валютный фонд, чтобы лишить Чили долгосрочных кредитов (на общую сумму 130 млн. долл.), которые ссужались ей до 1970 г.

11 августа 1971 г. госдепартамент исключил Чили из перечня стран континента, получающих от Соединенных Штатов займы на нужды развития. В рамках уже упоминавшейся специально созданной при Совете национальной безопасности «рабочей группы» по Чили еженедельно устраивались межведомственные совещания, на которых вырабатывалась политика экономических санкций против Чили (так называемая программа возмездия). «Цель всех этих заседаний, проводившихся в течение первых двух месяцев после избрания Сальвадора Альенде, состояла в том, — писала «Нью-Йорк таймс», — чтобы ни одно правительственное ведомство по оказанию помощи и ни одно ведомство, предоставляющее займы, не дало Альенде ни цента»¹¹. Одновременно, словно сговорившись, и все частные североамериканские банки приостановили кредиты (на общую сумму 220 млн. долл.) для финансирования внешней торговли. Размеры кредитования закупок зерна, в котором чилийцы остро нуждались, были резко ограничены.

Предпринятая Соединенными Штатами блокада в области кредитов, как и было рассчитано, сразу же сказалась на платежном балансе Чили, парализовала ее промышленную и коммерческую деятельность. Новому правительству прищ-

лось осуществлять свои проекты за счет мобилизации внутренних ресурсов. В довершение ко всему был предъявлен ультиматум — немедленно погасить долги, скопившиеся за все годы существования буржуазных правительств в Чили. Положение усугубилось еще тем, что США отозвали своих технических специалистов, отказались предоставлять Чили запасные части для машин и оборудования. Все происходило так, как об этом писал в своем меморандуме посол США в Сантьяго Э. Корри: «При режиме Альенде не будет разрешено послать в Чили ни один болт, ни одну гайку... Мы сделаем все возможное, чтобы обречь чилийцев на предельные лишения и нищету»¹². Американский посол угрожал тогда, что Соединенные Штаты в случае победы Народного единства будут проводить такую политику, которая с течением времени «обострит все трудности» существования нового режима. Чтобы представить себе последствия приведения в исполнение этой угрозы, необходимо иметь в виду степень экономической зависимости Чили от США: оборудование предприятий меднорудной промышленности более чем на 90% импортировалось из США, 87% импорта запасных частей для нефтяной промышленности также приходилось на них, аналогичное положение сложилось и в других горнодобывающих отраслях.

Еще одним рычагом экономической войны стал фактический бойкот чилийской меди, организованный на европейских рынках крупнейшей медной компанией «Кеннекотт коппер». Чилийские авуары этой компании были национализированы на законном основании в соответствии с конституцией в результате общепринятой судебной процедуры, в ходе которой была отклонена апелляция «Кеннекотт коппер корпорейшн». Но компания добилась, чтобы суды Франции, Голландии и Швеции наложили эмбарго на платежи за экспорт чилийской меди. Эта акция нанесла наибольший экономический ущерб. Сложилась атмосфера недоверия со стороны покупателей главного предмета экспорта Чили. Уже в процессе национализации медных рудников североамериканская администрация компании «Кеннекотт коппер» в Чили приступила к планомерному проведению саботажа. В итоге снизились темпы производства: в 1972 г. выплавка меди увеличилась всего на 0,6%, а в 1973 г. она сократилась. Доходы государства от крупных рудников упали с 374 млн. долл. в 1970 г. до 108 млн. долл. в 1971 г. и до 68 млн. долл. в 1972 г. Это, естественно, сказалось на снижении доходов от экспорта. Валютные резервы в стране к середине 1972 г. практически были исчерпаны. Не были возобновлены кре-

диты на сумму 20 млн. долл. Их отсутствие привело к сокращению покупательной способности и нехватке товаров — только в 1972 г. импортные товары подорожали на 60%.

Результатом давления Соединенных Штатов явился экономический спад в чилийской экономике в первой половине 1973 г. Президент Сальвадор Альенде на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1972 г. заявил, что на Чили оказывается усиленное давление извне, чтобы «отрезать нас от остального мира, удушить нашу экономику, парализовать торговлю и лишить доступа к источникам международного финансирования». При этом он обвинил Соединенные Штаты в организации «тайной, не прямой агрессии» против Чили. Эта агрессия находила свое проявление и в санкционированном руководителями исполнительной власти США расширении связей ЦРУ с представителями важнейших звеньев государственного аппарата Чили, с военными и полицией, а также с частными организациями (ассоциациями собственников) и оппозиционными партиями.

При активной поддержке США на руководящие посты в вооруженных силах Чили были поставлены сторонники военного переворота. В начале 1972 г. на должность начальника штаба армии был назначен генерал Пиночет. Он, как потом выяснится, сразу же начал форсировать подготовку путча. В конце года Пиночет становится командующим армией и еще более расширяет масштабы заговорщической деятельности. Он сосредоточивает в своих руках координацию действий различных родов войск по подготовке переворота. Военные заговорщики устанавливают контакты с верхушкой ассоциации владельцев грузовиков, а также с теми представителями большого бизнеса, которые стремились к насильственному свержению правительства. В то же время значительные финансовые ресурсы монополий США были направлены на организацию подрывной деятельности в Чили, чтобы вызвать массовые беспорядки и спровоцировать социальные столкновения внутри страны и, таким образом, сделать «чилийский путь» менее привлекательным в глазах соседей по континенту.

Организованные и оплаченные Центральным разведывательным управлением крупные забастовки владельцев транспорта и торговцев, происходившие перманентно на протяжении 1972—1973 гг., сыграли немалую роль в дестабилизации экономики. Так, в октябре 1972 г. вспыхнула общенациональная забастовка владельцев грузовых машин, преследовавшая политические цели и способствовавшая возникновению хаоса. Поскольку ландшафт Чили гористый, ее эконо-

мика полностью зависит от автомобильных перевозок. Парализовать их — значило остановить жизнь страны. В результате забастовки снабжение населения было дезорганизовано; рабочие не могли даже ездить на работу из-за того, что перестал функционировать транспорт, не принадлежащий государству.

Забастовка владельцев грузовиков, дезорганизовавшая снабжение населения, явилась своего рода детонатором: за ней последовал саботаж со стороны других групп предпринимателей, торговцев, которые лихорадочно создавали черный рынок, поскольку правые в конгрессе отказались голосовать за принятие законопроекта об уголовной ответственности за спекуляцию.

Все забастовки щедро финансировались извне, и поэтому их участники не испытывали недостатка в денежных средствах. Это подтвердил после ухода в отставку с поста директора бюро разведки и исследований госдепартамента Рей Клайн. «Деятельность ЦРУ в Чили, — заявил он, — включала финансовую поддержку забастовок владельцев грузовиков и владельцев магазинов». Центральное разведывательное управление тайно финансировало бастующие профсоюзы и профсоюзные группы более чем за 18 месяцев до того момента, когда было свергнуто правительство Народного единства. Около половины из 8 млн. долл., выделенных ЦРУ на подрывные акции в Чили, было израсходовано на субсидирование выступлений представителей средних слоев и другие связанные с этим цели.

Диверсионные группы все чаще совершали террористические акции в отношении руководителей и сторонников Народного единства; подвергались нападениям помещения демократических организаций, взрывались нефтепроводы, электростанции, мосты, высоковольтные линии электропередачи и другие жизненно важные объекты страны. Как и забастовка владельцев транспорта, все эти заранее спланированные, направляемые из одного центра действия реакции служили единой цели: создать в стране хаос, сорвать подвоз сырья и топлива, вызвать перебои в снабжении населения продовольствием.

Для сохранения контроля над положением в стране Сальвадор Альенде 9 августа 1973 г. реорганизовал кабинет, включив в него командующих четырьмя родами войск. Главнокомандующий сухопутными силами генерал Пратс был назначен министром национальной обороны, командующий ВМС адмирал Монтеро — министром финансов, командующий ВВС генерал Руис — министром общественных работ и

транспорта, генеральный директор корпуса карабинеров (военизированной полиции) генерал Сепульведа — министром освоения земель. 17 августа 1973 г. стало известно о намерении заговорщиков в армии использовать в своих преступных целях генерала Руиса. Два дня спустя его заменили на посту министра общественных работ и транспорта генералом Маглиокетти, а командующим ВВС был назначен генерал Ли, тайный сообщник Пиночета; это укрепило контроль заговорщиков над военной авиацией.

Опираясь на реакционную верхушку армии, правые силы, подталкиваемые и руководимые Пентагоном и Центральным разведывательным управлением, активизировали деятельность по обработке чилийского офицерства и солдат, привлечению их на свою сторону и к участию в антиправительственном заговоре. 21 августа реакция организовала провокацию против генерала Пратса, который, сохраняя верность правительству Народного единства, принимал активное участие в преобразованиях в стране и поэтому мешал заговорщикам. Перед его резиденцией устроили демонстрацию — так называемый «сковородочный бунт» нескольких сот женщин, в том числе жен военнослужащих. Они грубо оскорбляли Пратса и требовали его ухода из армии. Генералы угрожали Пратсу, что дальнейшее его пребывание на посту главнокомандующего сухопутными силами и министра обороны вызовет раскол в рядах вооруженных сил, приведет к гражданской войне. 23 августа Пратс подал в отставку со всех своих постов*. Заговорщикам удалось добиться также отставки командующего ВМС адмирала Монтеро, затем последовало убийство военно-морского адъютанта президента Арайи. Во всех звеньях вооруженных сил проводились чистки, устранялись прогрессивно настроенные офицеры. Ссылаясь формально на закон о контроле над оружием (принятый против правых террористических организаций), командующие гарнизонами производили изъятие оружия на предприятиях, в профсоюзных центрах. Все это практи-

* Интересно отметить, что 27 августа 1973 г., т. е. за две недели до государственного переворота, Пратс писал в дневнике: «Я думаю, что мы недооценили серьезность и возможность заговора, осуществляемого Соединенными Штатами против Чили. Мы не приняли во внимание всю его тяжесть, хотя и знали о секретном совещании Киссинджера в Чикаго, двумя неделями позже победы Народного единства на выборах в Чили. Киссинджер без обиняков сказал, что, если Альенде утвердят в качестве президента, в Чили будет создано коммунистическое правительство и тогда Аргентина, Боливия и Перу смогут следовать этому примеру. Он очень ясно дал понять, что Соединенные Штаты не допустят этого»¹³.

чески обеспечивало успех заговору: дорога для заговорщиков фактически оказалась открытой.

И вот на 11 сентября 1973 г. переносятся учения «Унидас» («Единство»), которые должны были состояться через неделю. Маневры решили использовать как первый шаг в осуществлении плана военного переворота. Главенствующая роль в нем принадлежала участникам упоминавшегося выше обеда у атташе военной миссии Чили в США, состоявшегося в предместье Вашингтона еще в 1969 г. Адмирал Тронкосо утром 11 сентября 1973 г. дал сигнал к военному мятежу, еще ранее он учинил чистку во флоте, в результате которой были устранены демократически настроенные офицеры. Генерал Баэса руководил штурмом президентского дворца; он распорядился поджечь его. После переворота Пиночет предоставил ему пост директора Национальной службы расследований. Генерал Гутьеррес являлся ближайшим сообщником генерала Ли, командующего ВВС, отдавшего приказ обстрелять президентский дворец ракетами и превратившего его в руины. После переворота Гутьеррес был назначен министром общественных работ.

Позже стало известно, что непосредственное участие в путче принимали летчики военно-воздушных сил США. Американский самолет-разведчик с новейшим электронным оборудованием на борту руководил действиями чилийских самолетов, атаковавших президентский дворец Ла Монеда. Бомбардировка президентского дворца, точность которой поразила даже специалистов, была делом группы мастеров воздушного пилотажа. Они прибыли в Чили из США под предлогом участия в уже упоминавшихся маневрах «Унидас».

Итак, 11 сентября 1973 г. чилийская военщина, поощряемая из-за рубежа империалистическими кругами, совершила злодейское преступление — убила законного президента страны, свергла правительство Народного единства и, захватив власть, установила режим фашистского типа. Во главе государства и правительства встала хунта, состоящая из представителей трех родов войск и корпуса карабинеров. Председатель хунты генерал Аугусто Пиночет Угарте указом хунты был объявлен президентом республики. В правительстве ключевые посты заняли военные. Национальный конгресс и палата депутатов были распущены. Таким образом, военный переворот, при совершении которого интересы чилийской буржуазии совпали с интересами крупных североамериканских монополий, не только уничтожил конституционное правительство страны, но и покончил с самой кон-

ституцией, на которой основывалась буржуазная демократия в Чили. «На ее развалинах,— пишет чилийский журналист Хосе Мигель Варас,— возник неофашистский режим, имеющий свои специфические особенности и вместе с тем ужасающе схожий с известными европейскими образцами».

Во власти фашизма

«История Чили,— заявил Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан,— не знает диктатуры столь жестокой, как нынешняя, которая приносит столько страданий нашему народу».

Трагедия Чили острой болью отозвалась в сердцах миллионов людей, потрясла всю демократическую общественность мира. Только за первые четыре месяца господства фашистской диктатуры военной хунты около 20 тыс. человек было убито, 30 тыс. политических заключенных подверглись жестоким пыткам, 25 тыс. студентов исключены из университетов и более 200 тыс. рабочих, придерживающихся прогрессивных взглядов, уволены.

Однако время, когда машина политического террора, возведенного хунтой в ранг государственной политики, работает на полную мощность, было еще впереди. К началу 1975 г. число прошедших через тюрьмы и концентрационные лагеря достигло, по признанию министра внутренних дел хунты, 41 759 человек. Но и эти официальные данные были явно занижены. По свидетельству английской газеты «Файнэншл таймс», всего за время с 11 сентября 1973 г. по 30 июня 1975 г. было арестовано по политическим мотивам или бесследно пропало 95 тыс. противников хунты.

Как заявил в интервью швейцарской газете видный голландский политический деятель Мансхолт, побывавший в Чили, террор в стране такой, что напоминает методы (налеты, пытки, запугивания), применявшиеся нацистами во время второй мировой войны. Репрессии используются все шире и решительнее. Черной сетью концентрационных лагерей, создаваемых на нацистский лад, опутана вся страна.

Сразу же после переворота хунта создала по образу и подобию гитлеровского гестапо свою тайную полицию — Национальное разведывательное управление (ДИНА). Этот репрессивный орган был наделен безраздельной властью — правом арестовывать людей, бросать их в тюрьмы, пытать,

а если нужно, и уничтожать. Он действовал только по личным приказам Пиночета и был подотчетен лишь одному ему. ДИНА пользовалась неограниченными правительственными ассигнованиями и поэтому располагала совершенными техническими средствами.

Диапазон функций ДИНА, представлявшей собой чилийский вариант Центрального разведывательного управления и Федерального бюро расследований США, вместе взятых, был весьма широк: она объединяла контрразведку, разведку и службу расследования — гражданскую полицию. Служба контрразведки ДИНА осуществляла тотальную слежку внутри страны, держа под своим контролем все слои населения.

С некоторых пор репрессии приняли новую форму. Чтобы не увеличивать списка политических заключенных, освобождения которых требует мировая общественность, фашистская хунта ввела в систему похищения и последующее «исчезновение» людей, подозреваемых в нелояльности к пиночетовскому режиму. Эти похищения агентами чилийского гестапо стали в стране повседневной практикой. Так, 12 мая 1976 г. сотрудники ДИНА схватили боровшегося с фашизмом в подполье заместителя Генерального секретаря Компартии Чили, лидера рабочего движения Виктора Диаса. Вопреки неопровержимым доказательствам ДИНА упорно отказывалась признать факт своей причастности к этому аресту.

Таким же образом исчезли в июне 1976 г. руководители чилийской социалистической партии: Эксебель Понсе, Карлос Лорка, Рикардо Лагос. «Пропавшими без вести» значатся видные деятели Компартии Чили Марио Саморано, Хорхе Муньос, Бернардо Арайя и другие. Среди «пропавших без вести» — активисты профсоюзного, женского и молодежного движения.

Все чаще на пляжах за городом обнаруживали трупы со следами пыток на теле. Это трупы политических деятелей, «пропавших без вести», арест которых власти отрицали. 12 сентября 1976 г. на пляже Ла-Бальена был обнаружен труп школьной учительницы Марты Угарте Роман со следами истязаний. Позвоночник у нее был сломан, пальцы отрублены, а шею охватывала железная петля. Марта Угарте была членом ЦК Коммунистической партии Чили. Почти три года ей удавалось скрываться от преследований охранки Пиночета, но 9 августа 1976 г. ее схватили агенты ДИНА. Однако она не значилась в списке задержанных, и факт ее ареста всячески скрывался.

Что касается службы разведки ДИНА, то она была призвана создать — не без содействия ЦРУ — опорные пункты прежде всего в странах Латинской Америки и Западной Европы, предоставивших убежище беженцам из Чили, — за три первых года их было 60 тыс. Опорные пункты понадобились Пиночету для того, чтобы держать под своим контролем деятельность зарубежных центров чилийской политической эмиграции, учинять террористическую расправу над эмигрантами, опасными для правящей хунты.

Первой жертвой стал генерал Пратс, занимавший в правительстве Сальвадора Альенде пост главнокомандующего сухопутными силами, министра национальной обороны и внутренних дел. Хунта вынудила Пратса покинуть страну вскоре после переворота; он направился в Аргентину. Решительный противник режима военной диктатуры, генерал Пратс, имя которого оставалось для военнослужащих и всего народа Чили образцом верности воинским традициям и символом надежды, представлял большую опасность для Пиночета и его сообщников. Пратс мог снова вернуться в страну, где, несомненно, нашел бы поддержку, невзирая на политические разногласия, и имел бы сильное влияние на вооруженные силы. Больше всего боясь этого, хунта не остановилась перед физическим уничтожением Пратса. 30 сентября 1974 г. он был убит в Буэнос-Айресе агентами ДИНА. В автомобиль Пратса «неизвестные лица» подложили бомбу.

Затем в Риме было совершено покушение на Бернардо Лейтона, известного лидера христианско-демократической партии и министра внутренних дел в правительстве Фрея. Из-за преследований хунты Лейтон переехал в Италию и стал там признанным руководителем чилийской оппозиции. В ночь на 6 октября 1975 г. агенты ДИНА напали на Лейтона и его жену, когда они возвращались домой. Выстрелив в упор, «неизвестные» скрылись.

За этим последовала новая террористическая акция ДИНА: 21 сентября 1976 г. был зверски убит видный чилийский политический деятель Орландо Летельер. Бывший посол Чили в США, бывший министр иностранных дел, внутренних дел и национальной обороны в правительстве Альенде, Летельер был арестован заговорщиками утром 11 сентября 1973 г., еще до штурма президентского дворца, когда по поручению Сальвадора Альенде явился в министерство обороны для разговора с главарями мятежников. Пиночет, знавший, как велика популярность этого человека, не решился расправиться с ним тогда же. В числе 35 видных

деятели народного правительства хунта бросила Летельера в концлагерь на острове Досон. Мировая общественность решительно требовала его освобождения. Это возымело действие: хунта освободила Летельера и выслала его из Чили. Он уехал в США, где продолжил разоблачения злодеяний хунты: готовил петиции, давал интервью, писал статьи, памфлеты, выступал на митингах, неся американцам слова правды о преступлениях пиночетовской клики. Летельер неустанно добивался углубления изоляции хунты, прекращения военной и экономической помощи преступному режиму, попирающему элементарные человеческие права. 11 сентября 1976 г. хунта специальным декретом лишила его чилийского гражданства. В эти дни он получил письмо от своего старого знакомого, близкого к военной верхушке Чили. «Вы должны знать,— предупреждал его автор письма,— что высшее руководство хунты обсуждает сейчас вопрос о том, должны ли вы быть убиты». Прошло несколько дней, и Летельера не стало: он погиб среди бела дня в центре Вашингтона в результате взрыва бомбы, подложенной в его автомобиль.

По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», убийство Летельера было делом рук проживающих в США кубинских эмигрантов-контрреволюционеров. Организовал эту «операцию» один из главарей пиночетовской тайной полиции, прилетевший незадолго перед этим в Майами. К террористической акции имели отношение и другие сотрудники ДИНА из чилийского посольства, расположенного неподалеку от места преступления на той же Массачусетс-авеню. Нанятые ДИНА кубинские контрреволюционеры-террористы прибыли в Вашингтон из Майами за три дня до убийства Летельера; один из них — эксперт по взрывчатке, прошедший в 60-е годы обучение в ЦРУ. Как утверждала американская печать, не обошлось и без поддержки «крестного отца» чилийской охранки — Центрального разведывательного управления США. Невозможно допустить, справедливо отмечали американские обозреватели, чтобы руководители ДИНА могли затевать столь вероломное и опасное преступление в столице США, не согласовав своих действий или, во всяком случае, не проинформировав ЦРУ.

Взрывное устройство, которым был убит Летельер, поместили, как установили эксперты, точно под его сиденьем, и было оно по своей конструкции весьма хитроумным и потому, всего вероятнее, не чилийского производства. Сигнал взрыва был дан по радио в тот самый момент, когда автомобиль Летельера проезжал по площади Шеридан, неподалеку

от официальной резиденции посла хунты Пиночета. Кто-то в этом доме специально следил за автомобилем из окон верхнего этажа; когда он отъехал на сто метров, нажал кнопку и привел в действие взрывное устройство.

И наконец, получили подтверждение данные о том, что непосредственные исполнители террористической акции прибыли в Нью-Йорк 25 августа рейсом «Люфганзы» из Сантьяго.

Такова цепь обстоятельств, сопутствовавших осуществлению санкционированной в Сантьяго террористической акции и вызвавших впоследствии серьезные подозрения в причастности к ней ЦРУ. Некоторые американские обозреватели открыто заявляли, что Центральное разведывательное управление, с головой ушедшее в античилийскую политику и в течение двух десятилетий верховодившее в военном ведомстве и разведке Чили, не могло не знать заранее о вынашивавшихся ДИНА планах убить Летельера. «Мы подготовили террористов в наших контрразведывательных школах, вооружили их и набили деньгами их карманы,— писал журнал «Нейшн» 2 октября 1976 г.— Теперь они убивают уже в нашей столице, а мы объявляем миру о своем возмущении».

Расследование обстоятельств убийства Орландо Летельера вызвало замешательство следственных органов США. Последовало секретное совещание тогдашнего директора ЦРУ Дж. Буша с руководителями министерства юстиции. Хотя никаких подробностей об этом совещании, естественно, сообщено не было, газета «Вашингтон пост», ссылаясь на лиц, близких к расследованию, писала 9 октября 1976 г., что «следствие, возможно, раскрыло содержание информации весьма деликатного свойства», которую ЦРУ хотело бы сохранить в тайне под предлогом интересов национальной безопасности.

Таким образом, в руках правящей военной хунты ДИНА все эти годы была основным орудием, с помощью которого фашисты расправлялись с лучшими сынами и дочерьми чилийского народа. «Крестным отцом» ДИНА не без оснований называют Центральное разведывательное управление США. Во-первых, потому, что ЦРУ в течение многих лет фактически хозяйничало в военном и разведывательном аппарате Чили. К концу 60-х годов, используя прочно установившиеся к тому времени связи с чилийской службой внутренней безопасности и разведкой — военной и гражданской, Центральное разведывательное управление приспособило их для сбора информации о коммунистах, социалистах и других

прогрессивно настроенных элементах в Чили, представляющих опасность для позиций США в этой стране. Во-вторых, ЦРУ совместно с Пентагоном еще задолго до переворота натаскивало на методах борьбы с революционным движением будущих лидеров и деятелей хунты, а также некоторых эмигрантов, ставших затем платными агентами ДИНА. В-третьих, Соединенные Штаты не без содействия Центрального разведывательного управления имеют самое прямое отношение к поставкам военно-фашистской хунте специальной техники, применяемой для допросов. Официальная «чикагская комиссия расследований» на основании показаний свидетелей установила, что в чилийских тюрьмах и концентрационных лагерях широко используется специальное оборудование для пыток, изготовленное в США. Помощь палачам в освоении этой техники оказывают «иностранные эксперты». Анализ данных о поставках американского оружия в Чили, писала в августе 1977 г. газета «Нью-Йорк таймс», говорит о том, что «ведомства и корпорации США обеспечивают оружием, технической поддержкой, инструктажем полицию и военизированные силы, непосредственно занимающиеся пытками, убийствами и лишением свободы инакомыслящих граждан».

На тесные связи между чилийской тайной полицией и Центральным разведывательным управлением пролил свет и неофициальный визит в августе 1975 г. в Соединенные Штаты шефа ДИНА Контрераса. Генерал Вернон Уолтерс, в то время заместитель директора ЦРУ, был уполномочен организовать этот визит и множество встреч с влиятельными лицами. Значение ДИНА для Вашингтона ясно просматривается сквозь попытки Белого дома сохранить в тайне этот визит и через его отказ разрешить конгрессу провести расследование по этому вопросу.

И наконец, не без подсказки своего «крестного отца» пинчотовская хунта разыграла в августе 1977 г. очередной пропагандистский спектакль. ДИНА, наводившая на протяжении четырех лет ужас на население страны и подвергавшая жестоким репрессиям и варварским пыткам не только коммунистов и представителей других левых сил, но и деятелей буржуазной оппозиции, включая католических священников, была объявлена вдруг распущенной как «исчерпавшая свои деликатные функции». Фальшивый спектакль состоялся в тот день, когда в Сантьяго для переговоров с главарями фашистского режима прибыл помощник государственного секретаря США по межамериканским делам Т. Тодмен, первый высокопоставленный посланец админист-

рации Дж. Картера. Как пояснила газета «Вашингтон пост», кое-кому в Вашингтоне очень хочется «улучшить облик чилийского правительства», создать видимость, что хунта «начинает уважать права человека». А за этим, подчеркивает газета, может последовать расширение официальных отношений между Вашингтоном и Сантьяго, наталкивающееся на гневное осуждение пиночетовского режима мировой общественностью.

Ну а что же стало с ДИНА? По указу Пиночета место ДИНА, «выполнявшей сложные функции по обеспечению национальной безопасности», занял теперь так называемый национальный информационный центр. Если не считать разницы в названиях, то никаких изменений, собственно, не произошло. Все осталось по-старому. Сегодняшний национальный центр информации — копия вчерашней ДИНА: те же люди, та же техника и «инструментарий» для допросов, те же камеры пыток и концлагеря, те же источники финансирования и, наконец, та же прямая подчиненность самому диктатору. В сентябре 1977 г. лондонская газета «Таймс» писала: «После четырех лет диктатуры фашистского типа режим Пиночета не проявляет склонности изменить курс. Он держится лишь благодаря террору».

В июле 1980 г. режим Пиночета расширил полномочия своей охраны. За этим последовала очередная волна террора. Была предпринята серия новых облав и арестов как в городских районах, так и в сельской местности.

Итак, все указывает на то, что, сменив вывеску своей тайной охраны, хунта оставила без изменения ее основную репрессивную сущность. Ее задачей по-прежнему является осуществление жесточайшего террора и массовых преследований чилийских патриотов, не согласных с политикой диктаторского режима.

11 сентября 1980 г., в седьмую годовщину кровавого переворота, был проведен «плебисцит» с целью навязать Чили фашистскую конституцию и продлить в стране диктаторский режим по меньшей мере на 16 с половиной лет. Новая конституция, которая вступила в силу 11 марта 1981 г. и будет действовать в течение девяти последующих лет, узаконивает сложившуюся в стране ситуацию, которая вызывает все больший протест даже у тех, кто вначале поддерживал действия хунты.

Военная хунта, захватив власть, пыталась оправдать свои действия стремлением «восстановить порядок» в стране и прежде всего «оздоровить» экономику. Как это выглядит на самом деле?

«Тирания,— говорится в Манифесте Коммунистической партии Чили,— существует для того, чтобы загнать страну в рамки, выгодные местным и иностранным монополиям. Фашизм — это антидемократия, террористическая диктатура, направленная в первую очередь против рабочего класса, нетерпимо относящаяся ко всем прогрессивным идеям, преследующая их»¹⁴.

Нынешняя экономика Чили больна, как никогда прежде, она переживает кризис. Между тем Пиночет и органы пропаганды фашистского режима упорно твердят о некоем чилийском «экономическом чуде», о том, что страна получила «самый солидный за это столетие экономический фундамент».

На самом деле фашистская диктатура навязала стране экономическую структуру, которая призвана обеспечить высокие прибыли иностранному капиталу и ограниченному числу крупных национальных групп промышленников путем беспощадной эксплуатации, опирающейся на террор и подавление любых выступлений рабочего класса. После путча была резко снижена заработная плата.

Если к моменту совершения переворота (в августе — сентябре 1973 г.) уровень безработицы в Чили составлял 3,1% и был одним из самых низких на континенте, то в последующие годы он катастрофически вырос. Согласно данным, опубликованным в апреле 1982 г. в итальянском журнале «Эспрессо», в стране более полумиллиона безработных, и к ним следует добавить по крайней мере еще 200 тыс., которые получают от государства мизерную заработную плату.

Признаки спада обнаруживаются во всем. Объем промышленного производства не превышает уровень 1972 г. Все чаще и чаще в газетах появляются сообщения о банкротствах.

Банкротство терпят не только ремесленники, но и мелкие и средние предприниматели, а также сравнительно крупные собственники. Как отмечала еще в декабре 1976 г. французская «Котидьен де Пари», новый факт (и весьма важный в политическом отношении) — это то, что теперь кризис затрагивает и чилийскую буржуазию, ту самую, которая так способствовала падению Альенде.

В 1981 г. разорилась 431 чилийская компания, включая «Сафко» — крупнейшую компанию, экспортирующую фрукты, и сахарную компанию «Крав» — один из крупнейших пищевых конгломератов Чили.

Со времени военного переворота и начала жесткого преобразования в жизнь монетаристского курса «либерализация»

экономики и наплыв импорта привели к банкротству более 1800 компаний.

Отмена аграрной реформы, разорение мелких и средних собственников и концентрация земли в руках немногих наносят ущерб сельскому хозяйству. Более половины участков земли, переданных на основе закона об аграрной реформе крестьянам, возвращены их прежним владельцам, восстанавливается латифундизм. Ликвидация системы государственной помощи крестьянам ведет к их разорению. В результате в 1976 г. сельскохозяйственное производство упало на 28% по сравнению с 1972 г. Экономический кризис продолжает углубляться, и конца ему не видно, указывалось в Заявлении Политической комиссии ЦК Компартии Чили от 11 июня 1982 г.

Все экономические меры военно-фашистской хунты направлены на то, чтобы служить интересам местной олигархии и крупного иностранного капитала. Такова суть экономической стратегии Пиночета, обернувшейся для широких народных масс ростом цен, безработицы, резким снижением уровня жизни.

Авторство в разработке экономической политики хунты в Чили принадлежит известному американскому буржуазному ученому Милтону Фридмену — «интеллектуальному наставнику и неофициальному советнику» той группы чилийских экономистов, которая ныне заправляет организацией хозяйственной жизни. В Чили их называют «чикагскими ребятами», так как некоторые из них учились в Чикагском университете. Они взяли на себя задачу создания «модели» реорганизации хозяйственного механизма страны в интересах крупного бизнеса.

Важно, однако, не столько сам факт привлечения Фридмена к выполнению такого необычного поручения, сколько то обстоятельство, что Фридмен и его сподвижники из числа американских и чилийских экономистов начали свою работу задолго до свержения законного правительства суверенной страны. Параллельно с блокадой и экономической диверсией, проявившей себя с особенной силой в забастовке владельцев грузовиков, осуществлялась разработка проекта перестройки экономического механизма страны в случае удачного насильственного переворота. Такого еще не знала ни история международных отношений, ни все известные до сих пор случаи иностранного вмешательства во внутреннюю жизнь самостоятельного демократического государства.

Все указывает на то, что, вынашивая планы военного переворота в Чили, Соединенные Штаты большое внимание

уделяли вопросу не только о форме будущего режима, но и его экономической политике. Еще в годы правления Народного единства Центральное разведывательное управление с ведома администрации США финансировало деятельность чилийского института общих исследований, находившегося на службе у оппозиции. Размеры финансирования неуклонно росли, и к 1973 г. более 75% объема его работ оплачивалось из средств американской разведки. Институт общих исследований регулярно снабжал экономическими и техническими материалами оппозиционные партии и частные группы. Большинство законопроектов, подготовленных в то время депутатами конгресса от оппозиции, были составлены персоналом этого института *. Ему была поручена и разработка экономических планов военной хунты.

«Архивы показывают, — констатируется в докладе специальной сенатской комиссии, — что сотрудники ЦРУ участвовали в подготовке первоначального общего экономического плана, который послужил основой для важнейших решений хунты в области экономики». Таким образом, те же силы, которые активно содействовали подрыву народного хозяйства Чили в годы правления правительства Народного единства, после прихода хунты к власти решили взять на себя миссию «упорядочения» экономической жизни страны. План «оздоровления» чилийской экономики, или по-другому «модель развития», был предложен заговорщикам еще до того, как монополистический капитал США привел к власти хунту. После установления фашистской диктатуры авторы «модели» буквально не могли дожидаться, когда им дадут возможность приступить к перестройке чилийской экономики на новой основе. Не однажды побывав в Сантьяго Милтон Фридмен, придававший важное значение чилийскому «эксперименту».

Тот факт, что лауреат Нобелевской премии, признанный руководитель одной из влиятельных школ буржуазной политэкономии взялся со своими ближайшими сотрудниками за создание «модели развития» для военно-фашистской хунты, вызвал возмущение прогрессивных кругов. Во время его поездки в Стокгольм в 1976 г. на заседание комитета по Нобелевским премиям полиция вынуждена была ограждать Фридмена от гнева протестующей общественности.

* К их числу относится, в частности, закон о передаче контроля над оружием вооруженным силам страны, который был использован военщиной для занятия заводов, запугивания трудящихся и усиления военного контроля над обществом в расчете на государственный переворот.

Каковы же были первоочередные мероприятия по реализации экономических рекомендаций «чикагской школы»? Отказ от системы государственного регулирования заработной платы в связи с ростом стоимости жизни. Свертывание государственного сектора в промышленности. Ограничение косвенного вмешательства государства в экономику (сокращение государственных расходов, отмена контроля над ставкой банковского процента и т. п.). Возврат прежним владельцам значительной части экспроприированных земель. Реинтеграция Чили в международное финансовое сообщество, означавшая возврат большей части иностранных предприятий прежним их владельцам.

В роли покупателей неизменно выступает небольшое число могущественных национальных экономических групп. Значительная часть промышленных предприятий продана транснациональным корпорациям.

Отмена государственного регулирования ставки банковского процента и предоставление частным финансовым группам права осуществлять кредитование через собственные организации — «финансьерос» — переместили интересы местных промышленных магнатов из производственной сферы в область денежных спекуляций, которые приняли невиданно широкие масштабы. Злоупотребления «финансьерос» столь вопиющи, что вызвали возмущение даже бывшего президента Общества содействия промышленному развитию — организации чилийских промышленников — Орландо Сайеса. Чилийцы называют «финансьерос» «пираньями» и «крокодилами», имея в виду их ненасытность в погоне за наживой.

Общий итог «стабилизации» экономической обстановки в Чили таков: разруха, хаос, перераспределение национального продукта в пользу избранной группы монополистов в ущерб жизненным интересам народных масс.

Как подчеркивается в Манифесте Коммунистической партии Чили, экономическая политика хунты направлена на усиление зависимости от транснациональных компаний, на передачу решений важнейших проблем страны в чужие руки, в первую очередь монополий США. Результаты ее — разбазаривание национального достояния, разрушение значительной части производственного потенциала Чили, установление полукOLONиального статуса. При этом экономика вследствие растущей зависимости от внешних рынков приобретает все более однобокий характер, углубляется структурный кризис.

Администрация США не скрывала своего удовлетворения свержением народного правительства: «Вполне естественно, что, с нашей точки зрения... любое немарксистское прави-

тельство в Чили отвечало непосредственным, конкретным интересам США».

Захватив власть, хунта немедленно отказалась от политики восстановления национальной независимости страны, проводившейся правительством президента Сальвадора Альенде, и встала на путь безоговорочной поддержки стратегических планов США и интересов предпринимателей. Как уже показано, громадное количество предприятий, национализированных в течение предыдущих трех лет, было возвращено их прежним иностранным и чилийским владельцам. Хунта согласилась выплатить компенсацию североамериканским медным компаниям в сумме 500 млн. долл.

В свете этого администрация США и международные финансовые организации немедленно проявили готовность оказать Чили «помощь» в восстановлении ее экономики, сильно подорванной американской блокадой. Таким образом была «восстановлена» кредитоспособность Чили.

Спустя несколько дней после переворота, 25 сентября 1973 г., Вашингтон принял решение об усилении политических и экономических связей с фашистской хунтой. Этому решению предшествовали конфиденциальные совещания между тогдашним американским послом в Сантьяго Дэвисом и государственным секретарем Киссинджером, во время которых «обсуждались способы быстрого оказания помощи хунте».

Правительство США было первым, кто предложил финансовую помощь хунте Пиночета. Американская печать назвала эти меры «экстраординарными» с точки зрения предшествующей политики США в области кредитов для Чили, в основе которой лежал тезис о ее неплатежеспособности *. Еще до урегулирования вопроса о компенсациях медным компаниям администрация США согласилась отодвинуть сроки выплаты части чилийского внешнего долга американским правительственным учреждениям, тогда как раньше, при Сальвадоре Альенде, такое урегулирование выдвигалось в качестве обязательного предварительного условия для переговоров о долге.

Международные финансовые организации, где сильно влияние США, после переворота также заняли благоприятную для хунты позицию по вопросу о предоставлении средств

* До переворота чилийская торговая делегация безуспешно пыталась произвести в США крайне необходимые Чили закупки пшеницы. Педро Бош, член делегации, подчеркивал в то время, что снабжение Чили пшеницей с сентября по декабрь 1973 г. целиком зависело от «политического решения Белого дома».

на осуществление долгосрочных проектов. В Сантьяго сразу же прибыли делегации Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Международного валютного фонда (МВФ), Межамериканского банка развития (МБР) и Межамериканского комитета организации «Союз ради прогресса». Комментируя возможность предоставления хунте кредитов международными финансовыми организациями, тогдашний помощник государственного секретаря США Д. Кубиш заявил: «В том случае, если новое правительство примет разумные программы, которые смогут получить одобрение за границей, я полагаю, что при наличии соответствующих гарантий Международный банк реконструкции и развития, Межамериканский банк развития, а также другие правительственные международные организации будут готовы оказать ему помощь».

Прогнозы Кубиша оказались верными. Хунта широко воспользовалась «щедростью» международных финансовых организаций, что послужило важной подпоркой антинародному режиму.

Наибольшую активность, естественно, развили частные банки США. Поступления краткосрочных коммерческих кредитов во времена президентства Алессандри и Фрея составляли примерно 350 млн. долл. в год. Однако к концу 1971 г., когда у власти находилось правительство Народного единства, они сократились до 25—30 млн. долл. В течение первого же месяца правления фашистской хунтой было получено примерно 200 млн. долл. краткосрочных займов и кредитов, причем около половины из американских частных банков.

Правительство США и частные кредиторы оказали поддержку хунте и иными способами. Так, Соединенные Штаты предоставили ей в 1974 г. в виде прямой военной помощи 15,9 млн. долл. По данным доклада специальной сенатской комиссии, общая экономическая и военная помощь (в виде займов и безвозмездных поставок) США Чили достигла в 1974 г. 123,8 млн. долл.

Будучи членом Парижского клуба, США активно способствовали принятию международными кредиторами Чили решения об отсрочке выплаты основной части ее старых долгов. Журнал «Лэтин Америка экономик репорт» 10 мая 1974 г. писал, что это решение представляет собой «важный с психологической точки зрения шаг, открывающий Чили дорогу для получения новых кредитов». Международные заимодавцы организовали своеобразное соревнование в готовности обеспечить хунту наличными деньгами. Особенно торопилась установить «новые отношения» с Чили в области кредитов

дирекция Межамериканского банка развития (МБР), контролируемого Соединенными Штатами. Она руководствовалась при этом не столько экономическими, сколько политическими соображениями. На Генеральной ассамблее МБР, заседание которой состоялось в апреле 1974 г. в Сантьяго, речь шла, в частности, о займе в 22 млн. долл. для осуществления сельскохозяйственных программ. На оформление его потребовался лишь один месяц, тогда как обычно подобные процедуры занимают не менее полугода. В мае того же года МБР одобрил предоставление Чили еще одного займа в 75,3 млн. долл. для развития электроэнергетики.

Вопреки решению конгресса Соединенные Штаты продолжали и продолжают оказывать режиму Пиночета широкую военную и экономическую поддержку. Как подчеркнул сенатор Э. Кеннеди, несмотря на введение конгрессом в 1976 г. эмбарго на военные поставки Чили, хунта, например, только в 1977 г. получила из США вооружений на сумму 57 млн. долл., в том числе 36 истребителей F-5.

Администрация США обосновывает необходимость оказания крупномасштабной экономической помощи хунте не только политическими соображениями, но и возможностью создания в Чили инфраструктуры, которая в будущем способствовала бы укреплению позиций частного американского капитала. Иными словами, поддерживая Пиночета, Соединенные Штаты не скрывают своих намерений еще глубже запустить руку в природные кладовые этой богатой стратегическими ресурсами страны.

Касаясь перспектив развития чилийской экономики и политики в отношении этой страны на современном этапе, должностные лица США прямо заявляют, что они не могут позволить, чтобы Чили вернулась к «марксистскому», «антиамериканскому» режиму. Сейчас, заявляют они, у них нет проблем с Чили, но они непременно возникнут, как только режим хунты станет ослабевать. «Если ситуация окажется нестабильной... хунте будет оказана дальнейшая энергичная невоенная поддержка».

Итак, экономика страны отдана хунтой на откуп иностранным, и в первую очередь американским, монополиям. Как сообщала в начале 1980 г. газета «Юманите», иностранные инвестиции в Чили превысили 5 млрд. долл. 80% этой суммы приходится на США. В частности, американские корпорации «Анаконда» и «Экссон» вложили огромные капиталы в разработку залежей меди. Намерены поживиться в Чили и другие ведущие капиталистические страны. Так, по данным газеты «Эко», Япония захватила ключевые позиции на чилий-

ских рынках электронного оборудования. ФРГ выдвинулась в первые ряды среди импортеров сырья из Чили. На вооружении чилийской армии находятся танки, вертолеты и ракеты французского производства.

Процветание западных монополий на чилийской земле под покровительством фашистской хунты ведет к еще большему закабалению чилийского народа и ухудшению его положения.

Между тем появляется все больше признаков того, что в самой правящей верхушке Чили начинают осознавать полный провал пиночетовской экономической системы. Так, 18 июня 1982 г., спустя всего несколько дней после своих заверений о том, что курс чилийской валюты не изменится, Пиночет распорядился о девальвации этой валюты еще на 18%. Власти всячески способствовали импорту предметов роскоши, а также изделий, конкурирующих с продукцией и без того уже подорванной отечественной промышленностью. Объем чилийского экспорта сократился за это время с 4600 млн. до 3951 млн. долл., что привело к дальнейшему увеличению внешнего долга. В обстановке банкротств, закрытия промышленных и торговых предприятий и большой безработицы обострился экономический спад, а параллельно с этим активизировался и процесс концентрации экономических ресурсов в пользу многонациональных компаний. Они настаивают на изменении трудового законодательства и на официальном снижении заработной платы в качестве одного из способов устранить «факторы экономического спада». «Чили переживает жестокие экономические трудности», — констатирует английская «Файнэншл таймс» в статье от 18 февраля 1982 г. Поток импорта в сочетании с высокими внутренними учетными ставками, сообщает далее газета, нанес серьезный удар по чилийской промышленности, в которой занято около трети рабочей силы. В последнем квартале 1981 г. промышленное производство сократилось на 8,1%. По оценкам должностных лиц чилийского общества промышленного развития, эта тенденция сохранится и все новые предприятия будут объявлять о своем банкротстве.

Политических хозяев Пиночета не интересуют проблемы экономики Чили, которые непосредственно затрагивают судьбы простых чилийцев, работающих за гроши или не имеющих работы, страдающих от хронического недоедания. Декларирование защиты прав человека не мешает буржуазным политикам закрывать глаза на страдания чилийского народа.

**Пиночет —
желанный союзник
Белого дома**

9 марта 1977 г. на страницах «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс» и других крупных американских газет появились сообщения из Женевы, сопровождаемые такими броскими заголовками: «Один из сотрудников администрации Картера сделал вчера заявление, в котором выразил глубочайшее сожаление по поводу участия США в свержении правительства Сальвадора Альенде. Заявление было тотчас дезавуировано госдепартаментом».

В течение нескольких дней после этого с газетных полос не сходило имя автора этого заявления Брэди Тайсона, имеющего сан священника методистской церкви, в прошлом миссионера, профессора Американского университета, специалиста по Латинской Америке, заместителя главы делегации США на 33-й сессии в Женеве Комиссии ООН по правам человека. Печатались высказывания по этому поводу высших государственных чинов, заявления сенаторов и конгрессменов, называвших Тайсона то предателем, то марксистским агентом, объяснения представителя США при ООН Эндрю Янга, рекомендовавшего Тайсона в состав упомянутой делегации, а также интервью с самим виновником скандала. Тайсон заявил в этом интервью, что никто не уполномочил его говорить то, что он сказал, но он от своих слов не отказывается, а по-прежнему твердо стоит на том, что «выражение раскаяния, каким бы искренним оно ни было, не может искупить страданий и ужасов, пережитых чилийским народом за последние два года».

Чем же была вызвана такая буря в Вашингтоне? Почему, собственно говоря, такой небольшого ранга представитель госдепартамента навлек на себя гнев и проклятия на самых высших ступенях американской администрации?

Впервые в практике американской дипломатии ее официальный представитель поддерживал не позицию партнеров США по военно-политическим блокам, предлагавших развивать «диалог» с Пиночетом и его хунтой и таким образом «нормализовать» положение в Чили, а резолюцию неприсоединившихся стран и точку зрения стран социалистических, требовавших немедленного прекращения кровавых репрессий.

По сообщению «Нью-Йорк таймс», Тайсон «выразил глубочайшее сожаление по поводу той роли, которую государст-

венные служащие и частные организации США якобы играли в свержении правительства покойного президента Альенде в Чили».

Как подчеркивала «Вашингтон пост», он «сделал это заявление в ходе дебатов по резолюции, осуждающей нынешнее правительство Чили за «постоянные и вопиющие нарушения прав человека», в том числе «за ставшее обычным применение пыток», что вызвало немедленно не только отмежевание госдепартамента от его слов, не только отрешивание от него главы делегации США, но и протесты дипломатов, представляющих самые реакционные режимы латиноамериканского континента, включая, разумеется, чилийскую хунту».

И наконец, Тайсон усугубил свою «вину» тем, что не только не отказался от своих слов, но в дальнейшем даже усилил их заявлением, которое поставило в довольно трудное положение новую администрацию США. «Полагаю,— сказал Тайсон представителям прессы, как сообщала «Нью-Йорк таймс»,— то, что я произнес, звучит достаточно ясно. Думаю, что это отражает общий характер внешней политики Картера, подчеркивающего свое беспокойство по поводу соблюдения прав человека. Надеюсь, что это так».

На другой же день пресс-секретарь Белого дома заявил, что «с президентом предварительно не консультировались», «он не был в курсе дела», а сам Картер на пресс-конференции назвал заявление Тайсона «неуместным». Повторив, что с ним «предварительно не консультировались», президент, касаясь сути дела, уклончиво сослался на специальную сенатскую комиссию Фрэнка Черча, которая, мол, в 1975 г. «пришла к выводу об отсутствии доказательств непосредственной причастности Соединенных Штатов к военному перевороту в Чили, приведшему в 1973 г. к свержению правительства Альенде».

Администрация США, прекрасно знающая, кто является подлинным вдохновителем и организатором чилийской трагедии, вопреки фактам, продолжала упорно отрицать свою причастность к перевороту.

«За все четыре года моего пребывания в должности посла Соединенные Штаты ни разу не пытались оказать давление на кого-нибудь из членов конгресса Чили или подкупить кого-либо из них»,— утверждал Эдвард Корри, занимавший пост посла США в Сантьяго с 1967 по 1971 г.

«Правительство Соединенных Штатов Америки придерживалось политики невмешательства во внутренние дела Чили во времена правления Сальвадора Альенде»,— заявил

заместитель помощника государственного секретаря Гарри Шлаудеман.

«Мы не занимались подкупом избирателей, не финансировали никаких кандидатов и не способствовали перевороту», — не моргнув глазом, клялся публично помощник государственного секретаря Чарльз Мейер.

«Насколько мне известно, ЦРУ не имело никакого отношения к государственному перевороту в Чили», — высказывался перед сенаторами и конгрессменами государственный секретарь Генри Киссинджер.

Но полгода спустя Уильям Колби, в то время директор Центрального разведывательного управления, выступая перед комиссией палаты представителей по делам вооруженных сил, скажет прямо противоположное тому, что утверждали Г. Киссинджер и его помощники: «Правительство Никсона уполномочило ЦРУ тайно выделить за период с 1970 по 1973 г. 8 млн. долл. для расшатывания позиций правительства Альенде»; а еще через полгода президент США Форд добавит: «В Чили были тайно использованы средства, переданные ЦРУ для поддержки оппозиционных партий и средств массовой информации».

И не только эти частные признания экс-директора ЦРУ и экс-президента США были известны к моменту «скандала в Женеве». Мировая общественность уже давно знала столько закулисных подробностей чилийских событий, что отрицать факт глубокого соучастия спецслужб и правительственных органов США в установлении военно-фашистской диктатуры Пиночета и в преступлениях хунты было немыслимо. Тем более что это пусть с оговорками, с беспомощными комментариями, но признавалось и прессой США, и в докладах тех самых комиссий конгресса и правительства, на которые так неуклюже сослался Картер, дезавуируя выступление Тайсона.

21 и 22 марта 1972 г. в газете «Вашингтон пост» были опубликованы две статьи американского журналиста Дж. Андерсона. В них говорилось, что согласно секретным документам корпорации «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ), которые каким-то чудом уцелели во время чистки досье в ее конторах, эта корпорация в 1970 г. неоднократно оказывала помощь Центральному разведывательному управлению в том, чтобы не допустить прихода к власти в Чили левых сил. Все это подкреплялось вескими доказательствами. Секретные документы ИТТ — телеграммы, памятные записки общим объемом 80 страниц, которые американский журналист вскоре предал огласке, — раскрывали тайное из тайн корпорации.

Документы выглядели тем более убедительно, что в них шла речь об активной роли в этом сговоре Джона Маккоуна, бывшего главы ЦРУ, затем одного из директоров ИТТ.

В связи с публикацией Андерсоном разоблачительных документов американский конгресс вынужден был принять решение провести специальное расследование фактов, свидетельствующих о попытках транснациональных корпораций оказать воздействие на представителей высшей администрации США при выработке внешней политики, начав с деятельности ИТТ в Чили. Как выяснилось из показаний свидетелей, корпорация буквально осаждала Белый дом, госдепартамент и ЦРУ письмами, телеграммами, телефонными звонками и личными визитами своих представителей, стараясь заставить правительство вмешаться в чилийские события и «защитить ее интересы». «Если бы Альенде столкнулся с экономическим кризисом, он мог быть более сговорчивым в отношении выплаты им наших денег», — заявил сенаторам вице-президент ИТТ Мерриам, разъясняя позицию корпорации. Так или иначе, но «неистовый лоббизм ИТТ, стремившейся заручиться поддержкой Белого дома в противодействии Альенде», был документально подтвержден обширным докладом сенатской комиссии, опубликованным в июне 1973 г.

В конце августа 1973 г., в канун переворота в Чили, появилась рукопись книги «ЦРУ и культ разведки», написанная бывшими сотрудниками американской разведки Виктором Маркетти и Джоном Марксом, в которой также содержались доказательства участия Центрального разведывательного управления США в подготовке заговора против правительства Народного единства. Год спустя некоторые данные об участии ЦРУ в перевороте в Чили просочились в американскую печать в результате того, что редакции газет «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» получили из неназванных источников текст адресованного конгрессу конфиденциального письма члена палаты представителей М. Харрингтона, демократа от штата Массачусетс. В этом письме сообщалось о подрывной деятельности Центрального разведывательного управления в Чили, на осуществление которой было истрачено 11 млн. долл., а также указывалось на многочисленные действия США, представлявшие собой не что иное, как вмешательство в дела другой страны, и предпринятые без предварительной консультации даже с комиссией конгресса, призванной контролировать подобные действия. Далее в изложении Харрингтона следовал схематичный перечень тайных операций, направленных против правительства Сальвадора Альенде, о которых стало известно из показаний директора

ЦРУ Уильяма Колби на совершенно секретных слушаниях в комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил США.

Получившие таким образом огласку факты участия Соединенных Штатов в акциях, направленных на экономический и политический подрыв законного правительства Чили, вызвали острые дебаты. Между тем администрация Никсона, несмотря на повторные запросы сенаторов, все начисто отметала. «Вся администрация, сверху донизу, твердила, что мы непричастны к этим событиям,— писал М. Харрингтон.— Но вот 40 страниц черным по белому... со всеми подробностями, показывающие, что мы были вовлечены в эти события по самым ушам»¹⁵.

Такова логика фактов. Отрицать их стало невозможно. Выступая в разгар предвыборной политической борьбы за президентское кресло в 1975 г., сам Картер на этот раз не только подтвердил подобные факты, но и обобщил их. «В прошлом,— заявил он, подчеркивая именно это «в прошлом»,— мы были свидетелями уничтожения избранных правительств, как, например, в Чили, и решительной поддержки военной диктатуры там... Такие вещи наносят нам очень большой ущерб!» — уверял кандидат в президенты, «бичуя» стратегию лжи и обмана, проводившуюся его предшественниками, «возмущаясь» потерей морального авторитета власти в США, ратуя за восстановление «нравственной» основы американской внешней политики.

Впрочем, сменивший Картера Рейган действует гораздо откровеннее и циничнее. 22 февраля 1981 г. газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что администрация Рейгана, проявив жест «доброй воли» по отношению к чилийской военной хунте, отменила установленный при Картере запрет на финансирование Вашингтоном экспорта в Чили. Этот запрет был введен в ноябре 1979 г. после того, как Верховный суд Чили отклонил просьбу США о выдаче трех сотрудников пиночетовской охраны, которых федеральное большое жюри в Вашингтоне признало виновными в убийстве видного чилийского политического деятеля Орландо Летельера и Ронни Моффит, американки, работавшей у Летельера секретарем.

Объявляя об отмене запрета, Уильям Дайес, исполнявший обязанности пресс-секретаря госдепартамента, сказал, что США «все еще надеются» на то, что чилийские власти накажут замешанных в этом деле сотрудников, но что Соединенные Штаты «не будут больше активной стороной в этом расследовании в Чили». Дайес объявил также, что

военно-морской флот США предложит военно-морскому флоту Чили принять участие в совместных маневрах в южной части Тихого океана. Решение администрации Рейгана сделать публичный жест к улучшению отношений с Чили было принято после конфиденциального визита в Вашингтон генерала Фернандо Маттеи Аубеля, командующего чилийскими военно-воздушными силами и члена хунты. Американская дипломатия также не сочла для себя зазорным поддержать тирана, проголосовав против продления полномочий комиссии по гражданским правам ООН по расследованию преступлений хунты. Словом, прощение по всем статьям. «Политика Пиночета, направленная на полное искоренение «марксистской угрозы» убийствами, пытками, похищениями людей, — писала «Нью-Йорк таймс», — сделала его желанным союзником Белого дома в защите Западного полушария от коммунистической опасности. Увы, это решение администрации Р. Рейгана принять в свои объятия чилийскую диктатуру свело (в который уже раз! — *Ф. С.*) так называемую войну против международного терроризма к циничному упражнению в лицемерии».

Таким образом, все прощено пиночетовской клике во имя «спасения» Чили от «красной угрозы», а иначе говоря, от покушений на свободу хозяйничанья в стране транснациональных корпораций, от попыток чилийских патриотов защитить свою независимость. Да и о каком прощении или непростении, собственно, может идти речь, когда от начала до конца все в Чили делалось в соответствии со «сценарием», разработанным вашингтонскими стратегами. По существу, все основные правительственные ведомства США при решающей роли Центрального разведывательного управления были вовлечены в дестабилизацию положения в Чили и создание условий для путча. Само вмешательство было санкционировано высшей властью — администрацией США и лично президентом, направлявшими все действия, связанные с осуществлением античилийской политики.

Чилийская трагедия стала наглядным свидетельством зловещих последствий империалистического вмешательства во внутренние дела других стран, борющихся за свою независимость. Переворот в Чили являет собой наиболее вопиющий пример готовности империализма насильственным образом помешать поступательному движению стран, вставших на путь самостоятельного развития. Он способен ради этого на самые безумные и безответственные действия, несущие в себе серьезную угрозу делу мира и безопасности народов.

Глава 8

МИФ

О «НЕВИДИМОМ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ»

**CIA
CIA
CIA
CIA
CIA**

Пределы допустимого контроля

Вот уже более трех десятилетий печать, радио и телевидение США вдалбливают в сознание рядового американца: Центральное разведывательное управление есть некое «невидимое правительство», с которым-де не может совладать никто — ни президент, ни конгресс.

Так ли это? И если действительно так, то почему буржуазная пропагандистская машина так старательно и упорно вновь и вновь возвращается к этой теме? Ведь в подавляющем большинстве сенсационные кампании западной прессы недолговечны.

Объективный наблюдатель не может не обратить внимания на тот факт, что легенда о «невидимом правительстве» при каждом новом провале во внешней политике американского империализма как бы обретала новую жизнь. «Во всем виновато ЦРУ», «ЦРУ неуправляемо», «ЦРУ обладает таинственной и необъяснимой силой» — подобные заголовки заполняют в такие дни первые полосы американских газет и журналов, звучат в теле- и радиопрограммах.

Тем, кто действительно правит Соединенными Штатами Америки, весьма желательно, чтобы вокруг Центрального разведывательного управления систематически поддерживался ореол некой таинственной «всевластности». Не случайно поэтому публикациям, работающим в пользу данной версии, всегда обеспечивалось «большое паблисити». Когда в 1964 г. известные американские обозреватели Дэвид Уайз и Томас Росс, впервые использовавшие применительно к ЦРУ термин «невидимое правительство», закончили работу над книгой под таким названием, ее появлению предшествовала такая рекламная шумиха внутри США и за их пределами, которой не удостаивались даже самые доходные для книгоиздателей бестселлеры.

В прессе, в частности, сообщалось, что директор ЦРУ мультимиллионер Джон Маккоун настолько якобы обеспокоен предстоящей публикацией, что готов скупить весь тираж, если только авторы не согласятся сделать необходимые, по его мнению, купюры.

Закулисная возня вокруг еще не вышедшей книги внушала будущему читателю мысль, что Д. Уайз и Т. Росс действительно смогли докопаться до святая святых ЦРУ и предадут гласности наисекретнейшие факты, что создавало видимость того, что общественный строй Соединенных Штатов предоставляет возможность рядовым гражданам, в данном случае журналистам, успешно противостоять самому директору центральной разведки. В итоге новинка, давшая жизнь мифу о «невидимом правительстве», разошлась огромным тиражом внутри Соединенных Штатов и во многих других странах Запада. Однако беспристрастный анализ показывает: сенсационность разоблачений была наигранной. Практически все факты, которые излагались в книге, были взяты из публикаций периодической печати, появившихся в разное время и по разному поводу, из воспоминаний бывшего директора ЦРУ Аллена Даллеса *, материалов конгресса и других правительственных изданий США. При этом авторы книги «Невидимое правительство» настойчиво внушали: Центральное разведывательное управление — это «государство в государстве», оно действует абсолютно самостоятельно, на свой страх и риск. С годами версия о «неуправляемости» и «бесконтрольности» ЦРУ стала обретать характер официальной позиции, обоснованность которой вновь и вновь доказывается с помощью весьма изощренной демагогии.

Почти столько же, сколько существует Центральное разведывательное управление США, в законодательных органах и в американской печати непрерывно и бесплодно дебатировался вопрос о необходимости учреждения действенного контроля над этим ведомством. Еще в конце 60-х годов Уильям Барндс, крупный эксперт госдепартамента, анализируя многолетнюю практику разведки США, отмечал, что «после каждого разоблачения раздавались новые требования обуздать ЦРУ и оказывать ему меньше доверия».

Летом 1953 г., когда в мире во всеуслышание заговорили о недопустимости вмешательства американской разведки во внутренние дела ряда суверенных государств и уже назрели готовые вот-вот разразиться международные скандалы, которые могли уронить престиж Соединенных Штатов, сенатор Майк Мэнсфилд впервые внес в сенат резолюцию о создании объединенной комиссии по контролю

* В 1963 г. до выхода в свет книги «Невидимое правительство» были опубликованы мемуары А. Даллеса «Искусство разведки».

над деятельностью разведывательных органов. В резолюции этой, тотчас опубликованной, в частности, говорилось:

«Настоящим создается Объединенная комиссия по разведке, в состав которой должны входить 9 членов сената, назначаемые председателем сената, и 9 членов палаты представителей, назначаемые спикером палаты. При этом из каждых 9 человек не более 5 могут принадлежать к одной и той же политической партии. Объединенная комиссия должна постоянно заниматься изучением деятельности ЦРУ и проблемами сбора информации, затрагивающей национальную безопасность, а также вопросом о том, как эта информация добывается и используется различными правительственными органами. ЦРУ обязано постоянно и в надлежащей мере осведомлять Комиссию о своей деятельности. Все резолюции, законопроекты и прочие документы сената, касающиеся ЦРУ, должны поступать в Объединенную комиссию. Ее члены призваны регулярно докладывать конгрессу (члены сената — сенату, члены палаты представителей — палате) свои соображения и рекомендации по вопросам, входящим в юрисдикцию Комиссии, которыми занимаются соответствующие палаты...»¹

Мотивы, которыми он руководствовался, предлагая данную резолюцию, сенатор раскрыл несколько лет спустя, когда в одном из выступлений перечислил провалы ЦРУ в 50-е годы. Так, разведка подвела американское правительство в оценке положения в Ираке, не сумела дать точную информацию о состоянии космических исследований в Советском Союзе, не предупредила своевременно о кризисной ситуации, назревавшей в 1956 г. на Суэцком канале, оказалась не в силах довести до конца свои планы осуществления контрреволюционного мятежа в 1956 г. в Венгрии. Резюмируя все эти и другие факты, М. Мэнсфилд делал вполне однозначные выводы: «Разведка не обеспечивает правительственные круги нужной информацией; добываемые ею сведения не анализируются должным образом в Вашингтоне; политики не в состоянии правильно оценить информацию...» А поэтому необходимо, чтобы конгресс имел реальную возможность проверять, как и почему «дает сбой» отлаженный механизм разведки.

Сенатор М. Мэнсфилд, как мы видим, обосновывал необходимость контроля над разведкой не стремлением «обуздать ЦРУ», а желанием предотвратить новые провалы и не допустить перевеса влияния на этот орган любой из двух правящих партий. Не случайно он предлагал соблюсти

строгую норму представительства демократической и республиканской партий в контролирующем органе.

С аналогичными по общему смыслу предложениями в тот же период выступали в палате представителей конгрессмены Заблоски и Келли. Сходную рекомендацию дала комиссия бывшего президента США Герберта Гувера, занимавшаяся в то время проблемами реорганизации государственного аппарата страны.

Предложения, рекомендации, резолюции каждый раз получали немалый общественный резонанс, журналисты соревновались в поисках броских заголовков и хлестких сравнений. Однако все оставалось по-прежнему, все предлагаемые нововведения оседали на полках архивов конгресса как образец прожектерства.

Став лидером большинства в сенате, тот же М. Мэнсфилд уже в 1955 г. вновь поднял вопрос о том, что влияние ЦРУ на американскую внешнюю политику продолжает возрастать, а конгресс недостаточно контролирует эту организацию, в силу чего необходимо в срочном порядке рассмотреть предложенный им ранее законопроект. Поначалу его поддержали 34 сенатора, но вскоре некоторые из них изменили свою позицию. Проект этот, единственный из всех, дошел к апрелю 1956 г. до пленарного заседания сената. Вокруг него разгорелись жаркие споры, назначили голосование и... провалили: 27 голосов — «за», 59 — «против».

В периодическом раздувании дискуссионного ажиотажа по вопросу контроля над Центральным разведывательным управлением также нетрудно видеть довольно четкую схему. Во-первых, этот ажиотаж нужен для приобретения определенного политического капитала, для демонстрации перед американскими избирателями своего стремления к защите конституционных основ. Во-вторых, он служит еще одним доказательством (доказательством от противного — сколько ни пытаемся обуздать это ведомство — все внизу) всевластия ЦРУ.

Джон Кеннеди, будучи сенатором, активно поддерживал законопроект М. Мэнсфилда. Однако, заняв пост президента, он тут же изменил свою точку зрения и превратился в активного его противника. Была ли в такой диаметральной смене ориентации внутренняя логика? Несомненно. Проявляя себя сторонником прогрессивных, демократических мер, естественно, увеличиваешь свои шансы на успех в предвыборной кампании. Ведь в числе избирателей — миллионы людей, по-настоящему здравомыслящих, способных

достаточно трезво оценить и ход международных событий, и внутреннюю ситуацию в стране. О них не может забывать ни один из кандидатов на высшие выборные должности, однако, став главой исполнительной власти, ни один президент, как известно, не позволяет себе такую роскошь, как выполнение всех предвыборных обещаний, и тем более не может отказаться от использования лично ему подчиненного аппарата тайного осуществления внешней (а иногда и внутренней) политики.

На позиции недопустимости какого-либо ослабления Центрального разведывательного управления твердо стоял Д. Эйзенхауэр *. Эту же позицию, обосновавшись в Белом доме, занял и Дж. Кеннеди. Еще более активно, чем его предшественники, ее придерживался Линдон Джонсон: во время международного скандала в связи с вооруженной интервенцией США против Доминиканской Республики он категорически воспротивился какому-либо контролю конгресса за деятельностью ЦРУ. Отлично зная, какие силы стоят за кулисами интервенции, Л. Джонсон не мог допустить, чтобы такой надзор над Центральным разведывательным управлением лишил администрацию Белого дома свободы тайных действий. При этом обнаружилась бы не только ее полная осведомленность, но и направляющая роль в подобных операциях.

К этому времени на счету Центрального разведывательного управления было уже два крупнейших провала: в 1951 г. в Корее и в 1961 г. в заливе Кочинос на Кубе. В их причинах пришлось разбираться. Однако выводы занимавшейся этим специальной комиссии были строго засекречены, а общие «взаимоотношения» ЦРУ как органа исполнительной, прежде всего президентской, власти и конгресса не изменились. Мотивы, которыми руководствовался президент Л. Джонсон, как и его предшественники, понять нетрудно. С каждым годом, проходившим со времени организации «ведомства тайных дел», оно играло все большую роль в осуществлении тайными средствами внешней политики американского империализма.

Значит ли это, что президенты «боялись трогать ЦРУ»? Конечно нет! Каждый из президентов, ощутив всю полноту

* Президент Д. Эйзенхауэр, как сказано в протоколах американского конгресса, неизменно выступал против создания контрольной комиссии; так же был настроен и директор ЦРУ Аллен Даллес. Подобное сопротивление президента и личная популярность Даллеса среди законодателей помогли провалить в сенате в 1956 г. резолюцию Майка Мэнсфилда о создании такой комиссии.

президентской власти и все значение ее тайных закулисных пружин, реально оценивал пределы вмешательства так называемых институтов американской демократии в правительственную политику и в диктат вершащих эту политику монополистических групп.

Президенты под напором тех или иных событий могли «разгневаться на ЦРУ», раскритиковать ЦРУ, и даже довольно резко, но подобные нападки всегда носили сугубо демонстративный характер и имели строго ограниченный предел. Когда, к примеру, скандално провалилось американское вторжение на Кубу и всему миру открылась прямая связь акций Центрального разведывательного управления с внешнеполитической деятельностью США, президент Дж. Кеннеди заявил одному из высокопоставленных членов кабинета: «Мне хочется разорвать ЦРУ на мелкие части и рассеять их по ветру» — и потребовал немедленно и основательно почистить центральную разведку. Подтекст был прост: правительство здесь ни при чем, виновников ищите в ЦРУ. «Джону Кеннеди было выгодно переложить всю вину на Центральное разведывательное управление, упрекая его в просчетах,— признавала 10 лет спустя «Вашингтон пост». — Был найден козел отпущения, благодаря чему несколько смягчилась критика действий самого правительства»². И снова зазвучала старая песня: «Надо ограничить власть ЦРУ... Надо поставить ЦРУ в зависимость от госдепартамента и Пентагона»...

Всячески открепиваться от сколько-нибудь очевидных свидетельств своей причастности к деятельности ЦРУ, подчеркивать факт наличия некой «непреодолимой стены», отделяющей администрацию Белого дома от аппарата, управляемого из Лэнгли, долгое время было почти обязательным правилом ее поведения.

Как подсчитали американские наблюдатели, за первые 20 лет существования ЦРУ в конгресс было внесено 155 резолюций о контроле за органами разведки. Все они были отклонены. Да и в последующие годы подобных резолюций поступило не меньше.

Были произнесены миллионы обличительных слов, напечатаны сотни статей и книг, а главное шпионское ведомство все так же процветает. Правда, каждый раз после ставших очевидными провалов Центральное разведывательное управление корректировало свои приемы и методы, чтобы избежать неудобств, вызванных повышенным интересом сенаторов, конгрессменов и прессы. Но неудобств всегда преходящих, временных, не составлявших

реальной угрозы для самого содержания разведывательной практики США и ее авантюристической природы.

Итак, каждый раз практически холостой выстрел. Вот основная особенность всех дебатов в конгрессе и критических наскоков прессы. Ведь не было случая, чтобы критика направлялась против главного — против преследуемых ЦРУ целей: защиты и упрочения удобных Соединенным Штатам реакционных режимов, воздействия на внешнюю и внутреннюю политику суверенных государств, укрепления в других странах позиций американского монополистического капитала. Не было случая, чтобы сенаторы, конгрессмены или буржуазная пресса США выражали возмущение не какой-то одной, конкретной, приведшей к провалу акцией, а самим принципом организации действий такого рода, тем фактом, что насилие и вероломство стали для американской разведки повседневной практикой.

Те, кто определяет пределы дозволенной критики Центрального разведывательного управления, и его функционеры стоят на одной незыблемой платформе. Они глубоко убеждены в том, что претензии Соединенных Штатов Америки на мировое господство диктуют настоящую необходимость ведения неограниченной, глобальной разведки. Остальное неважно. Как заявил уже упоминавшийся Л. Киркпатрик, «мы являемся лидерами мира и выполнением эту миссию самостоятельно нашими собственными методами, независимо от того, правится это остальному миру или нет».

Было бы ошибочным из всего этого сделать вывод, будто Центральное разведывательное управление действительно бесконтрольно. Напротив, ЦРУ — хорошо контролируемое и управляемое правительством учреждение. Как писал в 1968 г. авторитетный в этих вопросах Л. Киркпатрик, «Центральное разведывательное управление — наиболее дисциплинированная организация в государственном аппарате США»³. Иначе и быть не может, поскольку именно ей высшие правительственные инстанции США отдают приказы на проведение тайных операций, связанных с вмешательством во внутренние дела других стран, от которых администрация и президент могут в любой момент отречься или по крайней мере под благовидным предлогом отрицать свою личную причастность.

Это впрямую подтверждают многие официальные документы. Так, в исполнительном приказе, подписанном президентом Фордом, сказано: «Специальная деятельность (так обозначались в нем тайные операции. — Ф. С.), прово-

димая в поддержку мер по выполнению задач национальной политики,— это деятельность, которая способствует претворению в жизнь программ и политического курса США за рубежом, планируемая и осуществляемая таким образом, чтобы роль американского правительства не была очевидной».

Механизм такого рода отмежевания поддерживается в постоянной «рабочей готовности». Буржуазная пресса США время от времени начинает, правда, муссировать вопрос о том, будто «одним из средств ограждения американского президента от затруднений, возникающих в подобных случаях, является, вероятно, сокрытие от него, по крайней мере официально, существа некоторых тайных операций». Бывший государственный секретарь США Киссинджер опроверг подобные предположения. Известен, в частности, такой диалог между государственным секретарем и членом специальной комиссии по разведке палаты представителей конгресса США Кастеном.

«Кастен. Вы сказали, что в то время (1972—1974 гг.) президент лично утверждал все тайные операции. То же самое, по вашему мнению, относится и к другим периодам. Точно ли это?

Киссинджер. Я могу с определенностью заявить, что так было на протяжении всего времени, когда я работал в Вашингтоне, и, насколько мне известно, так было всегда».

Бывший государственный секретарь сделал это признание после того, как многое, некогда составлявшее тщательно охраняемую тайну, стало явным. Киссинджер считал бессмысленным и даже опасным для себя в такой ситуации отрицать уже известные факты: в ином случае он, как руководитель «Комитета 40», санкционировавшего все тайные операции ЦРУ, должен был взять на себя всю тяжесть ответственности.

Образ действий Центрального разведывательного управления всегда соответствовал требованиям внешнеполитического курса американской администрации.

В работе «Американская империя» французский автор Клод Жульен убедительно показал, что ЦРУ никогда не было самостоятельным институтом США. Центральное разведывательное управление никогда не принимает ответственных решений без согласия президента Соединенных Штатов⁴.

Очень точно охарактеризовал взаимоотношения Центрального разведывательного управления и правительства США и югославский доктор права М. Левков: «Нельзя ут-

верждать, что ЦРУ — невидимое правительство: это лишь ряд невидимых органов, взятых вместе или в отдельности, которые действуют в интересах видимого, официального правительства США... Правительство пытается преподнести миру открыто одно и делать через невидимые органы другое»⁵. Факты из повседневной американской практики полностью опровергают попытки представить ЦРУ как самостоятельный институт США, действующий по собственному усмотрению, как «государство в государстве». Основной мотив зарождения мифа о «невидимом правительстве» очевиден — сознательно возвеличивать ведомство шпионажа и диверсий, с тем чтобы затушевывалась роль действительных дирижеров американской политики агрессии — военно-промышленного комплекса и наиболее реакционных финансово-промышленных кругов.

Весьма показательно в этом плане, что даже директора ЦРУ, обычно после ухода со сцены, нередко сами опровергали этот ими же взлелеянный миф. Понять их нетрудно. Шансов подняться на прежний уровень практически не осталось, «механизм отмежевания» для них не предусмотрен, а оставаться в положении козла отпущения не входит в их расчеты. Аллен Даллес, например, уйдя в отставку, заявил: «В действительности ЦРУ никогда не проводит каких-либо акций политического характера и не оказывает поддержки отдельным лицам, монархам или движениям (политическим и иным) без санкций со стороны высших руководителей в нашем правительстве».

Другой бывший директор центральной разведки — Ричард Хелмс утверждал, что ЦРУ «не работает и не может работать само по себе, а состоит на службе у правительства, выполняет то, что правительство ему поручает, подчиняется правительству и контролируется правительством».

Широко известный теперь за пределами Америки Виктор Маркетти — в прошлом помощник заместителя директора ЦРУ, оставивший службу из-за разногласий со своими шефами, в одном из выступлений утверждал, что роль Центрального разведывательного управления во внешней политике США и сама организация преднамеренно окутаны тайной и нарочито распространяемыми ложными представлениями. К таким широко бытующим заблуждениям относится, например, мнение о том, что ЦРУ — это прежде всего поставщик разведывательной информации.

В действительности же до недавнего времени почти три четверти всего бюджета ЦРУ поглощали тайные операции, осуществляемые в поддержку той или иной внешнеполитической акции США.

Постоянно занимаясь тайной деятельностью за рубежом, ЦРУ предлагает президенту США, а через него — самому «его величеству большому бизнесу» широкий набор приемов и средств — от подкупа до прямого военного вмешательства, позволяющих достичь целей американского империализма в том или ином районе мира.

При этом, как подчеркивал В. Маркетти, Центральное разведывательное управление всегда действует с одобрения и под руководством президента и Совета национальной безопасности.

В. Маркетти пришел к выводу, что каким бы организационным ломком ЦРУ ни подвергалось, какие бы попытки по установлению контроля над ним ни предпринимались, активнейшее тайное участие в осуществлении внешней политики США остается для этого ведомства главным делом до тех пор, пока сохраняется глобальный характер этой политики. Он с полным основанием настаивает на признании несомненной управляемости центральной разведки США при предельной скрытности ее истинных функций⁶.

Таким образом, современный империализм широко использует все средства массовой информации для распространения вымысла о «демократии свободного мира». Но ловкость спекулятивной фразеологии не спасает американских мастеров обработки общественного мнения. При объективном анализе зарубежных публикаций можно сквозь пестроту камуфляжа разглядеть и уяснить истинную роль ЦРУ в системе государственного аппарата США.

Какую бы из тайных операций Соединенных Штатов на международной арене мы ни взяли, в них четко прослеживается одна и та же схема. И то обстоятельство, что именно ЦРУ выступает в качестве непосредственного организатора и практического исполнителя вмешательства во внутренние дела других государств, лишний раз подтверждает главное: само это вмешательство продиктовано экспансионистскими интересами американских монополий. Центральное разведывательное управление — это самое послушное орудие грязной политики большого бизнеса и наиболее тесно связанное с военно-промышленным комплексом звено государственного механизма США.

Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Ближний Восток, крах политики «холодной войны», крупнейший политический скандал, известный под названием «Уотергейт», наконец, серьезные экономические трудности, переживаемые США и всем капиталистическим миром, — все это требовало каких-то внешне очевидных для всех изменений. Таких, которые, не нарушая

государственной системы в целом, не ущемляя интересов власть имущих, в то же время позволили бы создать впечатление «кардинальных мер», «извлечения уроков», «сбрасывания тяжкого груза ошибок» недавнего прошлого с «безупречно белого Белого дома». Для этого попробовали снова использовать миф о «невидимом правительстве», прибегнув в данном случае к услугам высшего законодательного органа — американского конгресса. Это был рассчитанный тактический маевр, понадобившийся для того, чтобы ввести в заблуждение общественность страны.

За туманной пеленой словопрений

Администрация президента Форда готовилась к очередным выборам, когда известный американский обозреватель Сеймур Херш в конце 1974 г. выступил на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» со статьей о шпионской деятельности ЦРУ внутри самих Соединенных Штатов. Эта публикация имела такой резонанс, что республиканские лидеры сразу оценили силу разоблачительного залпа.

Реакция Белого дома была мгновенной и недвусмысленной. Чтобы упредить проведение нежелательного расследования, президент Форд уже 5 января 1975 г. объявил об учреждении так называемой «комиссии видных деятелей» во главе с вице-президентом Нельсоном Рокфеллером. Состав ее был продуман с предельной тщательностью. Это были действительно видные фигуры: бывший министр торговли Дж. Коннор, бывший министр финансов Д. Диллон, бывший председатель комитета начальников штабов Л. Лемнитцер, бывший ректор университета штата Вирджиния Э. Шеннон, бывший юрисконсульт Э. Грисвольд, тогдашний секретарь-казначей АФТ — КПП Л. Керклэнд и будущий президент США Р. Рейган.

На неофициальной встрече с группой этих, в большинстве своем «бывших», т. е. оставивших государственную службу лиц, Форд доверительно сообщил, что включил в состав комиссии людей, на которых он во всех отношениях вполне мог положиться — положиться в том смысле, как стало ясно впоследствии, что они ограничатся расследованием обвинений в адрес органов американской разведки в противозаконных действиях внутри страны и не будут вторгаться в такую «деликатную» сферу деятельности ЦРУ за рубежом, как убийства иностранных лидеров и т. п.

Но, казалось бы, так хорошо рассчитанный тактический ход не дал ожидаемых результатов. В составе комиссии было столько «послушных администрации и тесно связанных с Центральным разведывательным управлением фигур», а полномочия комиссии так жестко ограничивали рамки расследования, что нетрудно было понять: у правительства США имеются веские основания опасаться какой-либо огласки тайных акций шпионского ведомства за границей. Все это вызвало резкое недовольство общественности, решительно выступавшей за тщательное расследование именно со стороны конгресса.

Обозреватели солидных изданий активно взялись за эту тему. «С каждым днем становится все более очевидным, — писала в те дни газета «Нью-Йорк таймс», — что большинство американцев просто не могут себе вообразить истинные масштабы и неприглядность тайных операций, подобных чилийской». В общем, спустя месяц после появления статьи С. Херша сенат и палата представителей конгресса США проголосовали за создание специальных комиссий (в составе которых преобладали бы умеренные и либеральные политики) для проведения расследования деятельности ЦРУ, ФБР и «разведывательного сообщества» в целом.

В январе 1975 г. была образована специальная сенатская комиссия во главе с сенатором Фрэнком Черчем, а в феврале 1975 г. — такая же специальная комиссия палаты представителей, на посту председателя которой до середины июня пребывал конгрессмен Н. Недзи, а позднее — О. Пайк.

Итак, впервые после основания в 1947 г. Центрального разведывательного управления появилась, как считали многие в США, реальная возможность приоткрыть завесу над тайнами национальной разведки.

Как же развивались события дальше?

В июне 1975 г. был обнародован доклад комиссии Нельсона Рокфеллера. Но, как свидетельствовал сам вице-президент, этот доклад «не вскрывал основных злоупотреблений ЦРУ»*. Что касается выводов правительственной комиссии, то, по мнению сенатора У. Мондейла, они мало чем отлича-

* Характерна в этом плане такая подробность. Два года спустя американский журнал «Ньюсуик» сообщил, ссылаясь на бывшего директора ЦРУ Уильяма Колби, что Нельсон Рокфеллер во время работы правительственной комиссии просил его, Колби, заблокировать расследование деятельности ЦРУ даже внутри страны. В своей книге «Благородные люди» Колби рассказал о том, что после одного из слушаний этой комиссии в 1975 г. Рокфеллер отозвал его в сторону и сказал: «Билл, неужели вы действительно должны представлять нам на рассмотрение весь этот материал?»

лись от «благочестивых призывов к американскому президенту и Центральному разведывательному управлению уважать законы, а по существу же лишь способствовали узакониванию вскрытых комиссией злоупотреблений».

«Выводы доклада комиссии Рокфеллера,— признавал в те дни журнал «Ньюсуик»,— вряд ли помешают ЦРУ продолжать свою деятельность в том же духе. Несмотря на некоторые болезненные уколы, большая часть его необычных методов... по сути дела, одобряется».

Сенатская комиссия Ф. Черча в течение нескольких месяцев работала вхолостую. Имея официальное поручение расследовать деятельность всего «разведывательного сообщества», она с первых же шагов натолкнулась на серьезное противодействие. Секретные службы чинили комиссии всяческие помехи, стараясь отвлечь ее внимание и силы от выполнения прямых обязанностей. В результате члены комиссии зашли в тупик в бесполезных спорах о том, как практически приступить к делу.

Но неожиданно сенаторам повезло. В руки комиссии, возглавляемой Н. Рокфеллером, попали свидетельства причастности Центрального разведывательного управления к заговорам с целью убийства иностранных лидеров, замолчать факт обнаружения которых оказалось невозможным. Материалы вызвали сенсацию. Рокфеллер, сославшись на то, что его комиссия «не имеет ни времени, ни полномочий для расследования этого вопроса», переправил все эти материалы Ф. Черчу. В итоге сенатская комиссия внезапно получила в свое распоряжение множество секретных документов.

Более пяти месяцев комиссия Ф. Черча разбиралась в доказательствах участия ЦРУ в политических убийствах. Расследования по другим вопросам были приостановлены. В ноябре 1975 г. она опубликовала предварительный доклад, включавший свыше 8 тыс. страниц показаний, полученных под присягой у более чем 75 свидетелей, а также протоколы большого числа опросов, проведенных аппаратом комиссии. Среди приложений к докладу фигурировали досье министерств и ведомств, Белого дома, а также материалы из президентских архивов, относящиеся к периоду пребывания у власти Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Но при всем огромном объеме собранной документации авторы доклада не смогли или не захотели прояснить картину до конца. И хотя специальная сенатская комиссия громогласно заявила об объективности своих выводов, в ее докладе, как стало очевидным впоследствии, умалчивалось о многом и очень существенном.

Американская печать вынуждена была признать, что комиссия Ф. Черча не назвала конкретные инстанции, откуда непосредственно исходили приказы и распоряжения о подготовке убийств иностранных лидеров, т. е. не выявила главных инициаторов и вдохновителей покушений.

Проанализировав содержание доклада, многие американские обозреватели отметили весьма ограниченный характер разоблачений и пришли к заключению, что самыми активными и полновластными редакторами доклада были сами чиновники ЦРУ. Под видом защиты интересов национальной безопасности они прибегли к нажиму на сенаторов и не без поддержки правительства, а также влиятельных лиц в конгрессе сумели многое скрыть от общественности.

И все же приведенные в докладе факты и обличительные свидетельства вызвали возмущение как внутри страны, так и за ее пределами.

В конце 1975 г. достоянием гласности стал второй доклад специальной сенатской комиссии «Тайная деятельность в Чили, 1963—1973 гг.». Как впоследствии выяснилось, руководители ЦРУ согласились (!) предоставить комиссии материалы о шести типичных тайных операциях при том условии, что она сможет обнародовать данные, касающиеся только одной из них. Выбор пал на Чили. Члены комиссии дали обязательство не называть даже те страны, в отношении которых предпринимались другие пять операций.

Почему же именно Чили? Выбор вполне понятен: к тому времени многие материалы о вмешательстве Соединенных Штатов во внутренние дела этой страны так или иначе уже просочились в международную прессу.

В апреле 1976 г. вышел в свет заключительный доклад комиссии, возглавляемой Ф. Черчем. В нем приводились факты противозаконных действий разведывательных органов США внутри страны, давался анализ хода расследования обстоятельств убийства президента Дж. Кеннеди, излагались новые материалы об организации покушения на чилийского патриота генерала Р. Шнейдера, сообщались подробности, касающиеся подготовки убийства и попыток дискредитации известного американского журналиста — «разгребателя грязи» — Дж. Андерсона. В нем содержались также сведения об «отделе специальных операций», созданном в ЦРУ для физической ликвидации подозреваемых в измене тайных агентов и сотрудников пизшего ранга*.

* О существовании в середине 50-х годов такого отдела сообщил бывший сотрудник ЦРУ Говард Хант в интервью газете «Нью-Йорк таймс» 26 декабря 1975 г.

Внешне доклад выглядел достаточно весомо. Но при серьезном рассмотрении в нем легко было обнаружить и непоследовательность и половинчатость выводов комиссии. Целый ряд весьма существенных вопросов сенатская комиссия либо совсем не расследовала, либо остановилась на полпути.

Итог развернувшейся в прессе дискуссии о докладах комиссии Ф. Черча подвела газета «Нью-Йорк дейли ньюс»: «Сенатская комиссия подняла много пыли, но раскопала мало грязи. Когда пыль уляжется, ЦРУ вновь спокойно примется за старое».

Комиссия сената расследовала лишь прошлую деятельность Центрального разведывательного управления и официально подтвердила то, что по многочисленным косвенным свидетельствам было уже давно ясно: ЦРУ с ведома и одобрения американской администрации и непосредственно президента (независимо от того, какая администрация — республиканская или демократическая, занимала в данный период ключевые позиции в Белом доме) на протяжении многих лет широко прибегало к тайным операциям за границей, поддерживая на выборах тех или иных кандидатов или партии, инспирируя реакционные военные путчи. Более того, организация государственных переворотов стала в 60-е годы главным направлением тайной деятельности ЦРУ.

Что же касается комиссии палаты представителей, возглавляемой О. Пайком, то до лета 1975 г. она вообще ни в чем не преуспела — мешали споры по организационным вопросам. Некоторые ее члены даже пытались доказывать нецелесообразность проведения расследования со стороны палаты представителей, коль скоро этим занимается сенат. Но и после того, как неурядицы были устранены, у комиссии О. Пайка то и дело возникали затруднения с получением необходимой информации от государственных органов. Ей очень настойчиво рекомендовали проявлять большую осторожность.

Как утверждал Т. Бранч, «администрация Форда натравливала комиссии друг на друга». Когда О. Пайк, как председатель комиссии, настаивал на предоставлении ему информации и клеймил «тактику проволок», высокопоставленные правительственные чиновники ссылались на примерное поведение комиссии Ф. Черча и призывали к доброму сотрудничеству с ними. К началу 1976 г. комиссия О. Пайка закончила составление заключительного доклада. Его содержание касалось двух вопросов: получения разведывательной информации и проведения тайных операций. Комиссия палаты представителей установила вопиющие факты, свидетельствовавшие о грубом вмешательстве ЦРУ во внутренние

дела Италии и других стран, о его поддержке контрреволюционных сил в Анголе, о причастности к убийству ряда политических и общественных деятелей зарубежных стран и многое другое.

В итоге в конце января 1976 г. палата представителей большинством голосов приняла резолюцию о... засекречивании заключительного доклада комиссии. Но кое-какие сведения о его содержании все же просочились в печать, что буквально привело в ярость руководителей «разведывательного сообщества».

Бывший директор ЦРУ Уильям Колби на специальной пресс-конференции в штаб-квартире в Лэнгли подверг доклад резкой критике за то, что он разрушает плотину, прикрывающую многие темные дела американской разведки.

С этого времени американских журналистов, обнаруживавших чрезмерную осведомленность, начали «ставить на место». Органы печати США стали проявлять заметную сдержанность в освещении деятельности «разведывательного сообщества», а разоблачения автора сенсационной публикации корреспондента телекомпании Си-Би-Эс Даниела Шора, способствовавшего продвижению в прессу текста заключительного доклада, как и появление в конце 1975 г. сообщения об убийстве резидента ЦРУ в Афинах Р. Уэлча, были использованы заинтересованными кругами для развязывания пропагандистской кампании за ужесточение мер против разглашения целей и методов работы ЦРУ.

Эволюция признаний

Превратившийся в «сенсацию века» один из самых позорных скандалов Белого дома, «Уотергейт» усилил недоверие миллионов американцев не только к отдельным политическим лидерам страны, но и к самой структуре государственного механизма. Естественно, в этих условиях правящей верхушкой США овладело сильное беспокойство; со всей остротой встала проблема — что предпринять ради укрепления пошатнувшегося морального авторитета центральной власти.

И в этой действительно очень сложной обстановке, когда перед американским народом в крайне неприглядном виде предстали высшие эшелоны государственного аппарата страны, достоянием гласности вдруг становятся новые, еще более скандальные разоблачения, связанные с преступной деятельностью Центрального разведывательного управления. При-

чем на сей раз речь шла не о внутренних правонарушениях, а о международном престиже державы.

Сенсация «по делам ЦРУ», как уже указывалось, совпала по времени с обострением межпартийной борьбы в ходе предвыборной президентской кампании. И конечно, администрация Дж. Форда, вынужденная начать расследование, но пытавшаяся сделать вид, что оно ведется по ее инициативе, подчеркнув тем самым свою «объективность и непредвзятость», рассчитывала таким путем несколько укрепить позиции республиканцев. Однако внимательное ознакомление с докладами комиссий конгресса и правительства США убеждает в том, что главная цель организаторов этих «разоблачительных акций» состояла в другом — не допустить, чтобы сенсация всерьез затронула какую-либо из чередующихся у кормила власти политических партий, в равной степени представляющих интересы господствующего класса, восстановить в глазах американского и мирового общественного мнения основательно подмоченный престиж страны и реабилитировать саму форму государственного правления. Они надеялись, что в результате публикаций докладов комиссий, расследовавших деятельность разведывательных органов страны, удастся как бы продемонстрировать «силу духа» и «необыкновенное мужество» американской «демократии». Расчет строился на том, что уже сам факт признания участия Соединенных Штатов во вчерашних событиях, пусть грязных и кровавых, будет воспринят как своего рода моральный подвиг, как гарант того, что в будущем подобное не повторится.

Показательно, что в дни «благородного раскаяния» работа пропагандистского механизма разворачивалась по уже знакомому нам сценарию. Из информационного арсенала на свет божий извлекались все излюбленные приемы: «утечка сведений», «внезапная удача журналиста», «случайная находка секретного документа» неким благородным анонимом, а подчас вполне конкретным лицом и т. д. и т. п.

Каждый день приносил новые сенсационные разоблачения — ими перебивали музыкальные радиопередачи, прерывали показ телевизионных вестернов. Наконец, после того как накал политических страстей достиг своего апогея, всю эту продуманную, направляемую опытными дирижерами пропагандистскую шумиху постепенно спустили «на тормозах». В расследование включились комиссии правительства и конгресса, которые в общем и целом подтвердили то, что уже было общеизвестно, то, что невозможно было замолчать. И тщательно скрыли остальное.

От полного отрицания очевидного всему миру факта до постепенного, но, несомненно, запланированного раскрытия той лишь его стороны, которую задумано было обнародовать, — вот отработанная годами схема «эволюции признаний». Важно создать в первую очередь видимость осуждения и даже раскаяния тех или иных снятых со своих постов должностных лиц, а кроме того, убедить американскую и мировую общественность в отсутствии «осознанной причастности» к тайным операциям высших государственных деятелей страны. Эту схему американские стратеги от пропаганды используют всякий раз, когда в результате появления неопровержимых доказательств дальнейшего утаивание преступных акций США становится бессмысленным, когда возникает необходимость успокоить взбудораженное общественное мнение. Так, например, в предварительном докладе специальной сенатской комиссии, появившемся в результате «скрупулезного и всестороннего изучения» деятельности ЦРУ, превалируют рассуждения, нужные лишь для того, чтобы у читателя не возникла потребность квалифицировать изложенные факты как преступление. Доклад нарочито рассеивает внимание читающего на всевозможных формальных моментах: правильно ли определены инструкциями отношения между чинами администрации США — высшими и низшими, какова степень ответственности президентов и их министров за «крайности» (т. е. террористические акции!), подготовкой и осуществлением которых занят аппарат ЦРУ, и т. д. Один из заключительных разделов доклада начинается весьма назидательно: прибегать в будущем к убийству руководящих деятелей иностранных государств недопустимо. И хотя этот запрет подкреплён обычной высокопарной фразой о «моральных устоях, составляющих основу американского образа жизни», он фактически сводится на нет с помощью дополнений о «ряде практических соображений».

Эти оправдывающие все и вся дополнения занимают немало страниц. Обсуждаются досконально все «за» и «против» убийства — не с точки зрения морали и норм международного права, а именно с точки зрения политической целесообразности: убережешь одного неудобного, а где гарантия, что его место займет нужный человек? Убрали Дьема, а что изменилось в Южном Вьетнаме и чем все кончилось? Отсюда читатель должен сделать вывод: вмешиваться во внутренние дела других стран конечно же можно и должно, но с умом, дабы избежать публичного скандала.

Ни один пункт доклада сенатской комиссии не отрицает того факта, что на протяжении практически всего послево-

енного периода Соединенные Штаты инспирировали заговоры, насаждали военно-фашистские диктатуры, организовывали тайные экономические войны, саботаж, вели подрывную пропаганду. Но авторы доклада, избегая собственных оценок, как бы соглашались с тем, что без применения этих средств нельзя было обеспечить защиту интересов США (т. е. американского империализма. — *Ф. С.*). По их мнению, важно одно — должна быть исключена возможность какой бы то ни было компрометации высокопоставленных лиц, которые определяют политику государства.

Весьма убедительна в этом смысле позиция двух довольно известных лиц — сенатора Метайеса и бывшего директора ЦРУ Хелмса. Их диалог в ходе опроса сенатской комиссией приведен как бы мимоходом, в подстрочном примечании на одной из страниц доклада. Выясняя у бывшего директора ЦРУ степень причастности американских президентов к решениям об убийстве иностранных лидеров, сенатор говорит: «Позвольте мне привести один пример из истории. Когда Томас Бекет * стал такой же помехой, как и Кастро, король произнес: «Кто же избавит меня от этого человека?» — и этим ограничился.

Хелмс не без иронии отвечает: «Это вдохновляющий подход к проблеме». И с удовольствием разъясняет: «...я полагаю, что любому из нас было бы очень трудно обсуждать планы убийства с президентом США. Думается, все мы считаем, что нас наняли для того, чтобы подобные вещи не обсуждались в Овальном зале»⁷.

Сенатору Метайесу, кстати, не было необходимости так далеко ходить за примерами. Ведь менее чем за 10 лет до того, как администрация президента Дж. Форда начала «расследование по делу ЦРУ», незадолго до событий в заливе Кочинос, Роберт Кеннеди, министр юстиции, беседуя с руководителями ЦРУ, высказался вполне «по-королевски»: «Когда же, наконец, вы что-нибудь сделаете с этим Фиделем Кастро?»

Словом, по мнению Хелмса, Центральное разведывательное управление на то и существует, чтобы самостоятельно, на свой страх и риск расхлебывать возможные неприятные последствия провалов. И общий ход расследования это под-

* Английский церковный и политический деятель XII века; архиепископ Кентерберийский. Томас Бекет выступал против политики короля Генриха II Плантагенета, стремившегося к подчинению английской церкви светской власти. По негласному приказу короля в 1170 г. был убит в Кентерберийском соборе четырьмя придворными рыцарями.

тверждает. Ведь осуждена была не сама грязная империалистическая политика, которая неизбежно порождает кризисные ситуации, чреватые серьезными международными осложнениями и даже военными конфликтами, а ошибки исполнителей, не сумевших при осуществлении этой политики сберечь престиж страны и репутацию ее администрации.

С вдохновляющим бывшего шефа ЦРУ «подходом к проблеме» удивительно совпадает мысль, выраженная во вступительной части предварительного доклада комиссии Ф. Черча в следующей достаточно откровенной формуле — «концепция правдоподобного отмежевания». Именно так озаглавлен один из вводных разделов доклада. К этой концепции, которая в дальнейшем была возведена в ранг «доктрины», авторы доклада возвращаются и в заключительной части.

Главная суть так называемой доктрины «правдоподобного отмежевания» — по возможности не оставлять каких бы то ни было подтверждений причастности Соединенных Штатов к тем или иным тайным операциям. Однако, допуская все же вероятность разоблачения отдельных преступных акций, авторы доктрины позаботились о разработке целой системы приемов «правдоподобного отмежевания» администрации США от свершившегося. В частности, один из предложенных приемов маскировки решений, принимаемых представителями Белого дома, заключался в том, чтобы непосредственные исполнители не перегружали их знанием всех деталей и нюансов затеваемых операций.

Итак, три комиссии высшего уровня (одну из них возглавлял сам вице-президент) допросили бывшего президента, вызвали «на ковер» бывших директоров ЦРУ и тогда еще занимавшего этот пост, изучили массу документов. Были опубликованы официальные доклады, в которых прямо или косвенно, безусловно или с витиеватыми оговорками признавалось прямое участие ЦРУ в убийствах иностранных лидеров, в свержении вчерашних американских марионеток, ставших на том или ином этапе неудобными для внешней политики США.

Но сенсационные разоблачения остались без последствий. Итоги расследования злоупотреблений центральной разведки, проведенного комиссиями правительства и конгресса, довольно скоро были преданы забвению. Само ведомство благополучно пережило скандал, сохранив в неприкосновенности — если не сказать больше — право вершить тайные операции.

Все это дает основание сделать вывод о фактическом провале расследования деятельности ЦРУ. Совершенно очевидно, что «оперативность, дальновидность и решительность», кото-

рых, по мнению американской печати, не доставало комиссиям правительства и конгресса, имели определенные, заранее предусмотренные пределы, идти дальше которых было не дозволено. Определенную роль сыграло и само ЦРУ, «стратегия которого была безукоризненной». Любопытно в этом отношении заявление пожелавшего остаться анонимным сотрудника сенатской комиссии Ф. Черча: «Они действительно знали, что делают. Я думаю, что они защищались лучше любого другого ведомства. Для противоборства с нами они образовали какую-то специальную группу. Мне иногда казалось, что они проводят против нас одну из тех операций, которые осуществлялись против иностранных правительств. Это был отдел ЦРУ по конгрессу — такой же, как по Греции или Вьетнаму». Что-то пришлось признать, что-то скрыть, что-то продвинуть в печать, чтобы попутно сбить с толку широкие круги общественности, от чего-то отвлечь внимание. Сами по себе эти факты вызывали интерес, как бы дополняя известное или малоизвестное, удовлетворяя тем самым разожженное прежними публикациями любопытство читателя ко множеству так и не раскрытых государственных тайн. Упомянутый сотрудник рассказал о том, как этому, естественно, неконституционному, никак и никем не узаконенному «отделу ЦРУ по конгрессу» удалось обвести все три комиссии вокруг пальца.

Итак, на поверхности явления Центральное разведывательное управление вновь предстало «невидимым правительством», «государством в государстве», «империей в империи».

Ярким подтверждением этому явился разыгранный администрацией США спектакль, связанный с назначением очередного директора ЦРУ.

Новому американскому президенту было не так-то просто подобрать преемника вместо отправленного в отставку директора центральной разведки Колби. Вынужденный считаться с настроениями общественности страны, вызванными разоблачениями преступных деяний ЦРУ, Дж. Картер предложил на этот пост Теодора Соренсена. Однако эта кандидатура, как можно было понять, не приглянулась военно-промышленному комплексу.

Против назначения Соренсена, который в свое время был советником президента Джона Кеннеди, развернулась шумная кампания. Ее инспирировали круги, которые не могли простить Соренсену его пацифистских взглядов. Одно лишь намерение президента назначить на пост директора ЦРУ Т. Соренсена, утверждавшего, что необходимо предотвратить злоупотребления властью со стороны ЦРУ и разрешить боль-

шую гласность в том, что касается его деятельности, не могло не вызвать у них определенной тревоги.

Соренсен публично высказался за строгий контроль над проведением скрытых операций, создавших ЦРУ зловещую репутацию в мире. Он объявил, что будет добиваться исключения из сферы деятельности центральной разведки таких акций, как покушения на иностранных лидеров, государственные перевороты и т. п. Вполне понятно, что вокруг предстоящего назначения «опасного либерала» шефом главного тайного ведомства разгорелись политические страсти.

Накануне слушаний в комиссии, которая должна была рекомендовать сенату утверждение кандидатуры на пост директора ЦРУ, пошли слухи, что Т. Соренсен, будучи специальным советником президента Дж. Кеннеди, допускал утечку секретной информации, что он после ухода из Белого дома использовал закрытые документы для своих мемуаров. И сблокировавшиеся конгрессмены консервативного толка из обеих партий дружно отклонили сомнительного, с их точки зрения, кандидата.

Словесной шелухи на головы американского обывателя в связи с этим эпизодом было обрушено предостаточно. Однако никто из комментаторов, конечно, «не заметил», как четко был отрежиссирован спектакль. У президента были самые благие намерения, он пытался идти «в ногу» с прогрессивными силами общества, но... Снова таинственная власть, снова всемогущество самоуправляемого ведомства.

В итоге очередным директором ЦРУ стал профессиональный военный адмирал Стэнсфилд Тэрнер, занимавший до 1975 г. пост командующего вторым американским флотом и ударным флотом НАТО на Атлантике, а затем являвшийся главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в южной зоне Европы.

Цели остаются прежними

Президент США Картер, посетивший 18 августа 1978 г. штаб-квартиру ведомства в Лэнгли, в своем выступлении перед сотрудниками ЦРУ поставил задачу всемерной активизации глобальной системы шпионажа, нацеленной в первую очередь против Советского Союза и других социалистических стран. Высоко оценив достижения «разведывательного сообщества», Картер подчеркнул тогда, что «сфера влияния» центральной разведки будет еще более

расширена, с тем чтобы ею были охвачены «все районы земного шара, почти каждая страна мира, включая наших союзников и друзей». При этом в резерве сохраняется, дополнил президента директор ЦРУ, «военизированный потенциал как часть наших возможных тайных операций», пускаемый в ход всякий раз, когда Соединенные Штаты хотят закрепить позиции американских монополий в тех или иных странах, навязать их народам свой диктат. Таковы были в полном смысле слова программные установки, свидетельствовавшие о новых тайных авантюристических замыслах американского империализма, озабоченного решением вопроса, каким путем добиться повышения эффективности деятельности ЦРУ, как лучше приспособить разведывательный аппарат к условиям нового внешнеполитического курса США, направленного на обострение международной обстановки.

О том, как претворялись планы всемерной активизации деятельности ЦРУ, можно судить по многочисленным фактам. В Иране после революции, свергнувшей репрессивный шахский режим и ликвидировавшей засилье американского империализма, делалось все для того, чтобы создать обстановку хаоса и страха. С территории Египта по плану, разработанному в Вашингтоне, началась массированная «радиовойна» против Ирана, прорабатывался и вариант организации военного переворота, подобного осуществленному в 1953 г.

В то же время под предлогом «спасения» сотрудников посольства США, удерживаемых в Тегеране по обвинению в шпионаже, Белый дом, Пентагон и ЦРУ спешно изучали возможности организации прямого вооруженного вторжения, что, в частности, повлекло за собой закончившийся позорным провалом рейд американских командос в Иран в апреле 1980 г. Для реализации своего общего стратегического замысла Соединенные Штаты форсированными темпами стягивали военные силы в район Персидского залива и Индийского океана, объявленный ими зоной «жизненных интересов» США.

Предпринимались также активные попытки к тому, чтобы задушить афганскую революцию, превратить Афганистан в еще один плацдарм реакционных сил, угрожающий как Советскому Союзу, так и свободолюбивым народам Востока. В своих акциях против суверенного и независимого государства — Демократической Республики Афганистан спецслужбы США прибегали и прибегают к несколько обновленной тактике вмешательства: чтобы избежать дипломатических осложнений, интервентам поставлялось оружие без американской маркировки. Задача приобретения различных видов «анонимного» военного снаряжения и снабжения им засылаемых в

Афганистан террористических банд решалась с использованием тайных каналов разведки США. Руководители ЦРУ даже и не скрывали от прессы прямую причастность к сколачиванию формирований интервентов, их специальному обучению и оснащению. В американскую печать просочились, например, сведения о том, что 9 января 1980 г., во время рождественских каникул конгресса, в самом засекреченном из всех помещений сенатского крыла Капитолия — кабинете С-407 — высшие чины Центрального разведывательного управления ознакомили узкую группу специально приглашенных сенаторов со своими планами военизированных операций в Афганистане. Заместитель директора ЦРУ Фрэнк Карлуччи изложил на этом совещании суть секретной программы помощи террористическим бандам, действующим в Афганистане, помощи, которая должна быть существенно расширена. На следующий день Карлуччи проинформировал Белый дом о результатах, и президент Картер подписал документ, положивший начало практическому осуществлению программы.

Снова тайные операции

С приходом к власти в 1981 г. новой администрации американский империализм перешел фактически к «психологической войне» против СССР и других социалистических стран, открыто провозгласил новый «крестовый поход» против коммунизма, расширил борьбу против национально-освободительного движения.

Белый дом уже после принятия упоминавшейся секретной программы публично объявил о намерении увеличить поставки оружия контрреволюционным бандам наемников, засылаемых на афганскую землю для диверсий и убийств. В штате Джорджия созданы военные лагеря, в которых специалисты ЦРУ и Пентагона обучают афганских наемников методам ведения «партизанской войны».

Наращение активности ЦРУ наблюдается и в странах африканского континента, избравших путь самостоятельного развития. Вашингтон открыто предоставляет оружие и щедрую финансовую помощь террористическим бандам группировки УНИТА, сеющим смерть и разрушение на территории Народной Республики Ангола.

В Народной Республике Мозамбик ЦРУ с помощью своих агентов готовило покушение на жизнь президента Саморы

Мойзеса Машела и серию убийств других политических деятелей страны, а также проведение ряда операций по экономической и политической дестабилизации. Спецслужбы США рассчитывали осуществить военный переворот, который обеспечил бы приход к власти марионеточного правительства, послушного американскому капиталу.

Именно на ЦРУ, как показывают последние события, возложена задача подавления методами тайной войны любых форм национально-освободительного движения на африканском континенте и укрепления позиций Соединенных Штатов в международной конкурентной борьбе. Соперничая со своими союзниками в погоне за природными ресурсами, за новыми рынками, американский империализм создает в Африке военные базы и опорные пункты, опутывает страны континента плотной шпионской паутиной. Сейчас там функционирует свыше 40 разведывательных центров, обосновавшихся «под крышей» дипломатических и иных официальных представительств США.

Одной из ключевых целей внешней политики Соединенных Штатов остается сохранение в сфере своего влияния стран Латинской Америки. Интересы американских монополий здесь действительно очень обширны. И администрация США всячески добивается прямого экспорта контрреволюции в страны этого региона, над которыми Соединенные Штаты пытаются удержать политический, экономический и военный контроль. Стремясь любой ценой защитить и укрепить опекаемые США отживающие диктаторские режимы, ЦРУ ради осуществления политики американского империализма пускает в ход самые преступные средства — от фальшивок, шантажа, диверсий и убийств до насильственного свержения законных конституционных правительств.

Характеризуя основные тенденции и направления международного развития, XXV съезд КПСС отмечал, что опыт революционного движения последних лет наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Жизнь со всей убедительностью подтвердила правильность этого вывода.

Именно на насилие, на жестокий террор империалистические круги США делают ныне основную ставку. Так, в частности, обстоит дело в Сальвадоре. При помощи американского оружия, советников из ЦРУ и Пентагона правящие круги США, создавая в этом районе очаг конфронтации международного масштаба, стремятся потопить в крови освободитель-

ное движение, ставшее закономерной реакцией народных масс на систему угнетения и террора.

Масштабы военного вмешательства США во внутренние дела Сальвадора, которому они стараются навязать свое господство, день ото дня растут. С американских военно-морских баз в зоне Панамского канала в страну прибыли «зеленые береты» — специальные военные подразделения США, снискавшие себе зловещую славу массовыми кровавыми расправами с населением во время войны во Вьетнаме. Под их прямым руководством подручные военной хунты проводят карательные операции против сальвадорских патриотов.

Стало известно и о решении руководства ЦРУ активизировать деятельность контрреволюционной эмиграции в Центральной Америке. В этом деле «департамент грязных трюков» опирается на несколько сот своих тайных агентов, подпаторевших на терроре и шпионаже, отлично контактирующих с мафией и наемными убийцами.

В конце 1981 г. был подписан подготовленный в недрах «разведывательного сообщества» президентский исполнительный приказ, предусматривающий отмену ограничений в отношении деятельности ЦРУ и других американских спецслужб внутри и за пределами США. На Центральное разведывательное управление (наряду с тайной охранкой — ФБР) вновь возложены функции слежки за американскими гражданами, допускающей незаконные обыски, применение подслушивающей аппаратуры, перлюстрацию частной корреспонденции, засылку провокаторов в общественные и другие организации с целью сбора «компрометирующего материала». Естественно, напрашиваются аналогии с недоброй памяти комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Во всяком случае, список различных политических организаций и групп, деятельность которых будет рассмотрена «с точки зрения внутренней и национальной безопасности», уже составлен.

Как явствует из сообщения газеты «Нью-Йорк таймс», этим перечень тайных операций ЦРУ, связанных с ведением тотальной слежки за американцами, далеко не исчерпывается. Газета пишет, что к президентскому приказу имеется секретное приложение на 30 страницах.

Согласно свидетельству американской печати, президентский приказ о расширении полномочий ЦРУ и «разведывательного сообщества» в целом практически означает санкционирование возобновления деятельности спецслужб, направленной против инакомыслящих в США, подобной осуществившейся в 1967—1974 гг. операции «Хаос».

В свете нового курса американской администрации, направленного на расширение тайных операций и «внутренних» полномочий Центрального разведывательного управления, фигура его нынешнего директора — миллионера Уильяма Дж. Кейси представляется довольно симптоматичной.

Во время второй мировой войны, работая в аппарате генерала У. Donovan (тогдашнего руководителя Управления стратегических служб) в вашингтонской штаб-квартире управления, Кейси быстро продвигался по служебной лестнице и последние два года войны возглавлял лондонский разведывательный центр УСС. Кроме того, он был начальником разведки театра военных действий у главнокомандующего Д. Эйзенхауэра.

Вскоре после войны, вернувшись в Нью-Йорк, Кейси занялся частной юридической практикой, биржевыми операциями, участвовал в ряде деловых предприятий. В 50-е годы имел уже миллионное состояние, был принят в советы директоров нескольких крупных компаний.

В 1969 г. по его инициативе была учреждена консервативная организация «Гражданский комитет за мир в условиях безопасности», развернувшая в американском конгрессе активную лоббистскую деятельность в целях увеличения военных ассигнований. В 1974 г. Кейси стал президентом Экспортно-импортного банка. Он являлся также членом Президентского консультативного совета по вопросам разведывательной деятельности за границей. В качестве члена правления Атлантического совета США он неоднократно выступал с критикой внешней и военной политики администрации президента Картера, проявлявшего, по его мнению, «излишнюю мягкость» в отношении Советского Союза. О взглядах Кейси говорит и его членство в «Комитете по существующей опасности» — одной из организаций крайне правого толка, наиболее активно выступающей против разрядки.

Сотрудничество Рейгана и Кейси началось в феврале 1980 г., когда во время первичных выборов в штате Нью-Гэмпшир кандидат в президенты заменил им Д. Спёрса на посту руководителя своей предвыборной кампании. Американская печать высказывала мнение, что именно Кейси удалось спасти терпевшую неудачи, как казалось поначалу, кампанию и обеспечить Рейгану победу с подавляющим перевесом голосов. Последовавшее за этим 11 декабря 1980 г. назначение стратега предвыборной кампании директором Центрального разведывательного управления расценивали в США как выражение благодарности Рейгану за одержанный успех.

Несомненно, этот факт имел определенное, но отнюдь не решающее значение. Были и более серьезные мотивы для такого выбора. Во-первых, Кейси выступал как единомышленник нового президента во всем, что касалось существования и круга задач американской разведки в современных условиях. Он, «поборник сильного ЦРУ», решительно настаивал на его укреплении, на расширении полномочий ведомства, на ограничении контроля над ним со стороны конгресса, особенно в проведении тайных операций.

Во-вторых, со времен войны среди профессионалов за Кейси прочно утвердилась репутация отличного знатока службы шпионажа, умелого организатора крупномасштабных тайных операций. И многим было известно о желании Кейси вернуться к своей «первой любви» — разведке.

Замена директора ЦРУ была прямо связана со стремлением новой администрации активизировать деятельность разведки, сделать ее еще более действенным инструментом глобальной стратегии США.

Второй по значению пост в разведывательной системе США — заместителя директора ЦРУ — по рекомендации печально известного сенатора Б. Голдуотера был отдан адмиралу американских военно-морских сил Роберту Инмену, также крупному профессиональному разведчику, специализировавшемуся в области разведки с 1961 г. Он в 1976 — 1977 гг. был заместителем начальника Разведывательного управления министерства обороны и в июле 1977 г. назначен директором Агентства национальной безопасности — того самого «нервного центра», который располагает многочисленным штатом, большим количеством постов радиотехнической разведки, спутников-шпионов и т. п.

Но в конце апреля 1982 г. стало известно, что адмирал Инмен заменен на посту заместителя директора ЦРУ Джоном Макмэхоном, ветераном ЦРУ, проработавшим в нем более 30 лет и имеющим опыт во всех основных областях разведывательной деятельности. Сообщая об этом, газета «Крисчен сайенс монитор» обращала внимание на то, что отставка адмирала Инмена была встречена почти единодушным неодобрением среди экспертов по делам разведки — представителей обеих политических партий в конгрессе.

Касаясь причин перестановки в руководстве ЦРУ, газета со ссылкой на источники, близкие к американскому конгрессу, писала, что Инмен «оказывал умиротворяющее влияние в решении проблем, связанных с гражданскими правами» и даже будто бы выступал против подписанного президентом Р. Рейганом в декабре 1981 г. исполнительного приказа (по

крайне мере, в том виде, в каком он был представлен Белым домом) о расширении полномочий ЦРУ в проведении тайных операций внутри страны и пытался ограничить его применение на практике⁸.

Заместителем директора ЦРУ по оперативной части и главой управления тайных операций был назначен по выбору Кейси и с одобрения президента представитель большого бизнеса из штата Нью-Гэмпшир, также один из активных деятелей предвыборной кампании Рейгана, Макс Хьюджел.

Не успел еще остыть накал страстей, вызванный новой расстановкой сил в американской администрации, как разразился очередной скандал из-за обнаружившихся прошлых махинаций, к которым оказался причастен Макс Хьюджел. Газета «Вашингтон пост» 14 июля 1981 г. сообщила, что Хьюджел, являясь в середине 70-х годов главой нью-йоркской фирмы «Бразерз интернэшнл корпорейшн», прибежал к аферам, чтобы искусственно взвинтить на фондовой бирже курс акций своей компании. Стремясь как можно скорее забыть скандал, Белый дом в считанные часы после опубликования обвинения решил отделаться от Хьюджела. Ему было предложено подать в отставку, что он и сделал. Однако погасить вспыхнувший скандал не удалось. Напротив, он продолжал разрастаться. Под ударом оказался уже сам шеф ЦРУ. Федеральный судья Нью-Йорка вынес определение, в котором говорилось, что Кейси и некоторые другие совладельцы ныне уже не существующей сельскохозяйственной компании в Новом Орлеане обманным путем присвоили 3,5 млн. долл. Чтобы как-то повлиять на решение судебных инстанций, президент Р. Рейган взял Кейси под свою защиту, заявив, что он по-прежнему доверяет ему и считает, что тот «делает прекрасную работу».

В публичных выступлениях и во время бесед с советниками и членами конгресса Р. Рейган, не скрывая своих планов — лучше приспособить разведку (наряду с военной машиной США) к политическим устремлениям агрессивных кругов империализма, выражал пожелание, чтобы ЦРУ «проводило свои операции более решительно».

Не останавливаясь ни перед чем в своем стремлении не допустить дальнейших прогрессивных изменений в мире, наиболее реакционные и воинственные силы американского империализма посредством ЦРУ — послушного исполнителя их воли — пытаются и дальше вершить самые безрассудные и безответственные дела, ведущие к обострению международной напряженности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В послевоенные годы в реализации военно-политической и экономической экспансии американского империализма на международной арене все большее значение стала приобретать разведка, не знавшая в предшествовавшие времена подобных масштабов и вооруженная всей мощью современной техники.

Из анализа предпосылок зарождения ЦРУ, поставленных перед ним правящей верхушкой США задач и его практической деятельности вытекает, что это правительственное ведомство должно было содействовать достижению важнейших стратегических целей американского империализма. Конкретно в эти цели входило предотвратить дальнейшее углубление общего кризиса капитализма и попытаться нанести поражение мировому коммунистическому и национально-освободительному движению, разгромить Советский Союз военными средствами или задушить его экономически и политически методами «холодной войны», сохранить и упрочить позиции Соединенных Штатов в мировом капиталистическом хозяйстве в ущерб интересам их главных империалистических конкурентов и тем самым добиться господства американского монополистического капитала в мировой экономике и политике.

Однако в международной обстановке, сложившейся после победы над гитлеровской Германией и другими государствами фашистской коалиции, решающий вклад в достижение которой внес Советский Союз, осуществление этих стратегических замыслов, особенно в отношении нашей страны и других социалистических государств, агрессивные круги США вынуждены были тщательно маскировать.

Вместе с тем разведка США, и прежде всего ЦРУ, разрабатывает и проводит локальные операции по борьбе с революционным движением в отдельных странах. В ряде случаев решающую роль в подготовке акций ЦРУ играло не только само американское государство, но и непосредственно отдельные транснациональные корпорации. Дестабилизация

экономики и создание политической напряженности, способствующих военным переворотам с целью свержения неугодных Соединенным Штатам правительств, откровенное подстрекательство к заговорам, подбор марионеток для вновь создаваемых послушных Вашингтону реакционных режимов, как правило, осуществляются ЦРУ в самом тесном контакте с монополиями США.

Американские правящие круги всемерно стремятся не допустить контроля конгресса над деятельностью ЦРУ. И это вполне понятно. Ведь тайный характер его действий позволяет главе исполнительной власти США санкционировать даже заведомо преступные акции, предпринимаемые в отношении других стран. Расчет здесь прост: коль скоро вмешательство совершается с помощью скрытого государственного механизма, функционирование которого неподотчетно законодательным органам, президент имеет алиби и в случае необходимости может публично отмежеваться от причастности к действиям ЦРУ. Даже когда ЦРУ оказывается пойманным с поличным, президент может отрицать свою причастность к провалившейся военно-политической аванюре и таким образом избежать нежелательных для главы государства скандальных разоблачений.

Многочисленные провалы операций ЦРУ в условиях углубляющихся кризисных явлений в экономике и политике современного капитализма, последовательного ослабления позиций США в мировом капиталистическом хозяйстве и дальнейшего упрочения на международной арене сил мира, социализма и демократии обусловили в послевоенный период многократные преобразования структуры ЦРУ. Для ее развития на современном этапе стало характерным создание и расширение не свойственных ей ранее функциональных подразделений, имеющих своим прямым назначением всемерное содействие экспансионистской политике американского империализма и крупных национальных корпораций.

В штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, которая, подобно Пентагону в последние годы гигантски разрослась, имеются специальные структурные подразделения не только по регионам, но и по каждой стране мира, не исключая и союзников США по агрессивным блокам. В Центральном разведывательном управлении в дополнение к огромной армии оперативных работников — специалистов по тайным операциям сложилась своеобразная элита, состоящая из высококвалифицированных экономистов, социологов, математиков, психологов. Эти эксперты заняты разработкой и осуществлением системы мер, рассчитанных на обеспечение амери-

канским монополиям «благоприятного климата» для инвестиций американских капиталов за рубежом. Монополии в результате реализации многоцелевых программ ЦРУ получают возможность дополнить традиционную практику своих деловых операций испытанными методами из арсенала тайной войны.

Особенно возросла роль аппарата ЦРУ в экономических исследованиях по различным регионам мира, в которые входят молодые национальные государства, возникшие на обломках колониальных империй. Характерной особенностью последних десятилетий стало осуществление в этих странах программ долгосрочного экономического роста и социального развития, рассчитанных на многие годы вперед. Указанные программы стали объектом тщательного изучения со стороны разведывательных служб империалистических держав, и прежде всего Соединенных Штатов, стремящихся проводить политику неоколонизализма при помощи экспорта капитала.

Оказывая огромные услуги отдельным монополиям в осуществлении их экономической экспансии, аппарат ЦРУ в специфических условиях современного этапа общего кризиса капитализма действует в самом тесном контакте с военными экспертами из Пентагона, особенно в подготовке полувоенных операций. В тех случаях, когда методы тайного пропикновения дополняются открытым насильственным вмешательством Соединенных Штатов во внутренние дела других стран, роль ударной силы для свержения законных правительств отводится наемникам, рекрутируемым из среды контрреволюционной эмиграции и прислужников реакционных режимов, подготавливаемых в специальных лагерях для ведения контрпартизанской войны. Ранее в этой роли, как правило, выступала морская пехота США. Широко практикуемый ныне институт наемничества, опробованный впервые в 1954 г. в Гватемале, являет собой порождение империалистической политики Соединенных Штатов, направленной своим острием против национально-освободительного движения.

В координируемых на высшем уровне планах подрывной деятельности ЦРУ и других органов американской разведки все большее значение отводится дестабилизации экономики стран, избранных в качестве жертвы агрессии. Дестабилизация была ключевым элементом тактики, примененной для свержения правительства Сальвадора Альенде в Чили в 1973 г. К этой же тактике ЦРУ прибегло ранее для того, чтобы добиться устранения правительства Мосаддыка

в Иране в 1953 г. и правительства Арбенса в Гватемале в 1954 г. Как можно было убедиться на рассмотренных примерах, после свержения в этих странах законно избранных правительств транснациональные корпорации быстро восстанавливали утраченные позиции, став фактически хозяевами нефтяных и других важнейших национальных богатств, а на смену устраненным правительствам, как правило, приходили милитаристские, марионеточные, по существу, фашистские режимы.

ЦРУ все шире использует средства массовой информации для организации «психологической войны» и идеологических диверсий в других странах. Везде, где только возникает угроза интересам американского монополистического капитала, ЦРУ с ведома администрации и в тесном контакте с другими правительственными органами США проводит специальные пропагандистские кампании, наклеивая на все оппозиционные движения ярлыки террористических. А когда такие утверждения нельзя подкрепить доказательствами, оно фабрикует нужные «улики».

Основные усилия ЦРУ и всего «разведывательного сообщества» сосредоточены на осуществлении общей антикоммунистической стратегии вашингтонских крестоносцев. Первостепенное значение в этом отношении придается деятельности, направленной против Советского Союза и других стран социализма, на раскол социалистического содружества. Используя малейшие трудности, ЦРУ все эти годы пыталось и пытается дестабилизировать положение в социалистических странах, разрушить или подорвать их политическую и экономическую структуру. При этом в ход пускаются любые, самые грязные приемы и средства, чтобы ослаблять социалистические страны изнутри, провоцировать опасные конфликтные ситуации, создавать условия, которые бы благоприятствовали захвату власти контрреволюционными элементами. Такая практика уже была применена в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии и продолжает осуществляться по сей день. Длительное время реакционные империалистические круги США вынашивают планы реставрации капитализма в Польше. Теперь уже ни для кого не секрет, что контрреволюционный переворот, готовившийся там, организовывался и поддерживался из-за океана. Повышенный интерес американской разведки к этой стране начал проявляться еще в 1945 г. и сопровождался стремлением обеспечить «накопление сил» и создание «опорных пунктов» в расчете на развитие событий в нужном направлении в будущем.

Начиная с 50-х годов Польская Народная Республика в числе других социалистических стран Восточной Европы становится одним из главных объектов планомерной и упорной подрывной деятельности американского империализма. ЦРУ развернуло тогда крупномасштабную операцию под кодовым наименованием «REDSOX—REDCAP», цель которой состояла в том, чтобы расшатать политический строй в Венгрии, Чехословакии и Польше и спровоцировать в них выступления против народной власти. После краха «моделей» контрреволюции в Венгрии и Чехословакии оно начало усиленную подготовку к новым атакам на социалистические государства, чтобы, как об этом говорилось в официальных документах ЦРУ, добиться «разложения социализма изнутри». Польская Народная Республика снова оказалась в центре подрывных действий, которые постепенно принимали форму политических акций и проводились по прямому указанию Белого дома. В идеологическом плане давление на Польшу осуществлялось американской администрацией все эти годы путем предоставления всесторонней помощи и поддержки антисоциалистическим или открыто контрреволюционным группировкам, действия которых разыгрывались по «сценарию», выработанному в недрах ЦРУ и утвержденному президентом США.

Отводя главную роль ЦРУ, Белый дом учредил специальные координирующие центры на правительственном уровне. Была создана «рабочая группа по Польше», функционирующая круглосуточно; ее возглавил Джон Д. Скэнлэн, высокопоставленный сотрудник американской разведки, вот уже многие годы выступающий под личиной кадрового дипломата. По мере развития событий в составе высшей исполнительной власти образуется еще один руководящий орган — «специальная группа» во главе с вице-президентом США и с участием государственного секретаря, министра обороны, директора ЦРУ, председателя комитета начальников штабов, а также представителей Совета национальной безопасности и аппарата Белого дома. Группе отводилась роль своего рода оперативного штаба, призванного обеспечить контроль за разработкой и практическим осуществлением правительственными органами США мер в поддержку контрреволюционных сил в Польше в их борьбе с законной властью.

Планы реставрации враждебных социализму сил были своевременно разгаданы и сорваны. Но хотя попытки подорвать основы социалистического содружества всегда кончались провалом, милитаристские, агрессивные круги

империализма США продолжают рассматривать их как составную часть своей общей стратегии, направленной на достижение доминирующего положения в мире. «События последнего времени,— указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии,— еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно»¹.

В соответствии с общим курсом администрации США Центральное разведывательное управление все более активизирует действия, цель которых нельзя расценить иначе, как преднамеренное снабжение милитаристских, агрессивных кругов страны тенденциозно подобранными и преднамеренно сфальсифицированными разведывательными данными, которые используются для запугивания американской общественности и конгресса «советской военной угрозой». По прямому заказу военно-промышленного комплекса Центральное разведывательное управление и разведка Пентагона завышают оценки военного потенциала Советского Союза и стран социалистического содружества, чтобы оправдать гонку вооружений, накопление оружия чудовищной разрушительной силы, небывалый рост военного бюджета.

Агрессивные круги США, как доказывает весь ход событий последнего времени, не желают замечать исторических перемен на мировой арене, не хотят считаться с реальным соотношением экономических, политических и военных сил между Советским Союзом и другими социалистическими государствами, с одной стороны, и империализмом — с другой. Игнорируя предметные уроки истории, они все еще надеются, что им удастся противостоять объективным законам общественного развития, идти против воли народов, подчинять своему господству другие суверенные государства, диктовать им политику, распоряжаться их природными богатствами. Но соотношение сил на планете неуклонно меняется в ущерб империализму, в пользу мира, демократии, национального освобождения и социализма.

В реализации своей экспансионистской политики американский империализм все большую роль отводит ЦРУ, и оно, не брезгуя самыми коварными средствами и приемами, преданно служит своему хозяину — монополистическому капиталу США. Серьезная опасность, которую представляет для дела мира во всем мире одна из самых преступных организаций нашего времени,— Центральное разведывательное управление США, указывает на необходимость повышения бдительности в отношении его тайных прощков.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ *Truman H. S. Memoirs by Harry S. Truman. New York, 1955, v. 2, p. 57.*
- ² Подробнее см.: *Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1979, с. 55—58.*
- ³ *Pettee G. The Future of American Secret Intelligence. Washington, 1946, p. 3.*
- ⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 20—21.
- ⁵ *Ушаков Г. Тайны Лэнгли. М., 1971; Секреты секретных служб США. М., 1973; ЦРУ глазами американцев. М., 1976; Тарасов К. С. Тайная война империализма США в Латинской Америке. М., 1978; Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1979; Светов Б., Тарин О. Международный терроризм и ЦРУ. М., 1981. Асеевский А. Кто организует и направляет международный терроризм? М., 1982.*

Глава 1

КТО ЕСТЬ КТО В «РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ»

- ¹ Подробнее о нападении японцев на Перл-Харбор см.: Что произошло в Перл-Харборе. Документы о нападении Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. М., 1961; История войны на Тихом океане. М., 1958, т. 3, с. 265—269; *Иноземцев Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; Яковлев Н. Н. Загадка Перл-Харбора. М., 1963.*
- ² *Foreign Affairs, 1969, January, v. 47, N2, p. 283.*
- ³ *Wise D., Ross T. The Invisible Government. New York, 1964, p. 95.*
- ⁴ *Ransom H. The Intelligence Establishment. Cambridge (Mass.), 1970, p. 87.*
- ⁵ *Kent Sh. Strategic Intelligence for American World Policy. Princetown, 1949, p. 9—10.*
- ⁶ *Marchetti V., Marks J. The CIA and the Cult of Intelligence. London, 1974, p. 74.*
- ⁷ *Ibid., p. 79.*
- ⁸ *MacCloskey M. The American Intelligence Community. New York, 1967, p. 57.*
- ⁹ *Washington Post, 1968, February 3.*
- ¹⁰ *Hearings Before the Selected Committee of Government Research of the House of Representatives, 88th Congress, 1st Session, Held in Washington 18—22 November 1965.*
- ¹¹ *Hilsman R. To Move a Nation. New York, 1967, p. 69.*

Глава 2

В УГОДУ АМЕРИКАНСКИМ НЕФТЯНЫМ МОНОПОЛИЯМ. Иран. Август 1953 г.

- ¹ *The Nation, 1961, June 24, p. 549.*
- ² *Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. United States Senate. Washington, 1976, p. 45.*

- ³ Business Week, 1953, September 5; *Pusey M.* Eisenhower the President. New York, 1956, p. 145.
- ⁴ См.: Политика США на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960, с. 187.
- ⁵ Current History, 1956, June, p. 355.
- ⁶ A Report of the History of the Southern Oil Iran Presented by the National Oil Company of Iran. Teheran, 1951, p. 20.
- ⁷ *Eden A.* Full Circle. Boston, 1960, p. 214.
- ⁸ Foreign Relations of the United States. Washington, 1969, v. 7, p. 530—531.
- ⁹ New York Times, 1954, August 6.
- ¹⁰ World Petroleum, 1956, October.

Глава 3

ОПЕРАЦИЯ «ЮНАЙТЕД ФРУТ».

Гватемала. Июнь 1954 г.

- ¹ *Альварадо У.* Раздумья. Избранные статьи и материалы. М., 1979, с. 28.
- ² *Gurtov M.* The United States Against the Third World. New York, 1974, p. 94.
- ³ *Osequeda R.* Operacion Guatemala — «ОК». Mexico, 1955, p. 175.
- ⁴ *Eisenhower D.* The White House Years. Mandate for Change, 1953—1956. London, 1963, p. 420.
- ⁵ *Toriello G.* La Batalla de Guatemala. Mexico, 1956, p. 48.
- ⁶ Congressional Record, vol. 121, Part 24, 94th Congress, 1st Session, 30 October, 1975, p. 31024.
- ⁷ Time, 1954, June 12, p. 30.
- ⁸ *De Abreu Ramos P.* Foster Dulles e a invasao de Guatemala. Sao Paulo, 1958, p. 120—121.
- ⁹ *Szulc T.* Compulsive Spy. New York, 1974, p. 67.
- ¹⁰ St. Louis Post Dispatch, 1954, March 14.
- ¹¹ *Phillips D.* The Night Watch. New York, 1977, p. 34.
- ¹² Ibid., p. 35.
- ¹³ *Eden A.* Full Circle. Boston, 1960, p. 151—153.
- ¹⁴ *Eisenhower D.* Op. cit., p. 424.
- ¹⁵ *Wise D., Ross T.* The Invisible Government. New York, 1964, p. 167.

Глава 4

ОПЕРАЦИЯ «ПЕРЕЛЕТ»

- ¹ *Eisenhower D.* Waging Peace. 1956—1961. New York, 1965, p. 544.
- ² *Powers F. G., Gentry C.* Operation Overflight. The U-2 Spy Pilot Tells His Story For the First Time. New York, 1970.
- ³ Washington Post, 1960, June 7.
- ⁴ См.: Правда, 1960, 8 мая.
- ⁵ Подробнее см.: *Иванян Э. А.* Белый дом: президенты и политика. М., 1979, с. 214—215.
- ⁶ New York Times, 1960, May 10.
- ⁷ *Adams Sh.* Firsthand Report! The Story of the Eisenhower Administration. New York, 1961, p. 456.
- ⁸ New York Times, 1960, May 13.
- ⁹ *Kirkpatrick L.* The Real CIA. New York, 1968, p. 207—208.
- ¹⁰ Им не уйти от ответственности. Факты, разоблачающие вероломную политику правящих кругов США. М., 1960, с. 97—98.
- ¹¹ Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса. М., 1960.

Глава 5

ЦРУ ПРОТИВ КУБЫ: ЦЕПЬ ЗАГОВОРОВ, ПОКУШЕНИЙ И ПРОВОКАЦИЙ

- ¹ *Kirkpatrick L.* The Real CIA. New York, 1968, p. 182.
- ² *Ibid.*, p. 166.
- ³ См.: СССР и Латинская Америка 1917—1967 гг. М., 1967, с. 143.
- ⁴ I съезд Коммунистической партии Кубы. Гавана, 17—22 декабря 1975 г. М., 1976, с. 51.
- ⁵ *Phillips D.* The Night Watch. New York, 1977, p. 91.
- ⁶ *Wyden P.* Bay of Pigs. The Untold Story. New York, 1980, p. 35.
- ⁷ *Johnson H.* The Bay of Pigs. Leader's Story of Brigade 2506. New York, 1964, p. 68, 74.
- ⁸ *Phillips D.* Op. cit., p. 105.
- ⁹ *Schlessinger A.* A Thousand Days. Boston, 1965, p. 271.
- ¹⁰ *Tully A.* CIA — The Inside Story. New York, 1962, p. 265.
- ¹¹ U. S. Congress. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. An Interim Report. 94th Congress, 1st Session, Report N 94—405, November 20, 1975. Washington, 1975, p. 137. Далее: An Interim Report...
- ¹² *Ibid.*, p. 72.
- ¹³ Report to the President by the Commission on CIA Activities within the United States. Washington, June 1975, p. 226.
- ¹⁴ Washington Post, 1976, January 11.
- ¹⁵ *Demaris O.* Dirty Business. New York, 1974, p. 147.
- ¹⁶ An Interim Report..., p. 73.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 75.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 80.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 84.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 86.
- ²¹ *Ibid.*, p. 90.
- ²² *Ibid.*, p. 139.
- ²³ *Ibid.*, p. 141.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 143.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 147.
- ²⁶ Washington Post, 1977, January 9.
- ²⁷ Bohemia, 1982, Marzo 5.
- ²⁸ Новое время, 1981, № 40, с. 30.
- ²⁹ New York Times. 1976, November 15.
- ³⁰ Новое время, 1981, № 40, с. 29.

Глава 6

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ДОМИНИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

- ¹ История дипломатии. М., 1963, т. 2, с. 512.
- ² U. S. Congress. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. An Interim Report. 94th Congress, 1st Session, Report N 94—465, November 20, 1975. Washington, 1975, p. 192.
- ³ *Ibid.*, p. 196.

- ⁴ Gleijeses P. The Dominican Crises. The 1965 Constitutionalist Revolt and American Intervention. Baltimore — London, 1978, p. 292.
- ⁵ См.: Жуков В., Лустов В. «Большая дубинка» над Санто-Доминго. М., 1969, с. 73.

Глава 7 ЗАГОВОР ПРОТИВ ЧИЛИЙСКОГО НАРОДА

- ¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 29—30.
- ² U. S. Congress. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. An Interim Report. Washington, 1975, p. 240.
- ³ Ibid., p. 228.
- ⁴ Newsweek, 1974, September 30.
- ⁵ An Interim Report..., p. 225.
- ⁶ Sampson A. The Sovereign State of ITT. Stein and Day Publishers. London, 1973, p. 19.
- ⁷ Ibid., p. 259.
- ⁸ U. S. Congress. Senate. Commission on Foreign Relations. Subcommittee on Multinational Corporations. Hearings. 93 d Congress. March 20, 21, 22, 27, 28, 29, April 2, 1973. Part 2, p. 608—615.
- ⁹ Ibid., p. 644—648.
- ¹⁰ An Interim Report..., p. 235.
- ¹¹ New York Times, 1974, September 15.
- ¹² An Interim Report..., p. 231.
- ¹³ Латинская Америка, 1978, № 5, с. 204.
- ¹⁴ Manifesto del Partido Comunista de Chile.— Tiempos Neuvas, 1977, N 28, p. 26.
- ¹⁵ Newsweek, 1974, September 23, p. 12.

Глава 8 МИФ О «НЕВИДИМОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ»

- ¹ Congressional Record, vol. 99, Part 7, 83d Congress, 1st Session, 1953, July 20, p. 9184—1985.
- ² Washington Post, 1970, July 26.
- ³ Kirkpatrick L. The Real CIA. New York, 1968, p. 283.
- ⁴ Julien C. L'Empire Americain. Paris, 1968, p. 344, 345.
- ⁵ Лесков М. Что такое ЦРУ? Белград, 1967, с. 19.
- ⁶ Nation, 1972, April 3, p. 430—433.
- ⁷ An Interim Report..., p. 316.
- ⁸ Christian Science Monitor, 1982, April 27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1	
КТО ЕСТЬ КТО В «РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ»	9
Организация разведки США: послевоенные проекты	10
Как формировалось современное ЦРУ	20
«Разведывательное сообщество». Взаимодействие с ЦРУ	30
Глава 2	
В УГОДУ АМЕРИКАНСКИМ НЕФТЯНЫМ МОНОПОЛИЯМ.	
Иран. Август 1953 г.	43
Анатомия заговора	44
У власти генерал Захеда. Последствия переворота	49
Нефтяная подоплека переворота	52
Американские интересы на Ближнем Востоке	60
Кому был на пользу реакционный переворот	62
Глава 3	
ОПЕРАЦИЯ «ЮНАЙТЕД ФРУТ». Гватемала. Июнь 1954 г.	67
Под гнетом «бананового спрута»	68
Победа революции	70
Возникновение «генерального плана»	73
«Решительный момент приближается»	81
Последние приготовления к агрессии	87
Приказ Вашингтона о нападении	90
Отчет в Белом доме	97
Власть военной хунты	99
Глава 4	
ОПЕРАЦИЯ «ПЕРЕЛЕТ»	103
Акция, враждебная делу мира	104
Нити вели к Аллену Даллесу	106
ЦРУ вербует исполнителей	108
Секретная тренировочная база Уотертаун	111
Сверхсекретное подразделение «10—10»	114
«Время готовит нам ловушку»	118
Последний полет Пауэрса	121
Официальный Вашингтон пытается замести следы	124
«Расследование» в американском сенате	127
Судебный процесс в Москве	132
Возвращение в США	135

Глава 5

ЦРУ ПРОТИВ КУБЫ: ЦЕПЬ ЗАГОВОРОВ, ПОКУШЕНИЙ И ПРОВОКАЦИЙ

Начало крушения диктаторского режима	142
Интервенционистские планы американской администрации	148
Операция в заливе Кочинос	156
За кулисами кубинской авантюры	165
«Сначала нас хотели аннексировать, теперь нас хотят отравить»	168
Главарь мафии на службе у ЦРУ	173
«Исполнительная акция»	177
Операция «АМ/ЛАШ»	179
Программа «Мангуста»	183
Новая волна террористических акций	188
Биологическая и метеорологическая война	192
Гибель пассажирского самолета	198

Глава 6

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ДОМИНИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Небольшой экскурс в историю	206
Американская администрация меняет тактику	209
Удар по экспансионистским расчетам США	216
И снова ставка на военный переворот	218
Вооруженное вторжение	224

Глава 7

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЧИЛИЙСКОГО НАРОДА

Победа Народного единства	234
План «Камелот» и подготовка хунты	238
Стратегический план «Кентавр»	243
Роль монополий США	247
План переворота в действии	252
Во власти фашизма	258
Пиночет — желанный союзник Белого дома	273

Глава 8

МИФ О «НЕВИДИМОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ»

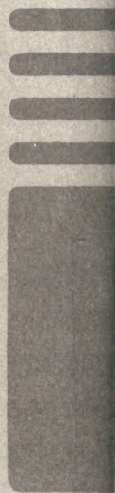
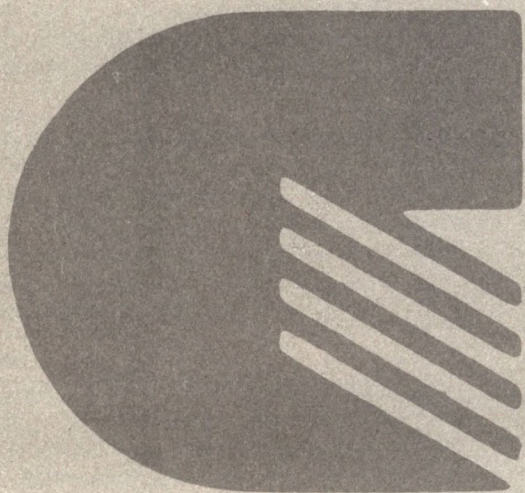
Пределы допустимого контроля	280
За туманной пеленой словопрений	290
Эволюция признаний	295
Цели остаются прежними	301
Снова тайные операции	303
Заключение	309
ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ	315

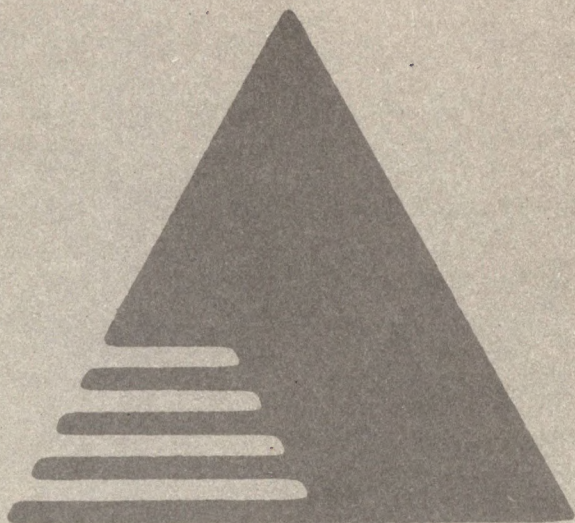
1
2
8
6
5
8
3
7
9
3
8
2
8

05
06
09
16
18
24

233
234
238
243
247
252
258
273

279
280
290
295
301
303
309
315

WATER

COLLAPSE

IN

1900